

ПОЭТЫ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ: АНТОЛОГИЯ

**Омская государственная областная научная библиотека
имени А. С. Пушкина**

Информационно-библиографический отдел

Поэты о Ф. М. Достоевском

(к 200-летию со дня рождения писателя)

АНТОЛОГИЯ

Омск, 2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

Составитель:
Е. И. Каткова

Вступительная статья:
Э. И. Коптева, доктор филологических наук

Ответственный редактор:
А. В. Ремизов, кандидат исторических наук

П 67 **Поэты о Ф. М. Достоевском: антология** / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина; сост. Е. И. Каткова; вступ. ст. Э. И. Коптевой. – Омск, 2022. – 967 с.

В антологию включены произведения авторов XIX – первой четверти XXI вв., преимущественно отечественных. В издании собраны стихотворения, посвящённые Ф. М. Достоевскому, его родственникам, произведениям и персонажам, и памятным местам; с упоминанием его имени, персонажей или произведений; с использованием фраз писателя в качестве эпиграфов; а также реминисценции (какие удалось выявить).

© Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина, 2022

Предисловие

Поэтическая антология, составленная Е. И. Катковой, заведующей сектором краеведческой библиографии Омской ГОНБ им. А. С. Пушкина, собрана по тематическому и хронологическому принципам. Приуроченная к юбилею Ф. М. Достоевского, антология собиралась на протяжении двух десятилетий, в ней отразилось отношение современников и потомков к личности и творчеству великого русского писателя.

Книга позволяет самому широкому кругу читателей – от школьников до критиков и исследователей – создать представление о том, как воспринимались жизнь и творчество Достоевского в национальной и зарубежной традиции в течение двух столетий. Антология представляет отклики на юбилейные даты, биографические события, идейные и художественные построения, связанные с творчеством писателя. Важно, что читатели могут проследить, как изменялось отношение к проблематике произведений Достоевского, какие аспекты творчества автора интересовали поэтов в разные исторические и культурные периоды развития.

Особенно подчеркну, что в антологии представлены тексты как известных авторов (И. Ф. Анненский, В. В. Маяковский, А. А. Ахматова, А. А. Блок, Е. А. Евтушенко, А. С. Кушнер, Л. Н. Мартынов и мн. др.), так и малоизвестных и почти забытых столичных и региональных поэтов. Стихотворения обращаются к художественному и философскому наследию Достоевского, авторы часто вводят прямые цитаты из произведений писателя, вспоминают имена героев романов Достоевского, обсуждают идеи и концепту-

альную основу его произведений, образы-символы, христианскую традицию, отразившиеся в сознании писателя.

Поэты-современники, поэты, считающие себя последователями Достоевского, часто идеализируют образ писателя, рассматривая его в связи с пророческой темой русской литературы. Так, в стихотворении А. Арсеньева «На смерть Ф. М. Достоевского», написанном в год смерти писателя (1881), рождается образ пророка-творца, продолжающего пушкинский путь в русской литературе:

*Тяжёлый для Руси ударил смертный час,
И звук его в сердцах болезненно отдался –
Великий человек безвременно угас,
Великих слов поток безвременно прервался!
Усопший гений наш! В душе своей чистойшей
Христовой правоты учение вместил, –
И низшей братье он, униженной, слабейшей
Глагол святой любви, участия возвестил!*

Метафора «безвременно угас» отсылает к образу из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837), посвящённого А. С. Пушкину: «Угас, как светоч, дивный гений...». Близкий художественный образ встречается в стихотворениях Н. А. Некрасова «Памяти Белинского» (1851–1853): «Кипел, горел – и быстро ты угас!», «Новая утрата» (1856): «Последний друг безвременно зарыт...// Угас, замученный борьбою...», а также в стихотворении «Памяти Добролюбова» (1864): «Какой светильник разума угас! // Какое сердце биться перестало!». Подобные аллюзии позволяют изучать образы, наиболее важные для русской литературы, включая образ творческого дара – огня в осмысление символики духовного пути, определяемого русской литературой. Здесь выдающийся автор, Достоевский, подобно

Пушкину, Лермонтову, Белинскому, Некрасову обозначает вехи национальной традиции, эстетическое и нравственное её содержание.

Духовно-нравственное учение Достоевского, например, выражено в стихотворении Ф. Батюшкова «Подземный гимн»:

*Бичуя порок, и суля наказанья,
Да вечно нам памятны будут слова:
«Простите вы им – бо творят от незнанья,
В отместку за зло – не желайте вы зла...
И все мы должны отвечать друг за друга
И каждый из нас виноват за других,
За гибнущих жертвою злого недуга...
Пусть свет просветленья пролётся для них!»*

Здесь обращение к творчеству Достоевского позволяет переосмыслить библейские заповеди: «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят» [Лк. 23:34], «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» [Мф. 5:38–39]. В основе процитированного стихотворения лежит нравственная аксиома, раскрывшаяся в произведениях писателя, – «каждый из нас виноват за других», выраженная в романе Достоевского «Братья Карамазовы», например, в речи Маркела: «...знай, что воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват. Не знаю я, как истолковать тебе это, но чувствую, что это так до мучения».

Итак, антология позволяет вести открытый диалог с литературным прошлым и настоящим. Для поэтов конца XX – начала XXI вв. скорее свойственно введение скрытых или изменённых цитат, отсылающих к творчеству Достоевского:

*Да как же любить их – таких неумытых,
Да бытом пробитых, да потом пропитых?
Да ладно там – друга, начальство, коллегу,
Ну ладно, случайно утешить калеку,
Дать всем, кто рискнул попросить.
А как всю округу – чужих, неизвестных,
Да так – как подругу, как дочь, как невесту?
Да как же, позвольте спросить?*

(А. Башлачёв, «Тесто», 1986).

Современного человека продолжают тревожить вечные темы, вечные истины, проблема нравственного выбора. Процитированные строчки отсылают к одной из Библейских заповедей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22: 37–40]. В данном контексте автор стихотворения переосмысляет христианскую заповедь, отсылая к протесту Ивана Карамазова о невозможности соблюсти это нравственное правило: «... я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних». Автор стихотворения оставляет вопрос выбора открытым, обращаясь к своим слушателям, полемизируя с героями Достоевского, со своими современниками, с самой собой.

Важнейшей для поэтов современной традиции остаётся и тема Петербурга, по словам Достоевского, самого фантастического из всех фантастических городов, Петербурга, связанного с мучениями Раскольникова и Сонечки, «бедных людей», «униженных и оскорблённых». Аллюзии сталкивают образы Петербурга из произведений Пушкина, Достоевского, Блока, Мандельштама, Гумилёва.

Обращает на себя внимание жанровое разнообразие текстов, входящих в антологию: читатель увидит элегиче-

ское и трагическое осмысление жизни писателя, полемику, диалог и даже пародию. В любом случае антология представляет два века развития русской поэзии, от реализма до постмодернизма и концептуализма.

Очевидно, что при обращении читателя к антологии появится множество вопросов: как растолковать значение метафор? как уловить смысл культурной традиции? наконец, как увидеть изменение отношения к героям, идеям, произведениям Достоевского? Стихотворения, собранные в антологии, подтолкнут вдумчивого читателя к собственному поиску, расширению своего кругозора, собственному исследованию, осознанию, что же означает творчество Достоевского, что оно позволяет понять нам сегодня.

*Э. И. Коптева,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой литературы и культурологии
Омского государственного педагогического университета*

От составителя

Во многих отношениях Достоевский был первым нашим писателем, доверявшим интуиции языка больше, чем своей собственной... Он обращался с языком не столько как романист, сколько как поэт.

И. Бродский

В 2021 г. исполняется 200 лет со дня рождения великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского. К этому крупному юбилею Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина подготовила антологию поэтических произведений, посвящённых Ф. М. Достоевскому. Работа по поиску стихотворений целенаправленно началась в юбилейном 2001 г., когда была составлена небольшая подборка для сборника «Ф. М. Достоевский и душа Омска» (Омск, 2001). Фрагмент будущей антологии оказал помощь учителям, библиотекарям, филологам в их просветительской деятельности: при подготовке к урокам, оформлении выставок, разработке сценариев о писателе. Позже следующие части антологии вошли в сборник «Ф. М. Достоевский и философская культура русской классики» (Омск, 2018) и альбом «Омское пространство Достоевского» (Омск, 2020).

Для антологии были просмотрены следующие источники: персональные ретроспективные и текущие указатели о Ф. М. Достоевском, прикнижные и пристатейные списки литературы, многотомный указатель «Русские советские

писатели. Поэты» (с 1994 г. – «Русские писатели. Поэты. Советский период»), монографические и энциклопедические издания типа «Достоевский: материалы и исследования», «Достоевский: энциклопедия»; материалы научных конференций и чтений о Ф. М. Достоевском, а также разнообразные интернет-ресурсы. Наряду с этим *de visu* просматривались поступившие в фонд Омской ГОНБ им. А. С. Пушкина все литературно-художественные и филологические журналы и, по мере возможности, сборники, отдельные издания, собрания сочинений поэтов.

Методика отбора: поскольку интерес представляют любые упоминания по теме «Поэты о Ф. М. Достоевском», то в антологию включены стихотворения, посвящённые писателю и его родственникам, произведениям и персонажам, а также памятным местам; с упоминанием его имени, персонажей или произведений; с использованием его фраз в качестве эпитафий; реминисценции (какие удалось выявить).

Антология состоит из четырёх разделов: «Стихи современников Ф. М. Достоевского (1846–1881)», «Стихи поэтов конца XIX – первой четверти XX в.», «Стихи поэтов 1930-х – 2021 гг.» (в нём особо выделен подраздел «Стихи омских авторов») и «Неявные реминисценции на творчество Ф. М. Достоевского», сопровождаемый поясняющими комментариями. Внутри разделов материал расположен в алфавите авторов. О каждом поэте приводятся краткие сведения. После каждого поэтического произведения указан источник его цитирования; к стихам современников Ф. М. Достоевского добавляются сведения о первой публикации. Для удобства читателей антология снабжена именованным указателем, в котором рядом с фамилией автора указываются страницы, где приводятся его стихи. В конце издания дана «Библиография публикаций».

В мире существует традиция составления поэтических венков выдающимся писателям и поэтам, в России, например, в А. С. Пушкину Ф. И. Тютчеву, Н. А. Некрасову, М. Ю. Лермонтову, А. П. Чехову и многим другим. Но в этом перечне нет имени Фёдора Михайловича. Таким образом, первая в мире поэтическая антология о Ф. М. Достоевском составлена в Омске.

Антология предназначена для филологов, педагогов, музейных и библиотечных работников, а также для всех любителей творчества великого русского писателя Ф. М. Достоевского.

СТИХИ
современников
Достоевского
(1846–1881)

Александр Арсеньев

*Арсеньев Александр Васильевич (1854–1896),
писатель, сотрудник детских и исторических журналов.*

На смерть Ф. М. Достоевского

Тяжёлый для Руси ударил смертный час,
И звук его в сердцах болезненно отдался –
Великий человек безвременно угас,
Великих слов поток безвременно прервался!

Усопший гений наш! В душе своей чистейшей
Христовой правоты учение вместил, –
И низшей братье он, униженной, слабейшей
Глагол святой любви, участия возвестил!

Чьё сердце, как его, любовью к ближним билось?
Кто мог, как он, сердца на путь добра увлечь?
Пред кем так, как пред ним, всё низкое таилось,
Почуяв слов его разящий, острый меч!..

Что нас собрало здесь, пред вырытой могилой,
Пред прахом дорогим?.. О, братья! этот час
Воочью показал с неотразимой силой,
Что теплится любви святой огонь у нас,

Что не померк в душе, среди житейской смуты,
Тот светоч правоты, что в ней зажёт сам Бог!..
О, братья! Велика торжественность минуты!..
А вызвать этот свет – лишь Достоевский мог!..

Раздвиньтесь гробы, отмеченные славой,
Примите новый гроб в свой неподвижный ряд,
В ваш тихий сон пришёл наш гений величавый,
К кому сердца всех нас любовью горят.

Усни же, гений наш! Не зависть здесь тебя,
А чистая любовь сердечная хоронит!..
Отсюда всяк пойдёт, в душе своей скорбя,
А здесь на прах слезу горячую уронит!..

Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – Санкт-Петербург, 1883. – С. 97 (3-я паг.).

Впервые опубликовано: Игрушечка. – 1881 – № 6.

Агафангел Архипов

*Ахипов Агафангел,
современник Ф. М. Достоевского,
житель г. Киева.*

Ф. М. Достоевскому

(многоуважаемому автору «Дневника писателя»)

Всюду – грустные картины:
Поникая головой,
Тщетно ищем мы причины –
Отчего наш край родной,
Русский край патриархальный –
Эпопейный, идеальный,
Отчего он так упал...
Обносился, обветшал?

.....

В деревнях везде тоскливо:
Голод песен не поёт...
Только вот он торопливо
В кабачок мужик идёт...
Там веселье разливное:
Молодецкое, хмельное,
Хлещет шумно, через край...
Вот он где заветный рай!

Русская литература. – 1976. – № 3. – С. 134.

Фёдор Батюшков

*Батюшков Фёдор Дмитриевич (1857–1920),
журналист, литературный и театральный критик,
историк литературы.*

Подземный гимн
(«Братья Карамазовы»)

Из мрака, из гнёта, из недр изгнания
Хвала Тебе, свет проливающий нам!
В торжественный гимн – пусть сольются рыдания,
И громко возносится он к небесам:
Да светит нам солнце любви,
Пусть правда царит на земли!
Не страшны нам цепи, людские гоненья,
Не страшны – невзгоды, нужда, нищета,
Исполнится в бедствии сердце смирения,
В несчастье умолкнет гордынь, суета.
Вновь, чистые сердцем, обрящем мы веру
И светоч любви нас с судьбой примирит;
Познаем мы счастье – не сон, не химеру:
Насилье глас истины не заглушит!
Да светит нам солнце любви,
Пусть правда царит на земли!
Иное нас рабство безумья пугает,
То рабство греха, своеволия страстей, –
Тщеславием в душу соблазн проникает,
И в мрак погружает невинных людей...
В разладе с собою, в тревоге сомнений,
В борьбе постоянной, без силы живой
Блуждаем впотьмах на пути искушений...

Даруй нам в бессильи луч веры живой!
Да светит нам солнце любви,
Пусть Правда царит на земли!
Бичуя порок, и суля наказанья,
Да вечно нам памятни будут слова:
«Простите вы им – бо творят от незнания,
В отместку за зло – не желайте вы зла...
И все мы должны отвечать друг за друга
И каждый из нас виноват за других,
За гибнущих жертвою злого недуга...
Пусть свет просветленья прольётся для них!»
Да светит нам солнце любви,
Пусть правда царит на земли!
Блажен тот избранник, кто чуткий к страданью,
Нам слово прощенья и веры вещал;
Кто смело шёл к истине; верный призванью
Заветные струны в сердцах пробуждал.
Из гроба, из праха глагол его встанет,
Изменчивость он пересилит молвы
И вечно живым нам вещать не престанет
Добру научая нас, правде, любви.

Достоевский: материалы и исследования. – Санкт-Петербург, 2001.–
Т. 16. – С. 353–354. – Первая публ.

Фёдор Берг

*Берг Фёдор Николаевич (1839–1909),
поэт, прозаик.*

В поле

Ф. М. Достоевскому

Дай тебе боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Как эти сёла, как эти поля
Крепко сроднились со мною!
Чудное утро за ночью дождливою:
Серая тень переходит за нивою,
Тучки плывут в синеве,
И широко по траве
Тянется ветер струёй благовонною
В рощу зелёную,
Дождиком свежим омытую,
Солнечным светом залитую.
Дай тебе боже, родная земля,
Дождичка, вёдра в поля,
И сохрани их от града, от голода,
Жара сухого да позднего холода!
Бог вам на помощь, христовы работнички!
Глубже вам вспахать пашенку чёрную,
Шире косою размахнуться проворною –
Будет большой урожай,
Град не побьёт, саранча не напустится...
Как всё кругом зацветёт да распустится –
Знай увози-собирай!
В полдень ли жаркий, полуночью ль тихую
Мёдом потянет от кашки с гречихою,

Станут хлеба что стена,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухие на солнышко жаркое
И зашумят, как волна.
Песни по сёлам споются весёлые,
Стоном застонут телеги тяжёлые –
Горы снопов повезут.
Всё, чем поля за труды ни поплотятся,
Всё на току на сухом умолотится,
Всё в закрома покладут.
Дай тебе боже, родная земля,
Мудрых вождей и великих,
Чтобы не слышали эти поля
Криков проклятия диких,
Чтоб не лилась неповинная кровь,
Слёз неутешных не лилось –
Чтоб вековечно святая любовь
В грешных сердцах воцарилась!

Лирикон: сборник русской поэзии: сайт. – Текст электронный. –
URL: <http://liricon.ru/v-pole.html> (дата обращения: 15.01.2018).
Впервые опубликовано: *Время*. – 1862. – № 9. – С. 178–179.

Александр Боровиковский

*Боровиковский Александр Львович (1844–1905),
юрист, тайный советник, учёный и поэт.*

31-е января 1881 года

Детям

Толпа идет, идёт... Уж те давно прошли,
А эти всё идут... И там идут, взгляни ты...
Венки... Ещё венки... А сколько пронесли,
И каждый с надписью, цветами перевиты!
Смотри, дитя моё, – печаль и торжество!
Хоронит в этот день – и празднует столица!
Ты знай: в истории народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.
А тридцать лет назад, в начале жизни, он,
Чей гроб теперь несут, усыпанный цветами, –
Он шёл закованный и тяжкий сердца стон
Старался заглушить, бряцая кандалами.
Потом, дитя моё, поймёшь ты смысл того,
Что говорю тебе пока одним намёком...
Но цепи и – цветы! Для сердца твоего
И это уж звучит внушительным уроком.
Он в «мёртвом доме» жил. Там люди заперты
От жизни, от надежд, заброшен ключ от двери...
И там среди цепей он отыскал цветы
В сердцах людей, людьми отвергнутых, как звери.
Внимали с трепетом его рассказам мы...
Пусть узники его приветствуют как брата!
Вот – «от суда» венки... А где же от тюрьмы?

Где ты, венок из слёз и вздохов каземата?
И властным голосом твердил он вновь и вновь
Счастливым – о судьбе униженных, несчастных!
О чём ни говорил, к ним призывал любовь
В речах то горестных, то вдохновенно-страстных.
Когда же начинал о детях он рассказ,
О бедных, сиротах, – какой тоской сердечной
Звучала речь его! Какую всякий раз
Он вдохновлялся к ним любовью бесконечной!
Я не могу без слёз страницы те читать,
И если плакал я, то что же будет с вами?
Вы, чистые сердца, вы будете рыдать –
Рыдать от всей души – хорошими слезами!
Судом истории свергались алтари,
Судились гении... Ты будь правдив, историк:
Какой найдёшь в нём грех, всю правду говори,
Хотя бы труд твой был и тягостен, и горек...
Но, совершая суд, напомни громко нам
Те вдохновенные, возвышенные строки,
Откуда черпали мы все – и ты, ты сам –
Любви, прощенья великие уроки!

Русская поэзия: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://russian-poetry.ru/PoetF.php?PoetId=276> (дата обращения: 16.01.2018).

Впервые опубликовано: *Русская мысль*. 1882. – № 2. – С. 1–2.

Виктор Буренин

*Буренин Виктор Петрович (1841–1926),
критик, поэт, прозаик.*

**Видения редакторов
из поэмы «Ерундиада, или Начало конца»
В редакции «Эпохи»**

Ав[еркье]в молодой, Косица, Страхов, сам
Фита Д[остое]вский, предавшись страстным снам,
Лежат; и грёзы их смущают безобразны:
Сей бьёт профессоров; а те парят к звездам
Или на Щедрина сатиры пишут разны.

Но даже и во сне, но даже и в мечтах
Сих сочинителей смущает тайный страх,
Чтоб не провраться им; и, больше всех напуган,
Н. С[трахо]в вопиет в бреду: «О, Фейербах,
Будь ты анафема!» и «Пушкин наш обруган!»

Из уст Ав[еркье]ва (сей отрок очень млад,
Но смело с старцами в единый станет ряд:
С самим Булгариным стремленьями он сроден)
На Костомарова проклятия летят,
И в грёзах к персям он прижал тебя, П[огоди]н!

Фита Д[остое]вский богиню «почвы» зрит,
Приявшу на себя весьма волшебный вид,
Не то Скавронского, младого романиста,
Не то Григорьева (того, что норовит,
Раз написав статью, перепечатать – триста).

И Д[остое]вскому богини слышен глас:
«Я «почва», ни для чьих невидна глаз,
Тебе лишь зримая и мудрому Косице;
Сумбуром обо мне благославляю вас
«Эпохи» наполнять пространные страницы!

Но, чтоб приятства был сумбур мой не лишён,
Следи внимательно московский камертон
В Эпохе столь сомнительной и странной...»
Здесь Д[остое]вского прервался странный сон,
И «почвы» лик исчез пред ним в глади туманной.

И вспрынул с ложа он, и, дико взор открыв,
Вскричал, волнения не удержав порыв:
«О, «почва» милая! Куда же ты девалась?»
Но тьмой дышала ночь, и на его призыв
Одно сотрудников храпенье раздавалось...

«Жил на свете таракан ...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей.
«Витязь горестной фигуры ...»: Достоевский в стихах современников. –
Москва: Бослен, 2017. – С. 112.

Впервые опубликовано: Искра. – 1864. – 25 авг. (№ 32). – С. 424.

У гроба Ф. М. Достоевского

Усопший брат! Тебя могила
Навек, навек от нас взяла...
Угасла страстной мысли сила,
Что в сердце пламенном жила,
В нас чувства светлые будила
И мукой состраданья жгла.

Не бьётся больше сердце это,
Что было с юных дней согрето
Любовью жаркой и святой
К несчастным, жизнью обделённым,
К униженным и оскорблённым,
К забитым горькой нищетой.

Рукою смерти нещадающей
Замкнуты вещие уста,
Откуда рвался крик скорбящий
О язвах родины болящей,
Призыв её на путь Христа
С пути неправды настоящей!

Усопший брат! Ты сам страдал,
Ты перенёс все боли века
И в нас недаром возбуждал
Святую скорбь за человека:
Проникновенный твой глагол,
Дышавший к ближнему с любовью,
Был сердца раненного кровью –
И кровью той же ты прошёл.

<...>

Достоевский, – хвала богам!
Своим протеевским талантом,
Нанёс удар всем свистунам
И всем табачным фабрикантам.

<...>

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 1. – С. 389.

Сцены из комедии «Литературный маскарад» («Достоевский, – хвала богам!..») впервые опубликованы: *Искра*. – 1863. – № 1 (7). – Подпись: *Вл. Монументов*.

Драматические сцены по поводу выхода «Современника»
В Петербурге

*Невский проспект. Сходятся: М. Достоевский,
Громека и Краевский; у каждого «Современник».*

Достоевский
Появился!

Громека
Вот он!

Краевский
Эка
Толщина-то, толщина!

Громека
Да... а кто ж, как не Громека,
Разрешению – вина?
В прошлой «хронике» я смело
Стал начальству объяснять,
Что теперь пора приспела
Нигилистам волю дать.

Достоевский (язвительно)
Ну, почтеннейший мой, смею
Объяснить вам, на свою
Написали вы на шею
Эту мудрую статью!
Вот уж с ними солидарность
Вы иметь бы не должны:
Посмотрите, в благодарность
Что вам пишут «свистуны».
(Показывает ему какую-то статью.)

Громека
Что? невежда я и школьник?!
(*Громовым голосом.*)
Ну так слушай, Невский град:
«Современник» есть крамольник!
Нигилизм – ужасный яд!

Достоевский (Краевскому)
А меня на «почве» милой
Оскандалили!

Краевский (меланхолично)
Грущу...

Достоевский
Ну, да я сберуся с силой:
Купно с Фёдором отмщу
Иль Косицу напущу!

Голоса благонамеренных из атмосферы
Сей журнал – исчадьё мрака!
В нём хозяин – сатана!

Краевский
Так, друзья мои; однако
Толщина-то, толщина!

Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 2. – С. 316–319.
Впервые опубликовано: *Современник*. – 1863. – № 4. – С. 82–84. – Подпись:
Вл. Монументов.

Пётр Быков

*Быков Пётр Васильевич (1844–1930),
поэт, прозаик,
историк литературы, библиограф.*

Любя глубоко правды свет, –
Ты сам был свет нам, наша сила! –
Неволя дни твои сломила –
Прими ж прощальный наш привет:
«Пусть даст тебе покой могила».

Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского.
– Санкт-Петербург, 1883. – С. 98 (3-я паг.).

Пётр Вейнберг

*Вейнберг Пётр Исаевич (1831–1908),
поэт, переводчик,
историк литературы.*

Стасюлевич, Плещеев, Спасович
И Полонский Иаков Петрович,
Достоевский и Бутлеров – вот комитет,
Идеальней которого нет!

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 3. – С. 237.

Впервые опубликовано: Литературное наследство. – Москва, 1973. – Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. – С. 462.

Вячеслав Гайдебуров

*Гайдебуров Вячеслав Александрович (1850–1894),
поэт, публицист, литературный критик,
сотрудник газеты «Неделя».*

На могилу Ф. М. Достоевского

От редакции «Недели»

Ни холод севера, ни бремя кандалов,
Ни труд тяжёлый не по силе,
Ни гнёт страдальческих годов
Его души не очерствили.

Он в узах был душой свободен,
Он сохранил сердечный жар,
И был велик и благороден
Его прекрасный, чудный дар...

Пускай враги жестокою рукой
Венец с главы его срывают,
Пусть ложные друзья нечистою хвалой
Его прекрасный образ оскверняют! –

Мы знать их не хотим! До них нам дела нет!
Мы знаем лишь его великий гений;
Пред ним склоняем мы колени,
Ему несём горячий наш привет.

Не раз бедняк, судьбою обойдённый,
В нём ободренье почерпал,
И, думая о нём, свободнее дышал
Униженный и оскорблённый...

И если есть ещё на свете право, –
Да будет свят нам этот прах,
И если дорога для нас родная слава, –
Да будет это имя на устах!

Среди борьбы, среди времён обломков
Оно нетронутым пройдёт из века в век,
И будет приговор о нём потомков:
Се человек!

Неделя. – 1881. – 8 февр. – С. 194. – Без подписи. Авторство уточнено по: Трофимов И. Стихи о великом писателе // Старорусская правда. – 1991. – 25 мая.

Николай Голицын

Голицын Николай Николаевич (1836–1893),
князь, действительный статский советник,
историк и библиограф.

**О чём с грустью размышляет великий поэт
в памятнике Пушкина**

Ежели Достоевскому как пророку
соорудят памятник из мрамора,
Да ещё и господину Каткову, публицисту,
бичевателю сего мира,
а там и философу Леонтьеву,
автору мудрых колонок из «Дневника»,
ежели эта троица в свой черёд
обретёт свои памятники –
к тому же в Москве?! –
то, милостивица Муза,
сие не придётся мне (великому Пушкину)
«по ндраву»!

Перевод с немецкого Ю. И. Архипова

В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: материалы неизд. кн. «Литературные изгнанники», переписка, неопубл. тексты, ст. о К. Н. Леонтьеве, коммент. – Санкт-Петербург: Росток, 2014. – С. 420–421.

Впервые опубликовано на нем. яз.: Варшавский дневник. – 1880. – 28 апр. – С. 4.

Гавриил Жулёв

*Жулёв Гавриил Николаевич (1834–1878),
поэт, драматург, актёр.*

Ода старца Макара

Охо, хо, довольно шишек
Навалилось мне на плешь:
От нахальнейших мальчишек,
От журнальных свистунишек...
Где-же истина-то, где ж?

Гаснет истины светильник.
Дело, маточки, ведь срам!..
Эх, когда бы подзатыльник
Дал Степановский «Будильник»
Этим резвым свистунам!

С достодолжным, этак, жаром
Он на них бы крикнул: цыц!
Вы должны пред этим старым,
Многоопытным Макаром
В умильенье падать ниц!..

Ниц за то, что он фатально,
Свистунишкам на беду,
Горячо, национально,
Нёс всегда оригинально,
Самобытно ерунду...

Не был он жрецом Ваала,
Никого не осуждал
И хоть вздору нёс немало, –
Но любил Русь до отвала
И народность уважал!..

А у вас что? – ссоры, драки...
Охохонюшки, тоска!
Проповедуя лишь враки,
В «направлениях» как раки
Расползлись вы из кулька!

Гаснет истины светильник,
Дело, маточки, ведь срам!..
Эх, когда бы подзатыльник
Дал Степановский «Будильник»
Этим резвым свистунам!

«Жил на свете таракан ...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей.
«Витязь горестной фигуры ...»: Достоевский в стихах современников. –
Москва: Бослен, 2017. – С. 115–116.

Впервые опубликовано: Будильник. – 1865. – 15 янв. (№ 5).

Максим Карасёв

*Карасёв Максим Васильевич,
крестьянин, современник Ф. М. Достоевского.*

Почий на лоне Авраама замечательный писатель.
Ты был за обиженных великий воздыхатель,
За которых ты неустанно писал и ратовал,
Потому что сам за правду в изгнание живал.
Сам испытавший великие беды и нужды,
На пользу которых всю свою жизнь посвятил
И на этом славном деле земное поприще прекратил.
Твоя жизнь полна благих дел,
Хотя перешла она земной предел,
Но добрые дела твои никогда не умрут:
Они на гробе твоём зазеленеют и зацветут.

«Жил на свете таракан ...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей.
«Витязь горестной фигуры ...»: Достоевский в стихах современников. –
Москва: Бослен, 2017. – С. 168.
*Впервые опубликовано: Санкт-Петербургские ведомости. – 1881. –
2 февр. (№ 32).*

Всеволод Крестовский

*Крестовский Всеволод Владимирович (1839–1895),
писатель, переводчик, журналист.*

Достоевскому

Милый Фёдор свет Михалыч,
Говорят, вы написали
Итальянские мотивы
И в Москве их потеряли.
Понатужьтесь хорошенько –
Хоть натужиться и тяжко –
И, припомнив всё до слова,
Запишите на бумажку.

Записав же всё до слова,
Вы в пакетец уложите
И в одиннадцатой роте
В дом Крестовской отошлите,

Чтоб в «Осе» найти их тотчас,
Меж весёленьких статей,
Где разменян стих ваш каждый
Будет на тридцать копеек.

Пожелав засим возврата
Вам потери той московской,
Честь имею оставаться
Весь ваш
Всеволод Крестовский.

1863

«Жил на свете таракан ...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей.
«Витязь горестной фигуры ...»: Достоевский в стихах современников. –
Москва: Бослен, 2017. – С. 105.

Впервые опубликовано: Достоевский: материалы и исследования. – Ленинград, 1991. – Т. 9. – С. 279.

Г. Крестовский

*Крестовский Г., современник Ф. М. Достоевского
из г. Нежина.*

**Эпиграф к «Дневнику писателя»
Ф. М. Достоевского**

Чего-то хочется, чего-то больно жаль;
В уме мерещится какой-то идеал;
За роем рой летят, как пчёлы или осы,
Противоречия и злые парадоксы.
Нельзя не порицать, нельзя и не хвалить,
И в изумлении приходится спросить:
Чего тут более – возвышенного чувства,
Или – прикинуться великого искусства?!
1876

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. –
Санкт-Петербург, 1999. – Т. 3. – С. 88.

Василий Курочкин

Курочкин Василий Степанович (1831–1875),
поэт, переводчик, журналист.

**«Ванна из «Почвы»,
или Галлюцинации М. М. Достоевского.
«Фантастическая сцена»**

Слушай притчу, Достоевский:
Жаба некогда была
И, в трясине сидя Невской,
Увидала раз вола.

Загорелось у жабы
Самолюбие, – и она
Говорит: и я могла бы
Быть, как этот вол, тучна.

Жаба дулась, надувалась,
И вдруг лопнула она,
И от жабы лишь осталась
Почва, так сказать одна!

Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энцикл. слов. –
Санкт-Петербург, 2001. – Т. 1. – С. 453.

Впервые опубликован: Искра. – 1863. – № 7.

Два скандала

(сцена из комедии «Горе от ума», разыгранная в 1862 году)
(Действие в Петербурге)

<...>

Хлестова (отдаёт ей ридикюль)
На, возьми. Бог милости прислал.
Какое, матушка, здоровы!
Последний час пришёл, последний век настал!
Нет страха божьего... обрезаны доходы...
Дороговизна – страсть... весь свет пошёл вверх дном,
Всё новые пошли, вишь, моды!
Недавно... Голова, мой друг, идёт кругом...
Графиня, матушка, послушайте-ка тоже...
Недавно... Господи! Ни на что не похоже!
Молчалин, видите, привез ко мне билет
На чтение... Как его?.. Ну вот, что нынче в моде...
Ли-те-ра-тур-ное...

Графиня-бабушка
Вы ездили в балет?

Графиня-внучка
Grand'mere, {*} совсем не то.
{* Бабушка (франц.). - Ред.}

Хлестова
Совсем не то, мой свет.
Нет, это зрелище совсем в особом роде,
И говорить-то даже грех!

Тут... я вам расскажу... выходят вольнодумцы,
Читают – кто про что... один кричал: безумцы!
Ей-богу! Обозвал безумцами нас всех.
Другой... другого-то и слушать я не стала...
Но хлопали – чуть-чуть не обвалилась зала...
Другой расписывал какой-то мёртвый дом,
Про каторжников всё... ну просто стыд стыдом!
Я с Надей Хворовой насилиу усидела...

Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 1. – С. 128–129.

Поэма впервые опубликована: Искра. – 1862. – № 11.

Предвещание на 1865 год

Оставив оханья и вздохи,
Начнём жить мирно, без забот –
«Заправский» календарь «Эпохи»
Сулит нам счастье круглый год.
Пускай дни пасмурны, ненастны
(Приметы правду говорят), –
Не нынче – завтра будут ясны!
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче – с будущего года
Наступит наконец для всех
Всегда хорошая погода,
Всего хорошего успех.
Уж это время близко... близко...
Уж всё идет на новый лад...
Уж на «Эпоху» есть подписка –
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче – завтра все народы
Забудут разницу племён
И развернутся в хороводы
Из боевых своих колонн.
Любовь смешает все знамёна
Канкан танцующих солдат, –
Уж есть программа – Сан-Леона...
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче – завтра, с новым годом
Произойдёт у всех в глазах

Сближенье общества с народом –
В банкетных спичах и речах.
И сколько будет нежных слитий,
Демократических тирад –
В местах «продажи разных питей».
Стрижи мелькают и звенят.

Во всех избушках самовары
Вознаградят крестьянский труд;
На иностранные товары
Внезапно цены упадут.
Уж не довольствуйся речами,
Иной пресыщенный магнат
Пьёт нынче кофе с калачами.
Стрижи мелькают и звенят.

Воров не будет. Полон злобы
(Хоть сам из книжек захватил)
Их всех к Краевскому в «Трущобы»
Загнал гишпанский алгвазил;
Ну, а оставшийся излишек
Сметёт Сикевич зауряд,
Карая уличных мальчишек.
Стрижи мелькают и звенят.

Наука выйдет из пустыни
На путь народно-бытовой;
Для школ народных по-латыни
Переведётся Домострой.

На зависть западного мира,
Ерыжным веяньем объят,
Затмит Аверкиев Шекспира.
Стрижи мелькают и звенят.

Исчезнут сонмы фарисеев,
На карте сыщется Тамбов,
Аксаков обоймёт евреев,
Свой четвертак найдёт Катков.
Не будет слабых, нищих, бедных,
Судьба всем равный даст оклад –
Златых надежд и денег медных.
Стрижи мелькают и звенят.

Всё так устроится, что не в чем
Судьбу нам будет обвинять.
Блажен, кто верит птицам певчим
И рад всю жизнь погоды ждать.
И я бы пел в весёлом тоне,
Но, утомляя слух и взгляд,
Кругом, на сером небосклоне,
Стрижи мелькают и звенят.

Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 1. – С. 169–171.

Впервые опубликовано: Искра. – 1864. – № 50.

Платон Кусков

*Кусков Платон Александрович (1834–1909),
поэт, литературный критик, переводчик.*

Ф. М. Достоевскому

Дай руку мне; в твой Мёртвый дом
С его страстями, с его цепями,
Я погружаюсь умом
И заливаюсь слезами,
Я сердцем вглубь его проник;
И видя в нём твой добрый лик,
С твоей тоской, с твоим мученьем,
Я сам скорблю своей душой,
И в нём хочу я жить с тобой
С каким-то страшным упоеньем.
21 апреля 1861

Достоевский: материалы и исследования. – Ленинград, 1988. – Т. 8. –
С. 255. – Первая публ.

Александр Мещерский

*Мещерский Александр Васильевич (1822–1900),
князь, поэт-дилетант.*

На смерть Достоевского

Пусть Петербург честит смерть каторжника вволю, –
Россия это не поймёт.
Зачем нам подражать? стяжать французов долю? –
Туда народ наш не пойдёт!
Нам динамит открыл глаза на зла причину,
Куда нас смута доведёт...
Нам Петербург смешон! – к чему приял личину,
Что генью почесть отдаёт?!
Тут гений ни причём и генья не бывало,
А был когда-то романист,
Больной, что проводил болящее начало,
Издав «Дневник» как публицист.
Он с Петрашевским сослан был за преступления,
Что нынче чествовать хотят,
И там писал он, ради развлечения,
Романы, смыслу что претят.
Он ссыльным проповедей пел умильных звуки:
«Что каторга ему пустяк,
Что поделом, он восклицал, и вору муки,
Лишь рай достигнуть наверняк».
Но каторжник не прост... его морочить трудно
Смиреньем явно напускным, –
Не внял он проповеди той. Ответил грустно
Он ей молчаньем гробовым.
Он понял фальш и всю рисовку лжепророка,
Высокомерие его,

И что чудовища подобного пророка
Меж ними нет ни у кого!!
И вот кому в Святой Руси самодержавной
Воздвигнуть памятник хотят!
Не силой он воздвигнется народной, –
У нас ведь ссыльных не чествят!
Его воздвигнет здесь крамола, лишь в столице,
Курсисток стая без волос,
Что кандалы его везли на колеснице, –
Любуйся, благородный росс!
Подобных похорон не заслужил Суворов,
Кутузов, Пушкин, Карамзин!
Теперь из ссыльных мы творим себе кумиров! –
Ведь Достоевский не один!

«Жил на свете таракан ...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей.
«Витязь горестной фигуры ...»: Достоевский в стихах современников. –
Москва: Бослен, 2017. – С. 170.
*Впервые опубликовано: Звенья: сб. материалов и док. – Москва, 1936. –
Т. 6. – С. 791.*

Дмитрий Минаев

*Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835–1889),
поэт-сатирик, пародист, фельетонист, переводчик.*

Вот ваш «дневник»... Чего в нём нет?
И гениальность, и юродство,
И старческий, недужный бред,
И чуткий ум, и сумасбродство,
И день, и ночь, и мрак, и свет.

О Достоевский плодовитый!
Читатель, вами столку сбитый,
По «дневнику» решил, что вы –
Не то художник даровитый,
Не то блаженный из Москвы.

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 3. – С. 65–66.

Впервые опубликовано: Петербургская газета. – 1876. – 3 февр.

Две смерти (баллада)

Отрывки

I.

Действительный статский советник Курдюк,
Дородный, румяный, как солнечный круг,

Обедов хороших знаток и ценитель
И пола прекрасного страстный любитель,

Позавтракав плотно в трактире «Москва»
И шубу медвежью надевши, едва

На улицу вышел, как скрыть удивленья
Не мог. Никогда он такого движенья

Не видел, не помнил таких похорон:
Как тихое море, с различных сторон

Вокруг колесницы толпа тысяч в сто
Содвинулась как-то торжественно просто...

Отдельными группами шла молодёжь
С венками лавровыми – их не сочтёшь, –

И убраны пышно венки были эти.
Смешались мужчины, и дамы, и дети,

Печально у многих потуплен был взор,
За хором одним новый следовал хор.

И весь подвижной погребальный был клирос
От самой Литейной до Знаменской вырос.

<...>

III

«Позвольте спросить, – оглянувшись вокруг,
Действительный статский советник Курдюк

Спросил одного господина в еноте –
Кого хоронить, господа, вы идёте?»

– «Кого? – с изумленьем заметил енот,
Невольно свой шаг замедляя. – Идёт

За гробом почти целый город, и вдруг вы
(Курдюк стал красней кумача или клюквы)

С вопросом подобным!..» – «За этот вопрос
Прошу извиненья, – но умер-то кто-с?»

– «Не знаете разве? Известный писатель».
– «Писатель, и только, – что слышу, создатель!

Подобный кортеж... цугом шесть лошадей...»
– «Покойник был автором «Бедных людей»

И «Мёртвого дома»... Вам этого мало?»
– «Простите, я думал, везут генерала

Иль знатного барина, что ли, – а он...»
– «А он был бедняк, и чинов всех лишён,

И выдержал каторгу даже в Сибири,
Но чтут его память в читающем мире,

И имя его, хоть кого ни спроси,
Известно повсюду у нас на Руси

И лишь незнакомо безграмотным людям,
Которых за то и винить мы не будем...».

Поэты «Искры»: в 2 т. – Ленинград, 1955. – Т. 2. – С. 287–292.
Впервые опубликовано: Молва. – 1881. – № 43. – В фельетоне «Чем хата богата».

На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до «Бесов»,
До чёртиков другой договорился.

Поэты «Искры»: в 2 т. – Ленинград, 1955. – Т. 2. – С. 329.
Впервые опубликовано: Искра. – 1873. – № 2. – С. 7 – В цикле «Фотографические карточки».

О, из судей столицы Невской
Счастливей всех ты, без сомнения,
Коль от тебя сам Достоевский
Ждал справедливого решения!

Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энцикл. слов. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 2. – С. 320. – Первая публ.

Она, или Идеал русской женщины Отрывок

Мой дядя старый Карамазов
Имел огромную родню,
И множество его рассказов
В воспоминаньях я храню,
Как ранней юностью и детства
Не слишком ценное наследство.
Не думая о той родне,
Не знаю, почему-то мне,
Живу ль в Москве иль на Неве я,
Из дюжины моих кузин
Тип поэтический один
Припоминается живее,
И набросать его черты
О, муза, помоги мне ты!..

«Жил на свете таракан ...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей.
«Витязь горестной фигуры ...»: Достоевский в стихах современников. –
Москва: Бослен, 2017. – С. 138.

Впервые опубликовано: Минаев Д. Д. *Всем сёстрам по серьгам:*
юморист. сб. – Санкт-Петербург, 1881. – С. 24.

Трусливая оговорка

*«По возможности буду следовать в «Дневнике»
моём, следующей премудрой турецкой поговорке:
«Если ты направился к цели и станешь дорогою
останавливаться, чтобы швырять камнями
во всякую лающую на тебя собаку, то никогда
не дойдёшь до цели».*

Ф. Достоевский

Сие изречение игривое
Ясней объясняется так:
Известно – все кошки блудливые
Ужасно бояться собак.
Собака, конечно, бросается, –
Тем славен собачий весь род, –
На всех, кто подчас забирается
Незванный в чужой огород.

Жил на свете таракан ...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей.
«Витязь горестной фигуры ...»: Достоевский в стихах современников. –
Москва: Бослен, 2017. – С. 135.

Впервые опубликовано: Петербургская газета. – 1876. – 5 февр. (№ 25).

У тебя, бедняк, в кармане
Грош в почёте – и в большом,
А в затейливом романе
Миллионы нипочём.
Холод терпим мы, славяне,
В доме месяц не один.
А в причудливом романе
Топят деньгами камин.
От Невы и до Кубани
Идиотов жалок век,
«Идиот» же в том романе
Самый умный человек.

Поэты «Искры»: в 2 т. – Ленинград, 1955. – Т. 2. – С. 321.
Впервые опубликовано: *Искра*. – 1868. – № 18. – С. 221. – В фельетоне
«*Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)*».

**Ужасный пассаж или Истинное повествование
о том, как один господин важного сана обратился
в водолаза и что от этого произошло**

(подражание Ф. Достоевскому)

I

Однажды я с супругой Анной
Почил от дел,
И скоро сон благоуханный
Ко мне слетел.
Вкруг нас легло молчанье гроба
И царство тьмы...
Под одеялом ватным оба
Храпели мы.
Вдруг клоп, столь лакомый до кожи,
В меня впился,
И на своём двуспальном ложе
Я поднялся.
Хотел рукой схватить злодея,
Чтоб не кусал,
Но, от волненья холодея,
Я застонал,
И в страшном ужасе, испуге
Сознал в тот час,
Что я – не муж своей супруги,
А... водолаз!..
Собачья шерсть, собака морда...
Пропал мой рост...
И по ковру шагал я твёрдо,
Поднявши хвост.

<...>

III

Пять дней без крови и без пищи
Я так блуждал,
Но вновь идти в своё жилище
Не рисковал.
На пятый день меня поймали
И – так добры! –
Мне цепь на шею навязали
У конуры.
Никто не знал, что пёс мохнатый –
Был человек...
Ужель мне жребий дан проклятый
На целый век?
Ужель продлится долго прихоть
Твоя, о рок?
О Достоевский Фёдор! Ты хоть
Мне б здесь помог!..
Хоть ты воспой мои несчастья!..
Прошу с мольбой...
Смотри: раскрыл собачью пасть я
Перед тобой.
Зато (недаром водолазом
Я начал выть)
Могу меж псов «Эпоху» разом
Распространить.
Когда журнал твой знает плохо
Шальной народ,
То меж собак найдёт «Эпоха»
Большой почёт.

Поэты «Искры»: в 2 т. – Ленинград, 1955. – Т. 2. – С. 169–171.
Впервые опубликовано: *Искра*. – 1865. – № 14. – С. 203–204.

Семён Надсон

*Надсон Семён Яковлевич (1862–1887),
поэт, журналист.*

Памяти Ф. М. Достоевского

Когда в час оргии, за праздничным столом
Шумит кружок друзей, беспечно торжествуя,
И над чертогами, залитыми огнём,
Внезапная гроза ударит, негодуя, –
Смолкают голоса ликующих гостей,
Бледнеют только что смеявшиеся лица, –
И, из полубогов вновь обратясь в людей,
Трепещет Валтасар и молится блудница.
Но туча пронеслась, и с ней пронёсся страх...
Пир оживает вновь: вновь раздаются хоры,
Вновь дерзкий смех звучит на молодых устах,
И искрятся вином тяжёлые амфоры;
Порыв раскаянья из сердца изгнан прочь,
Все осмеять его стараются скорее, –
И праздник юности, чем дальше длится ночь,
Тем всё становится развратней и пошлее!..
Но есть иная власть над пошлостью людской,
И эта власть – любовь!.. Создания искусства,
В которых теплится огонь её святой,
Сметают прочь с души позорящие чувства;
Как благодатный свет, в эгоистичный век
Любовь сияет всем, все язвы исцеляет, –
И не дрожит пред ней от страха человек,
А край одежд её восторженно лобзает...
И счастлив тот, кто мог и кто умел любить:
Печальный терн его прочней, чем лавр героя,

Святого подвига его не позабыть
Толпе, исторгнутой из мрака и застоя.
На смерть его везде откликнутся друзья,
И смерть его везде смутит сердца людские,
И в час разлуки с ним, как братская семья,
Над ним заплачет вся Россия!..

Надсон С. Полн. собр. стихотворений. – Репринт. изд. 1898 г. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 141.

Впервые опубликовано: Надсон С. Стихотворения. – 6-е изд. – Москва, 1887. – С. 220.

Памяти Ф. М. Достоевского

Как он, измученный, влачился по дороге,
Бряцая звеньями страдальческих цепей,
И как томился он, похоронён в остроге,
Под стражею штыков и ужасом плетей, –
Об этом пели вы, но из его страданий
Вы взяли только то на песни и цветы,
Что и без пошлых фраз и лживых восклицаний
Сплело ему венок нетленной красоты...

.....
Но между строк его болезненных творений
Прочли ли вы о том, что тягостней тюрьмы
И тягостней его позора и лишений
Был для него ваш мир торгашества и тьмы?
Прочли ли вы о том, как он страдал душою,
Когда, уча любви враждующих людей,
Он слышал, как кричал, ломаясь пред толпою,
С ним рядом о любви – корыстный фарисей?
Считите ж, сколько раз вы слово продавали,
И новый, может быть прекраснейший цветок,
И новый, может быть острейший терн печали
Вплетёте вы в его страдальческий венок!..
Январь 1881

Стихотворения цитируются по: Надсон С. Полн. собр. стихотворений. – Репринт. изд. 1898 г. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 142.
Впервые опубликовано: Надсон С. Стихотворения. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 150.

Неизвестный автор

Современник Ф. М. Достоевского.

Ещё прибавилось одной
Безвременной могилой,
Ещё про скорбь земли родной
Вещает звон унылый.

Но, если б мог заговорить
Поэт наш незабвенный,
То он сказал бы: «Что тужить
Об этой жизни тленной?»

Не плачьте, милые друзья,
Горючими слезами!
Хоть и в гробу, жив духом я
И буду вечно с вами.

Пусть плоть навеки умерла!
Над духом смерть бессильна.
Недаром сеял я: взошла
Мне жатва изобильна.

И эти слёзы, что текут
На прах мой бездыханный
Меня торжественнее чтут,
Чем мир благоуханный.

Настанут дни, и вслед за мною
Придут жнецы другие
И зёрна, брошенные мною,
Сберут в снопа густые».

1881

Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – Санкт-Петербург, 1883. – С. 96 (3-я паг.).

Николай Некрасов

*Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877),
поэт, прозаик, критик, издатель.*

Вступительное слово «Свистка» к читателям

В те дни, когда в литературе
Порядки новые пошли,
Когда с вопросом о цензуре
Начальство село на мели,
Когда намёком да украдкой
Касаться дела мудрено;
Когда серьёзною загадкой
Всё занято, поглощено,
Испугано, а в журналистах
Последний помрачает ум
Какой-то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских
Догадливый антрепренёр
И вождь «Ведомостей московских»,
Почуяв время и простор,
Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведёт,
Что предпринять должна Россия,
И гимн безмолвию поёт;
Когда в затмении рассудка
Юркевич лист бумаги мял
И о намереньях желудка
Публично лекцию читал;
Когда наклонностей военных
Дух прививается ко всем,

Когда мы видим избиенных
Посредников; когда совсем
Нейдут Краевского издания
И над Громекиной главой
Летает бомба отрицанья,
Как повествует сей герой;
Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю наяву
И всплакал Фет, что топчут гуси
В его владениях траву;
Когда ругнул Иван Аксаков
Всех, кто в Европу укатил,
И, негодуя против фраков,
Самих попов не пощадил;
Когда, покончив подвиг трудный,
Внезапно Павлов замолчал,
И Амплий Очкин кунштик чудный
С газетой «Очерки» удрал;
Когда, подкошена как колос,
Она исчезла навсегда;
В те дни, когда явился «Голос»
И прекратилась «Ерунда», –
Тогда в невинности сердечной
Любимый некогда поэт,
Своей походкою беспечной
«Свисток» опять вступает в свет...
Как изменилось всё, Создатель!
Как редок лиц любимых ряд!
Скажи: доволен ты, читатель?
Знакомцу старому ты рад?

Или изгладила «Заноза»
Всё, чем «Свисток» тебя пленял,
И как увянувшая роза
Он для тебя ненужен стал?
Меняет время человека:
Быть может, пасмурный Катков,
Быть может, пламенный Громека
Теперь милей тебе свистков?
Возненавидев нигилистов,
Конечно, полюбить ты мог
Сих благородных публицистов
Возвышенный и смелый слог, –
Когда такое вероломство
Ты учинил – я не ропщу,
Но ради старого знакомства
Всё ж говорить с тобой хочу.
Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе,
И думай, что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе
Ты был моей мечтой любимой,
И если слышал ты порой
Хоть лёгкий свист, то знай: незримый
Тогда витал я над тобой!..
«Свисток» пред публикой выходит.
Высокомерья не любя,
Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя
Себя смиренней не находит!
Да, изменились времена!

Друг человечества бледнеет,
Вражды повсюду семена
Неистовства и злобы сеет.
Газеты чуждые шумят...
(О вы, исчадь вольной прессы!..)
Чёрт их поймёт, чего хотят,
Чего волнуются, как бесы!
Средь напряжённой тишины
Катков гремит с азартом, с чувством,
Он жаждет славы и войны
И вовсе пренебрёг искусством.
Оно унижено враждой,
В пренебрежении науки,
На брата брат подьемлет руки,
И лезет мост на мост горой, –
Ужасный вид!.. В сей час тяжёлый
Являясь в публику, «Свисток»
Желает мирной и весёлой
Развязки бедствий и тревог;
Чтобы в сумятице великой
Напрасно не томился ум...
И сбудется... Умолкнет шум
Вражды отчаянной и дикой.
Недружелюбный разговор
Покончит публицист московский,
И вновь начнут свой прежний спор
Гиероглифов и Стелловский;
Мир принесёт искусствам дань,
Престанут радоваться бесы,
Уймётся внутренняя брань,

И смолкнет шум заморской прессы.
Да, да! Скорее умолкай, –
Не достигая пределов невских
И гимны братьев Достоевских
Самим себе не заглушай!

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Ленинград, 1981. – Т. 2. – С. 156–159.

Впервые опубликовано: *Современник*. – 1863. – № 4. – С. 8–12. – («Свисток» № 9).

**Гимн «Времени», новому журналу,
издаваемому М. Достоевским**

Меж тем как Гарибальди дремлет,
Колелется пекинский трон,
Гаэта рёву пушек внемлет,
Даёт права Наполеон, –
В стране затронутых вопросов,
Не перешедших в сферу дел,
Короче: там, где Ломоносов
Когда-то лирою гремел,
Явленье нового журнала
Внезапно потрясло умы:
В нём слышны громы Ювенала,
В нём не заметно духа тьмы.
Отважен тон его суровый,
Его программа широка...
Привет тебе, товарищ новый!
Явил ты мудрость старика.
Неси своей задачи бремя
Не уставая и любя!
Чтобы ни «Век», ни «Наше время»
Не покраснели за тебя;
Чтобы не сел тебе на плечи
Редактор-дама «Русской речи»,
Чтоб фельетон «Ведомостей»
Не похвалил твоих статей!
Как пароксизмы лихорадки,
Терпи журнальные нападки
И Воскобойникова лай
Без раздражения внимай!
Блюда разумно дух журнала,

Бумагу строго береги:
Страшись «Суэцкого канала»
И «Зундской пошрины» беги!
С девонской, с силурийской почвы
Учёной дани не бери;
Кричи таким твореньям: «Прочь вы!»,
Творцам их: «Чёрт вас побери!»
А то как о «сухих туманах»
Статейку тиснешь невзначай,
Внезапно засвистит в карманах...
Беда! Ложись – и умирай!
Будь резким, но не будь бранчливым,
За личной местию не гонись.
Не называй «Свистка» трусливым
И сам безмерно не гордись!
Припомни ямбы Хомякова,
Что гордость – грешная мечта,
Припомни афоризм Пруткова,
Что всё на свете – суета!
Мы здесь живём не вечны годы,
Здесь каждый шаг неверен наш,
Погибнут царства и народы,
Падёт штенбоковский пассаж,
Со срамом Пинто удалится
И лекций больше не прочтёт,
Со треском небо развалится,
И «Время» на косу падёт!

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Ленинград, 1981. – Т. 2. – С. 109–110.

Впервые опубликовано: *Современник*. – 1861. – № 1. – С. 9–10. – («Свисток» № 7).

Послание Белинского к Достоевскому

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

Хоть ты юный литератор,
Но в восторг уж всех поверг:
Тебя знает император,
Уважает Лейхтенберг,

За тобой султан турецкий
Скоро вышлет визирей.
Но когда на раут светский,
Перед сонмище князей,

Ставши мифом и вопросом,
Пал чухонскою звездой
И моргнул курносый носом
Перед русой красотой,

Как трагически недвижно
Ты смотрел на сей предмет
И чуть-чуть скоропостижно
Не погиб во цвете лет.

С высоты такой завидной,
Слух к мольбе моей склоня,
Брось свой взор пепеловидный,
Брось, великий, на меня!

Ради будущих хвалений
Крайность, видишь, велика,
Из неизданных творений
Удели не «Двойника».

Буду нянчиться с тобою,
Поступлю я, как подлец,
Обведу тебя каймою,
Помещу тебя в конец.

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Ленинград, 1981. – Т. 1. – С. 423–424.

Впервые полностью опубликовано: Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. – Женева, 1892. – С. 207–208.

Несчастные

Отрывок из поэмы

В толпе строптивой
Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала –
Не говорил он ничего,
Работал медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Как крот, – мы так его и звали, –
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.
Рука, нетвёрдая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И, словно лён, пушистый волос
На голове и бороде.
Оброс он скоро волосами,
Питался чёрствым сухарём,
Но и под грубым армяком
Глядел неровней между нами.

Его дежурный понукал,
И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо;
Так удила кусает конь,
Когда седок его пришпорит.
В глазах покажется огонь,
Однако промолчит – не спорит!
Бывало, подойдём гурьбой,
Повалим, будто ненароком,

Кричим: «Не хочешь ли домой?»
Он только поглядит с упрёком
И покачает головой.
Не пьёт, не балагурит с нами.
Но скоро час его настал...

Был вечер; скрежеща зубами,
Один из наших умирал.
Куда деваться в подземелье?
Кричим: «Скорей! мешаешь спать!»
И стали в бешеном веселье
Его мы хором отпевать:
«Умри! нам всем одна дорога,
Другой не будет из тюрьмы!...»

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!» –
И песни не допели мы.
Глядим: добро б вошёл начальник, –
Нет, просто выступил вперёд
Наш белоручка, наш молчальник,
Смиранный, копотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блестят глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила –
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,

Куда стремглав летели мы!
В заботе новой, в думах строгих
Мы совещались до утра,
Стараясь вразумить немногих,
Не внявших вестнику добра:
Душой погибнув невозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Уж не хотели, не могли.
В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь...
Но в ком, как под золою пламень,
Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой, уверовать готовой...

Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился –
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!
Забыты буйные проказы,
Наступит вечер – тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина.
Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,
Доступного душе живой.
Не на коне, не за сохою –
Провёл он свой недолгий век

В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней –
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины –
Черна – куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Её порок. В её груди
Бежит поток живой и чистый
Ещё немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Ленинград, 1971. – Т. 4. – С. 39–41.

Отрывок из поэмы впервые опубликован: Современник. – 1856. – № 5. – С. 139–141.

Лиодор Пальмин

*Пальмин Лиодор (Илиодор) Иванович (1841–1891),
поэт и переводчик.*

Ещё затмилася прекрасная звезда,
В разгаре полного и яркого сиянья,
Так неожиданно!... А многие года
Она светила нам, как луч обетованья.
На наших сумрачных духовных небесах,
Покрытых тучами, теперь так мало света,
Так мало ясных звёзд; в их трепетных лучах
Чуть виден трудный путь и мглою даль одета...
Порой лишь тусклый свет блуждающих огней
Влечёт на миг толпу, блеснув лучом коварным...
А ты, художник, нам, ты, в сумраке теней,
Лил тихий, ровный блеск светилом лучезарным!
Ты верой искренней и тёплой пламенел
Во всё прекрасное... Твой голос вдохновенный
Сулил отечеству бессмертия удел
И к идеалу звал... Твой взор проникновенный
В клокочущем аду страстей и тёмных сил,
Где, как страшилища, гнездятся преступленья,
В хаосе зла и мук порою находил
Залог спасения, святыню искупленья...
В душе преступника, проклятой на земле,
Отверженной людьми и чуждой их участью,
Ты видел светлый луч, таящийся во мгле,
Сокровище небес, похищенное страстью, –
В аду скорбей, во тьме духовной нищеты
Ты видел скрытый путь к вратам любви и рая...

О, рано ты ушёл!... О, много, много ты
Ещё не досказал, из мира улетаю!
Горька утрата нам, – замолк твой вещий зов!..
Но долго будет он звучать и за могилой,
Сквозь гул обыденный ничтожных голосов,
С любовью тёплой, с пророческою силой...
Уже сокрылся ты за гранью мировой,
Но призовёт жреца, мыслителя, поэта
К служенью светлому оставленный тобой
В духовной скинии святой кивот завета...

Lib.Ru: библиотека Максима Мошкова: сайт. – Текст электронный. – URL: http://az.lib.ru/p/palxmin_1_i/text_0060oldorfo.shtml (дата обращения: 5.03.2018).

Впервые опубликовано: Русская мысль. – 1881. – № 3.

Е. Пельгорская

*Пельгорская Елизавета Ивановна (1836–1896),
современница Ф. М. Достоевского.*

Памяти Ф. М. Достоевского

Духовного вождя утратили в нём мы,
Мы потеряли в нём учителя, пророка!
Померк светильник с ним, светивший нам среди тьмы
Неправды властной, зла, всесильного порока!

Яснее всех ему был виден идеал
Высокого добра, святой любви и правды;
Он мучился сильней, он глубже всех страдал
Сознанием силы зла, могущества неправды.

И твёрже всех из нас всю жизнь свою он шёл
К осуществлению великих идеалов,
Бестрепетно к тому ж и рать свою он вёл
Под грудой падавших на грудь его ударов.

Но среди толпы наш вождь признанья не нашёл:
Он был в её глазах юродивым пророком.
Казался странным ей тот меч, с каким он шёл
На брань с общественной неправдой и пороком.

Мечом в его руках – великая была
Любовь к униженным, презренным, оскорблённым,
К поверженным во прах могучей силой зла,
К больным душой, судьбой неправой обойдённым.

Стремился он раздуть ту искру Божества,
Которая всегда присуща человеку,
Чтоб силою ея святого волшебства
Поставить на ноги последнего калеку.

Был обвиняем он (как никогда другой
От древних книжников за дружбу с мытарями),
За то, что мил ему порочный и больной,
Что не гнушался он убийцами, ворами.

Но мы, принявшие завет любви Христа,
Прощенья заповедь в значении широком,
В усопшем ныне чтим духовного вождя,
Зовём почившего помазанным пророком.

Ф. М. Достоевский и душа Омска: сб. ст. – Омск, 2001. – С. 235–236.
Впервые опубликовано: Неделя. – 1881. – № 6. – С. 207–208.

Яков Полонский

*Полонский Яков Петрович (1819–1898),
поэт, прозаик.*

Фёдору Михайловичу Достоевскому

Смятенный я тебе внимал,
И плакал мой восторг и весь я трепетал,
Когда ты праздник наш венчал
Своею речью величавой,

И нам сиял народной славой
Тобою вызванный из мрака идеал,
Когда ты ключ любви Христовой превращал
В ключ вдохновляющий свободы. –
8 июня 1880

Из архива Достоевского: письма рус. писателей. – Москва; Петроград, 1923. – С. 81.

Михаил Салтыков-Щедрин

*Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889),
прозаик, публицист, критик.*

Стихотворная элегия на кончину «Времени»

<...>

Здесь Достоевских прах, и, вместо мавзолея,
Косица меж гробов, от страха цепенея,
Стоит...

<...>

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. – Москва, 1966. – Т. 5. – С. 303.
Впервые опубликовано: Современник. – 1863. – № 4.

«Самонадеянный Федя»

детская сказка в стихах

<...>

Федя богу не молился,
«Ладно, мнил, и так!»
Всё ленился да ленился...
И попал впросак!
Раз беспечно он «Шинелью»
Гоголя играл, –
И обычной канителью
Время наполнял.

<...>

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. – Москва, 1966. – Т. 5. –
С. 303. – Первая публ.

Константин Случевский

*Случевский Константин Константинович (1837–1904),
русский поэт, прозаик.*

Воплощение зла

Читали ль вы когда, как Достоевский страждет,
Как в изученье зла запутался Толстой?
По людям пустозвон, а жизнь решений жаждет,
Мышленье блудствует, безжалостен закон...
Сплелись для нас в венцы блаженства и мученья,
Под осененьем их дают морщины лбы.
Как зримый признак их, свой венчик отпущенья
Уносим мы с собой в безмолвные гробы.
Весь смутный бред страстей, вся тягота угара,
Весь жар открытых ран, все ужасы, вся боль –
В могилах гасятся...
Могилы – след пожара –
Они, в конце концов, счастливая юдоль!
А всё же надобно бороться, силы множить,
И если зла нельзя повсюду побороть,
То властен человек сознательно тревожить
Его заразную губительную плоть.
Пуская мысль на мысль, деянье на деянье,
В борьбе на жизнь и смерть слагать свои судьбы...
Ведь церковь божия, вещая покаянье,
Не отрицает прав возмездья и борьбы.
Зло не фантастика, не миф, не отвлеченность!
Добро – не звук пустой, не призрак, не мечта!
Всё древле бывшее, вся наша современность
Полна их битвами и кровью залита.
Ни взвесить на весах, ни сделать измеренья
Добра и зла – нельзя, на то нет средств и сил.

Забавно прибегать к чертам изображенья;
Зачем тут – когти, хвост, Молох, Сатаниил?
Легенда древняя зло всячески писала.
По-своему его изображал народ,
Испуганная мысль зло в темноте искала,
В извивах пламени и в недрах туч и вод.
Зачем тут видимость, зачем тут воплощенья,
Явленья демонов, где медленно, где вдруг –
Когда в природе всей смысл каждого движенья —
Явленье зла, страданье, боль, испуг...
И даже чистых дум чистейшие порывы
Порой отравой зла на смерть поражены,
И кажутся добры, приветливы, красивы
Все ухищрения, все козни сатаны.
Как света луч, как мысль, как смерть, как тяготенье,
Как холод и тепло, как жизнь цветка, как звук –
Зло несомненно есть. Свидетель – всё творенье!
Тут временный пробел в могуществе наук:
Они покажут зло когда-нибудь на деле...
Но был бы человек и жалок и смешон,
Признав тот облик зла, что некогда воспели
Дант, Мильтон, Лермонтов, и Гёте, и Байрон!
Меняются года, мечты, народы, лица,
Но вся земная жизнь, все, все её судьбы –
Одна-единая мельчайшая частица
Борьбы добра и зла и следствий той борьбы!
На Патмосе, в свой день, великое виденье
Один, из всех людей, воочию видал –
Борьбы добра и зла живое напряженье...
Пал ниц... но – призванный писать – живописал!

Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 54–56.

Впервые опубликовано: Случевский К. К. Сочинения: в 6 т. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. 1. – С. 41–43.

Да, трудно избежать для множества людей
Влиянья творчеством отмеченных идей,
Влиянья Рудиных, Раскольниковых, Чацких,
Обломовых! Гнетут!.. Не тот же ль гнёт цепей,
Но только умственных, совсем не тяжких,
братских...

Художник выкроил из жизни силуэт;
Он, собственно, ничто, его в природе нет!
Но слабый человек, без долгих размышлений,
Берёт готовыми итоги чуждых мнений,
А мнениям своим нет места прорасти, –
Как паутиною все затканы пути
Простых, не ломаных, здоровых заключений,
И над умом его – что день, то гуще тьма
Созданий мощного, не своего ума...

Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 66–67.

Впервые опубликовано: Случевский К. К. Сочинения: в 6 т. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. 1. – С. 47.

Поверженный Пушкин

<...>

Да, много, много лет тому назад
На этом месте предки ликовали!
И обнажились головы толпы.
И Достоевский слово говорил,
Когда из лепты, собранной повсюду,
Был памятник окончен в данный срок!
С него проворно белый холст спустили,
И он явился им в чертах знакомых,
Задумчивый, безмолвный и блестящий...

<...>

Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский. Портрет на Пушкинском фоне. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 286.

Впервые опубликовано: Случевский К. К. Поверженный Пушкин // Пушкинский сборник. – Санкт-Петербург, 1899. – С. 244.

После похорон Ф. М. Достоевского

И видели мы все явление эпопеи...
Библейским чем-то, средневековым,
Она в четыре дня сложилась с небольшим
В спокойной ясности и красоте идеи!

И в первый день, когда ты остывал
И весть о смерти город обегала,
Тревожной злобы дух недоброе шептал,
И мысль людей глубоко тосковала...

Где вы, так думалось, умершие давно,
Вы, вы, ответчики за раннюю кончину,
Успевшие измять, убить наполовину
И этой жизни чистое зерно!

Ваш дух тлетворный от могил забытых
Деянье тёмное и после вас вершит,
От жил, в груди его порвавшихся, открытых,
От катафалка злобно в нас глядит...

И день второй прошёл. И вечер, наступая,
Увидел некое большое торжество:
Толпа собралась шумная, живая,
Другого чествовать, поэта твоего!..

Гремели песни с освещённой сцены,
Звучал с неё в толпу могучий сильный стих,
И шли блестящие огнями перемены
Людей, костюмов и картин живых...

И в это яркое и пёстрое движенье,
Где мягкий голос твой – назначен был звучать,
Внесён был твой портрет, – как бледное виденье,
Нежданной смерти ясная печать!

И он возвысился со сцены – на престоле,
В огнях и звуках, точно в ореоле...
И вяло в сердца от этого всего
Сближением того, что живо, что мертво,

Рыданьем, радостью, сомненьями без счёта,
Всей страшной правдою «Бесов» и «Идиота»!..
Тревожной злобы дух – он уставал шептать!
Надеяться хотелось, верить, ждать!..

Три дня в туманах солнце заходило,
И на четвёртый день, безмерно велика,
Как некая духовная река,
Тебя толпа в могилу уносила...

Зима, испугана как будто, отступила
Пред пестротой явившихся цветов!
Качались перья пальм и свежестью листов
Сияли лавры, мирты зеленели!

Разумные цветы слагались в имена,
В слова, как будто говорить хотели...
Чуть видной ношею едва отягчена,
За далью серой тихо исчезая,

К безмолвной лавре путь свой направляя,
Тихонько шла река, и всей своей длиной
Вторила хорам, певшим: «Упокой!»
В умах людских, печальных и смущённых,

Являлась мысль: чем объяснить полней –
Стремленье волн людских и стягов похоронных, –
Как не печалью наших тяжких дней,
В которых много так забытых, оскорблённых,

Непризнанных, отверженных людей?
И в ночь на пятый день, как то и прежде было,
Людей каких-то много приходило
Читать Псалтырь у головы твоей...

Там ты лежал под сенью балдахина,
И вокруг тебя, как стройная дружина
Вдруг обратившихся в листву богатырей,
Из полутьмы собора проступая

И про тебя былину измышляя,
Задумчивы, безмолвны, велики,
По кругу высились лавровые венки!
И грудой целою они тебя покрыли,

Когда твой яркий гроб мы в землю опустили...
Морозный ветер выл... Но ранее его
Заговорила сдержанная злоба
В догонку шествию довременного гроба!

По следу свежему триумфа твоего
Твои товарищи и из того же круга,
Служащие давно тому же, что и ты, –
Призванию твоему давали смысл недуга,

Тоске предвиденья – смысл тронутой мечты!
Да, да, действительно – бессмертье наступало,
Заговорило то, что до того молчало
И распинало братьев на кресты!

И приняла тебя земля твоей отчизны;
Дороже стала нам одною из могил
Земля, которую, без всякой укоризны,
Ты так мучительно и смело так любил!

Случевский К. Стихотворения и поэмы. Проза. – Москва, 1988. – С. 229–331.

Впервые опубликовано: Новое время. – 1881. – 1 февр.

Михаил Соймонов

*Соймонов Михаил Николаевич (1851–1888),
поэт, журналист*

Памяти Ф. М. Достоевского

Нежданно ты умер, великий учитель!
Ты умер, исполненный сил...
Ты бедных и страждущих был утешитель,
Добру ты и правде учил.

Страдав, научил понимать ты страдания
«Униженных», «бедных людей», –
И всех «оскорблённых» раздастся рыданье
Над свежей могилой твоей.

Ты умер... Сырая могила готова...
Могила травой прорастёт...
Но искренно, честно твоё было слово, –
С тобою оно не умрёт!

Ты умер... Умолкнет и зависть, и злоба,
Могила даст мукам конец...
Ты сам себе сплёл из страданий для гроба
Бессмертья и славы венец!

И дети – тобою любимые дети –
Весною к тебе прибегут,
Из свежих цветов при румянном рассвете
Венок на могилу сплетут.

Николай Соколов

*Соколов Николай Матвеевич (1860–1908),
поэт, публицист, литературовед,
литературный критик и переводчик*

Памяти Ф. М. Достоевского

Волков ли то воет голодная стая?
Шумит ли то моря прибой?
То встала пурга и от края до края
На степь полегла пеленой...

Рыдает и стонет гнетущее горе
В порывах бурана степей,
И стон вековой по проклятой доле,
И гнев на неправду людей...

Но, чу!... Грозный говор пурги заглушая,
Железа доносится звук,
Всё сердце бессильной тоской надрывая,
Как отзвук страданья и мук.

То в цепи звено о звено ударяет,
При каждом движеньи бренча, –
То волю колодник с тоской вспоминает,
Стальную змею волоча...

Не эти-ль, страдалец, унылые звуки
Носились звеня, над тобой,
И их не забыл ты в минуту разлуки,
И к нам их принёс ты с собой?...

Звук цепи в глаголы любви бесконечной
Ты, сильный душой, перелил;
Покорный велениям Истины Вечной,
Клеймо и железа простил.

Ты умер – и северный ветер с тоскою
Шумит над могилой твоей
И мчится, суровый, над Русской землею
В окраине южных морей,

Где волны рокочут, где небо синее,
Где лавр зеленея растёт,
Где, грёзы волшебные в сердце лелея,
Поэт о блаженстве поёт.

Русская мысль. – 1882. – № 3. – С. 329–330.

Михаил Хитрово

*Хитрово Михаил Александрович (1837–1896),
российский дипломат, поэт, переводчик*

Какой богач, какой вельможа знатный
Скончался тут – и славен и велик?
С утра народ толпою необъятной
Спешит взглянуть на мёртвый этот лик.

Тут всё гласит о жизни сокровенной,
Тут скромно всё, и просто и бедно;
Но тут он жил – богач тот незабвенный,
Тут всё душой его полно.

В той комнатке, в углу, под образами,
Где создавал, любил и мыслил он,
Лежит он тут с застывшими чертами,
В великое безмолвье погружён.

Он был богач! Сокровищ много, много
В своей душе великой он носил,
Он каждый день их получал от Бога,
И каждый день он людям их делил.

И вот зачем тут всякий люд столпился
Вкруг богача – любимца своего,
Весь этот люд в великой скорби слился, –
Ведь это все, все – нищие его.

Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – Санкт-Петербург, 1883. – С. 69–70 (3-я паг.).

Впервые опубликовано: Новое время. – 1881. – 1 февр.

СТИХИ
ПОЭТОВ КОНЦА XIX –
первой четверти XX в.

Николай Агнивцев

*Агнивцев Николай Яковлевич (1888–1932),
поэт и драматург.*

Вдали от тебя, Петербург!

Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг,
Молниеносною рапирой –
Стальное слово «Петербург»?

Ужели Пушкин, Достоевский,
Дворцов застывший плац-парад,
Нева, Мильонная и Невский
Вам ничего не говорят?

А трон Российской Клеопатры
В своём саду?.. И супротив
«Александринского театра»
Непоколебленный массив?

Ужель неведомы вам даже:
Фасад Казанских колоннад?
Кариатиды Эрмитажа?
Взлетевший Пётр, и «Летний Сад»?

Ужели вы не проезжали,
В немного странной вышине,
На старомодном «Империале»
По «Петербургской стороне»?

Ужель, из рюмок тонно-узких
Цедя зелёный Пипермент,
К ногам красавиц петербургских
Вы не бросали комплимент?

А непреклонно-раздражённый
Заводов Выборгских гудок?
А белый ужин у «Донона»?
А «Доминикский» пирожок?

А разноцветные цыгане
На «Чёрной речке», за мостом,
Когда в предутреннем тумане
Всё кувыркается вверх дном;

Когда моторов вереница
Летит, дрожа, на «Острова»,
Когда так сладостно кружится
От Редерера голова!..

Ужели вас рукою страстной
Не молодил на сотню лет,
На первомайской сходке – красный
Бурлящий Университет?

Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вам краткий адрес для амура:
«В. О. 7 л. д. 20-а»?

Ужели вы не любовались
На Сфинксов фивскую чету?
Ужели вы не целовались
На «Поцелуевом мосту»?

Ужели белой ночью в мае
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю!
Мой Боже, как несчастны вы!..
1923

45-я параллель: классическая и современная русская поэзия: сайт. – Текст электронный. – URL: https://45parallel.net/nikolay_agnivtsev/vdali_ot_tebya_peterburg.html (дата обращения: 13.01.2018).

Иннокентий Анненский

*Анненский Иннокентий Фёдорович (1855–1909),
поэт, драматург, переводчик, критик,
исследователь литературы и языка.*

К портрету Достоевского

В нём Совесть сделалась пророком и поэтом,
И Карамазовы и бесы жили в нём,–
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнём.
[?]

Стих: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://stih.su/annenskiy-i-f-k-portretu-dostoevskog> (дата обращения: 9.01.2018).

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит ещё спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живём и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней.
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Моё и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженье годин
Всё чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?
1904

Константин Бальмонт

*Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942),
поэт-символист, переводчик и эссеист.*

Твердыня с мощностью стропил,
С устоем скреп. Создание воли,
Рисунок гения в веках,
Где каждый шаг – исход из боли,
Где каждый дом – гранитный взмах,
Не город, а напев гранитный,
Всей нашей гордости кудель,
Всей нашей славы колыбель,
Узор, в котором в дружбе слитной
Золотоглавая Москва
Столица, глянувшая в море,
Где внепредельна синева,
Где с духом смелым в договоре
Даль уводящая жива.
Столица – мысль, где стержень – Невский,
Венчалась с Пушкиным Нева,
Где высочайшие слова
Сказал сразитель вещества,
Коперник духа – Достоевский...
11 декабря 1921

Литературная Грузия. – 1978. – № 9. – С. 106–107. – Первая публ.

Иоганнес Бехер

*Бехер Иоганнес Роберт (1891–1958),
немецкий поэт, писатель,
государственный деятель.*

Достоевскому

Гремит буран. Расколот свод над нами.
Земля, твой трепет в толщу толщ проник. –
Ты славись в путь идущих чистыми стопами
И перевозданный человечесий лик.
Рыданьем снов. И смятыми в испуге
Листами рукописи. Пробил грозный час:
Ночь бороздит луна. Но в звёздной вьюге
Я вдруг восстал, победно пробудясь.

В такую ночь, как прах, распался якорь, –
Кому взойти на обречённый бриг?!
Но Бунт, Звезда легенд, кровавым знаком
Блится в молниях Твоих Нетленных Книг.

1921

Перевод с немецкого Г. Ратгауза.

Литературная Россия. – 1971. – 12 нояб. (№ 46). – С. 10. – Первая публ.
на рус. яз.

Александр Блок

Блок Александр Александрович (1880–1921),
поэт, писатель.

Возмездие

(отрывок из поэмы)

Средь пожилых людей и чинных,
Среди зелёных и невинных –
В салоне Вревской был как свой
Один учёный молодой.
Непринужденный гость, привычный –
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? – он спросил
Негромко наклонившись к Вревской: –
Похож на Байрона» – Слово
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Своё вниманье обратили.
1917

Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. – Ленинград, 1980. – Т. 2. – С. 292.

Валерий Брюсов

*Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924),
поэт, прозаик, драматург,
переводчик, литературовед.*

Старый вопрос

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной,
Пред строем опасных врагов
Сомкнёмся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грёз,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Всё губит в бессмысленной злобе?

Иль мы – тот великий народ,
Чьё имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поёт
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы – тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжёлых?

Иль мы – тот народ, кто обрёл
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привёл,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы – славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чём наше народное право.

Не надо несбыточных грёз,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

30 июля 1914

Брюсов В. Я. Сочинения: в 2 т. – Москва, 1987. –Т. 1. – С. 320–321.

К Петрограду

...над самой бездной,
на высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы...
Пушкин
Город Змеи и Медного Всадника,
Пушкина город и Достоевского,
Ныне, вчера,
Вечно — единый,
От небоскрёбов до палисадника,
От островов до шумного Невского,—
Мощью Петра,
Тайной — змеиной!
В прошлом виденья прожиты, отжиты
Драм бредовых, кошмарных нелепостей;
Душная мгла
Крыла злодейства...
Что ж! В веке новом — тот же ты, тот же ты!
Те же твердыни призрачной крепости,
Та же игла
Адмиралтейства!
Мозг всей России! с трепетом пламенным,
Полон ты дивным, царственным помыслом:
Звоны, в веках,
Славы — слышнее...
Как же вгнездились в черепе каменном,
В ужасе дней, ниспосланных Промыслом,
Прячась во прах,
Лютые змеи?
Вспомни свой символ: Всадника Медного!

Тщетно Нева зажата гранитами,
Тщетно углы
Прямы и строги:
Мчись к полосе луча заповедного,
Злого дракона сбросив копытами
В пропасти мглы
С вольной дороги!
1916

Брюсов В. Я. Сочинения: в 2 т. – Москва, 1987. –Т.1. – С. 348–349.

Лев и Свинья

Басня по Ф. Достоевскому

Однажды Лев
Свинью обидел,
Да так, что целый лес её позор увидел.
Придя в великий гнев,
Свинья донельзя расхрабрилась
(Известно, что и гнев порой мутит, как хмель),
За оскорбление отмстить решила
И вызвала владыку на дуэль.
Однако, возвратясь к родным пенатам,
Задумалась Свинья
И, страха не тая,
Расхрюкалась пред умным братом:
«Ах, братец, вот – попала я в беду!
Ты знаешь Льва суровый норов!
Уж лучше я куда-нибудь уйду!»
Но Боров
(Он был писатель, с едкостью пера)
В ответ ей: «Погоди, сестра!
К чему бежать так прямо?
Поблизости помойная есть яма:
Получше вываляйся в ней,
А после выходи на бой с царём зверей».
Свинья послушалась совета.
Помоями вонючими кругом
Вся облепилась до рассвета
И так предстала пред врагом.
Свидетелями беспримерной брани
Был полон лес и ближний дол.

И вот явился Лев, как обещал заране, –
Пришел, понюхал и ушёл...
И долго после свиньи все вопили:
«Лев струсил! мы-де победили!»

Так иногда завзятый полемист
К газетному нас требует барьеру,
Но трудно Льва не следовать примеру,
Когда противник наш уж чересчур нечист!
<1916>

Серебряный век. Поэзия: стихи русских поэтов рубежа 19–20 вв.: сайт.
– Текст электронный. – URL: http://silveragepoetry.blogspot.ru/2016/09/blog-post_230.html (дата обращения: 16.01.2018).
Впервые опубликовано: Биржевые ведомости, утр. вып. – 1916. – 2 мая. – С. 2.

Давид Бурлюк

*Бурлюк Давид Давидович (1882–1967),
поэт и художник.*

Омское

Где скукотундру режет властно
Сырое тело Иртыша
Где юговетр свой лёт напрасный
Подъемлет слабо и спеша,
Где памятно о Достоевском:
Согбенно-каторжным трудом,
Отторгнут набережной Невской,
Он не измыслил «Мёртвый Дом»,
Где ране было Оми устье.
Теперь событий новых шок
Крушит Сибири захоластье.
Здесь взрост первичный виден слабо,
Ночной вместившийся горшок!
Российской власти баобаба!
1919 Омск.

Вечерний Омск. – 1992. – 31 марта. – В ст.: Поварцов С. Н. «Веет прелестью особой...».

Максимилиан Волошин

*Волошин (настоящая фамилия Кириенко-Волошин)
Максимилиан Александрович (1877–1932),
поэт, художник, критик.*

5. Трихины

*«Появились новые трихины»
Ф. Достоевский*

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и дух, вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремёсла, земледелия, машины

Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут: мор, голод и война.

Ваятель душ, воззавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время:
Пророчественною тоской объят,

Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что мир спасётся красотой, что каждый
За всех, во всём, пред всеми виноват.
1917

Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. – Москва, 1991. – С. 115.

Л. П. Гроссману

В слепые дни затменя всех надежд,
Когда ревели грозные буруны
И были ярим пламенем Коммуны
Расплавлены Москва и Будапешт,
В толпе убийц, безумцев и невежд,
Где рыскал кат и рыкали тиуны,
Ты обновил кифары строгой струны
И складки белых жреческих одежд.
Душой бродя у вод столицы Невской,
Где Пушкин жил, где бредил Достоевский,
А ныне лишь стреляют и галдят,
Ты раздвигал забытые завесы
И пел в сонетах млечный блеск Плеяд
На стогнах голодающей Одессы.
19 сентября 1919

Волошин М. Пути России: стихотворения и поэмы. – Москва, 1992. – С. 180.

Гражданская война

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные тёмной волей
И горьким дымом городов.
Другие из рядов военных,
Дворянских разорённых гнёзд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.
В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.
В других – лишённых всех корней –
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский –
Надрыв и смута наших дней.
Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...
В других весь цвет, вся гниль Империй,
Всё золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.
Одни идут освободить
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.
В тех и других волна вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула, –

А вслед героям и вождям
Крадётся хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить её пшеницы груды,
Её бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.
И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытопанных жнив.
И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас: –
«Кто не за нас – тот против нас!
Нет безразличных: правда с нами!»
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.
21 ноября 1919

Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. – Москва, 1991. – С. 164–165.

На дне преисподней

С каждым днем всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца, – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь, –
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

12 января 1922

«Россия»

Отрывок из поэмы

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья
(Как ныне – в свой черёд – утверждено
Самодержавье правом революций).
Крижанич жаловался до Петра:
«Великое народное несчастье
Есть неумеренность во власти: мы
Ни в чём не знаем меры да середины,
Всё по краям да пропастям блуждаем,
И нет нигде такого безнарядья,
И власти нету более крутой...»

Мы углубили рознь противоречий
За двести лет, что прожили с Петра.
При добродушии русского народа,
При сказочном терпении мужика, –
Никто не делал более кровавой
И страшной революции, чем мы.
При всём упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв, – никто
С такой хулой не потрошил святыни,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьёв, –
Мы шли путём не их, а Смердякова –
Через Азефа, через Брестский мир.
В России нет сыновнего преемства
И нет ответственности за отцов.
Мы нерадивы, мы нечистоплотны,

Невежественны и ущемлены.
На дне души мы презираем Запад,
Но мы оттуда в поисках богов
Выкрадываем Гегелей и Марксов,
Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп,
Куриль в их честь стираксою и серой
И головы рубить родным богам,
А год спустя – заморского болвана
Тащить к реке, привязанным к хвосту.

Зато в нас есть бродило духа – совесть
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских
И Иоанна Грозного...

В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, – рядом
С любимым из европейцев – человек.
6 февраля 1924

Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. – Москва, 1991. – С. 95–96.

Абрам Гольденберг

Гольденберг Абрам Маркович (1897–1968)
поэт, прозаик, драматург, переводчик.

Возьмите «Карамазовых», раскройте «Бесы» –
Возможно ль? Он задним числом подглядел
Наши сегодняшние процессы,
Клубок бухаринско-троцкистских дел!
Гадючьи глаза и свиные хари
И на руках незасохшая кровь...
Написано «Ставрогин» – читаешь «Бухарин».
Написано Троцкий – читаешь «Смердяков»!..
1925

Новое литературное обозрение. – 2002. – № 1 (53). – С. 434.

Валентин Горянский

Горянский Валентин
(настоящее имя Валентин Иванович Иванов) (1888–1949),
поэт-сатирик, эмигрант.

Памяти Фомы Опискина

Если бы он был уравновешен,
Если бы Опискин Фома жить умел,
Тогда бы варенье из вишен или черешен
Он с булкой очень осторожно ел.

Часто я говорил ему: «Ну послушай!
Разве от косточек ты станешь сыт?
Заклинаю тебя, выплевывай их, не кушай,
Ещё, чего доброго, схватишь аппендицит...»

А он при всех обругается чёрным словом:
«Не зли, – скажет, бывало, – такой-сякой, октябрист.
Самый ядовитый был в «Сатириконе Новом»,
Но душою был светел и, как незабудка, чист...

Увы! засорил-таки он кишку слепую.
Вот тебе и «октябрист», вот тебе «не зли»!..
Отправили его лечиться к папе крестному в Шую,
Но умер в Архангельске, даже до Ташкента не довезли.

Спи, Фома!.. Милое существо и родное,
Мехом скунсовым пусть будет земля тебе.
Да!.. Действительно, есть что-то роковое,
Братья-писатели, в нашей горькой судьбе...
<1913>

А. А. Плещееву

В те дни под громы многолетий
И колокольный перезвон
Император
Александр
Третий
Оберегал российский трон.
Над Гатчиной дымилась в славе
Одна заря, другой вослед,
И уж не думал о потраве
Пренебрежительный сосед.
Струилась рожь волной медовой,
Чтоб обрести благую часть:
В Санкт-Петербурге, на Садовой,
В подвалы золотом упасть.
Скрипели петли на воротах,
Мужицкой сметкою ведом,
Царь барыши считал на счётах
И пересчитывал потом.
В угрозу хищнику и вору
Дом возвышался на холму,
И был он в радость и в опору
И в гордость роду моему.
Я помню жар печных заслонок,
Стекло оконное во льде –
Россия грелась, как ребёнок,
В горячей царской бороде.
Отцы счастливые и деды, –
Чья родина, как снежный прах,
Студенческие ваши плоды
Взвивались бодро на ветрах!

Вы шли великолепным Невским,
Вступая в юношеский спор,
С Некрасовым и Достоевским
При встрече скрещивали взор.
Блится иней в холодном свете,
Вот дробный топот конских ног,
То не Кшесинская ль в карете
К Чекетти едет на урок?
Отцы счастливые и деды,
Чья седина – как снежный прах, –
Какие тягости и беды
Подстерегали вас в ветрах!
[?]

«Мы жили тогда на планете другой...»: антол. поэзии рус. зарубежья, 1920–1990: в 4 кн. – Москва, 1995. – Кн. 1. – С. 253–254.

Мстислав Добужинский

*Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957)
художник, участник творческого объединения
«Мир искусства», художественный критик, мемуарист.*

Я ходил по Петербургу ночью,
Белой ночью, вдоль пустых каналов,
И холодные сжимал перила
Над водою чёрной наклоняясь.

В тёмном зеркале канала спали
Опрокинувшихся зданий стены
И в воде мерцали стёкла окон,
А в заре вверху дома горели.

Не у этих ли решёток видел
Достоевский Настеньку когда-то
Как она глядела безнадежно
В ту же воду сонную канала.

И в ту ночь заря с печалью тихой
Отражалась в окнах, как сегодня,
А в зелёном небе золотился
Тот же самый шпиль Адмиралтейства.

В тишине шаги звучали эхом,
Когда шёл я гулким переулком,
Где во мгле домов пустуют стены
За глухую линией заборов.

И всё так же эхо повторяет
Одинокий шаг осиротелых
Тех, кто Настеньку свою утратил
Белой ночью, средь пустынных улиц.

Июль – декабрь 1922. Петербург

LiveInternet.ru: портал. – Текст электронный. – URL: <http://www.liveinternet.ru/community/2420181/post148480895/> (дата обращения: 24.11.2015).

Вячеслав Иванов

*Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949),
поэт, переводчик.*

Персть

*Воистину всякий пред всеми
за всех и за всё виноват.
Достоевский*

День белоогненный палил;
Не молк цикады скрежет знойный;
И кипарисов облак стройный
Витал над мрамором могил.

Я пал, сражён души недугом...
Но к праху прах был щедр и добр:
Пчела вилась над жарким лугом,
И сох, благоухая, чобр...

Укор уж сердца не терзал:
Мой умер грех с моей гордыней, –
И, вновь родним с родной святыней,
Я землю, Землю лобызал!

Она ждала, она прощала –
И сладок кроткий был залог;
И всё, что дух сдержать не мог,
Она смиренно обещала.
1895

Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. – Москва, 2001. – С. 36–37. – (Поэзия XX века).

Рюрик Ивнев

*Ивнев Рюрик (настоящее имя
Ковалёв Михаил Александрович) (1891–1981),
поэт.*

Я летний день давно не целовал
Глазами, тростью, башмаками, платьем;
Сегодня волны дивная Нева,
Как Баратынский дивный стих свой, катит.

Вот солнце льёт сквозь облако лучи,
И я глаза закрыл, как перед смертью.
Благодарю Тебя за то, что научил
Любить униженных и каторжникам верить.
1914

Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века: поэт. антология. – Ленинград, 1988. – С. 316.

СМОЛЬНЫЙ

Довольно! Довольно! Довольно
Истошно кликушами выть!
Весь твой я, клокочущий Смольный,
С другими – постыдно мне быть.

Пусть ветер холодный и резкий
Ревёт и не хочет стихать,
Меня научил Достоевский
Россию мою понимать.

Не я ли стихами молился,
Чтоб умер жестокий палач,
И вот этот круг завершился,
Россия, Россия, не плачь!

Не я ль призывал эти бури,
Не я ль ненавидел застои?
Дождёмся и блеска лазури
Над скованной льдами Невой.

Чтоб счастье стране улыбнулось,
Она заслужила его.
И чтобы в одно обернулось
Твоё и моё торжество,

Довольно! Довольно! Довольно!
Кликушам нет места в бою.
Весь твой я, клокочущий Смольный,
Всю жизнь я тебе отдаю!

Октябрь 1917 Петроград

Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века: поэт. антология. – Ленинград, 1988. – С. 316–317.

Берёзы

Берёзы выглядели скромно,
Но что-то было в них такое,
Как будто только им знакома
Тревога вечного покоя.

О чувствах их не говорили
Ни лес, ни пасмурные тучи,
Ни Аристотель и ни Рильке,
Ни Достоевский и ни Тютчев.

Но на весь мир о нём кричало
Бесчисленными голосами
Жизнелюбивое начало,
В котором действуем мы сами.
26 апреля 1971 Москва

Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века: поэт. антология. – Ленинград, 1988. – С. 317.

Николай Клюев

*Клюев Николай Алексеевич (1884–1937),
поэт.*

Блузник, сапожным ножом
Раздирающий лик Мадонны, –
Это в тумане ночном
Достоевского крик бездонный.

И ныряет, аукает крик –
Чернопёрый колдующий петел,
Неневестной Матери лик
Предстаёт нерушимо светел.

Безобиден горлинка-нож
В золотой коврижной потребе.
Колосится зарная рожь
На валдайском, ямщицком небе.

И звенит Достоевского боль
Бубенцом плакучим, поддужным...
Глядь, кабацкая русская голь,
Как Мадонна в венце жемчужном!

Только буйственна львёнок-брада,
Ястребята – всезрящие очи...
Стали камни, огонь и вода
До пурпуровых сказок охочи.

И волхвующий сказочник я,
На устах огневейные страны...
Достоевского боль, как ладья,
Уплывает в ночные туманы.

1919

Иван Коневской

*Коневской Иван Иванович
(настоящая фамилия Ореус) (1877–1901),
поэт, литературный критик.*

По дням

Ф. А. Лютеру

*Други мои, просите у Бога веселия.
Будьте веселы, как дети, как птички небесные.
Достоевский*

Есть не только тайны заката,
О, не только есть таинства ночи:
Есть и тайны рассвета, откровения утра,
Легче, воздушней, короче!
За тканями света денного
Эти тайны вьются и реют.
Это – лёгкие, стройные, приветные духи,
Кротостью, ласкою веют.
Да, да, эти светлые тайны,
Озарённые отрадой виденья...
Вот жизнь, и блаженная, и духом просвеченная –
Благодать возрожденья!
Это – весна, но в небесах растворённая,
Это – дни после Воскресенья Христова,
А венец этих дней – Вознесение духа,
Вознесение воплощённого Слова!
Лёгкой, мягкой дымкой облака собралися,
Застылают они солнце покровом.
Пополуденный час...
Свет не яркий, но ясный.
Час, отмеченный вознесеньем Христовым!

Вот таких-то часов мы и алчем, и жаждем,
Как предвкусья горней отрады.
Ловим проблески их, упиваемся тайной,
Тайной ясной, полной улады.
Занавесимте окна в сияющий полдень,
Заведём весёлые речи;
Тут и в свете, и в слове нам скажутся духи,
Радости беспредельной предтечи.
Вешнее утро...
Ступайте в поля и дубравы,
И почуете тех же благостных сил дуновенье.
В сладком детском восторге ваше сердце сожмётся,
Осенит вас мощь вдохновенья.
И средь кущей, в праздничном, радужном, свежем
уборе,
Узрите лик Христа живоносный.
Тело с духом, со страстью покой сочетаются в хоре,
В необъятном просторе
Жизни безбурной, но и не косной.
Февраль 1896

Коневской И. И. Мечты и думы: стихотворения и проза. – Томск, 2000. – С. 40–41.

Леонид Леонов

Леонов Леонид Максимович (1899–1994),
прозаик, драматург, публицист.

Тебе, нашему

(к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского)

Отрывок

Ты не знал, да и знать откуда
В дни кнута, эшафота, плетей,
Что свершится однажды чудо
На просторах России твоей,

Что однажды над Русью сонной
Прогудит семнадцатый год,
Что «униженный и оскорблённый»
«Мёртвый дом» твой навек сметёт...
Если б жил ты, – ты был бы с нами...

Да, ты наш, – брат рабочего люда,
Свет, зажжённый тобой, не погас,
Ты не знал, что свершится чудо,
Но я знаю, ты верил в нас.

1921

Ковалев В. А. Творчество Леонида Леонова: к характеристике творческой индивидуальности писателя. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 36–37.

Бенедикт Лившиц

*Лившиц Бенедикт Константинович
(первоначально Бенедикт Нахманович) (1887–1939),
поэт, переводчик и исследователь футуризма.*

Фонтанка

Асфальтовая дрожь и пена
Под мостом – двести лет назад
Ты, по змеиному надменна,
Вползла в новорождённый град.

И днесь не могут коноводы
Сдержать ужаленных коней:
Твои мучительные воды
Звериных мускулов сильнеей.

Что – венетийское потомство
И трубачей фронтовых ложь,
Когда, как хрия вероломства,
Ты от дворцов переползёшь

Под плоскогорьем Клодта Невский
И сквозь рябые черныши
Дотянешься, как Достоевский,
До dna простуженной души?..
1914

Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века: поэт. антология. – Ленинград, 1988. – С. 307–308.

Алексей Лозина-Лозинский

*Лозина-Лозинский Алексей Константинович (1886–1916),
поэт, прозаик, переводчик,
драматург, критик.*

Санкт-Петербург

Отрывок из поэмы

*И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...
Пушкин.*

*Петербург – это самый умышленный
и отвлечённый город на свет.
Достоевский.*

I.

Я на Неву пришёл, когда уже тени стали
Сливать в неясное тот берег, тот, другой...
Слежу за блеском вод из воронёной стали
И слушаю их ритм, тяжёлый и большой.

Есть что-то пьяное, распущенное что-то,
И безысходное, и скучное в волне...
Как будто для неё – вся жизнь одна работа,
Но... странно! Грубая, она живёт во сне.

Когда полна, дерзка, шатаясь без рассудка,
Ударит о гранит пологая волна,
Мне кажется, что так рабыня-проститутка,
Тяжёлая, плечом толкается спьяна.

Волна взойдёт на спуск, всей массою взберётся,
И тотчас вниз спадет, как будто бы ей лень...
И так она шумит, бормочет, плещет, бьётся,
Весь долгий день и ночь, и снова – ночь и день...

Как всё знакомо мне! Огни далёкой Лахты
И нити фонарей, застывших над Невой,
И эти белые, медлительные яхты,
Как чайки в сумерках скользящие домой...

А барки грузные во мраке, как бегемоты,
Ползут лентясь-лентясь, и часто слышны мне
То крики звонкие, то drobный стук работы,
Звучащий вечером, не также, как при дне.

А после пробежит, пыхтя, смешной, сердитый,
Какой-то катерок, сверкая огоньком...
Всё это было мной когда-то пережито,
Как мир живой... Давно... Теперь-же стало сном.

<...>

1916

Санкт-Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века. – Ленинград, 1988. – С. 302–305.

Дмитрий Мережковский

*Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941),
поэт, прозаик, драматург, религиозный философ,
литературный критик.*

Смерть (Петербургская поэма)

Отрывок из поэмы

Наш город скучный и холодный
В стихах задумчивых пою,
Наш Север мрачный и бесплодный,
Отчизну бедную мою.
В огромном Невском и Литейной,
В их красоте прямолинейной,
В Неве, закованной в гранит, –
Есть дух суровый. Город бедный,
Не даром над тобой царит
На глыбе камня Всадник Медный:
Ты полон страха и тоски –
Под грозным манием руки
Петровой! В городе туманном,
В громадах улиц – мысль одна,
Как луч в кристалле многогранном,
Кругом везде, отражена,
В холодном бледном небосводе,
И в этой северной природе
Таится кроткая печаль:

Когда гляжу на мрачный Невский,
На отуманенную даль, –
Твоих героев, Достоевский,
Припоминаю. Русский дух
И здесь, быть-может, не потух.
1895

Мережковский Д. Полн. собр. соч. – Москва, 1914. – Т. 23. – С 8.

Владимир Набоков

*Набоков Владимир Владимирович (1899–1977),
русский и американский писатель, поэт,
переводчик, литературовед, энтомолог.*

**На годовщину
смерти Достоевского**

Садом шёл Христос с учениками...
Меж кустов на солнечном песке,
вытканном павлиньими глазками,
пёсий труп лежал невдалеке.

И резцы белели из-под чёрной
складки, и зловонным торжеством
смерти заглушён был ладан сладкий
тёплых миртов, млеющих кругом.

Труп гниющий, трескаясь, раздулся,
полный склизких, слипшихся червей...
Иоанн, как дева, отвернулся,
Сгорбленный поморщился Матфей.

Говорил апостолу апостол:
«Злой был пёс; и смерть его нага,
мерзостна...»
Христос же молвил просто:
«Зубы у него как жемчуга...».
1921

Достоевский

Тоскуя в мире, как в аду, –
уродлив, судорожно-светел, –
в своём пророческом бреду
он век наш бедственный наметил.

Услыша вопль его ночной,
Подумал Бог: ужель возможно,
Что всё дарованное Мной
Так страшно было бы и сложно?
1923

Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 1. – С. 511.

Арсений Несмелов

*Несмелов Арсений (настоящее имя
Арсений Иванович Митропольский), (1889–1945),
поэт, прозаик, журналист.*

Достоевский

В углах души шуршит немало змей,
От тонких жал в какую щель забиться?
Но Бог сказал: «Страдай, ищи... сумей
Найти меж них орла и голубицу».

Вот – Идиот. Не мудр ли он, когда,
Подняв свой страх, стоит, тоской пылая?
Но обрела на страшные года
Свой бледный бред мятежная Аглая.

Вот «пьяненький»... И он в луче небес,
В щетине щёк свою слезу размазав,
Но яростен, когда терзает бес,
Логически-безумный Карамазов.

Все близкие... Идут, идут, идут
По русской окровавленной дороге.
И между них, как злой и мёртвый Дух, –
Опустошённый сумрачный Ставрогин.

И умер ты, и прожил жизнь, ища,
И видел мрак и свет невыносимый:
То нигилист глядел из-под плаща,
То в истину поверивший Зосима.

Люблю тебя, измученный пророк,
Ты то горел, то гас, то сердце застил,
И всё ж ты пел (хотя бы между строк)
О нежности, о жалости, о счастье.
1923

ЛитЛайф: литературное сообщество: сайт. – Текст электронный. –
URL: <http://litlife.club/br/?b=202027&p=49> (дата обращения: 26.02.2018).

Борис Садовской

*Садовской Борис Александрович (1881–1952),
поэт, прозаик, критик, литературовед.*

«Комарович»

о Достоевсковеде В. Л. Комаровиче

В тебе слились два лика. Первый лик –
Дней пушкинских. Аи, чубук и тахта,
Гвардейский строй, дуэли, гауптвахта
И Германна полубезумный вскрик.

Второй твой лик: в нём оживает шляхта
Разгул войны, мазурок переклик,
Охота, сейм. И всё сгорает вмиг,
Встречая взор самоубийцы Крафта.

Ночь белая болезненно бледна.
Вот юный Достоевский у окна,
Пред ним в слезах Некрасов, Григорович.

Всё это пролетает надо мной
В часы, когда беседую с тобой,
Когда со мной сидишь ты, Комарович.
1919

Комарович В. Л. «Весь устремленье»: ст., и исслед. о Ф. М. Достоевском / сост., отв. ред. и автор вступ. ст. О. А. Богданова. – Москва, 2018. – С. 729.

Игорь Северянин

*Северянин Игорь (настоящее имя
Лотарёв Игорь Васильевич) (1887–1941),
поэт, переводчик, мемуарист, очеркист.*

На закате

...отдыхала глазами на густевшем закате...

И. Лесков

Отдыхала глазами на густевшем закате,
Опустив на колени том глубинных листков,
Вопрошая в раздумьи, есть ли кто деликатней,
Чем любовным вниманьем воскрешённый Лесков?

Это он восхищался деликатностью нищих,
Независимый, гневный, надпартийный, прямой.
Потому-то любое разукрасят жилище
Эти книги премудрости вечной самой.

А какие в них ритмы! А какая в них залежь
Слов ядрёных и точных русского языка!
Никаким модернистом ты Лескова не свалишь
И к нему не посмеешь подойти свысока.

Достоевскому равный, он – прозёванный гений.
Очарованный странник катакомб языка!
Так она размышляла, опустив на колени
Воскрешённую книгу, созерцая закат.

1928

Северянин И. Классические розы. Медальоны: стихи. – Москва, 1991. – С. 54.

Молитва

Достоевскому

Благочестивого монастыря
Гостеприимство радостно вкушая,
Я говорю: жизнь прожита большая,
Неповторяемая на земле!
Всё находимое порастерял
И вот, слезами взоры орошая,
Я говорю: жизнь прожита большая...
Проговорил – и сердцем обомлел:

Большая жизнь, но сколького не знал!
Мелькают страны, возникают лица
Тех, о которых некому молиться,
Кто без молитвы жил и постарел...
Чем дольше жизнь, тем явственней сигнал...
С кем из безвестных суждено мне слиться?
О всех, о ком здесь некому молиться,
Я помолюсь теперь в монастыре...
Ночь под 1927

Северянин И. Классические розы. Медальоны: стихи. – Москва, 1991. – С. 62.

Достоевский

Его улыбка – где он взял её? –
Согрела всех мучительно-влюблённых,
Униженных, больных и оскорблённых,
Кошмарное земное бытие.

Угармонированное своё
В падучей сердце – радость обречённых,
Истерзанных и духом иступлённых –
В целебное он превратил питье.

Все мукой опрокинутые лица,
Все руки, принуждённые сложиться
В крест на груди, все чтущие закон,

Единый для живущих – Состраданье,
Все, чрез кого познали оправданье,
И – человек почти обожествлён.

1926

Северянин И. Классические розы. Медальоны: стихи. – Москва, 1991. – С. 153–154.

Фёдор Сологуб

Сологуб Фёдор (настоящее имя
Фёдор Кузьмич Тетерников) (1863–1927),
поэт, прозаик, драматург, публицист.

Печальная судьба рабов свободы ждёт:
Доколе юн ещё и чист – освободитель,
А в старости гнетёт униженный народ,
Народной вольности поработитель.

Поэт ли он? Он чтит свободы идеал,
Он проповедовал о ненависти, мщеньи,
Он в каземате за народ страдал,
А в старости народу указал
В тупой покорности властям спасенье,
И пылкой юности твердил о всепрощеньи.

Простой ли гражданин? О нём не говорю;
Он пред судьбою, как тростник прибрежный, гибок.
Зовёт он сердцем робким светлую зарю,
Но не прожить ему без роковых ошибок,
Ему, рабу судьбы своей, а не царю.
25 января 1883
[к годовщине смерти Ф. М. Достоевского]

Сологуб Ф. К. Полн. собр. стихотворений и поэм: в 3 т. – Санкт-Петербург, 2012. – Т. 1. – С. 151, 1060.

Такубоку Исикава

*Такубоку Исикава (1886–1912),
японский поэт, литературный критик.*

*Единственный отклик поэта на прочитанный роман
Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»*

Русское имя
Соня
Я дал дочурке своей.
И радостно так бывает
Порой окликнуть её.

100 лет русской культуры в Японии. – Москва, 1989. – С. 203.

Дмитрий Фурманов

Фурманов Дмитрий Алексеевич (1891–1926),
прозаик, публицист, литературно-общественный деятель.

Какую тяжесть оставляешь,
Страдалец, ты в душе моей.
Как ты глубоко отравляешь
Беспечность юных моих дней!

Что новый сказ – то бездна горя,
Что новый звук – то новый стон...
Ужели горечь жизни моря
Испил душой своею он?

Ужели все эти страдания,
Иль хоть подобие одно:
Все вопли, муки и стенанья –
Всё им душою рождено?

О, как тогда ты исстрадался!
Как много грех людей омыл!
Как ты над ними убивался,
Как верил в них и как любил!!!
23 февраля 1912

Куприяновский П. В. Доверие к жизни: (лите-ратуровед., и лит.-крит. ст.). – Ярославль, 1981. – С. 106.

Велимир Хлебников

*Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885–1922),
поэт и прозаик.*

О достоевскиймо идущей тучи,
О пушкиноты млеющего полдня,
Ночь смотрится, как Тютчев,
Замирное безмерным полня.
1907–1908

Хлебников В. Собрание сочинений: в 3 т. – Санкт-Петербург, 2001. –
Т. 1. – С. 70.

Степан Яремич

*Яремич Степан Петрович (1869–1939),
график, живописец, искусствовед.*

«Месяц в деревне» прожил я,
С «Нахлебником» я вёл там дружбу,
Я к «Бесам» поступил на службу –
Им всем служила кисть моя!
Я зная, скоро «Будет радость»,
Она придет сюда весной.
Ах, Боже мой, ах, Боже мой!
Вдруг эта радость не будет в радость!
1914

М. В. Добужинский: письма. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 355.

**СТИХИ ПОЭТОВ
1930-х - 2021 гг.**

Юрий Агеев

Агеев Юрий Михайлович (род. 1965),
поэт, прозаик, публицист, переводчик,
философ, композитор, бард.

Достоевский

Отрывки из поэмы

Глава первая

Отец... Приют на Божедомке.
Пустырь, заросший сорняком.
Поводыри, слепцы, котомки,
Рука с зажатым пятаком.
Здесь всё запомнилось, и будет
Сынишкой желчного врача
Рассказано живущим людям,
Без лжи и шёпота, – с плеча!
Рассказчик мал: ему лет восемь.
Но разве мало восемь лет,
Когда о том, что не выносят,
Он знает не один сюжет?
О чём не ведают в салонах
И даже слышать не хотят,
Там, где голубят пустозвонов,
Вдруг загудит его набат.
Он станет притчей во языцах,
Его услышат тьма и свет.
И он иуд увидит в лицах,
Но это будет в двадцать лет.

А нынче голос хриплый, резкий,
Опять клянёт его с крыльца.
И мальчик, Федька Достоевский,
Бежит за флигель от отца.

Глава вторая

Карьера канцелярской крысы –
Зарыться в ворохе бумаг,
Жить исправлением описок,
Пугаться взглядов: «Что, не так?»
Не так, как надо, выступаешь
И кланяешься невпопад,
Не так на плане намечаешь
Карьеру, чин и цепь наград.
Трудись хоть до седьмого пота
Над циркулярною горой.
Нам всяких благ сулит работа,
В итоге плата – геморрой!

< ... >

Глава семнадцатая

Свечи тают, ярче свет
От камина и жаровни.
Человека больше нет,
Только слабый звон в часовне.
Тишина. Одна жена
Плачет. Слёзы – это малость!
Чья вина? Ничья вина.
Смерти неизвестна жалость.

Только томик от Луки
Стынет, надвое разломлен.
Стихли звуки и шаги,
Гаснут звоны колоколен.
Улыбнувшись, он ушёл,
Муки променяв на муку.
Неизвестное из зол
Взял в незнании за руку.

Сообщество творческих людей «Авторы.ру»: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://avtors.ru/id15083/31503> (дата обращения: 12.04.2021).

Михаил Айзенштадт

*Айзенштадт Михаил Константинович (1900–1970),
еврейский поэт, автор многочисленных пародий,
в 1920-е гг. эмигрировал в Латвию, затем в США.*

Достоевскому

I

Неумолимая необходимость жить.
Жить так, как все. Не хуже и не лучше.
И свой экстаз божественный смирить
Припадками неистовой падучей.

И знать, что всё придуманная ложь,
Что всё неповторимо и превратно.
О, ты, эпилептическая дрожь,
Усталости болезненные пятна!

Куда ведут извилины дорог?
Кого зову и кто меня услышит?
И кто он, страшный и косноязычный Бог,
Косноязычных и больных людишек?

II

И выйдет бес, с холодным блеском глаз,
Колючею щетиною покрытый,
И скажет: «Трепещи, настал твой час,
Тебя зовёт Великий Инквизитор».

И я пойду. В предчувствии конца
Глухое сердце будет биться чаще.
Я встречу Карамазова-отца
И сына Лизаветушки Смердящей.

И мы продолжим странный путь втроём.
Пройдём тайгу, пустыни снега – мимо!
Что ожидает впереди нас – мёртвый дом
Или обитель мудрого Зосимы?

III

И в темноте бесстрастный лунный лик
Покажется бесстрастней и бездушной.
И подойдёт к нам тихо проводник,
Одетый в рясу, как простой послушник.

И поведёт нас дальше в ночь и в снег.
К иным паденьям и иным высотам.
И мы поймём, что нашей жизни бег
Не стоит маленькой слезинки Идиота.

Что униженным, оскорблённым нелегко
Глядеть на мир с улыбкой всепрощенья,
Что будет наказание велико
За наши и чужие преступления.
1921?

Достоевский: исследования и материалы. – Санкт-Петербург, 2007. –
Т. 18. – С. 377–378.

Николай Алексеев

*Алексеев Николай Евдокимович (род. 1941),
поэт, публицист
из г. Семипалатинска (Республика Казахстан).*

Раздумья в музее Достоевского

*На стенах музея фрагменты из произведений писателя,
выполненные художником Г. Козлитиным...*

Нахлынуло всё вихрем, вне сравненья;
И мысли замелькали, как стрижи;
Отчётливы, как взглядов столкновенье,
Внезапные – хоть миг и сторожил.
Проступят в мешанине чувств, предметов
Тяжёлые и тёмные тона?
Искал печально – роковой приметы
В, казалось бы, понятных мне стенах.
Печаль, неизреченная, всесветная,
В настенных ликах; страха ли позор?
Повис не над старухой – над планетой
Раскольникова роковой топор.
И трещина, глубокая и резкая,
Змеится через душу, через шар...
Качнулась и ушла тень Достоевского
В туман, за перекаты Иртыша.
Угрюмые и сумрачные лики,
Мелькали, изувечены бедой...
На грани катастрофы мир? На стыке?
Но будет ли спасён он красотой?...

Вот, заглушая нудный звон кандалный
И умеря пыльный плаца зной,
Вдруг, вздрогнув, стены медленно раздались,
Край неба ослепил голубизной.
И по ступеням, узким и скрипучим,
Вошёл в меня лучистый, добрый день...
Не умереть, а жить хотел я жгуче,
Не убивать, а воскрешать людей.
1989

Достоевский и современность: (материалы Достоевских чтений). – Семипалатинск, 1989. – С. 95.

Алексей Алёхин

*Алёхин Алексей Давидович (род. 1949),
поэт, главный редактор журнала «Арион».*

Троица

я хотел бы посидеть за столом
за дощатым простым с деревенским вином
лепёшками и остывшею рыбой
с Иисусом Ван Гогом и Алёшей Карамазовым
даже не рядом а на табурете
у стены под гвоздём на котором этюдник
и запылившийся нимб
и послушать их разговор

вот тихо говорит Иисус
и Алёша в белой рубахе кивает
вскочил горячась и размахивая руками Винсент
а потом вдруг глянув в окно
замечает мужчину катящего тачку
по дороге залитой солнцем после дождя
груз прикрыт мокрой тряпкой и блестит
будто золота грудю везут
он замолкает и вглядывается

и все трое смотрят туда
храня молчание
и улыбаясь.

Дружба народов. – 2003. – № 12. – С. 24; То же. – URL: <http://alciona.net/forum/index.php?topic=9.90;wap2> (дата обращения: 13.01.2018).

Эльмира Алиева

*Алиева Эльмира, учитель литературы и русского языка
из Баку (Азербайджан).*

Теория Раскольниковова

(для детей старшего школьного возраста)

На улице жара стояла страшная,
К тому же духота и толкотня,
Леса, кирпич, дома, известкой крашенные,
В трактирах – вонь и пьяная возня...

Жестокий город – призрак, наваждение,
Преследуя людей, как адский бред,
Рождает в них кошмарные видения;
В нём жалости к несчастным людям нет.

Каморка-гроб оклеена «обоями,
Имеющими самый жалкий вид»,
Три старых стула, пыль, окно-пробоина,
И столик с книгами в углу стоит.

Часами на софе, в лохмотьях ситцевых,
Укрывшись ветхим стареньким пальто,
В плену иллюзий, снов, идей неистовых,
Раскольников в бреду решает: Кто?

Кто он? Ничтожество и «тварь дрожащая»,
Убийца-гений, как Наполеон?
Безумец не поймёт, где настоящее,
А где болезненный ужасный сон.

Оправдывая силу, преступление
Во имя высшей цели, он не знал,
Что совесть – наказание, мучение,
Любить, прощать – вот высший идеал.

Поборник гуманизма, справедливости,
Великий Достоевский утверждал:
Страдание без Божьей милости –
Любого преступления финал.

Идеи Ницше преданы фашистами,
Теория убийства не нова,
Писатель прав: пути к познанию истины
Всегда приводят к торжеству Добра.

Изба-читальня: лит. портал. – Текст электронный. – URL: <https://www.chitalnya.ru/work/197473/> (дата обращения: 23.01.2018).

Алнора

Алнора (настоящее имя Алла Корякова),
поэт из Санкт-Петербурга.

Старая Русса. 3. Дом-музей Достоевского

(Путевые заметки от 14.06.14)

Вот этот дом... Здесь Фёдор Достоевский
Когда-то жил с женою и детьми.
Четыре залы, в окнах занавески,
Цветок герани, копии картин
Напротив входа... Как они знакомы!
«Сикстинская Мадонна» (Рафаэль),
А рядом – «Шоколадница»... так дома
У нас они висели... хочешь – верь,
А хочешь – нет, но и часы, и стулья,
И тёмный, в украшениях буфет –
Почти как наши: будто бы вернули
Меня в мир детства, к тем, кого уж нет...
А вот и стол рабочий, где писатель
Слагал про Карамазовых роман,
Здесь подчевал друзей, там вешал платья,
А тут газеты свежие листал...

Из дома вышла... под откосом Полисть
И шёпот ив – как будто тот же век:
Уютный дом, жене диктует повесть
Великий мастер, гений... человек...

Стихи.ру: лит. портал. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2014/06/19/2074> (дата обращения: 29.01.2018).

Даниил Андреев

*Андреев Даниил Леонидович (1906–1959),
писатель, мистик-духовидец, поэт, философ.*

Художественному театру

Порой мне казалось, что свят и нетленен
Лирической чайкой украшенный зал,
Где Образотворец для трёх поколений
Вершину согласных искусств указал.

Летящие смены безжалостных сроков
Мелькнули, как радуга спиц в колесе,
И что мне до споров, до праздных упрёков,
Что видел не так я, как видели все?

В губернскую крепь, в пошехонскую дикость
Отсюда струился уют очагов,
Когда единил всепрощающий Диккенс
У пламени пунша друзей и врагов.

То полу-улыбкою, то полу-смехом,
То грустью, прозрачной, как лёд на стекле,
Здесь некогда в сумерках ласковый Чехов
Томился о вечно цветущей земле.

Казалось, парит над паденьем и бунтом
В высоком катарсисе поднятый зал,
Когда над растратившим душу Пер Гюнтом
Хрустальный напев колыбельной звучал.

Сквозь брызги ночных, ледящих и резких
Дождей Петербурга, в туманы и в таль
Смятённым очам разверзал Достоевский
Пьянящую глубь – и горящую даль.

Предчувствием пропасти души овеяв,
С кромешною явью мешая свой бред,
Здесь мертвенно-белым гротеском Андреев
На бархате чёрном чертил свое «нет».

Отсюда, ещё не умея молиться,
Но чая уже глубочайшую суть,
За Белою Чайкой, за Синею Птицей
Мы все уходили в излучистый путь.

И если театр обеспечен, как все мы,
Отдав первородство за мёртвый почет,
Он был – и такой полнозвучной поэмы
Столетье, быть может, уже не прочтёт.
1950

Андреев Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т.– Москва, 1993. – Т. 1. – С. 39; То же. – URL: <http://ru-poema.ru/hudozhestvennomu-teatru-andreev-daniil/> (дата обращения: 13.01.2018).

Павел Антокольский

*Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978),
русский поэт, переводчик.*

Сонечка Мармеладова

Ии Саввиной

Санкт-петербургская девица
Отъявленного поведенья
Должна была в театр явиться
Через сто лет, со дна паденья, –
Под пьяный гомон, гам и гик,
Под вопли низменных клевет, –
Для зрителей, для всех других
Сама в себе – ярчайший свет,
Она как в храм пришла на сцену,
К высокой роли не готовясь,
Чтобы свою назначить цену
На Достоевского, на совесть.
Должна была опять расти
И выросла до самых звёзд.
Чтобы другой рыдал «прости!»
Через сто лет, за сотню вёрст.
1969

Антокольский П. Собрание сочинений: в 4 т.– Москва, 1971. – Т. 2. – С. 587.

Достоевский

Начало всех начал его. В ту ночь
К нему пришли Белинский и Некрасов,
Чтоб обнадёжить, выручить, помочь,
Восторга своего не приукрасив,
Ни разу не солгав. Он был никем,
Забыл и о науке инженерной,
Стоял, как деревянный манекен,
Оцепеневший в судороге нервной.

Но сила прозы, так потрясшей двух
Его гостей – нет, не гостей, а братьев...
Так это правда – по сердцу им дух
Несчастной рукописи?.. И, утратив
Дар слова, – господи, как он дрожал,
Как лепетал им нечленораздельно,
Что и хозяйке много задолжал
За комнату, что в муке трёхнедельной
Ждал встречи на Аничковом мосту
С той девушкой, единственной и лучшей...

А если выложить начистоту, –
Что ж, господа, какой счастливый случай,
Он и вино припас, и белый хлеб.
У бедняков бывают гости редко.
Простите, что он пылок и нелеп!
Вы сядьте в кресла. Он – на табуретку.

Вот так он и молот им сущий вздор
В безудержности юного доверья.
А за стеной был страшный коридор.
Там будущее пряталось за дверью,
Присутствовал неведомый двойник,
Сосед или чиновник маломощный,
Подслушивал, подсматривал, приник
Вплотную к самой скважине замочной.

С ним встреча предстоит лицом к лицу.
Попробуйте и на себя примерьте
То утро на Семёновском плацу,
И приговор, и ожиданье смерти,
И каторгу примерьте на себя,
И бесконечный миг перед падучей,
Когда, земное время истребя,
Он вырастет, воистину грядущий!

Вот каменные призраки громад,
Его романов пламенные главы
Из будущего близятся, гремят,
Как горные обвалы. Нет – облавы
На всех убийц, на всех самоубийц.
В любом из них разорван он на части.
Так воплотись же, замысел! Клубись,
Багряный дым – его тоска и счастье!

Нет будущего! Надо позабыть
Его помарок черновую запись.
Некрасов и не знает, может быть,
Что ждёт его рыдающий анапест.
А вот Белинский харкает в платок
Лохмотьями полусожжённых легких.
И ночь темным-темна. И век жесток –
Равно для всех, для близких и далёких.

Кончалась эта ночь. И, как всегда,
В окне серело пасмурное утро,
Спасибо вам за помощь, господа!
Приход ваш был придуман очень мудро.
Он многого не досказал ещё,
В какой живёт он муке исполинской.
Он говорил невнятно и общо.
Молчал Некрасов. Понимал Белинский.
1970

Литературная Россия. – 1971. – 29 окт.; То же: Русская поэзия: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://rupoem.ru/antokolskij/all.aspx#nachalovsex-nachal> (дата обращения: 13.01.2018).

Наталья Ануфриева

*Ануфриева Наталья Даниловна (1905–1990),
поэтесса.*

Было лето. Жара.
Город жёг, раскалённый и белый.
Но тихонько закат
Тронул южного неба края...
Шла я с книгой домой,
У которой спросить я хотела
То, что жизни нужней, –
Что такое Россия и я.
Опадала жара.
Пахло пылью. Томило акации.
Далеко в вышине
Замигала, робея, звезда...
И неслышно ко мне –
В этот час начинало смеркаться –
Достоевский вошёл,
Чтоб остаться со мной навсегда.

Москва. – 2002. – № 2. – С. 191. – Первая публ.

...И хмурые люди в калошах,
Тяжело топтавшие снег,
Говорили, что он – хороший
Писатель – и большой человек.
А мне тяжело одной томиться,
А мне трудно с моей судьбой,
Я ведь только одна страница,
Не написанная тобой.

Москва. – 2002. – № 2. – С. 197. – Первая публ.

Аркадий Арканов

Арканов Аркадий Михайлович
(настоящая фамилия Штейнбок) (1933–2015),
писатель-сатирик, драматург, сценарист,
поэт-песенник, актёр, телеведущий.

Идиот

(Слегка приклатнённо, шафутинисто)

Помню я тот зимний вечер...
Дверь открыла ты сама.
И глаза твои, и плечи
Враз свели меня с ума.
Но судьба в «очко» играет,
Даму трэф десяткой бьёт.
Был князь Мышкин просто фраер –
Стал князь Мышкин идиот.

Настасья Филипповна!
Что же ты наделала!
Настасья Филипповна!
Девочка моя ты смелая!
Настасья Филипповна!
Ты меня покинула!
Настасья Филипповна!
Зачем меня ты кинула?

Я растерян, я встревожен,
Не могу с друзьями пить.
Не могу я, как Рогожин,
Захотеть тебя купить.

Облажался старый дурень,
Надсмеялась ты над ним.
Видел я, как ты, в натуре.
Баксы бросила в камин.

Настасья Филипповна!
Что же ты наделала!
Настасья Филипповна!
Девочка моя ты смелая!
Настасья Филипповна!
Ты меня покинула!
Настасья Филипповна!
Баксы в печку кинула!

Ironic: ироническая и юмористическая поэзия: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://ironicpoetry.ru/authors/arkanov-arkadiy/idiot.html> (дата обращения: 13.01.2018).

Анна Ахматова

*Ахматова Анна Андреевна (1889–1966),
поэтесса, переводчица, литературовед.*

Предыстория

Я теперь живу не там...

Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролётки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «Andre»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятих кажется годов
Особенно зимой, перед рассветом
Иль в сумерки – тогда за воротами
Темнеет жёсткий и прямой Литейный,
Ещё не опозоренный модерном,
И визави меня живут – Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.
А в Старой Руссе пышные канавы,

И в садиках подгнившие беседки,
И стёкла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдём.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...)

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал
Каренинской красою изумлённых,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под жёлтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...
Всё разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене – рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от неё как будто получила, –
Ненужный дар моей жестокой жизни...

Страну знобит, а омский каторжанин
Всё понял и на всём поставил крест.
Вот он сейчас перемешает всё
И сам над перевозданным беспорядком,
Как некий дух, внесётся. Полночь бьёт.
Перо скрипит, и многие страницы
Семёновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьём
1945

РуСтих: стихи классиков: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://rustih.ru/anna-axmatova-predystoriya/> (дата обращения: 12.04.2021).

Поэма без героя

Триптих
(отрывок)

...И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью бил барабан...
1940-е

Ахматова А. Лирика. – Москва, 1989. – С. 339.

Иван Ахметьев

*Ахметьев Иван Алексеевич (род. 1950),
поэт, переводчик, редактор.*

Достоевский
Через каторгу
Понял двадцатый век.

Независимая газета. – 1993. – 28 июля. – С. 8.

тварь ли я дрожащая
или право имею
ничего не делать?

Александр Левин: сайт. – Текст электронный. – URL: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/АХМЕТЪЕВ/Sotni_kryuchkov.html (дата обращения: 13.01.2018).

Гоголь
Достоевский
Толстой
Чехов

Горький тоже
Но больше
В слаборазвитых странах

Кулаков В. Постфактум. – Москва, 2007. – С. 211.

Владимир Бабуров

*Бабуров Владимир Филиппович (род. 1946),
художник, поэт, скульптор, ювелир
из г. Хабаровска.*

Когда читаешь Достоевского

Когда читаешь Достоевского,
В твои тревожно входят сны
Пустынный мрак проспекта Невского
И серый парапёт Невы.
Твои тоска и одиночество,
Как на призыв в глухой тиши,
Вдруг отзовутся на пророчество
Его истерзанной души.
И не желая быть невольником
Оков, что нёс ты до сих пор,
В тебе твой Родион Раскольников
Поднимет тяжело топор.
И вдруг рассеются сомнения,
И с сердца тяжкий груз падёт,
И вземное облегчение
Внезапно на тебя сойдёт.
Когда читаешь Достоевского,
С внезапной ясностью поймёшь,
Что спрашивать-то вовсе не с кого
За то, что ты в душе несёшь.

Дальний Восток. – 2009. – № 5. – С. 108.

Микола Бажан

Бажан Микола (Бажан Николай Платонович) (1904–1983), украинский поэт, переводчик, публицист, культуролог, энциклопедист и общественный деятель.

Смерть Гамлета

Я знаю вас, Гамлета, сноба двуличного,
Я знаю ваш старый, издёрганный грим,
Любую гримасу актёра трагичного,
Весь будничный ваш и нехитрый режим.

Живя на мансарде, гуляя по дворику,
Сопите в ночи за старинным бюро.
По жёлтому черепу бедного Йорика
Чертит вензеля неживое перо.

О мудрости тайной толкуете, бродите.
Для вас Эльсинор – вся родная земля.
И пьёте
на память о давнем прародиче
Капли датского короля.

Вот всё, что осталось у вас королевского:
Ведь не раскошелишься, если в долгах.
И часто
Является
тень Достоевского,
Гостит и гостит, по ночам напугав.

Приходит грозить, и пытаться вас, и охать,
И зря не размазывать: быть иль не быть.
Но легче – зубами вам в собственный локоть,
Чем твёрдо на эту дорогу ступить.

Двоишься,
горюешь,
загадками даришь,
Охваченный трансом проблем и кручин,
И чуешь, как кто-то промолвил:
товарищ!
И чуешь, как шепчет другой:
господин!

И Гамлет очнётся,
попробует здраво,
Ответить на это и то:
Всмотритесь, пожалуйста – слева и справа –
В двоякое это лицо.

Не верьте ему!
Не давайте Гамлетику
Таить между фразы и поз
Двуязыкую ту гомалетику,
Его раздвоенья психоз.

Двойник!
Раздвоение!
Призрак романтики!
Блуждания в бредах раздвоенных душ!

Такой романтизм, запредельный туман такой,
Как падаль, смердит почему ж?

Доказано ясно: двуликие янусы
В былое глядятся, косить перестав.
И манна надземности, манна гуманности
Химический свой изменила состав.
Наукой давно это званье прочитано:
Небесный подарок на слух и на вид.
Сегодня, как герцогский титул, звучит оно:
Ди-хлор-диэтил-сульфид.
Вот пища мессий, моисеева манна
С подливкой из хлора или мышьяка.
Моисей!
И Мессия!
И Цезарь!
Осанна!
И – чёрным крестом бомбовоз в облака.
Другой у романтика вид и повадка
Вид бравого унтера.
Странно, когда
В шкафу у кого-нибудь, словно крылатка,
Двойник старомодный пылится года.
Откуда досут и откуда терпенье?
К лицу ли кому-нибудь ветошь отца?
Бредёт Достоевский по западу тенью,
Царапает ногтем двойные сердца.

И люди вылазят из раковин славных,
Из чириев злобы, безделья и мук.

И сын генеральский,
и гетманский правнук,
И прусского юнкера выродок-внук
Встают в униформе на окрики стук.
Ступайте, покличьте Алёш Карамазовых
В святых легионах, в муштре и строю,
Когда они в масках противогазовых
Фильтруют блаженную душу свою.
Резина раздулась, и хобот в одышке,
И дует Исус респиратору в зад,
И кажется,
князь христианнейший Мышкин,
И тот подтянулся, как бравый солдат.
Значит, гнусавый, и вас-таки
Завлекли просветители те, –
И выросли хвостики свастики
На вашем смиренном кресте.

И лихо намуслив холёные усики,
И наглые выпятив личики в глянце,
Безумствуют черногвардейцы, исусики,
Прозелиты святой сигуранцы.
А Гамлет колеблется.
Все церемонии
Отброшены в мире таком.
Принц Дании!
Слышите?
Принц Солдафонии
Зовёт вас к себе денщиком.

Забиться ли в башню надземную Гамлету,
В углу притаиться
и дальше – ни пядь.
Сегодня развязка трагедии впрямь не тяг,
Довольно вам руки ломать и стонать.

Но в башне той – снайперов чёрных засада.
В той башне, где рифмы – слоновая кость.
И рифмы умеют стрелять, если надо.
В кого они метят? Откуда их злость?

Там с контрразведчиком рядом поэтики.
Стоят – крестоносцы святого полка, –
Прошли сокращённые курсы эстетики
Погромов Петлюры, расправ Колчака.

За горло её, как убийцу – беспечность
Гуманных, коварных и путаных слов.
Одна настоящая есть человечность, –
В ленинской правде последних боёв.

Между новым и старым –
все разведены мосты.
Разъят на два лагеря век.
Смерть чёрному Гамлету,
принцу терпимости,
Чтоб в боях родился человек.

На место в бою –
не найтём вести:

Сам должен то место найти,
Учиться у класса любви и ненависти,
Учиться у класса расти.
Стань вровень с другими, где каждый рабочий,
Любой обожжённый в боях рудокоп
Научит глядеться противнику в очи,
Научит, как целить во вражеский лоб.
1929
Перевод с украинского П. Антокольского

LiveJournal: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://roman-shebalin.livejournal.com/424864.html>.

Павел Бастраков

*Бастраков Павел Георгиевич (род. 1956),
поэт из г. Иваново.*

Потоньше перо, да полегче слова,
А главное – воздуха, света.
Иначе к чертям отлетит голова
Под тяжестью этого лета.
Как ночью спокойно и дышится как,
Как спит моя дочка-малышка...
О, только бы не постучался дурак,
Тряся Достоевского книжкой!

Знамя. – 2000. – № 11. – С. 143.

Михаил Башаков

*Башаков Михаил Анатольевич (род. 1964),
музыкант, поэт, автор-исполнитель, художник,
лидер и автор песен группы «Башаков бэнд».*

Сталкер

Да подождите вы с вашей кремацией!
Это вы называете – «вдрызг»?
Ну, отмечал день рождения нации,
Выпил водочки несколько брызг.
Просто встретили мы выплывание
Чёрных месяцев с белым крестом.
В общем, вышли на непонимание,
Как обычно, с разорванным ртом.
Кто сказал, будто мы разлагаемся?
Беспардонно, бессовестно врут.
Мы живём, как и нам полагается, –
Пропиваем свой праведный труд.
Подскребаем зимой беловеточной,
Что нарочно растеряно – впрок.
Бог хранит нашу бедную Неточку!
Бедность разве же это порок?
Здравствуй, дух наш – тобою красуемся,
На тебе возведём новый Рим.
Мы козырной картой тасуемся,
Ибо сказано – Бога узрим.

Я служака неправильным правилам.
В слове суть, но суди по делам.
Чуть ошибся, жизнь тут же поправила,
Выпил с горем чужим пополам.

Так что всё, что судьбою обещано,
Надо выстрадать и не роптать.
Рождены, невоспитанны, крещены
И отправлены зону топтать.
Эй, начальник, какого вы звания?
Сколько звёздочек выдержки в вас?
Я здесь сталкером стал по призванию.
Вы ж по службе мой зрите анфас.

Поэты русского рока: Виктор Цой, Михаил Науменко, Андрей Панов, Евгений Фёдоров, Фёдор Чистяков, Михаил Башаков. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. – С. 370.

Николай Берендгоф

*Берендгоф Николай Сергеевич (1900–1990),
поэт.*

Достоевский на эшафоте

Священник был в чёрной рясе, с большим крестом в руке. Перед казнью Достоевский указал на телегу с гробами и спросил: «Неужели нас казнят?». После отмены казни, когда мы приблизились к телегам, то увидели сложенные серые арестантские халаты, которые раньше нам показались гробами.

Из воспоминаний петрашевича.

Перекликается протяжным гудом даль,
Рассвет морозный грустен и рассеян.
Всё то же небо снится куполам,
Трепещет снег завесою кисейной.
Плывёт, как палуба, дощатый эшафот,
Рождественская белизна большая
О дальних детских радостях поёт,
Но ряса чернотой оглушает.
Как ворон, каркает её рукав,
В свой сизый клюв распятие вобрав.

Морозом раскалённый,
Губы ест,
Горький, просолённый
Скорбный крест.
Блеют барабаны
В хлопьях неустанных,
Смотрят барабаны,
Как бараньи лбы.

Страшная телега
с платьем арестантов
Странно превращается в серые гробы.
Безмолвно народ тоскует
Зрачками глубоких глаз.
Бережно снег бинтует
Семёновский плац.
Неслышно ложится у ног
Из хлопьев сплетённый венок —
Подарок богатой метелицы.
Солдаты всё целятся, целятся...
Солдат!
Ты целишься в себя,
Когда войска клокочут,
Когда шпицрутены, шипя,
Горят в кровавых клочьях.
Солдат!
Ты целишься в друзей,
А синий ладан сзади
Плывёт над белым сном церковей,
Поместий и усадеб.

Он тащит небо за собой. Но почему звучит отбой?
Ах, барабан, ещё ударь —
Вину «смягчает» деспот-царь.
Перекликается протяжным гудом даль,
Рассвет морозный грустен и рассеян.
Всё то же небо снится куполам,
И снег дрожит завесою кисейной.
1929

Андрей Битов

Битов Андрей Георгиевич (1937–2018),
писатель,

один из основателей постмодернизма в русской литературе.

Что за странная канва:
Петербург или Москва?
Ленин-Сталин, Энгельс-Маркс –
Вот вопрос не в бровь, а в глаз.
Вот вопрос не в глаз, а в бровь –
Пушкин с Лермонтовым врозь,
Достоевский и Толстой,
Перестройка и застой.
Две царицы, две столицы,
Две исписанных страницы,
Уха два и глаза два,
Две ноги идут едва.
Обе левые руки,
Две хорошие реки,
Петербург или Москва?
Да у нас – всего по два!
Два надломленных крыла
У двуглавого орла,
Над дверями кабака
Он похож на табака.

Битов А. Пятое измерение: на границе времени и пространства. –
Москва: Астрель, 2014. – С. 327–328.

Владимир Богомяков

*Богомяков Владимир Геннадьевич (род. 1955),
профессор Тюменского государственного университета,
поэт.*

За то, что я зомбирова́л одну девочку,
Меня перевели из школы № 25 в школу для дебилов.
Вот Марьпетровна про Достоевского, а я рисую
крокодилов.
Большие жирные крокодилы сожрут оч. скоро всех вас.
Уже май, уже продают в бочках питьевой квас.
И я за три копейки выпью кружечку.
А вокруг бесконечный тоталитаризм: болота, нефтяные
вышки и опять болота.
И кроме как рисовать крокодилов ничего неохота.

Знамя. – 2014. – № 4. – С. 68.

Борис Божнев

*Божнев Борис Борисович (1898–1969),
русский поэт первой волны эмиграции.*

Утро после чтения «Братьев Карамазовых»

Отрывок из поэмы

Светает... Час рассвета есть такой,
Когда темнеет мел, светлеет уголь...
Свои решает теоремы угол –
Одна из этих теорем – покой...

И каждый раз, как темнота угла
Решала углублённый свой циссоид,
Он чувствовал баюканье покоя,
Идя от освещённого стола

В тот кабинета сумрачный конец,
Где в раму вставлены большие тени,
Ведущие, как тёмные ступени,
К тому лицу, в котором есть венец...

И на венец в его лице взглянув,
Чуть зацепившись, как всегда, за скулы,
Угадывая взгляд слегка сутулый,
Он шёл обратно, в лампы свет свернув.

Садился, и, сжимая грудь, читал,
Сжимая грудь себе двумя руками...
Есть астма чтенья с ватными тисками...
Которые... он всё сильнее... сжимал...

И постепенно отлегло мученье.
И камень вновь упал с его души
В глубь тины трепетной ночной тиши,
В зеленоватость ореола чтенья...

Раскрытый том, лежавший перед ним,
Был цепью страсти для кадила веры...
И шрифт его исчёрно-пыльно-серый
Был мелок под безличием одним...

И ровен был, как тихие торцы,
Глухие в ливень и немые в пламень,
Что переходят вдруг в неровный камень,
Грохочущий в ночные все концы.

Тёмно-малиновый кровоподтёк
В углу тихо-сияющей иконы...
Иван, Иван, почисть сюртук суконный...
Четверг прошёл, но вторник ведь протёк...

И для того шрифт ровен, невелик,
Чтоб равным стать и чем-то самым ближним,
Чтоб дождиком весь вымостить булыжник
И засушить бессмертье повилик...

Чтоб в нём найти ответ – не на вопрос,
Чтоб в нём найти вопрос – не для ответа,
И чудо претворенья тьмы из света
Свершает в нём фонарный купорос.

<...>

...Темнеет мел и уголь посветлел...
Дыхание, объятое тисками,
Он грудь себе сжимал двумя руками –
Есть астма чтенья – ею он болел...

Всю ночь бессонную опять читал
И первый том к утру закончил «Братьев»...
И, наконец, зевая, как распятые, –
Раскинув руки, он над книгой встал...

И глухо... на забвения басах...
Часы пробили... словно в прошлом веке...
И думал он – как вечность в человеке,
Так коридор продолжен в голосах

Тех близких, что к нам издали идут,
Чтоб ближе быть, идут по коридору,
И на окне – ко мне войдя – найдут
Сутробами опущенную штору...
1948

ЛитМир: электронная библиотека: сайт. – Текст: электронный. –
URL: <https://www.litmir.me/br/?b=162082&pr=1> (дата обращения:
20.03.2020).

Андрей Болдырев

*Болдырев Андрей Владимирович (род. 1984)
поэт из Курска.*

Запасай, народ, попкорн:
всё поставлено на кон:
далеко за тёмным лесом
Пушкин баттлится с Дантесом
из-за бабы – повод веский,
ибо нефиг жить по лжи.
Шли, читатель, эсэмэски,
Александра поддержи.
Пусть поэт, проливший кровь,
нашу чувствует любовь.
Говорят, что пуля – дура,
не захочешь – попадёт.
Русская литература
дорого берёт за вход.
Это кто там из засады
нагло лезет через задний?
Шишел-мышел, Мышкин-князь,
с корифеями вась-вась.
За пучок таких в базарный
день дают по три рубля.
Глядь, уже сидит, бездарный,
у руля.
Я трамвайный хам и быдло,
за державу мне обидно.
Бамбардия кергуду,
тихо катим в Катманду.
Рулевой, остановите
Землю!
Я сойду.

Сибирские огни. – 2018. – № 7. – С. 120.

Сергей Бонгард

*Бонгард Сергей Романович (1918–1985),
художник и поэт русской эмиграции в США.*

Присела птица сонная
На чёрное окно.
Внизу Невы зелёное,
Игорное сукно.

Всю ночь знаменья всякие,
Да шорохи окрест,
На куполе Исакия,
Как туз трефовый, крест.

Дорогами окольными,
Бочком, как будто вор,
Вновь месяц, как Раскольников,
Проходит в тёмный двор.

Опять при мёртвом свете том
Ползёт по этажам,
Уже почти столетие
Кого-то ищет там.

Обрывки фраз до Невского
Доносит шепотком:
«Вам, сударь, Достоевского? –
Пошёл в игорный дом».
[?]

«Мы жили тогда на планете другой...»: антол. поэзии рус. зарубежья,
1920–2990: в 4 кн. – Москва, 1997. – Кн. 4. – С. 244.

Станислав Бондаренко

*Бондаренко Станислав Григорьевич (род. 1954),
украинский поэт и журналист.*

Молодой специалист

Ученикам Ирпенской СШ № 2 начала 1980-х

До утра, до очуменя,
хоть совсем испепелись:
проверяю сочиненья,
молодой специалист.

Два десятых, два девятых —
каждый класс по сорок два
лоботряса, виноватых
в том, что пухнет голова.

И к рассвету всё небрежней —
не затем, что неуют,
и в Кремле хворает Брежнев:
строфы голову клюют.

Ирпе-нюни ирпе-няни...
Но рассеянный русист
с Достоевским сходит в баню
и с Толстым распишет вист.

Про моливень и счастливень
почитает школярам,
даже речке, старой сливе,
птицам, лесу и ярам...

...Всё сошло — без сожаленья.
Жаль, творятся с этих пор
там уже не сочиненья —
Творы! Воры... Оры... Ор!..

Алексей Брагин

*Брагин Алексей Иванович (1911–1991),
прозаик, поэт, переводчик,
журналист из Казахстана.*

Алтын-Эмель (Золотое седло)

Отрывок из поэмы

...Но в Омске купцов и военных,
Чиновных дельцов и хапуг
Ещё был другой – сокровенный
Народных заступников круг.
Они, разночинцы из ссыльных,
Однажды Чокану зажгли
Далёкой надежды светильник
От имени русской земли.
Они собирались ночами
Для споров горячих, для слов,
Горящих, как пуншевый пламень,
Как пушкинской «Вольности» зов.
С трудом одолевши сугробы,
В снегу от папахи до пят,
Нашёл сюда путь крутолобый
Опальный линейный солдат.
Он дантовский ад каземата
Познал:
«Я по-царски богат
Теперь, на шинельку солдата
Сменив арестантский халат».
И добрые сильные руки
Протягивал к печке, к огню.
«Мой милый Чокан, и в разлуке

Я память о вас сохраню».
«Спасибо вам, Фёдор Михалыч,
Спасибо от наших степей».
Рассвет занимается ало,
Рассвет приглашает – «Испей...».
На росстани в узких стаканах
Донское играет вино.
«За вас, дорогой Валиханов,
За вас, кому много дано.
И если б меня вы спросили,
Что ждёт вас, – сказал бы я вам:
Откройте вы степь для России,
А русских откройте степям.
Мне ж выпало в Семипалатном
Служить до скончания лет...».
Надолго с опальным солдатом
Прощался печальный корнет.
1956

Брагин А. И. Дневник века моего: избр. стихи, поэмы, переводы. –
Алма-Ата, 1981. – С. 198–199.

Владимир Британишский

*Британишский Владимир Львович (1933–2015),
поэт, прозаик, литературовед и переводчик.*

Мой город был мне в раннем детстве явлен:
Владимирская, Рынок и Вокзал.
Но Гоголь... Достоевский... но Голявкин...
и Глеб Горбовский что-то подсказал.
Их было двое: «Глеб-и-Гриб». Но «Гриба»
(так дочка говорила: «Глеб-и-Гриб» –
дети умеют и без грубых рифм
творить куски поэзии) – но Гриба,
за то, что жить не соглашался криво,
бескомпромиссен был и горделив,
который год терзает хищный гриф...
А Глеб ютится в крошечной каморке.
Он стену прошибает головой.
Он в ледовитом городе – как в морге
случайно оказавшийся живой.
Да, мы сопротивлялись и боролись.
Не много могут слово или стих.
И мы не растопили вечный полюс,
как и пророчил мрачный тот старик.
Но в рассыпающемся Петербурге,
как прах камней, как дерева труха,
хранится, будто в погребальной урне,
плоть тлеющая прозы и стиха.
1983–88

Иосиф Бродский

Бродский Иосиф Александрович (1940–1996),
поэт, лауреат Нобелевской премии.

Шествие

Отрывки из поэмы-мистерии

2

Вот шествие по улице идёт.
Вот ковыляет Мышкин-идиот,
в накидке над панелью наклонясь.
– Как поживаете теперь, любезный князь,
уже сентябрь, и новая зима
ещё не одного сведёт с ума,
ах милый, успокойтесь наконец. –
Вот позади вышагивает Лжец,
посажена изящно голова,
лежат во рту великие слова,
а рядом с ним, закончивший поход,
неустршимый рыцарь Дон Кихот
беседует с торговцем о сукне
и о судьбе. Ах, по моей вине
вам предстаёт ужасная толпа,
рябит в глазах, затея так глупа,
но всё не зря. Вот книжка на столе,
весь разговорчик о добре и зле
свести к себе не самый тяжкий труд,
навверняка тебя не заберут.
Поставь на стол в стакан букетик зла,
найди в толпе фигуру Короля,
забытых королей на свете тьма,
сейчас сентябрь, потом придёт зима.

Процессия по улице идёт,
и дождь среди домов утрюмо льёт.
Вот человек, Бог знает чем согрет,
вот человек – за пару сигарет
он всем раскроет честности секрет,
кто хочет, тот послушает рассказ,
Честняга – так зовут его у нас.
Представить вам осмеливаюсь я
принц-Гамлета, любезные друзья,
у нас компания – всё принцы да князья.
Осмелюсь полагать, за триста лет,
принц-Гамлет, вы придумали ответ,
и вы его изложите. Идёт.
Процессия по улице бредёт,
и кажется, что дождь уже ослаб,
маячит пестрота одежд и шляп,
принц-Гамлет в землю устремляет взор,
Честняге на ухо бормочет Вор,
но гонит Вора Честности пример
(простите – Вор, представить не успел).
Вот шествие по улице идёт,
и дождь уже совсем перестаёт,
не может же он литься целый век,
заметьте – вот Счастливый Человек
с обычною улыбкой на устах.
– Чему вы улыбнулись? – Просто так.
Любовники идут из-за угла,
белеют обнажённые тела,
в холодной тьме навеки обнялись,
и губы побледневшие слились.
Всё та же ночь у них в глазах пустых,

навек обнялись, навек застыв,
в холодной мгле белеют их тела,
прошла ли жизнь или любовь прошла,
стекает вниз вода и белый свет
с любовников, которых больше нет.
Ступай, ступай, печальное перо,
куда бы ты меня ни привело,
болтливое, худое ремесло,
в любой воде плечи мое весло.
Так зарисуем пару новых морд:
вот Крысолов из Гаммельна и Чорт,
опять в плаще и чуточку рогат,
но, как всегда, на выдумки богат.

3

Достаточно. Теперь остановлюсь.
Такой сумбур, что я не удивлюсь,
найдя свои стихи среди газет,
отправленных читателем в клозет,
самих читателей объятых сном.
Поговорим о чём-нибудь ином.
Как бесконечно шествие людей,
как заунывно пение дождей
среди домов, а Человек озяб,
маячит пестрота одежд и шляп,
и тени их идут за ними вслед,
и шум шагов, и шорох сигарет,
и дождь все льётся, льётся без конца
на Крысолова, Принца и Лжеца,
на Короля, на Вора и на Плач,
и прячет скрипку под пальто Скрипач,

и на Честнягу Чорт накинул плащ.
Усталый Человек закрыл глаза,
и брызги с дон-кихотова таза
летят на Арлекина, Арлекин
Торговцу кофту протянул – накинй.
Счастливец поднимает чёрный зонт,
Поэт потухший поднимает взор и воротник,
Князь Мышкин-идиот
склонился над панелью: кашель бьёт;
процессия по улице идёт,
и дождь, чуть прекратившийся на миг,
стекает вниз с любовников нагих.
Вот так всегда, – когда ни оглянись,
проходит за спиной толпою жизнь,
неведомая, странная подчас,
где смерть приходит словно в первый раз
и где никто-никто не знает нас.
Прислушайся – ты слышишь ровный шум,
быть может, это гул тяжёлых дум,
а может, гул обычных новостей,
а может быть – печальный хор страстей.

<...>

21

Вот шествие по улице идёт.
Уж вечереет. Город кроет тень.
Всё тот же город, тот же год и день,
и тот же дождь и тот же гул и мгла,
и тот же тусклый свет из-за угла,
и улица все та ж, и магазин,
и вот толпа гогочущих разинь.

А вечер зажигает фонари.
Студентики, фарцмены, тихари,
грузины, блядуны, инженера
и потаскушки – вечная пора,
вечерняя пора по городам,
полупарад ежевечерних дам,
солдатики, курсантики – крупа...
Однообразна русская толпа.
О них ещё продолжим разговор,
впоследствии мы назовем их – ХОР.

Бредёт сомнамбулический отряд.
Самим себе о чём-то говорят,
князь Мышкин, Плач, Честняга, Крысолов
о чём-то говорят, не слышно слов,
а только шум. Бредут, бредут, хрипя,
навек погужённые в себя,
и над Счастливецем зонтик распротёрт,
и прижимается к Торговцу Чорт,
принц Гамлет руки сложит на груди,
Любовники белеют позади.
Читатель мой, внимательней взгляни:
завесою дождя отделены
от нас с тобою десять человек.
Забудь на миг свой торопливый век
и недоверчивость на время спрячь,
и в улицу шагни, накинув плащ,
и, втягивая голову меж плеч,
ты попытайся разобрать их речь.

22. Романс князя Мышкина

В Петербурге снег и непогода,
в Петербурге горестные мысли,
проживая больше год от года,
удивляться в Петербурге жизни.

Приезжать на Родину в карете,
приезжать на Родину в несчастьи,
приезжать на Родину для смерти,
умирать на Родине со страстью.

Умираешь, ну и Бог с тобою,
во гробу, как в колыбельке чистой,
привыкать на родине к любви,
привыкать на родине к убийству.

Боже мой, любимых, пережитых,
уничтожить хочешь – уничтожишь,
подними мне руки для защиты,
если пощадить меня не можешь.
Если ты не хочешь. И не надо.
И в любви, испуганно ловимой,
поскользшись на родине и падай,
оказавшись во крови любимой.

Уезжать, бежать из Петербурга.
И всю жизнь летит до поворота,
до любви, до сна, до переулка
зимняя карета идиота.

1961

Бродский И. Сочинения: [в 6 т.]. – Санкт-Петербург, 2001. – Т.1. – С. 81–83, 104–106.

Александр Бывшев

*Бывшев Александр (род. 1972),
преподаватель иностранного языка,
поэт-пародист из пос. Кромы Орловской области.*

Клинический случай

*Я с Митей Карамазовым напился,
Ноздрёву морду наглуую набил,
в Каренину влюблённым притворился,
у Лариных в усадьбе погостил...*

Александр Рудт

С Коробочкою торговал я лесом,
С Печориным ходил к черкесам в тыл.
Задал чертей я достоевским бесам.
Я до сих пор их рожи не забыл.
Я Чичикову «накрывал поляну»,
Раскольникову я точил топор.
С ума сводил Каренину я Анну
И говорил Ноздрёву: «Перебор!...»
А врач Максим Максимыч на приёме
Лишь головой в ответ мне покачал:
«Ты Гамлета узнал в дверном проёме? –
Ну что ж, такое я уже встречал.
Зачем приобрести ты хочешь саблю?
Ах, Тохтамыш нарушил твой покой. –
Две капельницы я тебе поставлю,
И всё, голубчик, снимет как рукой!».

Андрей Клавдиевич Углицких: журнал литературной критики и словесности: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://uglitskih.ru/aleksandr-byivshev-dlya-menya-parnas-vsego-prevyishe-epigrammyi> (дата обращения: 10.03.2018).

Дмитрий Быков

*Быков Дмитрий Львович (род. 1967),
прозаик, поэт, публицист, журналист,
литературный критик, преподаватель литературы.*

Шинель

Запахнет Ленинградом, и дождик покропит.
За дедовским фасадом укрылся общепит.
Возьму я вермишели, привычной и простой.
«Мы вышли из шинели», – обмолвился Толстой.
Из рукава шинели мы выпорхнули в свет.
Мы только и умели, что плакать двести лет.
О, как мы вас жалели во тьме своих ночей,
Как сладостно шалели от жалости своей!
Издёвки сослуживца, скрипучая кровать,
Шинелью не разжиться, девиц не целовать, –
Плачь, сердце, плачь, уродец, страдалец без порток,
Гляди во двор-колодец сквозь дождевой поток,
А там бедняк печальный с шарманкой на плече,
Как школы натуральной дежурное клише.
Спешу в своей шинелке на службу поутру,
Трясая трясучкой мелкой на питерском ветру, –
Какая кротость нрава, живой урок стыда:
«Да что ж вы это, право, не надо, господа!»
А вечером, в каморку уныло воротясь,
На стуле втихомолку качаясь и вертясь,
Чернильницу наполнив, благословляя тишь,
Ты барышне напротив послание строчишь.
Ах, маточка Варвара, какой гнилой закат!
Она не виновата, и ты не виноват.
О скудный наш рифмовник! О комнатёнка – клеть!

О питерский чиновник, почто тебя жалеть?!
Внизу гнусит шарманщик, похожий на сверчка, –
Пытается, обманщик, добиться пяточка,
Да голубь вдоль карниза гуляет, сизокрыл...
Твоя жена – Луиза, а сын – Нафанаил.
Убогий подвирала, ты жмёшься по углам,
При виде генерала ты гнёшься пополам,
Ворчливо поднимаешь зачуханных детей
И сам не понимаешь несчастья своей!
Когда тебе, страдалец, я руку протяну, –
Сперва отхватишь палец, а после пятерню,
А отыщись в конторе шинель твоей грязней –
Ты будешь первым в своре хохочущих друзей:
Мой Бог, как мне обрыдло, как не дает житья
Родное свойство быдла: коль не меня, то я!..
Ах, Девушкин-Башмачкин, Акакий и Макар!
У ненависти вашей нешуточный накал:
Начнёшь жалеть такого – научат дурака,
Когда в ответ сурово: «Ишь птица велика!
Совсем, перо макая в чернильницу, зачах!
Смотри, шинель какая на собственных плечах,
А под сукном потёртым – разлезшийся жилет, –
Так мы ещё посмотрим, кому кого жалеть!»
И ну, угрюмо-злобен, защитника честить...
Плевков простить способен. Но жалость – как
простить?
...Традиционный задник, привычный реквизит:
Грозит зелёный всадник, Луна едва сквозит,
Коварство светотени, пророчащей грозу,
И маленький Евгений скукожился внизу.

О, как на самом деле мучителен расклад!
Дрожит поэт в шинели, похожей на халат,
Он – жертва общепита с изъеденным нутром,
Над головой – копыта, герой в седле с Петром.
Там жалкое созданье, бедняк-канцелярист,
Взнуздавший мирозданье, что твой кавалерист!
И в темноте утробной страшнее прочих мук
Подробный, злобный, drobный копытный перестук:
То автор от героя, от страха сам не свой,
Трясаясь и чуть не воя, бежит по мостовой...
Униженные братья вершат привычный суд:
Чуть руки для объятья раскинешь – и распнут.
У Курского вокзала стою я молодой.
Там Девушкин-Башмачкин глумится надо мной.
Ах, Николай Васильич, большая голова!
Зачем твоей шинели такие рукава?
1990

Быков Д. М. Отчёт: стихотворения. Поэмы. Баллады. – Москва, 2012. – С. 71–73.

Я не был в жизни счастлив ни минуты.
Всё было у меня не по-людски.
Любой мой шаг опутывали путы
Самосознания, страха и тоски.
За всё платить – моя прерогатива.
Мой прототип – персидская княжна.
А ежели судьба мне чем платила,
То лучше бы она была должна.
Мне ничего не накопили строчки,
В какой валюте их ни оцени...
Но клейкие зелёные листочки?!
Ах да, листочки. Разве что они.
На плутовстве меня ловили плуты,
Жестокостью корили палачи.
Я не был в жизни счастлив ни минуты!
– А я? Со мной? – А ты вообще молчи!
Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Меня давили – Господи, увидь! –
И до сих пор давить не перестали,
Хотя там больше нечего давить.
Не сняли скальпа, не отбили почки,
Но душу превратили в решето...
А клейкие зелёные листочки?!
Ну да, листочки. Но зато, зато –
Я не был в жизни! счастлив! ни минуты!
Я в полымя кидался из огня!
На двадцать лет усталости и смуты
Найдётся ль час покоя у меня?
Во мне подозревали все пороки,

Публично выставляли в неглиже,
А в жизни так учили, что уроки
Могли не пригодиться мне уже.
Я вечно был звеном в чужой цепочке,
В чужой упряжке – загнанным конём...
Но клейкие зелёные листочки?! –
О Господи! Гори они огнём! –
И ведь сторят! Как только минет лето
И дух распада справит торжество,
Их дым в аллеях вдохновит поэта
На пару строк о бренности всего.
И если можно изменить планиду,
Простить измену, обмануть врага
Иль всё терпеть, не подавая виду, –
То с этим не поделаться ни фи́га.
...Катают кукол розовые дочки,
Из прутьев стрелы ладят сыновья...
Горят, горят зелёные листочки!
Какого счастья ждал на свете я?
1995

Быков Д. М. Отчёт: стихотворения. Поэмы. Баллады. – Москва, 2012. – С. 204–205.

Мне не жалко двадцатого века.
Пусть кончается, будь он неладен,
Пусть хмелеет, вокзальный калека,
От свинцовых своих виноградин.
То ли лагерная дискотека,
То ли просто бетономешалка –
Уж какого бы прочего века,
Но двадцатого точно не жалко.
Жалко прошлого. Он, невзирая
На обилие выходов пошлых,
Нам казался синонимом рая –
И уходит в разряд позапрошлых.
Я, сосед и почти современник,
Словно съехал от старого предка,
Что не шлёт мне по бедности денег,
Да и пишет стеснительно-редко –
А ведь прежде была переписка,
Всех роднила одна подоплёка...
Все мы жили сравнительно близко,
А теперь разлетелись далёко.
Вот и губы кусаю, как отпрыск,
Уходя из-под ветхого крова.
Вслед мне парой буравчиков острых –
Глазки серые графа Толстого:
Сдвинув брови, осунувшись даже,
С той тоскою, которой не стою,
Он стоит в среднерусском пейзаже
И под ручку с графиней Толстою,
И кричит нам в погибельной муке

Всею силой прощального взгляда:
Ничему вас не выучил, суки,
И учил не тому, чему надо!
Как студент, что, в Москву переехав,
Покидает родные надгробья,
Так и вижу – Тургенев и Чехов,
Фет и Гоголь глядят исподлобья,
С Щедриным, с Достоевским в обнимку,
Все раздоры забыв, разногласья,
Отступившие в серую дымку
И сокрытые там в одночасье,
Словно буквы на старой могиле
Или знаки на древнем кинжале:
Мы любили вас, всё же любили,
Хоть от худшего не удержали –
Да и в силах ли были? Такие
Бури, смерчи и медные трубы
После нас погуляли в России...
Хоть, по крайности, чистите зубы,
Мойте руки! И медленно пятясь,
Всё машу, – но никак не отпустит
Этот кроткий учительный пафос
Беспольных последних напутствий –
Словно родственник провинциальный
В сотый, в тысячный раз повторяет
Свой завет, а потомок нахальный
Всё равно кошелёк потеряет.
А за ними, теряясь, сливаясь
С кое-как прорисованным фоном
И навеки уже оставаясь

В безнадежном ряду неучтенном, –
Машут Вельтманы, Павловы, Гречи,
Персонажи контекста и свиты,
Обреченные данники речи,
Что и в нашем-то веке забыты,
И найдется ли в новом столетье,
Где варить из развесистой клюквы
Будут суп, и второе, и третье –
Кто-то, истово верящий в буквы?
Льдина тает, финал уже явен,
Край неровный волною обгрызен.
Только слышно, как стонет Державин
Да кряхтит паралитик Фонвизин,
Будто стиснуты новой плитою
И скончались вторую кончиной, –
Отделенный оградой литою
Их не слышит потомок кичливый.

А другой, не кичливый потомок,
Словно житель Казани, Сморгони
Или Кинешмы, с парой котомок
Едет, едет в плацкартном вагоне,
Вспоминает прощальные взгляды,
И стыдится отцовой одежды,
И домашние ест маринады,
И при этом питает надежды
На какую-то новую, что ли,
Жизнь столичную, в шуме и блеске,
Но в припадке мучительной боли
Вдруг в окно, отводя занавески,

Уставляется: тот же пейзажик,
Градом битый, ветрами продутый,
Но уже не сулящий поблажек
И чужеющий с каждой минутой, –
И рыдает на полочке узкой,
Над кульками с домашней закуской,
Средь чужих безнадежный чужак,
Прикусивший зубами пиджак.
1989

Быков Д. М. Отчёт: стихотворения. Поэмы. Баллады. – Москва, 2012. – С. 300–302.

Зиновий Вальшонок

*Вальшонок Зиновий Михайлович (род. 1934),
поэт.*

Достоевский

Его скула, небритая и тёмная,
на руку опиралась,
горяча.
В окне церквушка,
снегом заметённая,
торчала, как оплывшая свеча.
Он, летописец горя человеческого,
огнём своих пронзительных зрачков
Россию оскорблённую просвечивал
до самых потаённых уголков.
Никчёмность приживальщиков опискиных,
смятенье карамазовской души
и в сельском захолустье он отыскивал,
и в петербургской каменной глуши.
И вновь на свет являл с такою силищей,
что время голосило со страниц.
Вздымалась грудь писателя –
вместилище
жестоких судеб
и мятежных лиц.
Склонялся над строкой исповедальной,
и, может, в синеве набрякших вен
пульсировало смутное и дальнейшее
предчувствие грядущих перемен.

И, ощутив погосты,
лавки,
здания
и нищету, упрятанную в ночь,
старался он всей мощью сострадания
тебе, больная родина, помочь.
Над ним,
прорезав тучу гранью узкою,
уныло отражаясь на крестах,
плыла луна,
тяжёлая и тусклая,
как медный николаевский пятак.

Вальшонок З. М. Яблоко согласия: кн. лирики. – Москва, 1976. – С. 30–31.

Семён Ванетик

*Ванетик Семён Ефимович (1924–2010),
поэт, сатирик, публицист.*

Писал Хемингуэй обычно стоя,
А Достоевский по ночам творил;
Попробовал и я, да ноги ноют
И спать охота, просто нету сил.
Однако ныне я воспрянул духом,
Поскольку, по имеющимся слухам,
Флобер писал романы, сидя в ванне,
Эмиль Золя писал их в ресторане.

Вопросы литературы. – 2006. – № 4. – С. 376.

Сергей Васильев

*Васильев Сергей Евгеньевич (1957–2016),
поэт и переводчик, журналист.*

Лермонтов

Чеченцы злые с Кавказских гор,
Офицерство русское, оказавшееся в тумане,
Спесь и злость к тем, кто шёл чести наперекор,
Русалка, плещущаяся в Тамани.
Презреньё к властителям и подлецам,
И всё оказывается проще простого:
Проживи еще лет десять этот пацан –
Не было бы ни Достоевского, ни Толстого.

Нева. – 2013. – № 3. – С. 115.

Лариса Васильева

*Васильева Лариса Николаевна (1935–2018),
поэтесса, прозаик и драматург.*

Отзвук Достоевского в Семипалатинске

Благословляю плен, замки,
темницы и затворы,
мне ненавистные штыки,
проклятые заборы;

за дело или ни за что
оковы, путы, сети –
благословляю их за то,
что есть они на свете.

Что были б мы без этих пут,
подлейших околесиц,
хоть день,
хоть несколько минут,
хоть десять лет,
хоть месяц!

О чём бы пели
и о чём, грозя, протестовали?
Чистейшим песенным ручьём
слезы б не проливали

и оценить бы не могли,
как велика свобода
стоять задумчиво в пыли,
под ливнем с небосвода.

Васильева Л. Н. Листва: кн. стихов. – Москва, 1980. – С. 44.

Дмитрий Веденяпин

*Веденяпин Дмитрий Юрьевич (род. 1959),
поэт и переводчик.*

Как кто убил?.. Из книжки лился свет
Взамен того, убавленного на ночь
За шторами... И смех, и грех, и бред...
Вы и убили-с, Родион Романыч...

Переморгнёшь – и на древесном срезе
Дрожат лучи,
Как в «Зеркале», где Бах и Перголези,
Блестят ключи

В руке того, который (верь, не верь) –
Кому? когда? за что? – никто не знает –
Поставлен отпирать – и отпирает (!)
Тугую дверь.

Знамя. – 2006. – № 10. – С. 98.

Памяти И. М. Смоктуновского

Всё дело в том, что дела нет ни в чём.
Есть человек и голос, говорящий:
«А ты, Аринушка, Миней б разогнула,
Да житие святого Иоанна Ветхопещерника
прочла бы мне».
Бояре, стольники, сокольничьи, собаки,
Конечно, тоже были, но не зря
Театр (весь мир – театр) тонул во мраке,
Свет был направлен только на царя.
И было всё понятно: Гамлет, князь
Мышкин, Юра Деточкин, – вот доблесть
И честь... Так образ входит в образ...
Я весь спектакль сидел не шевелясь.
Тогда в Москве ещё существовал
Ряд крайне одиозных представлений
О том, что нужен Бог и важен гений...
Потом зачем-то дали свет на зал.
Наверно (как выражались встарь),
Рискуя показаться попугаем,
Я все же проскриплю: у нас был царь –
Юродивый – и жизнь была другая.

Новый мир. – 2014. – № 3. – С. 5.

В прозрачной дымке на краю земли,
Как, может быть, сказала бы графиня
Ростопчина, взглянув в окно на синий
Еловый бор, мрачнющий вдали...
День угасает. У крыльца цветёт
Сирень какой-то чрезвычайно редкой
Нездешней разновидности; в беседке
Темно. Уже написан «Идиот».
Сирень мерцает; соловьи гремят,
Захлебываясь в собственных руладах...
Графиня медленно идёт по саду
Меж старых лип, любясь на закат.

Новый мир. – 2014. – № 3. – С. 6.

Дмитрий Воденников

Воденников Дмитрий Борисович (род. 1968),
поэт, эссеист.

Интерактивный выпуск

(или реквием по моим литературным кумирам)

*Пепел Настасьи Филипповны и Хлестакова
стучит в моём сердце, вот я и мечусь
между пошлостью и позором, между двумя
полюсами национального самосознания
(а я всегда был чудовищно национален).*

Вот, господа, в этой пачке сто тысяч.
Так вот я щас брошу эту пачку в огонь,
а кто-то (кого я назначу)
полезет за ней, без манжет и перчаток.
Вытащишь – будет твоя.
Не вытащишь – на хер сгорит.
А мы покамест на душу твою поглядим,
как ты за моими деньгами в огонь-то полезешь.
и дело не в том что конечно же я нарываюсь
и когда-нибудь точно нарвусь (мне уже обещали)
и дело не в том что экстрема – единственный вид
спорта – где я утверждаю (бедняжка) свою
маскулинность;
да и даже не в том что пронзительный радужный мир
сам кого хочешь унизит – причём бесплатно
(как это там говорят: ты уж нас извини,
мы тут тебя потоптали, помяли немножко,
но мы же забыли, что ты-то живёшь в бельэтаже,

и мы же не знали, что это тебя огорчит –
я так и подумал)
но разве это что-то меняет
ведь будучи всё же в душе
борцом за права человека,
перерастая свою сексуальность,
чрезмерность, желание всех подчинить и построить
о если бы только спросили меня (да кто ж меня
спросит)
какой же должна быть в натуре
наша привычная жизнь
(но уже без тебя и уже не твоя понимаешь)
я бы ответил тогда – ни секунды не медля я бы
ответил тогда (извините): счастливой, счастливой,
счастливой.

Знамя. – 2001. – № 4. – С. 127.

Иван Волков

*Волков Иван Евгеньевич (род. 1968),
поэт из Костромы.*

Без названия

Всё-всё про каждого как-то
Станет известно, кроме
Самого главного факта –
Как в «Мёртвом доме»:
За что ты здесь?

Октябрь. – 2006. – № 3. – С. 140.

Политический прогноз

Предсказуема в лапках нечистого
Дирижёрская чёрная палочка:
Раз сегодня пришлось перечитывать
Незабвенного Фёдор Михалыча,
Значит, завтра придётся – Платонова.

Октябрь. – 2006. – № 3. – С. 140.

Татьяна Вольтская

*Вольтская Татьяна Анатольевна (род. 1960),
поэтесса, журналистка,
литературный критик, эссеист.*

Жара стоит, как в «Преступлении
И наказании», в начале.
Вот раскалёнными ступенями
Воздушными, едва качая

Натруженным крылом, взбирается
Всё выше коршун или ворон
И озирается – не нравится
Ему шашлык, воскресный гомон

За городом – с пивными реками,
Бутылочными берегами,
А в городе – метро с калекami
В десантной форме и с ногами-

Обрубками, с такими рожами,
Что стынет кровь. Пропахла потом
Жара. То вороны, то коршуны –
Над полем, как над эшафотом,

Над пригородами, над стаями
Подростков, рыщущих в промзоне,
Дворцом и – вместо покаяния –
Отелем под названьем «Соня».

Из воряг в греки

1

Всё, страна погибла, нас больше нет.
То есть так уже говорили сто лет
Назад, но, похоже, теперь – навеки.
Будем сами себе, как древние греки, –
Изучать, присвистывать. Всем привет.

То есть кто-то ещё горланит, приняв на грудь,
Кто-то ещё лелеет заветный опус,
Остальные считают бабки, путь
Намечая, трогают пальцем глобус,
Вынося последнее, забывают в прихожей свет.

И когда всё кончено, приходит поэт
И тому, что осталось, делает опись.
И, закончив неблагодарный труд,
К столу, где уже не поют, не пьют,
Садится боком, как-то внезапно сгорбясь.

2

Самовары, конфетки-бараночки, КГБ,
Белорусский вокзал, диссертации о судьбе
Диссидентов начала 70-х
(Фото в конце приложены, «Взять их!» –
На мордах ментов написано). Разговор
Школьников с ветеранами, «Беломор»,
Ватник и телогрейка на дне витрины,
Золото скифов, матрёшки, «Казбек» и «Прима»,
Достоевский, валенки, санки. С каких-то пор
Это будут модные темы. И чудаки
В университетах Индии и Китая

Поседеют, дни напролёт листая
Отпечатки пальцев, дождей, тоски.
И какой-нибудь новый эстет, откопав «фугас»
С этикеткой плодово-ягодного портвейна,
На языке тарабарском благоговейно
Прошепчет двустишие – думая, что про нас.

3

Перевод невозможен. Заборами вкривь и вкось
Написан посёлок. Репейники, рвы, ухабы
Обозначают дорогу. Если бы, кабы –
Философия языка. Да ещё авось.

Здесь не ходят прямо. В объезд на кривой козе –
Самый короткий путь, и летят карьером
Тридцать тысяч курьеров, и к крайним мерам
Прибегает начальство, чтоб доскакали все.

Но зачем они скачут – того никто
Никогда не скажет, ни самый главный
Генерал, ни старая Николавна,
Что кинзой у метро торгует, ни конь в пальто.

4

Про слезу ребенка – пожалуйста; пулю в лоб
Миллионам – пожалуйста; до баланды
Даровой допускать не каждого – только чтоб
На соседа стучал: не родилась Ариадна,
Что сумеет нужную нитку спрясть,
В козью шерсть вплетая такую страсть,
Чтоб за нею выйти из лабиринта,

Уловить в шагах Минотавра начатки ритма,
Опередить, прижаться к стене, заклясть.
Бык догнал героя. Косточки на холме,
А на них – вокзал, и офис, и дискотека,
Нить оборвана, панночка на Хоме
Всё летит по кругу – не помню, с какого века,
И пока её не сорвёт с резьбы,
Нету выхода из курной избы,
Где на лавке – дед, на печи – калека.

5

И зачем отправляться было из тех варяг
В эти греки, волоком на спине
Пёстрые лодки тащить? Напряг
Результата не стоил: и слава и груз на дне.

И варяги на месте и греки, а посреди –
Коля, костями уложена: Беломор,
Колыма и прочее. Лучше не заходи
В те края, прохожий, где до сих пор –

Словно черти в карты проигрывают людей,
Так что новых поляков проглатывает Катюнь,
Будто старых польских косточек мало ей.
Это место гиблое – не заходи, остынь.

Новый Шлиман придёт, издавая крик
Восхищенья и ужаса, вникнет в культурный слой
И откроет новую Трои, да не из книг –
Банку древней кильки поддав ногой.

Леонид Вышеславский

*Вышеславский Леонид Николаевич (1914–2002),
поэт, переводчик, педагог, литературовед.*

Переулоч Достоевского

Под низкой балтийскою тучей
лежит переулоч Свечной, –
ты сам здесь забьёшься в падучей
от этой дремоты ночной.
Задевшая купол сената,
разлезлась подкладка небес.
Доносы строчат бесенята,
указами тешится бес.
Коль правда уста отверзает,
счищая налипшую грязь,
язык твой тебя же пронзает,
в предательский нож превратясь.
Бегут одичалые люди
на зыбкий обманчивый свет,
колдует на тайне и чуде
божественный авторитет.
И вот уже сам Аристотель,
вошедший столетиям в быт,
в грехе уличён, арестован,
на казнь осуждён и забыт.
Проулоч, изогнутый тупо, –
покойник в гранитном гробу.
Во мгле водосточные трубы,
как вспухшие вены на лбу.

Вышеславский Л. Сонеты и баллады. – Киев: Дніпро, 1966. – С. 75–76.

Андрей Галамага

*Галамага Андрей Аркадьевич (род. 1958),
поэт, автор-исполнитель из Воркуты.*

Привычка русская свой крест нести,
Ни исповедать, ни постичь её, –
От ощущения бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

Так что внушать чужие истины
И мерить нас своею мерою!
Мы наизусть не вспомним гимн страны,
Но вспомним Отче наш и Верую.

И как бы ни досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несём своё предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба – святая схимница;
И воздаянье ждёт нас на небе,
И не пройдёт, и не отнимется.

Молодая гвардия. – 2015. – № 1/2. – С. 135.

Рустем Галеев

*Галеев Рустем,
поэт из Казани.*

Памяти Тредиаковского

Перед этим стихотворением необходимо сказать пару фраз.

Представьте себе, вы стоите перед окном, за окном идёт дождь, понятное дело, осень. За окном идут два мужика, один из них несёт кирку и лопату, а второй – ведро. Вокруг ведра бегают собака и пытается снять крышку, прикрывающую ведро, как будто там находится что-то важное, очень важное для неё.

Я сперва подумал, щенят утопленных хоронят,
А потом вдруг принесли дерево,
И стало вдруг как-то весело, радостно как-то.
Значит не всё, не всё еще потеряно,
Значит, не только убивают и насилуют в этой стране,
но, видишь,
ещё и сажают.
И не сажают даже вовсе, а сеют, да-да, Доброе,
Разумное, Вечное.
Значит, убьёт Раскольников, но и воскреснет старуха-
процентщица,
Значит, будет появляться каждое утро кровавое
пятно в замке
Моррисвиль,
Значит, придут-таки два неопрятных мужика,
Значит, посадят дерево
И, глядишь, прорастёт оно,
Племя,

Младое,
Незнакомое,
Перекинет через плетень свою буйную головушку,
Обожжёт меня своими колючими иглами,
Да и ёбнет колким обухом по темени.
И, глядишь, треснет лёд моего рассудка,
Растает сердце Кая,
Он выйдет голышом на Сенатскую площадь 14
декабря 1825 года,
И один, из толпы зевак, наблюдающих ледоход,
заметит его и скажет,
Вот, мол...
Тронулся...
А я отвечу:
– Да! Тронулся.
Лёд тронулся, господа присяжные заседатели.
Лёд тронулся.
Одного понять не могу. А ведро-то зачем?!

Арион. – 2008. – № 1. – С. 42–43.

Владимир Гандельман

Гандельман Владимир Аркадьевич (род. 1948),
поэт, переводчик, преподаватель.
С 1990 г. живёт в США.

С Лидой

из цикла «Жизнь моего соседа»

1

Заводской приятель мне написал письмо.
В мастера продвинулся ты, пишет, взяткой, лестью...
Что взбрело ему в голову, он был само
добродушие, отличался честью,

а особенно кротостью... Пишет: ты фальшив.
Пишет: ты меня ни во что не ставишь...
С ним случился какой-то взрыв,
очень внутренний, и ничего не поправишь.

«Он тебе позавидовал из-за двух медяков.
Что ты плачешь?» – спросила Лида. «Я думал, –
отвечаю, – он Мышкин, а он совсем Смердяков.
Жалко. Жил человек – и вдруг себя сдунул,

и теперь он в луже лежит, в грязи», –
так сказал я, скомкав письмо. Минутой
позже слышу из кухни: «Гром меня, б..., разрази,
я всегда говорила: гнилой и дутый!»

В понедельник рабочая
наступает неделя, то есть
пятиглавая тварь, охочая
нашу повесть осквернить как любую прочую...
То-то горесть!

Я не помню ни вторника,
ни среды с четвергом, зато уж
не боюсь по пятницам окрика:
что, мол, топишь
в водке разум! – я вроде нолика,
мёртвый, то бишь.

А в субботу спокойная
вечереет жизнь, без азарта.
Словно цепью единой, скованы
песней барда,
мы танцуем с Лидой под Коэна
Леонарда.

Но зато (воскресение!)
в день седьмой, на дорожках сада,
осеняет нас (во спасение!)
листопада
дуновенье светлоосеннее.
Вот отрада!

3

Дома Лида моя ходит в шерстяных
тапочках по ковру, и у Лиды
накапляется электричество, тронет – вспых
между нами, искры летят. Флюиды.

Даже комната освещается. Может быть
(мой сосед-учёный говорит «может стать»),
подсознательно она хочет меня убить.
а сознательно – приласкаться.

Иногда сильнейший проходит ток.
Я кричу ей: «Господи, больно, Лида!
Мы ведь жизнь отбываем, а не тюремный срок,
мы ведь два человека, а не болида.

Что за странное, Лида, высекновенье огня!
Но в её глазах не злой огонь – неизвестный.
Может статься, она полюбит меня
хочет для оправдания совместной.

4

Лида моя одевается и говорит: «Похолодало.
Ты слышишь?» Отвечаю: «Почти».
Говорит: «Я ватник твой залатала.
Похолодало». И потом добавляет: «Учти».

Вся жизнь наша прошла на первом
этаже, близко к холоду и земле.
Вряд ли она была перлом.
Я говорю: «Не забудь брильянтовое кольцо».

Она надевает крупно-зеленые бусы,
боты, шарф, шапку, пальто
и уходит на фабрику. Наши узы
всё прочней. По вечерам мы играем в лото.

Как уютно узор на коробке сверкает!
С детства я привязан к бочоночкам дорогим,
а теперь и к Лиде, как она выкликает
номера, один за другим, один за другим.

5

Она влетела: «Мышь в столовой!»
Я выпил порцию свою
(О, серенький сюжет не новый,
расхожий, бездны на краю!

Плутон, своей подземной сворой
зачем наш тихий рай мрачишь?)
и вышел: замерев под шторой,
сидела крошечная мышь.

Лишившись речи, то есть дара,
которым славен человек,
перед ней два перпендикуляра
остановили жизни бег.

Там, под землей, где червь и овощ,
где кость, и уголь, и руда,
она не видела чудовищ,
подобных этим, никогда.

«Как я боюсь мышей!» – вскричало
одно из них, и тут же, чёлн
наняв, я оттолкнул с причала
подземницу, печали полн.

«Зачем мы все не разминулись? –
я думал. – Не было бы зла...»,
шумел, как мышь, деревья гнулись,
а ночка тёмная была.

Николай Глазков

*Глазков Николай Иванович (1919–1979),
поэт, переводчик.*

Дом Достоевского

Огнём огромного пожара
Пленённый город был объят,
И в нём сгорело всё, пожалуй...
Так старожилы говорят.
Всё, что могло сгореть, сгорело,
Был уничтожен город весь,
Но что-то чудом уцелело.
Нельзя сказать, что нет чудес!..
В те дни, когда закат багряный
Над Старой Руссой полыхал,
Дом двухэтажный деревянный
На Набережной не пропал.
Вокруг него развалин груда
И море буйного огня...
Стихия совершила чудо,
Дом Достоевского храня!

Глазков Н. И. Творческие командировки: стихи. – Москва, 1971. – С. 22.

Любовь Глотова

*Глотова Любовь (род. 1985),
журналист, лингвист,
преподаватель английского языка, переводчик,
поэт, композитор из Самары.*

И куда идёт Фёдор Достоевский –
в Астрахань или вверх
по всклокоченной
гидроэлектростанциями
реке?

Босиком
бежит по Студёному оврагу Динка,
кличет Лёньку,
а Фёдор Немихалыч Достоевский
разворачивается
и идёт вверх –
белый четырёхпалубный идиот.

Арион. – 2019. – № 1/2. – С. 13.

Татьяна Гнедич

*Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976),
переводчик и поэт.*

Сегодня я пишу без принужденья:
Пишу – и не могу остановиться.
Не я пишу – перо и сердце пишет,
Как будто просто за руку ведёт.
И, начиная, я не знаю вовсе
О чём писать, какие дни и лица,
Какие неожиданные фразы
В процессе безмятежных разговоров
Ритмическая «вымахнет» мечта.
Сегодня будет снова тихий вечер,
Жемчужный вечер «на исходе марта»,
– какие только в нашем Петербурге –
Так сказано в одной зелёной книжке
С названием простым: «Гранитный Сад»...
Сегодня я свободна. И, наверно,
Пойду бродить по набережным стройным,
смотреть на небо, где во мгле лиловой
рисуеться неповторимый контур
столицы Достоевского и Блока,
Суворова и грустных декабристов,
Где мыслил Чаадаев, злился Пушкин,
Где «угождал» Брюллов и пил Федотов,
Где сухо улыбался Грибоедов
И радостно Булгарин процветал.
1942

«Верили в Победу свято»: материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 48.

Александр Големба

*Големба Александр (настоящее имя
Александр Соломонович Рапопорт) (1922–1979),
поэт и переводчик.*

Геся Гельфман, храбрец Рысаков и Кибальчич,
иль совсем уж какой-нибудь сбрендивший мальчик –
и монарху в подусниках, в общем хана!
В СПб, где рассвет над канавками розов,
где сперва Карамазов, потом Каракозов
пренаивно спешат подстегнуть времена,
где чухонская плесень на чёрствых баранках
и гремит динамит в монпасьешных жестянках,
либеральный властитель встречает весну:
отпевает его голубая столица,
и в сугроб государь умерщвлённый валится,
обречённый мученью и вечному сну.
Разлетается он на куски, вот кошмар-то!
Это всё называется Первое Марта,
это казнь, причисления к лику взамен.
И в сознании предсмертном бегут вереницей
сам Василий Андреич над первой страницей
и Простак за Границей – беспечный Марк Твен.
Встань над кровлями Питера, Дева-Обида,
в огорченьях Саула-царя и Давида!
Император уже в православном раю,
а за ним, в обстоятельном ритме повтора,
оба Кеннеди и отставной Альдо Моро
неминучую гибель встречают свою.

Александр II, либеральный правитель,
реформатор, воитель и освободитель,
всё земное свершил и почил и усоп.
Погребально звучал перезвон колоколен,
но, однако же, был браконьерам дозволен
внесезонный отстрел венценосных особ.
С Делом можно ли отождествлять человека?
Может, в этом ошибка жестокого века,
что творил он расправу, символы казня?
Ох, напали на козлика серые волки,
после ж – народовольцы и народоволки,
и густых мемуаров пустая возня!
Коль железо в живое впивается мясо,
это вовсе не значит, что тёмная масса
в этом факте прозрела рассвета лучи...
Ибо может признать всеблагая отчизна
эти факты издержками волюнтаризма, —
но молчи, ошалелое сердце, молчи!
[?]

Дружба народов. – 2008. – № 5. – С. 86–87.

Сергей Голиков

*Голиков Сергей (род. 1981),
поэт из Ярославля.*

Великий гений и пророк
Рабом пера себя нарекший.
Пропитан болью каждый слог,
Кровавым месивом протекший.
С крутого берега Невы
Смотрел он вглубь ночного неба,
Не снять с России головы,
Настанет время — хватит хлеба.
Для всех убогих и больных,
Униженных и оскорблённых
Изыдут бесы из людских
Умов лихих и просветлённых.
России жить да процветать,
Хранить нетленную идею,
Которой точно не сломать,
Её ни чёрту, ни злодею.
По праву всех рассудит бог,
Познав и горе и смятенье,
Сибирский каторжный острог
Он принял словно воскресенье.
От жизни прошлой и слепой,
От бывших доводов и планов
Он углубился с головой
В бурлящем омуте романов.

Узрев надёжный верный путь,
Махнув рукой на брешь в кармане,
Он начал безустанно гнуть
Россию к милости и славе.

Картинки. Стихи. Любовь: сайт – Текст электронный. – URL: <http://что-такое-lyubov.net/stixi-o-dostoevskom-fedore-mixajloviche/> (дата обращения: 24.12.2018).

Дмитрий Голынка-Вольфсон

*Голынка-Вольфсон Дмитрий Юрьевич (род. 1969),
поэт, культуролог, литературный и художественный критик,
научный сотрудник Российского института истории искусств.*

Сашенька, или Дневник Эфемерной смерти

(отрывок из поэмы)

1

В ночном такси – блюз флюоресцентного Зообурга! –
в обнимку с моим кузено и ди-джеем найт-клуба «Бункер»
мы неслись курцгалопом по Венскому проспекту
из казино «Еппи», где с везения сняли пенку.
Моё кузено – запястья в нефритовых браслетах –
перстеньками глаз а la Бёрдсли красавцев клеил.
Сколь ни метал бисер греха – никого не закадрил...
Не беда, для таких каналов, как мы, везде кабинет заказан.

2

Мы влетели в трубу позёмки и домну Коломны –
и каналы на полной в аустерию «У Солохи».
На Английский вырулили проспект у бутика «Сны Домби»
и затормозили у дома с акантами и ротондой.
Пройдя колоннадой фореиторов, официантов и грумов,
заказали фирменный деликатес «Кости этрусков»,
на десерт – суфле «Печенег», и печёный лангуст, и Кьянти,
бифш-текст отбивной и экстра-гарнир к яствам.

3

Мы завсегдаи здесь – меню наизусть знаем...
Провели нас по благу в Колонный зал – латифундию
знати. Поскользнувшись, моё кузено массивным кейсом
чуть не сбил на столике рядом фужеров кегли.
Нас лорнетировали сразу, и от конфуза
мы не замяли – скорей, раздули скандала фузий.
Боливар с широкой тульей уронил я на двух левреток,
от грандамы в манто а la Тьеполо досталось мне на орехи.

4

Успокоив грандаму, подав ей боа из норки,
метрдетель проводил нас в отдельный номер.
Я взгрустнул о своей полусветской пассии Сванетте
и по линии мультитайпа дал ей телефону:
«Миль пардон, дорогая, толкусь я как чёрт в ступе,
сегодня я пас – приглашён я на ужин с моей креатурой.
Не унывай – у меня в неизменном фаворе будешь,
не проштрафишься, так получишь cadeau – платок
оренбургский».

5

В дислокациях связей любовных не был я неофитом,
с меркантильным умыслом я манкировал журфиксом
с каламбурной Сванеттой, поскольку, – грустно и гнусно, –
в отношениях с нею я вёл бухгалтерию двойную.
В ней меня привлекали колкость, казуистика и скепсис,
и манерность барочной черепаховой табакерки.
Я боялся её удержать и боялся её покинуть...
От казуса этого по-мармеладовски раскиснул.

<...>

15

Вон валетом пикирует Герман Г., нынче – граф Нулин,
он вступил в мезальянс с престарелой графиней ради её
внучки.

Сплюсовались в нем Гарри Галлер и Гумберт Гумберт,
и Свидригайлов, конечно, – а себя-то в нём с нос гулькин.
Вон знаменитый поэт – добрый малый и милая душа, –
бомонд легко обвести вокруг пальца репутацией дутой,
он ломал из себя дурачка ради паблсити лет десять,
и вот незадача – он дурачком стал на самом деле.

4 сентября 1994 - 16 марта 1995

Гольинко-Вольфсон Д. Директория. – Москва, Тверь, 2010. – С. 4–12. –
(Тридцатилетние; вып. 6).

Николай Голь

Голь Николай Михайлович (род. 1952),
переводчик, поэт, драматург, детский писатель.

Попытка литературоведения

Сострадание к двуногим –
 вот наша духовная ноша,
А не клин журавлей,
 не жнивье, не жужжащая прялка.
Бедный, бедный Ставрогин!
 Он так обесчестил Матрёшу,
Надругался над ней...
И Матрёшу по-своему жалко.
Тот, кто скажет: «Не буду
 жалеть их», – тот молвит некстати:
Тут не дурь и капризы,
 а нечто подобное страсти.
Этот бедный Нехлюдов
 и бедная Маслова Катя,
Эта бедная Лиза
 при бедном богатом ЭрASTE!
А иначе – на свалку,
 и третьего выхода нету.
И от шуток своих
 мы залиться готовы слезами.
Как мне Пушкина жалко!
 Как Тютчева жалко и Фета!
Как и прочих-иных,
 кто отметился в школьной программе.

Глеб Горбовский

*Горбовский Глеб Яковлевич (1931–2019),
поэт и прозаик из Санкт-Петербурга.*

Пересылка

Не читается Фолкнер: подробно и вязко.
Достоевский растянут и говорлив...
Происходит в мозгах перегрев, перетряска,
подпирает развязка, как Финский залив.

Не спасают ни дамбы, ни прочие трюки,
разбухает башка, как ночная Нева...
И хватают Евангелье хищные руки,
Но священные тают в плавильне – слова.

Понимаю, что я – иссякающий кладезь,
что пустеют благие мои закрома...
Ты прости меня, жизнь, может, всё же поладим?
Я ведь знаю, что ты – не лихая тюрьма:

Пересылка! Из области света – в потёмки,
а точнее: из мрака – в наджизненный свет!
Где забудутся книги и предки-потомки,
вереница прожитых мучительных лет.

Наш современник. – 2003. – № 3. – С. 127.

Читальня

Книги жгут, как в средние века,
по утрам выносят на помойку...
Вымирает мудрая строка,
а дурная – хвалит перестройку.

Спрос имеет лютый детектив,
Лев Толстой не читан молодёжью.
В новом гимне – старенький мотив,
каторгой помеченный и ложью.

Я вчера, шарниры подтянув,
из берлоги выбрался на Невский
и увидел, в урну заглянув,
на обложке: «Фёдор Достоевский».

Нева. – 2007. – № 4. – С. 4.

Петербургские дожди

Сажусь в машину, как в карету, –
сто лошадиных сил в упряжке,
и на поминки к Блоку еду,
что проживал на речке Пряжке.
Затем – к рязанскому Серёже,
что снял покои в «Англетере»...
Хотя – зачем его тревожить?
Пусть отдохнёт, по крайней мере.
Затем – к Владимирскому храму,
под Достоевского оконце...
Шел дождь. И вдруг из тучи драной
бесстрашно выглянуло солнце!

Наш современник. – 2010. – № 10. – С. 4.

Обычный день

Обычный день... Рождаемость – в порядке,
и смертность, как всегда – на высоте.
Возводит дачник в огороде грядки,
грузовичок заправленный – в узде.

Хозяйка стряпает. Хрустят морковкой дети.
Алкаш крадётся к ближнему ларьку...
Люд продолжает жить на белом свете
и умирать – с затмением в мозгу.

В родильный дом отправилась хозяйка
в фургончике, помеченном крестом.
На нём же пьяница в заблёванной фуфайке
доставлен был из жизни в Мёртвый дом.

Нева. – 2013. – № 10. – С. 3.

Олег Горгун

Горгун Олег Викторович (род. 1989)
поэт из Минска (Беларуссия).

Пишет Макар Варваре: «Голубка, мы устарели.
По стене ползет таракан, но я не убийца.
Вот уже две недели, как я не встаю с постели.
Нет моих сил подняться, а по ночам не спится.

Принеси мне, голубка, книжек, а лучше — соли,
да захвати сахарку, а то мой не сладкий.
Ты мне писала про муку душевной боли.
Не волнуйся, голубка, я до неё не падкий.

Всё уже мне спокойно, утихли страсти.
Помню только в причёске твоей цветочек...
Не выпало нам, Варварушка, в жизни счастья.
Не забывай про меня. Я, возможно, сегодня ночью...»

Письмо обрывается. Есть ещё лист бумаги.
На нём написано: «...те господа не знали,
что я воровала сахар, а эти — скряги,
всё берегли, догадались да и прогнали

Прямо под светлый праздник мою особу.
И что я теперь? Побираюсь. Куда ж нам деться?
Где я возьму рублей для попа, для гроба?
Макарушка, поживи недельку. Тебе согреться

Завтра тулупчик выпрошу у сестрицы.
Дровишки искала, да знаешь, какое время.
Нынче мне тоже ночами совсем не спится.
Дожить бы до марта, а там уже мы со всеми...».

Сергей Городецкий

*Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967),
поэт, прозаик, критик, переводчик.*

Достоевский

Уйдите! Уйдите! Я вас не хочу!
Я вас умоляю! Учитель, уйдите!
Смеётесь? Ошиблись! Вы мне по плечу.
Но я в сердце вихря вам страшных событий.

Вы доктора сын. Вы большой психиатр,
Анатом рубцов изъязвлённого мозга.
Людского страдания эсхиллов театр
Вы ставите властно машиной громоздкой.

Поймите меня! Вам легко пожалеть
Проходимца двух эр, двух эпох ледниковых
Вы построили мне одиночную клеть,
Вы надели на волю смиренья оковы!

Так зачем же вам ночью меня посещать,
Вам, мучителю дум краевых поколений?
Я из клетки бежал, вызволенья ища,
Я не с вами, а с тем, кто зовёт себя Ленин.

И зачем вы мне шепчете: – Этот чекист,
Твой приятель, он – мой! Он – Рогожин!
Смотри, как он в диком расстреле плечист!
Смотри, как он смертью людскою разложен!

И зачем подаёте мне счёт мертвецов
И глухой поминальник последышей Мити
Подымаете вверх над церковным крыльцом,
Где плакат развевается: «В клуб заходите!»?

Вы, Фёдор Михайлович, бросьте шутить!
Раз сгоняв на авто, кто же ездит в телеге?
В руках у меня ариаднова нить. Да, вы диалектик.
Но гений в ней – Гегель!

И с ним, и за ним, и за Марксом над ним
Я пойду напролом отрицать отрицанье,
Хоть боюсь тех ночей, где мы с вами одни,
И где третьим меж нас сладострастье страданья.

Солнцем день закипает. Взрывают гудки
Безделья ночного седое болото.
Я в массе. Я с нею. Гудков кипятки
Мне шпарят израненный череп работой.

И вы истлеваете в блеске труда.
Вы лысым ребёнком застыли в тревоге,
В костлявые пальцы зажав повода
Сорвавшейся тройки, чей кучер был Гоголь.

И очень спокойно я в будни иду
Простым рядовым в необъятнейший подвиг
И левой и правой рукою кладу
На стройке кирпичные капельки по две.

Вы ждёте, гранит запахнув на себе,
Немым валуном средь людей притворяясь.
И смотрите вдаль, где идёт по Трубе,
Стреляя ресницами, Соня вторая.

Туманы ночные за нею ползут,
Цепляясь за окна фатой синеватой.
Гудки замирают. Кончается труд.
Вся линия улицы тьмою измята.

И снова, пугая распухшим лицом,
Вот тем, что в гробу срисовал с вас художник,
Ко мне, соблазняя терновым венцом,
Из мёртвого дома приходит острожник.

Клочок порыжевшей (в аду?) бороды,
Пиджак словно соткан из невских туманов.
Я знаю: колода картишек худых
Взметнётся из близкого к сердцу кармана.

Вы мечете банк. Я иду. Проиграл.
Ещё! Карта бита. Кончайте! Я нищий!
Со Спасских ворот долетает хорал:
«Вы жертвою пали...» Вы ищете пищи.

Искусству раскрыв ненасытную пасть,
В неё вы бросаете тему за темой.
И жадная ночь насыщается властью
Ещё ненаписанной вами поэмой.

И как же писать вам? Вы просто скелет.
Мираж в пиджаке из туманов зелёных.
И челюсти ваши скрежещут: – Ну нет!
Найду неофитов себе исступлённых!

Хотите ва-банк? Отвечаю, дрожа:
Я понял! Хочу! Достоевщина – ставка?
Но раньше, чем карта, ударом ножа
Рассвет рассекает нас. Кончена явка!

И нет никого. Диалектику прочь
Не выгонишь запросто даже из бреда!
Да, Фёдор Михайлович! Белая ночь
Певца своего захотела проведать!

Я к форточке. Воздуху! Ветер, смеясь,
Сдувает губительный пепел свиданья.
И кожу окраски сменив, как змея,
Вдаль улица стройно ведёт свои зданья.

И строится город. И пилы звенят,
Прочнейшую гать настилая на омут.
Но странная сила уносит меня
За вами идти, но идти по-иному.

И жутко мне кажется: – Кто ж, как не ты,
Расскажет сегодняшний бунт человеческий?
Я, Фёдор Михайлович, в тайне мечты –
Взвалить вашу страшную ношу на плечи.

Да, я расскажу Ярославль и Москву,
Я с вами пойду в погреба контрразведки,
Расстрелы и казни векам покажу,
Но буду молиться на сталь пятилетки.
1929

Наше наследие. – 2001. – № 56. – С. 165.

Александр Городницкий

*Городницкий Александр Моисеевич (род. 1933),
доктор геолого-минералогических наук, поэт,
один из основоположников жанра авторской песни в России.*

Старый Питер

Петербург Достоевского, который его ненавидел,
Для потомков теперь представляется в виде
Чёрно-белых гравюр, иллюстраций из «Белых ночей».
Там в подвалах горбатых теней шевеление злое,
И Раскольников прячет топор под полою,
И качается пламя свечей.
Вот и автор к Владимирской тёмным плетётся проулком
(На пустой мостовой раздаются шаги его гулко,
И пальто на костлявой фигуре трепещет, как флаг),
Солженицына издали обликом напоминая,
И пора вспоминается сразу иная:
Довоенные годы, блокада, ГУЛАГ.
Воды Мойки холодной, смещаясь от Пушкина к Блоку,
Чьи дома расположены вроде бы неподалеку,
Протекают неспешно через Девятнадцатый век,
Мимо Новой Голландии с кладкой петровской старинной,
Мимо окон юсуповской, пахнущей смертью гостиной,
К сумасшедшему дому направив невидимый бег.
И канал Грибоедова, бывший Екатерингофский,
Где слышны сквозь столетие взрывов глухих отголоски,
Высочайшею кровью окрасив подтаявший снег,
Всё петляет, ныряя под Банковский мостик и Львиный,
Между спусков гранитных, заросших коричневой тиной,
Направляясь к слиянию рек.
А Фонтанка бежит от прозрачного дома Трезини,

От решётки сквозной, на которую смотрят разини,
Убиенного Павла минуя багровый дворец,
Мимо дома Державина, сфинксов египетских мимо,
Трёх веков продолжая медлительную пантомиму,
Чтоб уже за Коломной вернуться в Неву наконец.
Здесь и сам ты родился, и это имеет значение,
Где эпохи и реки сплетает тугое течение
И блокадное зарево с верхних глядит этажей,
Где скучают богини меж северных чахлах растений
И мелькают на Невском в камзолы одетые тени,
Затесавшись в толпу новых русских и старых бомжей.
В этом городе хмуром, где только по звону трамвая
Отличаешь наш век, Девятнадцатый век проживая,
Припозднившись в застолье, дорогой идёшь не прямой,
Мимо серых кварталов, лишённых полуденных красок,
И тебя за плечо задевает Некрасов,
Из игорного дома бредущий под утро домой.
1998

Городницкий А. Снег: стихи. Воспоминания. – Екатеринбург, 2004. – С. 478-480. – (Серия «Авторский вечер»).

Осень в Бадене

В Бадене, где проигрался когда-то великий
Русский безумец, писавший потом «Игрока»,
Низкое солнце кидает неяркие блики,
Сонной рулеткой кружит, замедляясь, река.
Воздух пропитан живою водой и азартом.
Птицами листья взлетают у стен казино.
Осень сует под ладошку краплёную карту,
Фишки крупье на зелёное сыплет сукно.
Выигрыш близко, ну как удержаться от риска,
Если возможно Фортуну купить за гроши?
Пышный пейзаж в золочёной затейливой раме.
Встройся в него и о дальних местах не тужи,
Где у промозглой Сенной проходными дворами
В поисках тары печальные бродят бомжи.
Нужно ли было звенеть кандалами в глубинке,
Биться в падучей, острожных выкармливать вшей,
Чтобы сидеть у метро на Владимирском рынке,
Бронзой чернея в унылом ряду алкашей?
В этом краю, где не знают морозного снега,
Не отмолить занесённых метелями душ,
И европейское золото падает с неба,
Недолговечное, словно отыгранный куш.

Литературная газета – 2005. – 23–29 нояб. (№ 48). – С. 8.

Петербург и Одесса

С. Щекатолиной

Петербург и Одесса – ворота двух разных морей,
Что означили путь азиатской державы в Европу.
Сколь отличен в столетиях их исторический опыт:
Питер создали немцы, а здесь окопался еврей.
Под десницу Дюка бульвары в цвету, как в снегу.
Веселится народ у когда-то захваченной пушки.
Юный Пушкин в Одессе – не скорбный затравленный
Пушкин,
Пистолет уронивший на питерском чёрном снегу.
Да и прочие авторы незабываемых строк,
Их легко различить, – всюду нравы свои и замашки.
И представить нельзя, чтобы Бабель родился на Пряжке,
Достоевский – в Люстдорфе и на Дерибасовской – Блок.
От кормы броненосца прерывистый катится гром.
В серость северных линий вплетается яркая краска.
По Потёмкинской лестнице детская скачет коляска.
В Петрограде восстание – на Молдаванке погром.
Непохожая речь и в заливах другая вода
В приднестровской степи и на почве болотной и зыбкой.
Что на севере горе – на юге встречают улыбкой,
Эта маска горюет, а эта – смеётся всегда.
Разойдутся ли врозь двуединые эти миры
Или снова вольются притоками в общую Лету?
Петербург без Одессы тоскует, как брат без сестры,
Как тоскуют зимой по горячему южному лету.

Янис Грантс

*Грантс Янис Ильмарович (род. 1968),
поэт и редактор из Челябинска.*

хватит продавливать диван
мне нечем кормить ребёнка
говоришь ты

я ж вымащивал тебе дорогу благими
я ж задаривал тебя дорогими
говорю я

хватит издеваться
ребёнку нечего жрать
орёшь ты

я последний шанс русской литературы
ору я

не смей осквернять своей блевотиной святое имя
пушкинагоголялермонтова
орёшь ты

я голоден орёт
продавлен орёт диван
ты последний шанс орёт святое имя
я вызову милицию орёт из-за стены старуха-процентщица
убей её орёт топор

стоп
у меня нет топора

Борис Гребенщиков

*Гребенщиков Борис Борисович (род. 1953),
поэт, музыкант, композитор.*

Достоевский

Когда Достоевский был раненый
И убитый ножом на посту,
Солдаты его отнесли в лазарет,
Чтоб спасти там его красоту.

Там хирург самогон пил из горлышка
И всё резал пилой и ножом
При свете коптилки семнадцать часов,
А потом лишь упал поражён.

А на следующий день под заутреню
Из центра приходит приказ
Вы немедленно присвойте Героя звезду
Тому гаду, что гения спас.

Так пускай все враги надрываются
Ведь назавтра мы снова в строю
А вы те, кто не верует в силу культуры –
Послушайте песню мою.

Репродуктор: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://reproduktor.net/gruppa-akvarium/dostoevskij/> (дата обращения: 20.12.2019).

Ольга Григорьева

*Григорьева Ольга Николаевна (род. 1957),
поэт и литературовед из Казахстана.*

Иртышский ветер
Свежий, резкий...
Взлетает снова «ВРЕМЯЛЁТ».
– Смотри, писатель Достоевский
По омской улице идёт.
Весенним ветром жадно дышит,
Его перо, бумага ждут.
Он многое ещё напишет...
Путь к славе
Начинался тут!

Вечерний Омск – Неделя. – 2010. – 8 сент. (№ 36). – С. 25.

Сергей Давыдов

*Давыдов Сергей Давыдович (1928–2001),
поэт, прозаик, переводчик и сценарист
из Санкт-Петербурга.*

Писатель! Не пей
все двадцать шесть дней!
Как раз в этот срок
был написан «Игрок»!

Звезда. – 2006. – № 6. – С. 46.

Андрей Дементьев

*Дементьев Андрей Дмитриевич (1928–2018),
поэт, радио- и телеведущий.*

«Красота спасёт мир...»

Этот яростный мир красота не спасёт,
Потому что её могут просто купить.
Оголтелое время нас к бездне несёт
Мимо веры и счастья, которым не быть.
И остался у мира единственный шанс:
Чтоб не рухнуть ему за крутую черту, —
Поначалу должны мы спасти красоту.
А потом и она, может, вспомнит о нас.

Дементьев А. Д. У судьбы моей на краю: стихи. – Москва, 2003. – С. 10.

Красоту России на продажу!
С молотка она вразнос идёт.
Достоевский нам с упрёком скажет:
«Кто же МИР теперь
Для вас спасёт?!»

Литературная газета. – 2011. – 9–15 нояб. (№ 44). – С. 9.

Андрей Демьяненко

*Демьяненко Андрей Николаевич (род. 1974),
поэт, прозаик из Санкт-Петербурга.*

Обкурившийся Достоевским

Люди вещают про тень,
старуха проТЕНЬщица,
положила топор за плетень,
там Раскольников тешится.

Тешит идеи топорные
бензопилой и топориком,
раскрашивает пустоту
мрачную, извлекает красоту...

Залачил Достоевского строки,
автор лучшего хочет,
но склеили смыслы страницы –
крылья безропотной птицы.

Колокольчик Сонечки Мармеладовой
звучит бравурно,
бросил пить горькую её папа,
она лечит больных и хмурых.

Сыщики вяжут шапочки,
наматывая на спицы радуги.
Что залаченный Фёдор Михайлович?!
Как такие финалы?

Скучно без убийств,
серости и насилия?
Если бы знали какие,
шапочки у сыщиков получаются красивые!!!

Город в птице гремит, грохочет,
в сердце жилами замкнут день,
окольцованы люди ночью –
светлым утром вещают тень.

Рейтинг поэзии Poet Rank.ru: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://poetrank.ru/poets/andem/obkurivshijsya-dostoevskim/> (дата обращения: 9.12.2015).

Геннадий Дергачёв

*Дергачёв Геннадий,
поэт и прозаик из Москвы.*

Памяти Ф. М. Достоевского

Фортуна ветреная дама,
И ей любовников менять
Пристало часто, и романа
О верности не написать.

Зато её поклонник верный,
Назло превратностям судьбы,
После игры плохой да скверной
Дарил читателям труды.

А в них бушующие страсти,
Порывы искренней любви,
И быта гнусные напасти,
И рассуждения свои:

О мелочах и о великом,
И как болезненна слеза,
Когда мелькает бедность ликом
И прячет как-то всё глаза.

Имеет право думать каждый
Без компромиссов обо всём,
Вопрос поставив очень важный
Зачем мы всё таки живём?

Нас продолжает Достоевский
Вести невольно за собой,
Ища повсюду довод веский,
Что зло трубит уже отбой.
13.12.11

Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2011/12/13/4157> (дата обращения: 21.01.2018).

Элисео Диего

*Диего Элисео (исп. Eliseo Diego, 1920–1994),
кубинский поэт, прозаик, переводчик,
автор книг для детей.*

Фёдору Достоевскому, в его годовщину

Почему так волнует мост
из чужеземного камня, почему слякоть
(нечто, припорошенное снегом) деревни,
затерянной среди то ли далей, то ли дней,
так пылает здесь; почему адская свистопляска
господ и их челяди
(туман чужого тумана, трижды туман)
уже несуществующим льдом
обжигает душу; почему шут,
выбившийся из сил, шут из шутов,
давящийся смехом, мертвенно-бледный,
стучит нашими зубами; почему, трогая веки
умирающего младенца, мы содрогаемся,
будто это наше дитя; почему доброта,
расточенная на обиду, став гримасой,
насмешкой, убедительна,
как солнце? И понимаешь то,
что рождено не на твоём языке, –
и земля не твоя, и слово,
и дыхание, – и всё стало возможным,
потому что наше
его огромное сердце и все мы
соединённые в нём,
и есть Человек!

Перевод с испанского П. Грушко

Иностранная литература. – 1982. – № 10. – С. 6.

Эльмер Диктониус

Диктониус Эльмер Рафаэль
(фин. *Elmer Rafael Diktonius*, 1896–1961),
финский и шведский писатель, поэт, композитор.

Достоевский

Город.
Переулок.
Нищий.
Шлюха.
Сырость.
Темень.

В стружьях рот!
Расхристанные космы!
Невнятный голос пропойцы.
Нужда.
О!
И вот приходишь ты.
Неслышно.
И этот рот целуешь.
На космы спутанные ладонь
кладёшь.
И вновь уходишь незаметно.

Смолкают голоса,
Ухмылка гаснет.
А я кричу:
– Зачем?
Ничто ведь не изменится!

Но нет.
Живёт воспоминанье о тебе,
о взгляде твоём – Христа,
и о молчанье твоём – Христа
в любом из нас, кого ты целовал,
в любом из нас, кого ласкал ты,
брат...
Перевод со шведского Б. Окуджавы

Поэзия Финляндии. – Москва: Прогресс, 1980. – С. 88.

Андрей Дмитриев

*Дмитриев Андрей Николаевич (род. 1976),
поэт, прозаик, журналист из Нижнего Новгорода.*

Настасья Филипповна
топит печь
исключительно тысячами
рублей – сотнями тысяч,
миллионами –
а потом глядит,
как падают в обморок
в них влюблённые
персонажи длинных длинных романов
и несёт им воды
в отогретых ладонях –
вот с этого места
и кончается водевиль,
да начинается месса,
в которой надрывная музыка
выдыхает робкое имя
в органную духоту...
Что написано кровью –
не переводится никакими
цифрами и словами,
брошенными налету
в прихожей
на язык репродукций,
где кровь остужают в ванне
перед тем, как дать окунуться
или запить десерт...
Так ведь, Рогожин?

Швыряет охапкой
Настасья Филипповна
деньги в огонь –
пляшет пламя
в дорогих нарядах
и это уже не липа –
это – как бы вскричала толпа –
о-го-го!
Репетиция ада
или просто – слаба,
на самом-то деле – слаба,
вот и хочется воя
в печной трубе –
так, чтоб слышало небо,
чтоб таял на стёклах лёд
и купленный ком несвободы
рассыпался на шум голубей
где-то под крышей –
отголоском высот.

Горит-горит ясно –
рычит да ёжится,
корчится, стонет.
Были тысячи – выпекла грош.
А в конце – лягушачья кожица
пузырями пошла.
В доме стало натоплено,
но вскричала душа,
наскочив на садовый нож...

Менестрель: лит.-худож. альм.: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://menestrelblog.wordpress.com> (дата обращения: 7.03.2018).

Шляпа – кругла
вокруг головы,
широкопола, как крыша ума
носителя, что, увы,
порой не хозяин
ни шляпе, ни голове...
Он с раннего детства – раззява,
ему бы рыскать в траве
в поисках связки ключей,
выпавшей из кармана,
или монет – ещё более мелких вещей –
но в шляпе он – Иван Карамазов,
рассеянный Дон Жуан,
забывший, что сердце – камень
у статуй убитым мужьям –
да ещё донжуановыми руками.

Глядишь из окна:
шляпа – предмет искусства –
будто б слегка велика,
а, может, это лишь чувство
узости разума,
воплощённого в голове
всех носителей разом,
живущих в абстрактной Москве
или – уж если ещё абстрактней –
в Павлове-на-Оке.

На-ка –
и ты примерь
в своих Уренгое,
Кинишме или Ухте.
Хватит пустых аллегорий –
сам же быть в шляпе хотел.

Вечер сгустил тона.
Серая моль над шкафом,
но всё, что реальность дала,
ты ещё не прошляпил...

Бельские просторы: журнал: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://br.rbsmi.ru/articles/poeziya/dmitriev-andrey-krasota-ukhodit-stikhi> (дата обращения: 7.03.2018).

Николай Дмитриев

*Дмитриев Николай Фёдорович (1953–2005),
поэт.*

Лесков и Достоевский

При жизни враждовали очень
Среди врагов, среди своих.
Но разве молния проскочит
Теперь меж чудных книжек их!
Их общий враг был твёрд и страшен,
Они давно с ним бой вели,
Но слабостей, минутных даже,
Простить друг другу не могли.
Им было трудно, двум вершинам,
Но не спешите суд вершить,
Ведь со складным своим аршином
К их высоте смешно спешить.
Так, негодуя, и проплыли
Светясь в разгуле тьмы и лжи,
Два ненавистника, две были,
Две очень близкие души.

Дмитриев Н. Ф. Тьма живая: стихи. – Москва, 1983. – С. 136.

Олег Дозморov

*Дозморov Олег Витальевич (род. 1974),
поэт, литературный критик.*

Нынче в парке, посмотри, буколки:
на площадке возле ресторана
выставили маленькие столики,
несмотря на то что слишком рано.

Посмотри-ка сам – она играетя,
как с хозяйкой глупая собачка.
И никто на жизнь не обижается;
может, так решается задачка?

Погляди вокруг: апрель и солнечно,
ты один и зол и беспокоен.
Вон проходят Родион и Сонечка,
каждый этой радости достоин.

Выброси бессмысленную логику,
замолчи, надменен и тревожен,
выпей кофе, постучи по столику,
всё возможно, даже смысл возможен.

Звезда. – 2012. – № 9. – С. 75.

Владимир Дробышев

*Дробышев Владимир Васильевич (1934-2002),
поэт, почётный председатель
«Общества сохранения литературного наследия».*

*Что-то тоскливое, надрывающее сердце было
в этом диком и пустынном пейзаже.*

Ф. М. Достоевский

В этом диком пустынном пейзаже,
в обезлюдевшем крае моём
злобно тянется тяжкое, вражье
и кричит, и кричит вороньём.

Глохнет крик в глубине преисподней
в обезлюдевшем крае моём,
и горит моё сегодня,
полыхает последним огнём.

Никуда от России не деться
в обезлюдевшем крае моём,
догорит моё старое сердце –
пожалуют и вспомнят о нём.

Только нету вокруг человека
и далёко людское жильё...
Придорожная серая вежа
в снег воткнута и в сердце моё.

Александр Дыбин

*Дыбин Александр Генрихович (род. 1946),
историк, литератор,
руководитель литературного объединения
«Москва. Чертаново-Южное».*

Две жизни (Ф. М. Достоевский)

Их было две: одна – до приговора:
В ней было всё примерно как у всех:
Засилье обывательского вздора,
Отсутствие больших и ярких вех...
И ужас охватил тебя кромешный
От мысли, что придётся умереть,
Не сделав в жизни суетной и грешной
Тех дел, что могут ближнего согреть,
Добавить в хмурый Мир добра и света,
Небесной Правдой потрясти сердца...
– Хоть год прожить, но по Твоим заветам –
Так ты молил Небесного Отца!
Он даровал тебе не год, а годы:
Сначала – длинный ряд острожных лет...
Любви, Надежды, внутренней свободы
И Веры ты обрёл там дивный свет!
И час настал: ты озарил тем светом
Тьму душ людских до самых до основ:
Пророком нарекла тебя планета
За благодать Любовь несущих слов!

Евгений Евтушенко

*Евтушенко Евгений Александрович (1933–2017),
поэт, прозаик, критик, публицист, кинорежиссёр.*

Ты – Россия

Отрывок

Не зря же
сквозь кроваво-чёрный чуб
Россия правды выделась за степью,
похожая на Персию чуть-чуть,
с улыбкой умирающему Стеньке.
Не зря же
правды,
сущей на века,
искали
и Толстой,
и Достоевский,
и Ленин говорил с броневика
во имя правды
самой достоверной!
И ты любой поступок дважды взвесь,
И помни,
помни всё неотразимей
не только за границей, но и здесь,
что ты – не просто ты,
а ты – Россия.
1964

Евтушенко Е. А. Интимная лирика. – Москва, 1973. – С. 22.

«Братская ГЭС»
Отрывки из поэмы
Петрашевцы

Барабаны,
барабаны...
Петрашевцев казнят!
Балахоны,
балахоны,
словно саваны,
до пят.
Холод адский,
строй солдатский,
и ОНИ-
плечом к плечу.
Пахнет площадью Сенатской
на Семёновском плацу.
Тот же снег –
пластом слепящим,
и пурги всё той же свист.
В каждом русском настоящем
где-то спрятан декабрист.
Барабаны,
барабаны...
Нечет-чёт,
нечет-чёт...
Ещё будут баррикады,
а пока что
эшафот.

А пока что –
всполошённо,
мглою
свет Руси казня,
капюшоны,
капюшоны
надвигают на глаза.
Но один,
пургой обвитый,
молчалив и отрешён,
тайно всю Россию видит
сквозь бессильный капюшон.
В ней, разодран,
перекошен
среди призраков,
огней,
плача,
буйствует Рогожин.
Мышкин мечется по ней.
Среди банков и лабазов,
среди тюрем и сирот
в ней Алеша Карамазов
тихим иноком бредет...
<...>

Искусство

И само не знаешь ты, искусство,
что на этом дальнем берегу
светом ты тащило нас из гнуса
к будущему свету сквозь тайгу.

Скалы и деревья мы валили,
да и сами падали без сил,
но свою Кабрию Феллини
к нам на самосвале привозил.

Разделяя с нами все мытарства,
шёл Толстой в неистовых снегах,
Достоевский мучился, метался,
Горький брёл с ребенком на руках.

Юность. – 1965. – № 4. – С. 37, 63.

Баллада о Мандельштаме

Отрывок

Не те, что красовались в португелях,
Надеясь на бессмертье в эпопеях, –
а Мандельштам, витавший в эмпиреях,
всегда ходивший в чудиках-евреях
и вообще ходивший налегке,
спасая совесть – глупую горячку,
почти впадая в белую горячку,
вскочил и вырвал чьих-то жизней пачку,
зажатую в чекистском кулаке.

Размахивая маузером, Блюмкин
погнался, будто Мандельштам был юнкер
из недобитков Зимнего дворца.
А тот, пока у ямы не раздели,
бежал и рвал аресты и расстрелы,
бежал от неизбежного конца.

<...>

Дзержинский был непоправимо мрачен
и посещеньем странным озадачен.
«Юродивый» – был вывод однозначен,
когда, небрит, взъерошен и невзрачен,
в ЧК защиты попросил поэт.
«Неужто чист? Ведь и в ЧК нечисто...
Всё слиплось – и поэты и чекисты...
В ЧК когда-то шли идеалисты
или мерзавцы... Первых больше нет».

И Мандельштама он спросил, терзаясь:
«Возможен ли идеалист-мерзавец?»
«Ещё и как!» – воскликнул Мандельштам
и засмеялся: «Бросьте вашу зависть,
я муками не меньше угрызаюсь.
Идеалист-мерзавец я и сам...»

Железный Феликс возвратился к делу
и буркнул в трубку: «Блюмкина – к расстрелу».
«О, только не расстрел... –
вскричал поэт. –
Ему бы посидеть, хотя б немного,
тогда, быть может, вспомнил он про Бога.
Стрелялку бы отнять – вот мой совет...»

Поэт вертелся на чекистском стуле,
как будто уклонялся он от пули:
«Скажите, а бывает иногда
что вы... вы отпускаете невинных?»
Вопросов столь прямых и столь наивных
не ждал Дзержинский. Был ответ наигран:
«Ну, это дело не моё – суда...»

На этот раз был Мандельштам отпущен.
«Он идиот. Он Мышкин, а не Пушкин... –
подумал председатель ВЧК». –
«Мерзавцем сам себя назвал. Не выдал
мне Блюмкина. Сам ищет свою гибель.
Настолько беззащитных я не видел,
но этим он и защищён... пока...».

Евтушенко Е. А. Стихотворения. – Москва: Слово, 1999. – С. 121–123.

Контрольный выстрел

Контрольный выстрел –
в голову всегда.
Пришла в страну
контрольная беда.
Но нет ещё контрольного стыда,
и нет ещё над судьями суда.
Найдут ли виноватых здесь,
когда
исчезнет Медный Всадник без следа?
Молчит каналов питерских вода,
выбрасывая трупы иногда...

«Мы, женщины, не начинаем войн...» –
сказала в речи – может, роковой –
та женщина,
как на передовой,
как депутат всех вдов,
на всю страну
и получила от мужчин войну.

Она лежит с пробитой головой,
оплаканная скрытницей Невой,
в крови,
надолго тёплой и живой,
на лестнице,
где слышен кошек вой,
где Достоевский бродит сам не свой
и, как незваный в Петербурге гость,
читает надпись на стене: «Спайс Гёрлс».

Она красивой раньше не была,
но смерть похорошеть ей помогла,
как будто бы в ней девочка всплыла –
толстушка-хохотушка, из вожжих,
умеющая хамам дать под дых.

На лестнице она узнала их.
И, может, фильм припомнила с тоской,
где журавли летели над рекой
и где, перил не трогая рукой,
бежал Баталов, молодой такой...
Но лестницы остались только те,
где автомат – торчком на животе,
а все другие лестницы – вдали,
и улетели наши журавли.

Над нею, как над бабой заводной,
посмеивались ехидно за спиной
служители политики, искусств.
У киллеров порою лучший вкус.

Она и не кумир, и не пророк.
Её талант был прост – быть поперёк.
На всех российских лестницах она
лежать в крови навек обречена,
и, пробиваясь с топором вперёд,
Раскольников оступится, замрёт.

И шепчет мать-земля водой, травой:
«Мы, женщины, не начинаем войн...».

9 декабря 1998

Анжелика Елфимова

*Елфимова Анжелика Геннадьевна (род. 1970),
коми поэт, журналист.*

Спать вроде рано. Выпить что-то не с кем.
Смотрю в окно я на ночную мглу.
Истрёпанный от чтения Достоевский
Валяется забытый на полу.

Стихи мои, что я не написала
По осени бредут туда-сюда.
И нет меня. Как у стихов начала.
И не было как будто никогда.

Перевёл с коми А. Попов

Литературная газета. – 2017. – 11–17 окт. (№ 40). – С. 5.

Иван Ерошин

*Ерошин Иван Евдокимович (1894–1965),
поэт и журналист.*

К Пушкину

*Пушкин раскрыл нам русское сердце.
Ф. Достоевский*

В минуты скорбных размышлений,
Иль в горе тягостно глухом.
Мгновение... И всё забыто.
И предо мною мой народ,
Бессмертной славою повитый,
Мечтает, плачет и поёт.

Пушкинский альманах: сборник. – Омск, 1998. – Вып. 1. – С. 150.

Борис Жаворонков

*Жаворонков Борис Иванович (род. 1925),
поэт, прозаик, публицист,
почётный гражданин г. Рязани.*

На плацу

Служивых вывели на плац.
И, доверительный по-детски,
С немым укором жгучих глаз
Шёл перед строем Достоевский.

За ним – жандарм.
Жандарм пыхтел.
Качались плечи у жандарма.
Он доказать, стервец, хотел,
Что хлеб жандармы жрут не даром.

И вздрогнул камень на плацу, –
Жандарм тирадой грянул бранной.
И арестанта – по лицу:
– Согну, писака, в рог бараний!..

Был Достоевский телом хил.
Жандарм – трещал от зверской силы.
Не только узника он бил –
Он бил в нём совесть всей России!

Ни санитаров, ни аптек.
Холодный плац.
Над плацем – тучи.
И гордый трясся человек
В жестокой, пасмурной падучей...

Жандарм поел и выпил всласть.
Глаза заплыли у жандарма.
Но от падучей той тряслась
Самодержавная казарма!

Жаворонков Б. И. Два крыла: кн. лирики. – Москва, 1973. – С. 41–42.

Валентин Загорянский

*Загорянский Валентин (настоящее имя
Глеб Серафимович Седельников) (1944–2012),
композитор и поэт.*

Фёдор Достоевскому

Акrostих

*на открытие памятника Ф. М. Достоевскому
в Зарайске, в селе Даровое.*

Фунтик карамелек,
Ёлочный Христос...
Дождь. Не скор и мелок.
Осень. Сосен тост...
Раненное утро,
Устная роса...
Дальнее «Как будто»
Около крыльца...
Солнце на распутье,
Тишина в снегу...
Отзовись, безлюдье!
Есть я, есть! Не лгу!..
Вся земля – признание!..
Сердцу ли, душе?
Краток сон – в преданье
Отошёл уже.
Мокрая дорога
Уступает Бога...

25 сентября 1993

Алексей Зарицкий

*Зарицкий Алексей Александрович (1911–1987),
белорусский поэт и переводчик.*

Встреча у Достоева

Все нивы, нивы. Вдалеке леса,
Над шляхом вербы клонятся сонливые.
Мне по сердцу неброская краса,
Твоя, полесский край, краса стыдливая.
Желанье быть желанным гостем тут
Меня давно украдкой беспокоило.
Вон на пригорке липы стерегут
Село старинное,
Село Достоево.
Мне тайной робости не одолеть
На тихих улочках села полесского:
Здесь, по Достоеву, ходили ведь
В года былые деды Достоевского.
Далёк тот день, когда им в белый свет
Пойти отсюда было долей велено.
Песками и порошею их след
Давно засыпало,
Давно завеяло.
Умолкли голоса их и шаги
Под вековыми липами и вязами.
И я напрасно у седых могил
Бродил, где рушниками опоясаны
Высокие замшелые кресты.
Устав от их молчания тоскливого,
Одна меня средь мёртвой маеты
Приветила звонкоголосо иволга.

Назад вернуться дедам не пришлось,
Хоть и не раз гнездо родное кликало.
Сюда лишь слово скорби донеслось
Издавека потомка их великого.
О слово это, как в нём глубока
И неизбывна скорбь, что сердцем собрана
За все многострадальные века,
За всех, за всех униженных и погранных.
Я слышу вздохи их и голоса,
Ожившие в строках бессмертных гения.
Вот гибнет Честность в нищете. Краса
За золото продаётся на растление.
И я, сникая, с болью ощущал,
Как властно простирает руки-лапищи
Ко мне его вселенская печаль
На этом старом-старом сельском кладбище.

Но рядом шлях. Скорей на ветерок!
Туда, где полевая даль манящая!
За шляхом кучерявится ленок,
Над ним лазурь на птичий лад звенящая.
Кого сейчас, крылатые певцы,
Вы привечаете, неутомонные?..
Иду, иду. Бегут во все концы
Машины, как кузнечики зелёные.
А это кто ещё шагает большаком,
Поля оглядывая плодородные?
С сединкой в бороде он, с посошком,
Запылены штiblеты старомодные.
Кого, скажи, кого ведёшь ты к нам? —

Спросил у большака я неназойливо.
Но путника узнал я как-то сам:
Вёл Достоевского большак в Достоево.
Спел за дорогою овёс, звеня,
Берёза рядом шелестела, светлая.
Как будто зная издавна меня,
Стал пешеход и посмотрел приветливо.
И, слушая, как жаворонок пел,
Промолвил: — Даль у нас неисходимая:
Я в том столетье просто не успел,
Что ж, в этом загляну в село родимое.
И на прощанье мне махнул рукой.
Окинув даль очами прозорливыми,
Он зашагал, взволнованный такой,
Туда, где хаты высятся над нивами.
1971

Зарицкий А. А. У вечернего костра: стихи. – Москва, 1981. – С. 30–32.

Риталий Заславский

*Заславский Риталий Зиновьевич (1928–2004),
украинский поэт, писатель и переводчик..*

Пустомели,
начитавшиеся Достоевского,
начинённые фразами из Фрейда,
ни черта вы не интеллигентны,
и никто вы вообще, по-моему,
ни одной своей у вас мыслишки,
всё у вас чужое –
даже поза,
всё у вас заёмное...
Ну, что ж,
В этом я греха ещё не вижу.
Хуже, что пытаетесь не ваше
выдавать зачем-то
за своё.
Каждым словом,
каждой броской фразой
предаёте
вы своих кумиров,
продаёте
Достоевского и Фрейда,
и себя, конечно,
заодно.
Слава богу, мёртвые не слышат,
слава богу, мёртвые не видят,
слава богу, мёртвые молчат.

Владимир Захаров

*Захаров Владимир Евгеньевич (род. 1939),
физик-теоретик, академик РАН, поэт.*

Русским поэтам

Русский язык
скоро станет древним, мёртвым.
Конечно, останутся
немногие специалисты
по Достоевскому, Толстому, Чехову,
даже по Пушкину,
Боже, меня прости...

И когда народ
совершенно исчезнет,
имя его не будет забыто.
Помним же мы буртасов, невров,
кровь их бурлит в наших жилах,
может излиться в тёплую ванну,
если чего.

Поэты,
имя вам – легион!
Говорят, вы – никчёмные существа,
это неправда – творите!
Громоздите Пелионы на Оссы,
возводите вавилонские башни
из текстовок
на будущем ископаемом языке!

Николай Зиновьев

*Зиновьев Николай Николаевич (1945–2018),
поэт.*

Во мне и Чацкий, и Онегин,
Все Карамазовы, Левша,
Обломов, Чичиков, Телегин...
Как общежитие – душа.

Литературные герои,
К чему мне ваша толкотня?
Мне даже кажется порою,
Что меньше всех во мне меня.

Не отрицаю я искусство,
Я сам, наверное, поэт.
Но грустно. Почему так грустно?
Ответа нет.

Литературная газета. – 2017. – 20–26 сент. (№ 30). – С. 7.

Вера Зубарева

*Зубарева Вера Климовна,
доктор филологических наук,
поэт, писатель, литературовед,
главный редактор журнала «Гостиная»,
живёт в США.*

Трактат об обезьяне

Отрывок из поэмы

Фернесс испытывал к обезьяне Люси
То, что Фрейд назвал бы Эдиповым комплексом,
Павлов – рефлексом, а Достоевский – конвульсиями.
Фернесс же интересовался только Люсиным мозгом.
Люси была симпатичного сложения,
Любила зеркало и очки (что ей было подарено)
И очень радовалась своему отражению,
Видя, наверное, в зеркале Дарвина.

Новый мир. – 2013. – № 10. – С. 93.

Георгий Иванов

*Иванов Георгий Владимирович (1894–1958),
поэт, переводчик.*

I.

Теперь тебя не уничтожат,
Как тот безумный вождь мечтал.
Судьба поможет, Бог поможет...
Но русский человек устал.
Устал страдать. Устал гордиться,
Валя куда-то напролом.
Пора покоем насладиться,
А может быть... пора на слом.
И ничему не возродиться,
Ни под серпом, ни под орлом!

II.

Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.
И, лишь на Колыме и Соловках,
Россия та, что будет жить в веках.
Всё остальное – планетарный ад,
Проклятый Кремль, злощастный Сталинград –
Заслуживает только одного:
Огня, испепеляющего его.

Ш.

Несколько поэтов. Достоевский.
Несколько царей. Орёл двуглавый.
И – державная дорога – Невский...
Что нам делать с этой бывшей Славой?
Бывшей, павшей, обманувшей, сгнившей...
...Широка на Соловки дорога,
Где народ, свободе изменивший,
Ищет, в муках, Родину и Бога.

Возрождение [Париж]. – 1949. – № 5. – С. 84.

Всё представляю в блаженном тумане я:
Статуи, арки, сады, цветники.
Тёмные волны прекрасной реки...

Раз начинаются воспоминания,
Значит... А может быть, всё пустяки.

... Вот вылезаю, как зверь, из берлоги я,
В холод Парижа, сугулый, больной...
«Бедные люди» – пример тавтологию,
Кем это сказано? Может быть мной.
1952

Иванов Г. Собрание сочинений: в 3 т. – Москва, 1994. – Т. 1. – С. 431.

Ася Иванова

*Иванова Ася Фёдоровна, поэт, учитель,
сотрудник Старорусского краеведческого музея,
филиала Новгородского государственного музея-заповедника.*

Анне Григорьевне Достоевской

Когда за окнами стенала непогода,
Когда в душе писателя был хаос и разлад,
Как берегиня, год за годом
Лелеяла ты истинный талант.

Бралась за самую тяжёлую работу,
Ночей не досыпая, о себе забыв –
Всё для того, чтоб восхищённый кто-то
Мог томик в руки взять, слезу пролив.

Была в кругу родных подстать лампаде,
Дарящей близким тёплый добрый свет.
И высшей для тебя была награда,
Когда «спасибо» слышала в ответ.

Как много сил душевных и терпенья
Ты отдавала мужу и семье!
И был тебе благословеньем
Удачный каждый шаг в его судьбе.

Что силы придавало тебе, Анна?
Что было для тебя главнейшим, веским?
Наверно то, что повторяла неустанно,
Что солнце твоей жизни – Достоевский!

МАУ ДО «ДШИ им. С. В. Рахманинова»: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://russa-art.narod.ru/FEDOROV/Ivanova/Index.htm> (дата обращения: 22.01.2018).

Памяти Ф. М. Достоевского

Под сенью вязов, у спокойной Перерытицы,
Он век назад здесь свил своё гнездо.
И нам теперь знаменьем видится
Его в ночи горящее окно.

Он здесь писал о человеке русском,
О цели в жизни, назначении его,
Играл с детьми в кругу семейном, узком,
И было рядом с ним особенно светло.

Он, гений, знал своё святое назначенье –
Познать и вскрыть всю глубину людской души,
Впитав в себя и боль, и радость, и мученье.
Как идеал для нас он пел Христа в ночной тиши.

Он видел, как никто, как дьявол с Богом борется,
Он знал, что поле битвы есть сердца людей,
Мечтал, что бесы в Гадаринской бездне скроются,
Очистившись, Россия выйдет к свету из теней.

Он видел назначенье русского народа
В идее единенья всех людей земли.
Он верил: созиданье, над душой своей работа
Вернут нас к Вечным Истинам, к Любви.

И нам, живущим ныне, очень хочется,
Как и ему, увидеть лики светлые детей.
И мы мечтаем, чтоб сбылись его пророчества,
Чтоб Красота спасала мир людей.

Дом Грушеньки наводит на унынье.
Когда-то здесь она жила, даря сердечность.
Теперь живут другие, ныне
Забыв о тех, кто канул в вечность.

Под ивами тихонечко пройду я,
К окошку подойду, где Грушенька сидела.
А вдруг увижу я её, красавицу, живую
И стану, как она, решительной и смелой.

МАУ ДО «ДШИ им. С. В. Рахманинова»: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://russa-art.narod.ru/FEDOROV/Ivanova/Index.htm> (дата обращения: 22.01.2018).

Юрий Иваск

*Иваск Юрий Павлович (1907 [1910?]-1986),
поэт, литературный критик,
американский историк русской литературы.*

Играющий человек

Отрывки из поэмы

<...>

Гимназия, как будто по старинке:
Преподавали Крыса, Ананас.
Стихи: По вечерам.. . (на вечеринке)
Над ресторанами. . . Пророк и Влас.
Сурдинка музыки. Бормотали, выли
До умопомрачения. Любили :
О, неизвестно что! Туманы? Вас ?
С друзьями зачастую (или с Блоком.
И Достоевским), изойдя из тьмы,
О вечном, о неясном, о высоком
Ночами белыми мечтали мы.
Что: незамеченное поколенье,
Отмеченное лирикой и ленью?
Зыбятся: почувство, полумысль.

<...>

Метафизические потасовки
Его бунтовщиков, его шутов
Влекли: и неприкаянный, неловкий
Айда! Фью-фью! На донья кабаков
Версилова, Лебядкина, Ивана!

Куда: в Содомы ли, к Мадонне званы?
Не ведаю. Но, падая, звени!
Вверх ухали какие-то тормашки.. .
А ну-ка, Грушенька, ещё спляши!
А барышня Барашкова бумажки 1)
Рогожинские жги! Ой, хороши !
О, игры Достоевские: рулетка!
На волю вырываемся из клетки...
А если Бога нету: пистолет
Кириллова.
1) Лебедев : — ...а Настасья Филипповна есть
Барашкова.

<...>

У Вейнтрауба я изучаю польский.. .
Романтики навязчивы, увы. ..
А нервы Норвида змеино-скользки. ..
Предпочитаете барокко вы!
Люблю Коховского, его Орфея:
Tanczyly gory, lasy, Iwu, радея!
Шипи, гнуси с поляками: пой-пей!
Затейливый сияющий Набоков,
Убийца Достоевского, игрок:
Но не азартный. Гоголь у истоков:
Играющий словами. Хитрый слог
С ходами шахматными: чемпионный!
А если бабочка: неугомонный
Одиннадцатилетний мальчик он.

<...>

Сыны и дочери степей Канзаса:
Перо склоняется, а не пальто!
Для развлечения точу балясы
И о литературе кое-что
Рассказываю. Бьются в лихорадке
Студенты: достоевские загадки
Замучили, но нравится им ад
И рай неистового карнавала-
Скандала девки, барыни, купца,
Студента, старца, чёрта, генерала,
Любого действующего лица:
Задиры-мученика! А на Пасху
Я в Мексику айда!
Но только маску
Её таинственную увидал.

Возрождение [Париж], 1973. – № 240. – С. 8–36; № 241. – С. 7–14; № 242.
– С. 7–19.

Ярослав Ивашкевич

*Ивашкевич Ярослав Леон (1894–1980),
польский писатель, поэт, драматург, переводчик.*

Россия

Что, Россия, скажу тебе – дескать, Пушкина
сравнивать не с кем?
Или что беспощадно исхлѣстан я был Достоевским?

Или то, что я с детства воспоминаньем отравлен:
Свет ночных куполов, и степное дыханье, и Скрябин?

Или то, что в лонах твоих возрастает сладкая нива?
Или то, что пропасть меж нами, которая не
заполнима?

Рубеж и рубец, навеки болящая рана?
Или то, что тебя не люблю? Или то, что ты мне
желанна?

1928

Перевод с польского Д. Самойлова

Ивашкевич Я. Собр. соч.: в 8 т. – Москва, 1976. – Т. 1. – С. 235.

Из цикла «Азиаты»

Травы Толстого
Хлеб Достоевского
Плакучие ивы Чайковского
Меня оплели по шею

Не вырубит их сабля Володыевского
Не истребит смешок Даниэля

Кони стучат копытами день и ночь
Скачут несут маленьких наполеонов
И громадных нагих актёров
Из невероятных фильмов

На западе густые лозы над Луарой
Не то ивы не то виноград
Над головой курлычут журавли
Кричат павлины смерти в парках Петергофа

Хорошо что Ярославна
Тихой иволгой плачет на сырых палисадах
На обветшалых безраморных стенах
По берегам белых озёр

На морях острова полные звуков музыки
Все оркестры мира передают в эфире
Увертюры марши и солдатские песни
Не хочу слушать скрежет режущих инструментов

Только одну песнь запойте; одну
Песнь Чингисхана и его армады
Песнь наступающей конницы песнь клинков
рассекающих Чернобыльские дубы и энгадинские
кедры.

Перевод с польского А. Базилевского

Наш современник. – 2002. – № 5. – С. 135.

Бывает, брожу в лесу, и чудится – осторожно
Как Рафаил за Товией, кто-то вослед ступает,
И след волочимой рыбы на росе проступает,
Едва лишь через плечо я оборочусь тревожно.

Страницы книг по утрам идут за мной неотступно
И бередят мне душу давнишней и чистой верой.
Алёша Карамазов в мирской своей шляпе серой
И злая княжна Зинаида с любовью своей преступной.

И князь Андрей, над собою впервой увидавший небо,
Когда он под небом этим готовился к вечному сну.
И скорбную прядь седую дарующая нелепо
Жалкая обожаемая тусклая мадам Арну.
Перевод с польского А. Эппеля

Ивашкевич Я. Собр. соч.: в 8 т. – Москва, 1976. – Т. 1. – С. 117.

Николай Ивеншев

*Ивеншев Николай Алексеевич (род. 1949),
поэт, прозаик, публицист из Кубани.*

Здравствуй, Аннушка Каренина!
Здравствуй, Неточка Незванова!
Словно ниточки из времени
Завораживают заново.
Я воткну в бутылку веточку,
Тонкую, с глазами грустными –
Это потянулась Неточка,
Шёлковым запястьем хрустнула.
Я нашёл два теплых камушка,
Сунул руку, и за столиком –
Точно Неточка и Аннушка
В памяти такие стойкие.
Пляжный плед в косую клеточку:
Вы сияете коленями,
И мне кажется, что Неточка
Всё же ярче, чем Каренина.

Арион. – 2000. – № 2. – С. 37–38.

Евгения Изварина

*Изварина Евгения Викторовна (род. 1967),
поэт, редактор, журналист из Екатеринбурга.*

Актёру

Попивал, погуливал, похохатывал:
шерри-бренди, деточка, всё – фигня.
В детстве же мне казалось: ты сам выхватывал
ассигнации из огня.
В детстве весь театр тебе в ноги облаком
падал розовым – ты махал рукой:
«Вот вам ваша страсть по затылку обухом –
не хочу такой,
а другую знаю Настась-Филипповну:
с кровью указательным провёл по ножу,
с нею прогулявшись в аллею липовую,
по чьему сценарию – не скажу...»
На глазах мельчала роль. Не прощу тебе
те букетики в петлице и жилетку-дрянь.
Детство тополиными сорило парашютиками,
щекотало... – Господи, в такую рань!

Знамя. – 2003. – № 4. – С. 68.

Александр Иличевский

*Иличевский Александр Викторович (род. 1970),
прозаик, поэт.*

Прибытие

Оцепить, открыть огонь на поражение,
расстрелять десять, двадцать, тридцать
тысяч – тех, кто выйдет под пули, кто
назовётся смельчаком или сделает
это случайно, потому что его позвала
смелая девушка, на которую у него
самые жаркие виды. И ничего не произойдёт,
понимаете? Никто не шевельнется,
великая огромная пустая страна
даже не вздохнёт, и стратегические
бомбардировщики
не поднимутся с блюда Невады ради возмездья.
Единственная проблема – как хоронить?
Но ничего, когда-то же справились с Ходынкой:
деревянные кресты на Ваганькове,
свежая глина, новые ботинки, ров
братской могилы, имена и фамилии
надписаны химическим карандашом,
кое-где под дождём, уже ставшим чернильным.
Только в воскресенье робкие среднеазиаты,
давно выигравшие несложный матч
с коренным населением, как и сейчас,
не дрогнувшим и тогда ни единым
мускулом воли, с населением, поголовно
сожранным ложью, растленьем –
инстинктами, раболепием, ненавистью

к ближним и безразличием к дальним, –
и лишь победители-среднеазиаты, новые
москвичи,
чьих столь же безмолвных предков Чингисхан
вырезал городами и провинциями, – выйдут,
как привыкли, в московские дворы
из своих полуподвалов, усядутся с пивом
в песочницах и на каруселях,
чтобы вполголоса, хоть никто их не понимает,
ни участковый, ни Христос, – обсуждать меж
собой,
прицокивая языками, сколько было крови
и кого из них привлекли обслуживать труповозки,
кого бесплатно, а кому и обещали. И так,
мы имеем тридцать тысяч. А может
быть, двадцать пять? Неважно.
Плюс-минус трагедия – всё проглотит
неграмотная немота и слабоумие.
Вся пустая страна промолчит, поддакнет,
зайдётся в истерике приятия, как когда-то
внимали Вышинскому, Ежову, –
не привыкать, ибо что кануло, что?
Главный враг народа: смысл и воля.
Смысл и воля. Слышите? Нет, не слышно.
Мужики съели Чехова, Толстого, подивились
на кислятину Достоевского, но и его
слопала запойная трясинка потомков
тех, кого эти писатели были способны
описать. Как хорошо. Как славно
раздута Москва. Сколько приезжих,

сколько несвежей дикой крови
принимает столица. Варвары окраин
пьют нефть и пухнут, скупают столицу
проспектами. Средняя Азия идёт
вторым эшелонем. Как хорошо,
что место не будет пусто.
Как хорошо управлять азиатами.
Когда-то в Харькове стоял
зловещий Дом Чеки. В нём часто
расстреливали сразу после допроса.
Трупы сбрасывали из окна на дно
глубокого оврага. Там внизу
дежурили китайцы и принимали тело –
рыли яму, орудовали лопатой.
Тогда китайцев во время НЭПа
развелось в больших городах
видимо-невидимо. Но в какой-то
момент они все вдруг исчезли,
будто почувствовали приближение Вия.
Наша беда в том, что Вий
к нам не придёт. Мы справимся сами.
А что? Смысл и воля уже проглочены.
И нас никто не разбомбит.
Разве можно разбомбить пустыню?
Мы дождались варваров, они пришли,
ибо мы сами стали варварами.

Новый мир. – 2014. – № 12. – С. 83–84.

Александр Ионов

*Ионов Александр Алексеевич
поэт, музыкант из Старой Руссы.*

Дом Достоевского в 1982 году

Всё, как тогда – луна над Старой Руссой
И дом у речки, бабы на мостках...
Всё, как тогда, но нет в окне огня –
Куда ушли Вы, Фёдор Достоевский?

Да здесь ли нет достойных Вас людей,
И мысль подавлена, благополучье лживо?
Не здесь ли торжествует просвещение,
А бесы изгнаны? – Ответа нет. Темно...

.....
Но нет преград для памяти, нет меры!
И, покоряясь древнему чутью,
Бьёт сердце, тьме наперекор.
И вот уже в проёме виден свет, –
Дом просыпается, хотя и тяжело,
От спячки, руки тяжелеют, –
То разум, подымаясь из глубин,
Как кровь, бежит по венам!
Пусть
Кричит толпа: – «Опомнись, оглянись,
Здесь можно жить, не веря ни во что!...»,
Пусть над Землёй свинцовы облака,

Сомнения прочь – тот берег впереди,
Куда ушли Вы, Фёдор Достоевский,
Из наших душ – из Дома своего!

Почитатели Достоевского: сайт. – Текст электронный. – URL: https://vk.com/topic-4320_3359475 (дата обращения: 23.01.2018).

Игорь Иртеньев

*Иртеньев (настоящая фамилия Рабинович)
Игорь Моисеевич (род. 1947),
поэт, редактор, журналист.*

Не надо нам чужого бренда,
Когда есть наш –
России гордость и легенда,
Родной «Калаш».

Не Достоевский, не Тургенев,
Не Лев Толстой,
Его создал народный гений,
Мужик простой.

Он всю сержантскую смекалку
И сердца пыл
Вложил в простую с виду палку
И в вечность вплыл.

Так и плывёт без перекура
Сквозь звёздный мрак,
А кто сказал, что пуля – дура,
Тот сам дурак.

Гордись своим великим сыном,
Россия-мать,
Есть по кому сверять часы нам
И шаг равнять.

Достигла высшей меры цели
Твоя душа,
Поскольку вышла из «Шинели»
И «Калаша».

Александр Кабанов

*Кабанов Александр Михайлович (род. 1968),
украинский русскоязычный поэт.*

Достоевский

Сквозь горящую рощу дождя,
весь в берёзовых щепках воды —
я свернул на Сенную и спрятал топор под ветровкой,
память-память моя, заплетённая в две бороды,
легкомысленной пахла зубровкой.

И когда в сорок пять ещё можно принять пятьдесят,
созерцая патруль, обходящий торговые точки, —
где колбасные звери, как будто гирлянды висят
в натуральной своей оболочке.

А проклюнется снег, что он скажет об этой земле —
по размеру следов, по окуркам в вишнёвой помаде,
эй, Раскольников-джан, поскорей запрягай шевроле,
видишь родину сзади?

Чей спасительный свет, не желая ни боли, ни зла,
хирургической нитью торчит из вселенского мрака,
и старуха-процентщица тоже когда-то была
аспиранткой филфака.

28.11.2012 г.

Дружба народов. – 2013. – № 4. – С. 95.

Инна Кабыш

*Кабыш Инна Александровна (род. 1963),
поэтесса, педагог.*

Дочки-матери

Отрывок из повести в стихах

«Дистрофия», – едва взглянув, заключил врач,
когда меня привели в больницу:
на дворе стоял 1978 год,
кисель в школьной столовой стоил пятак (пять копеек),
а молоко давали бесплатно.
Кто говорит, что голодать трудно первые три дня, врёт:
голодать трудно три раза в день
и всю ночь.
Как в двух словах передать моё полуголодное
существование
На берегу молочной реки с кисельными берегами?
Сладкая мука.
Ибо, если кто-нибудь в то время ел рядом со мной
пирожное,
Мне было вдвое слаще, чем ему, от теряемого сознания
того,
Что я ДРУГАЯ.
Если же кто-то НЕ ел,
Я знала, он – потому что просто не хочет,
А я не потому.
А почему?
«Слабо привить себе чуму», – написала я позже.
Это и была чума.
Чума во время пира.

Ибо голод, переместившийся из живота в голову
(а рано или поздно это обязательно происходит),
то есть в область ума,
есть твоя личная чума.

Идея.

Как сказал Достоевский в СВОЁМ подростке.
У моего же «идеей» стал голод,
То есть мечта стать не Ротшильдом, но Плисецкой.
В детском психоневрологическом диспансере,
куда меня определили,
нас, таких, была целая группа:
нам и название придумали – «балерины».
Оказывается, это была «идея» целого поколения
девочек,
лепивших из себя кто Плисецкую, кто Гурченко.
Абсурд, конечно.
Но на фоне идеи построения коммунизма в отдельно
взятой стране
идея построения (перестройки) отдельно взятой себя
имела, по крайней мере, человеческое лицо.
Лицо РУССКОЙ ДЕВОЧКИ.

Литературная газета. – 2004. – 11-17 февр. (№ 8). – С. 8.

Я переделать мир хочу –
И от бессилия кричу.
Я Достоевского читаю,
Я русских мальчиков учу.

Дружба народов. – 2004. – № 10. – С. 206.

Мы с моим четырнадцатилетним сыном пришли на
Троицу в храм.
Пол в храме был посыпан травой, а вдоль стен стояли
берёзки.
«Благодать!» – подумала я, вдыхая запах свежей
зелени.
«Бедные! – вдруг сказал мой сын,
кивая головой на берёзки. –
Такие молодые, им бы ещё жить и жить...»
Я вспыхнула: «И что хорошего?
В конце концов, их изрезали бы ножами любители
берёзового сока,
порубили на дрова любители шашлыков
или они засохли бы сами,
а так они попали в рай, –
я перевела дыхание, –
потому что ведь это только нас, людей, ждёт Царствие
Небесное,
а растения исчезнут без следа,
а вот эти, –
я обвела рукой храм, –
сподобились...» –
«Всё равно, – упрямо сказал сын, –
они здесь совсем завяли
(я пригляделась: листья на берёзах действительно
подсохли),
а у тех, что растут у нас во дворе,
такие клейкие листочки...».
«Ты что... читал «Братьев Карамазовых»?» – опешила я.

«Карамазовых? – переспросил мой сын. –
Не-е... Стругацких – читал...»
И я усмехнулась,
ох уж эти мне русские мальчики,
потому что видела,
что мой сын не согласен заплатить листком берёзы за
рай,
и подумала, что это здорово, хоть он и не прав.
30 мая 2007

Новый мир. – 2008. – № 3. – С. 37.

Юрий Казарин

*Казарин Юрий Викторович (род. 1955),
поэт, прозаик, редактор,
доктор филологических наук,
профессор Уральского государственного университета.*

Прикасаюсь к рябине, спящей, как смерть, в ноябре,
и она содрогается, открывает глаза в земле –
там, где у глины в каждой ноздре
по хрустальной петле.
Это червь дождевой, завязанный в узел,
живой, но уже ледяной.
– Я бы сузил, –
сказал Достоевский. – Попробуй, родной,
захлестни человека петлёй –
в стуже, в любви, в огне...
Рябина откроет глаза, подойдёт – прикоснётся ко мне.

Сибирские огни. – 2013. – № 7. – С. 38.

Андрей Калецкий

*Калецкий Андрей,
инженер-механик, поэт, прозаик из Москвы.*

В гостях у Настасьи Филипповны

Отрывки

*Прошу не относиться серьёзно к тому, что
написано в ШУТОЧНОЙ форме «В гостях у
Настасьи Филипповны» или Каким не должен
быть капустаник*

Князь Мышкин

Пусть «Идиот». Да Бога ради.
То, словно столб на автостраде,
На сцене молча он стоит,
То в кресло сядет и сидит.
Немного реплик бросил в зал,
Пожалуй, всё о нем сказал.

<...>

Настасья Филипповна

Хотя Филипповна пыталась
Как режиссёр, быть рулевым,
Капустник сей, как ни старалась,
В итоге вышел несмешным.

<...>

11.12.16

Михаил Калинин

*Калинин Михаил (род. 1971),
художник и поэт,
родился и вырос в Ташкенте.
В 2016 г. переехал в Тулу.*

Достоевский

Виртуальные
русские форумы –
продолжение
романов Достоевского:

такая же
яростная
площадка
где встречаются
пришельцы разных миров
лишь в этой матрице
они могут
что-то сказать друг другу
слыша только себя

друзья Бурдовского
по-прежнему входят в клинч
с гостями Мышкина

Ипполит
всё так же постит
своё «необходимое пояснение» –
кто прочтёт
тот прочтёт

«не так
эти дела обделывать нужно» –
появляется
коммент Рогожина

Евгений Палыч
читает без комментариев
верный привычке
не следить в соцсетях

Мышкин
в швейцарской клинике
сидя в кресле-каталке
с ноутбуком –
милосердным подарком
Епанчиной –
в момент просветления
читает полемику
и плачет бессильно

пытаясь
набрать транслитом
косноязычную
хромую мольбу
безгласный призыв ко всем
успокоиться
попытаться услышать друг друга

слепо
ползая пальцами
по клавиатуре
никогда
не знавшей кириллицы

Дмитрий Кантов

*Кантов Дмитрий Владимирович (род. 1965),
поэт, церковный писатель,
православный гимнограф из Владимира.*

«Езда за культурой сегодня реликт, –
Как правильно папа сказал Бенедикт
(Шестнадцатый вроде по счёту). –
Туристам развлечься охота».
Особенно нашим. Всё кажется нам,
Что мы, как в тюрьме отсидели.
Кто травки махнёт покурить в Амстердам,
Кто в Гамбург – облазить бордели.
Привет, гедонист наш с тугим кошельком!
Прощай, коммунист с автоматом!
Прекрасно, что в двадцать мы первом живём
Столетия, а не в двадцатом,
И в центре Парижа студентке простой,
Узнав, что она из России,
Клошары кричат: «Достоевский! Толстой!»
Интеллектуалы какие!

Литературная газета. – 2013. – 24–30 июля (№ 30). – С. 6.

Геннадий Капранов

*Капранов Геннадий Николаевич (1938–1985),
поэт и переводчик.*

Достоевский

Долго ключ искал я
к этой теме.
Находил.
Бросал.
Искал другой...
Почему на нём такие тени? —
Потому что свет на нём такой!
Поразила простота ответа:
просто,
верный долгу своему,
свет внося,
он уходил из света.
Тьму осветит —
и вперёд! —
во тьму...

Поэзия: альманах. – Москва, 1980. – Вып. 28. – С. 56.

Евгений Карасёв

Карасёв Евгений Кириллович
(настоящее имя — Кац Евгений Кириллович, 1937–2019),
поэт из Твери.

Соблазн

*...понимаете ли вы, милостивый государь, что
значит, когда уже некуда больше идти?
Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»*

На улице ливень, темень. Под хлипким навесом
я согреваю себя глотком какой-то бурды.
Дождя не видно. Лишь вблизи фонарей
струи вырываются из черноты нитями
блескучей лесы.

И всюду шум хлещущей как из ведра воды.
Люди торопятся домой, посчитав любой
транспорт за удачу.

Скорей в тепло – оттаять, отойти.
А я вспоминаю:
«Понимаете ли вы, милостивый государь,
что значит,
когда уже некуда больше идти?»
И хоть другое время – автомобили, электронные
средства огласки.

Но из вновь открытых тракторов также гонят
обезденеживших бедолаг взашей.
И вдруг почудилось: мчит щегольская барская
коляска,
запряжённая парой разгорячённых серых лошадей...

Наталья Карпова

*Карпова Наталья Ивановна (1940–1995),
поэт, переводчик.*

Стою у старого квартала –
Здесь вечность время коротала.
Иду к Сенной, минуя Невский,
Где в переулках-тупиках
Блуждал когда-то Достоевский
С Раскольниковым на руках.
А сумерки толкают в спину,
И всё слабей фонарь горит,
Как будто бы и я повинна
Что каждый камень здесь болит.

Владимир Высоцкий. Произведения: сайт. – Текст электронный. – URL:
<https://wysotsky.com/0009/554.htm#75> (дата обращения: 23.01.2018).

Экскурсия

Экскурсия называлась «Петербург Достоевского»,
И женщина-гид поставленным голосом
Начала с рождения писателя, с его детства
И не скоро была остановлена городом.
Петербург Достоевского нас окружал.
Микрофон доносил элементарные сведения.
Но уже накренился к нам старый квартал,
Хлынула человеческая трагедия.
Осветился трактир, притаился вор у ворот,
Крик скривил рот бедняге за занавеской.
Экскурсовода память потом сотрёт,
Потому что рассказ поведёт Достоевский.
Мы касались стен старых домов,
Тени прошлого, казалось, о нас судачили.
Но вопросы к себе: «Зачем ты? Кто ты таков?»
Как и век назад, как и во веки веков –
Оставались вопросами, оставались задачами.
Мы о них расшибаемся до синяков.

Карпова Н. Трамвайный перекрёсток: стихотворения. – Ленинград, 1987. – С. 24.

У дома Ф. М. Достоевского

Этот кусок города
Сейчас неказист.
Дома и участки улиц
Досками огорожены.
Долетают из окон
Рок, шейк, твист...
Современными ритмами
Улицы огорошены.
Прохожие настороженно
Смотрят по сторонам.
Ветер похож
На весёлого школьника –
Свистит, подобно всем сорванцам.
Тени подкрадываются к нам,
То Мармеладова, то Раскольникова.
Как они затесались
В восьмидесятый год
Двадцатого века?
Кажется, Достоевский
Занавес отогнёт –
И всмотрится
В каждого человека,
Мимо спешащего,
Замершего здесь...
Всмотрится в каждого.
Этот кусок города,
Прочитанный весь,
Всегда недочитанным
Кажется.

Карпова Н. Трамвайный перекрёсток: стихотворения. – Ленинград, 1987. – С. 24–25.

Банковский мост

Этот мостик, уже многократно воспетый в стихах,
И меня пригвоздил... Стерегут мою память грифоны.
Облупившейся краски чешуйки висят на хвостах,
И канал Грибоедова снегом покрыт закопчённым.

В двух шагах переполненный зал предварительных касс.
Катит тихо коляска, курсанты проносятся мимо...
Пригвозждают места городские любого из нас
К светлой памяти, горькой, любой, если неутолима.

Как меняется время! И нету уже колдовства
Сумасшедших влюблённостей, всех этих бредов, кошмаров.
Стерегут этот мостик крылатые два существа,
И даны крылья памяти людям, конечно, недаром.

Поверну я к местам Достоевского, там поброжу,
А потом вдоль канала отправлюсь домой, восвоюси.
Как меняется время! Опять я им переброжу,
Но билета к себе не куплю в предварительной
кассе.

Карпова Н. Трамвайный перекрёсток: стихотворения. – Ленинград,
1987. – С. 25.

Константин Кедров

Кедров Константин Александрович
(настоящая фамилия – Бердичевский) (род. 1942),
поэт, доктор философских наук, литературный критик.

Достоевский – русский спор:
Всё на свете и топор...

Литературная Россия. – 2007. – 21 сент. (№ 38). – С. 6.

Формула любви

Маяковский стремится к Лиле Брик
Лиля Брик к множеству
или множеству
где корень квадратный из Хлебникова = Кручёных
а Кручёных в квадрате = Хлебникову
где Достоевский не или равняется Толстому
а Толстой стремится к бесконечности
где Пушкин умноженный на Гоголя = 0
при этом Гоголь стремится к Пушкину
а Пушкин никуда не стремится
или = 0
где сумма углов
треугольной груши Вознесенского больше/меньше 2d
где треугольник всегда кудрявый
а груша сладкая как Адамово яблоко
в горле Евы
где Адам стремится к Еве – Ева к Адаму
где Адам умноженный на Еву = себе
где делённая на Адама = Адаму.

Лучшие стихи 2010 года: антология. – Москва, 2012. – С. 91.

Светлана Кекова

Кекова Светлана Васильевна (род. 1951),
поэт, филолог.

Сергею Шестакову

1.

Завершается март. За окошком ликует капель,
только небо с землёй удивительно сдержанны к краскам...
«Здесь страдают и ждут», – нашу жизнь подытожил Клодель,
и по вымершим улицам движутся призраки в масках.

Парк закрыт городской. Скверам тоже грозит карантин.
Полицейский наряд по приказу устроил облаву,
и стоят старики – персонажи забытых картин,
где суровый конвой арестантов ведёт на расправу.

И покуда Клодель белых бабочек ловит в сачок,
и пока старики отдыхают на жёстких диванах,
сквозь пространство и время чудесный летит башмачок –
и атласную туфельку ловит Георгий Иванов.

2.

Идёт Чартков к картинной лавочке,
в подъезде прячется Раскольников,
поэты, как ночные бабочки,
в который раз пугают школьников.

Ах, эти мотыльки и бражники,
они напрсно жизнь растратили...
«Где деньги их? Где их бумажники?» –
кричат простые обыватели.

Но призраки, воскреснув заново,
бледны, как муза эмигрантская:
молчит Пульхерия Ивановна
да Маша, дочка капитанская.

Кекова С. «Завершается март. За окошком ликует капель...»: стихи // Сибирские огни. – 2021. – № 9. – С. 47–48.

Когда я растеряннo шла по дороге
вдоль маленькой речки, текущей из ада,
какие мне были открыты чертоги,
дворцы и палаты небесного града!

Берёза слыла королевой испанской,
казалась ольха разночинкой типичной,
когда я жила на Тверской, на Мещанской,
на новой Дворянской, на старой Кирпичной.

Когда я блуждала по илистым тропам
вдоль длинных долин плодоносного Нила,
Изида мне лоб украшала укропом,
а я позабыла, ушла, изменила.

В романе готическом кисти Шагала
Раскольников прятал блестящий топорик,
египетский бог с головою шакала
разглядывал сонно саратовский дворик.

Я видела это под лупою быта,
когда покупала в аптеке лекарство.
Ещё я скажу, что была мне открыта
любая из книг насекомого царства.

А бедный мой друг, как библейский Уитмен,
менял очертанья одной из Америк.
И вот, по подземным пройдя лабиринтам,
мы выбрались молча на каменный берег.

Да, волны – свинцовые волосы Леты –
сияли и льнули к неопытным душам.
Теперь мы глядим на иные предметы,
сидим на обрыве и волосы сушим.

Литературная газета. – 2008. – 1–7 окт. (№ 40). – С. 7.

1. Мне сказал один таинственный человек,
что глаза души не имеют ресниц и век,
оттого – сказал он – не может уснуть душа,
и она трепещет, огнём неземным дыша.

2. Мне сказал один таинственный господин:
«Ты меня послушай и слёзы свои утри!
Тот, кто был когда-то так сильно тобой любим,
устремился с волшебной лампой в кантон Ури.
Что за жизнь в кантоне, там столько чудесных мест!
Там сидит на троне Ставрогин, сжимая крест».

3. Мне шепнул на ухо мой ангел, мой страж ночной:
«Посмотри, дома, где жила ты, стоят пусты,
а в остывшей за ночь любви,
как в золе печной,
запоздалым блеском чужие блестят кресты –
и одно распятие другой заслоняет крест...
А хозяин волшебной лампы не пьёт, не ест.

4. А хозяин лампы стыдится своих седин,
он живёт один, и зовут его Аладдин.
Он когда-то джинов гонял, как простых ворон,
и в себе самом самозванца сажал на трон,
он любил гореть – и над пламенем руки греть,
но глаза души не хотят на него смотреть.

5. Остывает лава, как стык океанских плит,
образуя камень по имени ставролит,
в этом камне души людей и животных спят,
от воды до суши здесь мир навсегда распят,
и на этом камне стоит человек святой,
и горит огнём камень-крест под его пятой...

Новый мир. – 2014. – № 11. – С. 108–109.

Бахыт Кенжеев

*Кенжеев Бахыт Шукуруллаевич (род. 1950),
поэт и прозаик,
живёт в Нью-Йорке (США).*

Прислушайся – немотствуют в могиле
сиреневых предместий бедный житель,
и разрыватель львиных сухожилий,
и раб, и олимпийский победитель –
а ты, оставшийся, снуёшь, подобно
живцу, запутавшись в незримой леске, –
как небеса огромны и подробны,
как пахнут гарью сборы и поездки!
То пассажир плацкартных, то купейных,
шалфей к твоей одежде и репейник
цепляются. Попутчик-алкоголик
храпит во сне. И хлеб дорожный горек.

Дар Божий, путешествия! Недаром,
вонзая нож двойной в леса и горы,
мы, как эфиром, паровозным паром
дышали и вокзалы, как соборы,
выстраивали, чтобы из вагонов
вступать под чудо-своды, люстры, фрески.
Сей мир, где с гаечным ключом Платонов
и со звездой-полынью Достоевский, –
не нам судить, о чём с тоской любовной
стучат колёса в песне уголовной,
зачем поэт сводил по доброй воле
шатун и поршень, коршуна и поле.
Какой ещё беды, какой любви мы

под старость ищем, будто забывая,
что жизнь, как дальний путь, непоправима
и глубока, как рана ножевая?
Двоясь, лепечет муза грешных странствий,
о том, что снег – как кобальт на фаянсе,
в руке – обол, а на сугробе – соболь,
и нет в любви прибыли особой.
Стремись к иным – степным и зимним – музам,
но торопись – в дороге час не ровен,
и оси изгибаются под грузом
железных руд и корабельных брёвен

Кенжеев Б. Сочинитель звезд. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 13.

Как парашютные натянутые стропы,
гудят дороги Западной Европы,
а там – центральная: делянки, чаша с ядом,
овраги, скрашенные диким виноградом,
а там – восточная, арбуз с подгнившим низом...
Одни винят татар, другие – коммунизм,
Давно ли тихий Франц – изгоем в сбритых пейзах –
скитался в пиниях и кирхах европейских,
где не с кем переспать и спирта выпить не с кем?
Ему бежать бы к нам. Толстым и Достоевским,
где кляча рыжая бежит в предсмертном мыле –
вот расписался бы, куда не убили...

Октябрь. – 2002. – № 3. – С. 82–83.

Баллада

Под утро, когда пешехода влечёт
к обиде и смертной тоске,
явился и мне карамазовский чёрт
с бутылкою спирта в руке.
Пушкой я не против амуровых стрел,
но этого гнал бы врага,
когда бы так жалко дурак не смотрел,
под шляпою пряча рога.
К тому же и выпивка... Чёрт, говорю,
с тобой, омерзительный дух.
Мы примем стаканчик, и встретим зарю,
а там и рассветный петух
зальётся победною трелью – и ты,
монахам внушающий страх,
как крыса позорная, юркнешь в кусты,
исчезнешь в межзвездных полях.

За окнами слышалось пенье дождя –
потоки младенческих слёз.
Вернулся он с кухоньки, спирт разведя,
и даже стаканы принёс.
Я дал ему сыру, и дал помидор,
и с легким стеснением в груди –
давай, говорю, мой ночной прокурор,
пластинку свою заводи.
И с места в карьер негодяй у стола,
сто грамм осушивши со мной,
промолвил: «Душа твоя так же тепла,
как этот напиток дурной.

Должно быть, технический, чёрт подери,
нечистый, как, впрочем, и я.
И ты, сочинитель, гори не гори –
ужасен итог бытия!»

Смолчал я, и налили мы по второй,
храни нас всеильный Юпитер!
И выпил мой богопротивный герой,
и губы змеиные вытер.
«Смирись навсегда, горделивый поэт, –
смеялась хвостатая пьянь. –
Бессмертья блаженного, в общем-то, нет,
а есть – только сущая дрянь.
Когда соловей распевает свой гимн
зарю, это чушь или ложь.
А правда одна: ты родился нагим,
таким же и в землю уйдёшь.
Засим не поможет тебе ни Минюст,
ни влажный российский язык,
ни важного Гегеля бронзовый бюст,
ни тонны прочитанных книг».

Но я отвечал ему: «братец, шалишь!» –
себя осеняя крестом.
«Смотри, например, как летучая мышь
парит над осенним мостом.
Как белая лошадь арабских кровей
гарцует над трупом холодным.
Как ловко влечёт стрекозу муравей
на радость личинкам голодным.

Допустим, пророк презираем и наг,
но в силу написанных строк
останусь навек я в иных временах,
а значит, я тоже пророк!»
И так от души показал я ему,
что бедный козёл и нахал
исчез, испарился в дождливом дыму –
и даже бутылки не взял.

Кенжеев Б. Невидимые: стихи. – Москва: ОГИ, 2004. – С. 14–15.

Я позабыл черновик, который читал Паше Крючкову
на крылечке заснеженной дачи, за сигаретой «Ява
Золотая» и доброю рюмкой «Гжелки». Ну что ж такого!
Всё равно будет месяц слева (считал я), а солнце справа,
будет мартовский ветер раскачивать чудо-сосны,
угрожая вороньим гнёздам, и снова мы будем вместе,
приглушив басы, безнадежно слушать грустный и грозный
моцартовский квартет. Только слишком долго пробыл в
отъезде,
а жильё скрипучее тем временем опустело. Алые волны –
полосы
заливают небо. Вечер над тёмной Яузой чист, неуёмен,
влажен.
Немногословный профессор Л. упрекает меня вполголоса –
дотянул, говорит, до седых волос, а ума не нажил,
Но рассуждая по совести, братия, – ну какой из меня воин!
То бумажным листам молился, то опавшим, то клейким
листьям.

Безобразничал, умничал, пыжился – и на старости лет
усвоил –
что? – только жалкий набор подростковых истин.
Вечер над Яузой освещён кремлёвскими звёздами –
якобы из рубина, а на самом деле даже не хрустальными.
Таёт
чёрный снежок московский, и если поддаться позднему
откровению, то и Фёдор Михайлович – отдыхает.
Ну и Господь с ним. Есть одно испытание –
вдруг пробудиться от холода где-то к исходу ночи
и почувствовать рядом тёплое, призрачное дыхание,
и спросить «ты меня любишь?», и услышать в ответ «не
очень».

Кенжеев Б. Невидимые: стихи. – Москва: ОГИ, 2004. – С. 196.

Коренастый вяз за окном, сдав октябрю все пароли и явки,
облетел. Не резон рыдать. Разве мы не знали всё наперёд?
Пусть живая лягушка в гонконгской рыбной лавке,
неуверенно открывает беззубый рот –
всё равно хочется арф, белоснежных крыльев. Но вряд ли
выгорит. Сам ты, рявкну в сердцах, дебил.
Сыплется жизнь сквозь пальцы, и не втолковать ей, падле,
как я её люблю, как я её любил.

Эй, призывает меня она, воскресни для новых песен.
Прими, как в «Униженных и оскорблённых», немцем
прописанный порошок.
Аввакум, отвечаю, вакуум, гробовая плесень
на устах. И лошадка моя – волчья сыть, травяной мешок.

Впрочем, время, шёлковый лектор, даже горбатых лечит.
И быстроглазый профессор Лосев в дореформенном
канотье
спускается с дачной террасы в овраг – убедиться в распаде
речи,
наблюдать ледостав на её ручье.

Знамя. – 2013. – № 8. – С. 130.

Заела проза – но, увы, не та, что Достоевского давила. И если есть мечта – она проста, и, вероятно, неосуществима. Однако же, как просится в тюрьму, когда ночлежки надоели, бездомный негр – хотя б по одному стихотворению в неделю писать тебе, и в очередь, сердясь, вставать на почте, многословный адрес надписывать, и клеить марку... Связь времён распалась. Я тебе не нравлюсь? Я сам себе не нравлюсь. Голоса за стенкою хохочут и рыдают. Посмотришь на будильник – три часа. Чёрт подери. Бледнеет, пропадает мой бедный дар. Куда же он прибрёл ночами маломощными, зачем я заискиваю перед сентябрём, без лишних слов слетающим на землю? Какие письма – я уже привык к молчанью посерьёзнее, подруга. А что за ним? Привычный черновик из рук моих выхватывает вьюга, – то улещает, то опять грозит – то, покрываясь тёмной позолотой, далёкою, неумолимой нотой в заговорённом воздухе гудит...

Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2013/08/22/4421> (дата обращения: 25.01.2018).

...не скажу, сколько талой воды утекло с тех пор,
киселя, и крови, и мёда, и молока.
Закрываю глаза – а по речке плывёт топор,
уж не тот ли самый, что снился Ивану К.?
Уж не тот ли, что из петли Родиона Р.
взмыл в высокий космос в краю родном,
чей восход среди скрежетавших небесных сфер
изучал ночами каторжник-астроном?
Нет, по долгой орбите вокруг земли
все в чешуйках кремния, в гамма-лучах, в огне
аммиачном, ладные корабли
закружили гордо, на радость моей стране.
Не роняй слезы, если золото ржавеет, есть
добрый пуд листового железа и чугуна.
«Кто на свете главный? Челюсть? А может, честь?
Ни на что не годна эта челядь, убога и голодна», –
сокрушается у костра молодой пророк,
собираясь почтительно возвращать билет.
Я его любил, дурака, я и сам продрог
от безлюдной злости, которой названья нет,
а и есть – что толку. Пусть звери – овчарка, барс,
агнец, волк, – за твоей спиной, простуженный
человек,
знай глядят в огонь, где Творец, просияв, умолк.
И несётся в ночь перегруженный наш ковчег.

Мир книг: сайт. – Текст электронный. – URL: https://mir-knig.com/read_233015-29# (дата обращения: 25.01.2018).

Тимур Кибиров

Кибиров Тимур (настоящее имя Заповев Тимур Юрьевич)
(род. 1955), поэт-концептуалист, переводчик.

По прочтении альманаха «Россия - Russia»

Только вымолвишь слово «Россия»,
а тем более «Русь» – и в башку
тотчас пошлости лезут такие,
враки, глупости столь прописные,
и такую наводят тоску
графа Нулина вздорное чванство,
Хомякова небритая спесь,
барство дикое и мессианство –
тут как тут. Завсегда они здесь.
И еврейский вопрос, и ответы
зачастую еврейские тож,
дурь да придурь возводят наветы,
оппонируют наглость и ложь!
То Белинский гвоздит Фейербахом,
то Опискин Христом костерит!
Мчится с гиканьем,
лжётся с размахом,
постепенно теряется стыд.
Русь-Россия! От сих коннотаций
нам с тобою уже не сбежать.
Не РФ же тебе называться!
Как же звать? И куда ж тебя звать?

Возвращение из Шилькова в Коньково (Отрывок из педагогической поэмы)

Это Родина. Она
неказиста, грязновата,
в отдаленье от Арбата
развалилась и лежит
чушь и ересь городит.

Так себе страна. Однако
здесь вольготно петь и плакать,
сочинять и хохотать,
музам горестным внимать,
ждать и веровать, поскольку
здесь лежала треуголка
и какой-то там Парни,
и, куда ни поверни,
здесь аллюзии, цитаты,
символистские закаты,
акмеистские цветы,
баратынские кусты,
достоевские старушки
да гандлевские чекушки,
падежи и времена!
Это Родина. Она
и на самом деле наша.

Livejournal URL: живой журнал. – Текст электронный. – URL: <https://algoritmy.livejournal.com/205618.html> (дата обращения: 25.01.2018).

Послание Л. С. Рубинштейну

Отрывок из поэмы

15. На дорожке – трясогузка.
В роще – курский соловей.
Лев Семёныч! Вы не русский!
Лёва, Лёва, ты еврей!

Я-то хоть чучмек обычный,
Ты же, извини, еврей!
Что ж мы плачем неприлично
над Россиею своей?

Над Россиею своею,
над своею дорогой,
по-над Летой, Лорелей,
и онегинской строфой,

и малиновою сливой,
розой чёрною в аи,
и Фелицей горделивой,
толстой Катькою в крови,

и Каштанкою смешною,
Протазановой вдовой,
чёрной шалью роковою
и процентщицей седой,

и набоковской ванессой,
мандельштамовской осой,
и висящей поэтессой
над Елабугой бухой!

Пусть вприсядку мы не пляшем
и не окаем ничуть,
пусть же в сухареву башню
нам с тобой заказан путь,

мы с тобой по-русски, Лёва,
тельник на груди рванём!
Ведь вначале было Слово,
пятый пункт уже потом!

Ведь вначале было Слово:
несть ни эллина уже,
ни еврея никакого,
только слово на душе!

Только слово за душою
энтропии вопреки
над Россиею родною,
над усадьбой у реки.

Livejournal URL: живой журнал. – Текст электронный. – URL: <https://vasily-sergeev.livejournal.com/6824456.html> (дата обращения: 25.01.2018).

Юлий Ким

*Ким Юлий Черсанович (род. 1936),
поэт, композитор, драматург, сценарист, бард.*

Памяти Достоевского

Всё исполнилось, Фёдор Михалыч,
Всё свершилось – и оптом и врозь.
Только то, о чём страстно мечталось,
Вот единственно, что не сбылось.
А исполнилось – даже с лихвою,
Да с такою лихою лихвой,
Что не надо ни Босха, ни Гойю,
А укрыться бы в гроб с головой!
Да, конечно, сегодня полегше,
Но по сути – как было, и есть:
С той поры мы живём обомлевши,
Не успели и дух перевести.
Нашу память и совесть, как вата,
Облегают спасительный страх,
Чтоб не видеть, с какого раската
Совершен был решительный шаг.
И несёт нас!.. И что нам побрезжит?
Где звезда в облаках грозových?
Ямщики уже вожжи не держат,
Им бы лишь удержаться за них!
Не поймёшь, чем жива колымага:
Всё вразнос, и с винтов сорвалось,
И лоскутьями гордого флага
Не прикрыть перебитую ось.
Нет конца карамазовской бездне,
Опостылел безумный полёт...

Боже правый – народ твой в болезни!
Неужели летальный исход?
Боже! Иов – как жил, так и умер:
В вере крепок и в разуме твёрд.
Ну, а если бы он обезумел,
Кто ж бы выиграл – Ты или чёрт?

2

Тут такая история, Фёдор Михалыч.
В нашей публике, даже и между учёными,
Нынче многие стали крещёнными.
(Вам об этом, наверно, рассказывал Галич).
Но гляжу я на них – и мне как-то неймётся.
Ибо вижу: глухие – по-прежнему глухи,
И кто был каковым – таковым остаётся.
И готово словцо: это всё с голодухи.

Но не стану, не стану... Словцо, хоть и верно,
Да ведь только отчасти, по первым приметам.
(Есть за нами такое, скажу откровенно, –
Припечатать скорей и оставить на этом).

А скорей всего, мне слишком хочется чуда:
– Поступил? – Поступай по уставу отныне:
Откажись от корысти, неправды и блуда,
А первейший мой спрос – откажись от гордыни!
Даже хочется больше – вот честное слово! –
Их за фалды! наз-зад! оттянуть от купели!
– Стой! Куда это вы? Как вы только посмели?
Так вот просто? Неправда! Ведь вы – не готовы!
Не готовы... готовы... ну вот; припечатал,

(Есть за нами такое!) Пардон... ваши фалды...
Это я неготовый... О том и кричал бы...
Что не знаю, мол, кто там – Господь? либо Фатум?
Или нет ничего?..
Эх, да кабы, да если б!
Но в крови от младенческих дней (спокон века) –
Постижимость причин,
Предсказуемость следствий,
Объяснение всего — из ума человека.

3

Подбираемся к Богу давно и по-разному.
Применили понятие Всемирного разума.
Обозначили свойство: всезнание вне времени.
Обозначили место: в нуль-нуль измерении.
А с другого конца – по-другому стремятся:
Там и блюда гласят, и столы шевелятся.
То – святому во снах голоса и пророчества.
То – надежда на дух благовонный от старца
Опочившего...
Очень наглядности хочется!
Но, как мёртвая, стрелка стоит на нуле.
Не скользит огонёк по приборной шкале.
И на вопль богохульства – ни звука в ответ.
Информации нет.
Ну, а нет – значит нет!
Вон какие миры шевелят наши стрелки!
Электрон разобрали! Микроб под контролем!
Все любовные страсти нашлись в яйцеклетке!
А Исус – оказался мутант с биополем!
Человек – он, по Вашему слову, широк:

Он объял и проник, превзошёл и возмог!
Он недаром старался – а как настрадался!
И на всё посягнул! И все ризы совлёк!
И на голом безбожье воздвиг государства!
Нет ЕГО – значит можно и в раж! и в кураж!
Сами боги себе: не стесняйся средствами,
И слезинку-то детскую – тоже туда ж!
Оправдаем потом колбасой и курицами!
Вот как вышло-то, Фёдор Михалыч!
Пошло вышло.
Впрочем, Вы это, может быть, видите сами...
Бездуховно, бездушно. Почти безвоздушно.
Бедный дух негодует, томится и мечется.
И в восторге отчаянья духу мерещится:
Белый венчик из роз... впереди... и надвьюжно...
Как? Опять?
Это после такого-то века?
После наших неслыханных невероятий?
После массовой гибели прежних понятий –
Возвращаться к фантазиям новозавета?!
Невозможно.
С молитовкой? Пальцы сложа?
Да и как их сложа-то: в двуперстье? в трёхперстье?
Я одно только чувствую: в теле – душа.
Это вроде бы есть. Да бессмертие – есть ли?
Мне ль того не хотеть! Мне ль о том не мечтать!
Сколько я проводил уже в землю сырую,
Не успев на земле слова толком сказать!
Ведь надеюсь ещё! Неужели впустую?
Это старый вопрос. Это праздный вопрос.

Потому что – вопрос. Ожиданье ответа.
Если нам
Хоть на миг
Будет знак с того света, –
Обесмыслится жизнь. И не нужен Христос.

4

Где-то в наших потьмах,
в наших каторжных Потьмах,
Атеист и баптист
отбывают свой срок.
Под одним автоматом,
в равноправных лохмотьях
За написанный вместе диссидентский листок.
В нём писали они – не за страх, а за совесть –
Про всеобщую жажду и тягостный зной,
И просили воды – справедливости то есть –
И хлебнули сполна справедливости той.
Лейтенант Смердяков их гноит и мурыжит,
Капитан Верховенский их поедом ест.
Ни друзья, ни родные – никто им не пишет,
И не знает о них никакой Красный Крест,
Лишь один Господь Бог – знает; видит, жалеет.
Он зовёт на совет окруженья своё:
«У баптиста есть Я. Атеисту – хужее.
Не дадим ему ада,
Дадим – небытьё».
...
Вот какая история, Фёдор Михалыч.
1981

Семён Кирсанов

*Кирсанов Семён Исаакович
(настоящая фамилия – Кортчик) (1906–1972),
поэт, журналист, военный корреспондент.*

За чтением Достоевского

Не заглядывала в сонник,
подымала локоток
и накидывала Соня
драдедамовый платок.

Локоточком задевала,
впрочем, умерла давно.
Паутина за диваном.
Сонька Мармеладова.

Деревянная скамейка
помнит, помнит до сих пор:
деньги в свёртке, душегрейка,
окровавленный топор.

Спрятав резкий подбородок,
под бубенчика «дзилинь»
он качал на поворотах
циммермановский цилиндр.

«Денег, денег, денег, денег,
денег, денег, денег, де...
не дают ни в понедельник,
ни во вторник и нигде!»

И обшаривал жилетку
(звон брелоков, что монист)
проигравшийся в рулетку
уголовный романист.

Но, условию согласно,
в стуке счётов и подков
шлёт пятьсот рублей заглазно
Достоевскому Катков.
1928, 1960-е

День поэзии: альманах. – Москва, 1973. – С. 242.

Василий К[иселёв]

*К. Василий (настоящее имя Василий Васильевич Киселёв)
(род. 1969), музыкант, поэт, лидер группы
«Василий К.@Интеллигенты».*

Достоевский жив

Отразится в глазах Господня страсть
Лик словно выписан кистью Серова
Нет мне судьи, но до смерти боюсь
Бога, соседей и городского
Надумаешь падать – я тебя поддержу
Потемнеет в глазах – обычное дело
И руками всплесну, и на колени паду
И возвышу свой голос в неразумных пределах

Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив

Они пьют водку, а я пью чай
Они берут тройку, а я прогуляюсь
Снежинки танцуют вокруг фонаря
Серый лёд под мостом, и я изумляюсь
Благости Божьей и его доброте
А также бездушью и бесчеловечью
Он тебя дёрнет за нос, когда ты в беде
Он тебе заткнёт пасть посреди твоей речи

Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив

Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив

У меня есть идея, а у вас её нет
Даже если – в народ, я её не забуду
А у меня нету денег, а у вас они есть
Как у вас их не станет, у меня они будут
Возлюби свою ничтожность, возлюби свою боль
Свой рваный пиджак и худые штиблеты
И гадюшник этот на пять рублей
Пьедесталом возвысь для себя над всем светом

Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив

Теперь я пью водку, они пьют чай
Я читаю газету, я смотрю в окно
Пьяный извозчик лупит жену
Я, пожалуй, вмешаюсь – мне не всё равно

Эта девка рябая с распухшей губой
Является частью Господнего блага
И я за неё себе хвост оторву
Вот где страдания, вот где слава

Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив

Июльский день, кружка воды
Лихорадка моя и сестричка моя
Вы – развратнейший тип, я тебя зарублю
Вот только встану с постели и займу два рубля

Лишь бы повезло в карты
Как бы повезло в карты
Если повезёт в карты
В карты

Французы, татары, немцы и мы
Грустный бэби, где ты бродишь со слезинкой своей
Если ты уже мёртв, значит, время и мне
Причаститься любви да подохнуть во сне

Чтобы не больно
Чтобы не больно

Вместе с другом-врагом над телом её
Просидим всю ночь, и никто не войдёт
Я сделаю всё, ты не виноват
Пусть убийца – ты, зато я – идиот

Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив
Достоевский с нами, Достоевский жив

Я не святой. Я больше скажу
Я гадок и подл – предавал, продавал
Но безмерно подлее любой из вас
Кто, как я, в облаках любви не летал
Не летал.

Тексты песенок: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://teksty-pesенок.ru/rus-vasilij-k/tekst-pesni-dostoevskij-s-nami/1762090/> (дата обращения: 12.04.2021).

Александр Климов-Южин

Климов-Южин Александр Николаевич
(настоящая фамилия Климов) (род. 1959), поэт.

Художник

Памяти Александра Тихоновича

И вспомнил я художника, нет мочи
Обрисовать – худущий, как фитиль.
Судьба его не баловала, впрочем,
Безумством ей потворствуем не мы ль?
Кто по-ребячьи был доверчив миру,
Тот волю предпочёл из всех начал,
А потому с квартиры на квартиру
Картины за собой фитиль таскал.

Судьба их ныне остаётся в тайне,
Под Рождество, с шампунем в борде,
Известно, смерть его настигла в ванне
И поразила в сердце, как Корде.

Теперь он дух, но всё ж в материальном
Он есть, его подарок ровно с год
Назад, любивший в поле аномальном
Дремать, облюбовал и сгинул кот.

Я как-то это всё свести стараюсь
При малом свете позднею порой,
Когда нездешней думой отчуждаюсь,
Его портрет безмолвствует со мной.

Раскольников ли, сам ли Достоевский,
Но странен мне потусторонний взгляд,
И лоб из ночи нависает веский,
Ночь загоняет в рамку ночь назад.

Сгущенье тьмы сегодняшней и прошлой,
И на ненарисованном столе
Горит свеча, и тает жизни тошной
И тварной сумрак – свет на фитиле.

Новый мир. – 2010. – № 11. – С. 113–114.

Юрий Ключников

*Ключников Юрий Михайлович (род. 1930),
публицист, поэт, переводчик,
путешественник из Новосибирска.*

Солдат империи

Он возвратился в серую тоску
из буйных стран, от пламенных намазов
в торгово-либеральную Москву –
надевший тело
Дмитрий Карамазов.

Но это имя – только часть его,
другая часть – евангельский Алёша,
и Муромца лихое естество...
И мало ль на кого ещё похож он.

На переплёт библейский, например,
на писанные золотом страницы,
на саблю, на армейский бэтээр,
родные охраняющий границы.

Ему не в масть предел любой тропы,
не по душе дышать вчерашней пылью.
Чужды и те упёртые попы,
Обиженные насмерть красной былью.

На дележе щедрот он не у дел,
крест не сдаёт ни толпам, ни иудам.
Он свято верит в Божий Беспредел,
который называет русским чудом.

Всё сказанное – тоже только грань,
словесный срез, которому не больно.
Он страсти кровотокащий экран,
Он – Человек. Заглавной «Ч» – довольно.

Весь в думах, чьим узлом, каким мостом
соединить навеки и сосватать
открытый всем ветрам родной простор
и нашу еретическую святость.

2012

Наш современник. – 2013. – № 5. – С. 6.

Алексей Колчев

*Колчев Алексей Викторович (1975–2014),
поэт из Рязани.*

Я памятник себе

пушкин пушкин достославный
гоголь тоже Достоевский
должен всё же кто-то главный
прочее – литература

помню проходили в школе
купол Павловский условный
называется культура
Пушкин корчится от боли

пишет чудное мгновенье
помню помнишь помнит помним
муза гений вдохновенье
приходили к самым умным
приходили проходили

пушкин корчится от пули
главное – литература.

Чёрным по белому: альманах. – Москва, 2002. – С. 75.

Александр Кондратов

*Кондратов Александр Михайлович (1937-1993),
лингвист, биолог,
журналист и поэт из Санкт-Петербурга.*

Мои «троицы»

Три творческих лика:
Писатель – Учёный – Журналист

Три писательских лика:
Прозаик – Поэт – Драматург

<...>

Три учителя в прозе:
Генри Миллер – Джойс – Достоевский

Три учителя в драматургии:
Ионеско – обэриуты – Антонен Арто.

Лосев Л. Меандр. – Москва, 2010. – С. 298-299.

Алексей Коновалов

*Коновалов Алексей Иванович,
поэт из Барнаула.*

О потерях

*России будет стоить социализм
Не менее ста миллионов человек...
Ф. М. Достоевский*

Всё не спится нашим дедам
В трудных думах и про то,
Как бы скрыть цену победам
Лет на двести иль на сто...

Не с того ли в словопреньях
Ту цену (хоть ты умри!)
Вдруг отвергнут без стеснения
Иль занижат раза в три?

Но в земле перед Плутоном
Встать могли б и «на ковёр»
Аж под все под сто миллионов
Наших братьев и сестёр!

Будь мы вновь в плену витийства
И сверхвласти в тот же срок,
То прервать самоубийство
Не помог бы и Пророк.

Да и быть могло ль иначе?
Мы сто лет уж на войне
То холодной, то горячей –
То во льдах мы, то в огне.

И с полвека из окопов,
Из бойниц и разных дыр
В нас стреляли и Европа,
И едва ль не целый мир!

Да и гибли нас миллионы
И от нехристей своих,
Коиx так мы испуганно
Возносили, как святых,

И, как спяну, умоляли
Чуть не слёзно, и не раз,
Чтоб в день казни выставляли
Нашу гибель напоказ!..

О, не вытравь ложь с витийством,
Не отринь мы эту жуть –
То с пути к самоубийству
Нам уж больше не свернуть!

Коновалов А. И. Вникая в суть: стихи. – Москва, 1991. – С. 16–17.

Читая Достоевского

Нет подвига выше – стоять без боязни
В ряду ожидавших и собственной казни
И стойко испить до конца роковое –
И вновь отозваться на горе людское...

И молвить без тени наигранной страсти,
Что жизнь – и не будни, что жизнь –
и не праздник,
Что нет в ней событий, и дат, и рождений,
В себе не таящих высоких значений...

Что жизнь – это рвенье субстанции некой
В стремленье такого создать человека,
Что ум его, зренье и органы слуха
Достойными будут вселенского духа!

Коновалов А. И. Вникая в суть: стихи. – Москва, 1991. – С. 65.

Виктор Коркия

*Коркия Виктор Платонович (род. 1948),
поэт и драматург.*

«Бабочке» Алексея Дидурова

Легчайшая!

Ты обнимаешь горло певца

любви, невиданной досель!

Ты трепетные крылья распостёрла

над истиной, заблудшею в постель!

Мужская принадлежность артистизма,

смущающая нежность редактрис,

прелестница, смешная до трагизма,

душа, превознесённая в каприз!..

Прекрасный экземпляр мечты поэта

под говорок московских площадей

взлетает над шестою частью света

и ужасом мясных очередей!

Кровосмешенье быта и таланта!

Цветы жаргона!

Чувственность ума!

Собачий вальс подпольного джаз-банда

порхает в испарениях дерьма!

Товар лицом. На спрос и предложенье.

Руки и сердца.

Славы и монет.

И от свободы головокруженье!

Красавица!
Не хочешь?
Нет так нет!..

Допустим, пошлость. Предположим, дева.
Из молодёжной секции харит.
Идёт направо и косит налево.
Махровый цвет невинности хранит.

Тогда зачем столь сладостно и чутко
простукивают сердце каблучки?
И почему казарменная шутка
наводит блеск на тусклые зрачки?
Лав стори на бегу.
Немая сцена.
Соображает.
Пальчиком грозит.
Ни дать ни взять – Прекрасная Елена!
Так ведь и наш певец – не паразит.
А полноправный член СЖ. Владеет
пером. Овладевает каратэ.
Не пьёт, не курит. От любви балдеет.
От голых баб, панк-рока и т. д.
Любимец женщин, а равно Фортуны,
бряцанием на лире золотой
он задевал чувствительные струны
и в высших сферах, и в душе простой.
Легчайшая!
Да при таком раскладе
чего ж ещё, казалось бы?..

Луна.
Ночной зефир во тьме, как в шоколаде.
Мертвецки спит великая страна.
И радужным призывам сонно внемлет
пустынный Центр. Ни посвиста, ни драк.
И если враг какой-нибудь не дремлет,
так это, как известно, внешний враг.
Пусть дышит, гад, восторгом сладострастья!
Пусть знает государственный секрет:
не за горами пятилетка Счастья –
а что же делать, если счастья нет?
Легчайшая!
Ты слышишь? Много ль нужно?
Ведь пустячок!..
Да я,
да мы,
да вы
однажды ночью хором
скажем дружно:
«Даешь любовь!»
И нам дадут. Любви.
И как ещё дадут! Мороз по коже.
Над вымыслом слезами обольюсь.
Но если посмотреть на вещи строже,
ещё Гораций восклицал: «О, Русь!»
И Гоголь восклицал в таком же духе.
Мечтал у мёртвых душ найти ответ.
Мечтал, мечтал да помер с голодухи.
Но каждый Ревизор – в душе Поэт.

Смешалось всё под сенью Моссовета,
и указывает бронзовая длань
на бабочку ночную и поэта –
певец любви и трепетная дрянь!..

Внемли, читатель!
Время объясниться.
Пора, как говорится, дать понять.
Вглядишься же в окружающие лица –
забудешь, как на зеркало пенять!

А то пеняй! Пеняй – была забота!
Начало есть – не миновать конца.
К тому же я пишу не Идиота,
а некоторым образом Певца!
И пусть патологические типы
угрюмо целят взглядами в живот –
свободный человек не терпит липы.
А время терпит.
Терпит, но не ждёт...
1980

Коркия В. Свободное время: стихи и поэмы. – Москва, 1988. – С. 36–39.

Владимир Корнилов

*Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002),
поэт, прозаик.*

Жена Достоевского

Нравными,
Вздорными,
Прыткими
Были они испокон.
Анна Григорьевна Сниткина
Горлица –
среди ворон.
Кротость –
взамен своенравия,
Ангел –
никак не жена.
Словно сама Стенография,
Вся под диктовку жила.
Смирная в славе и в горести,
Ровно,
убого светя,
Сниткина Анна Григорьевна
Как при иконе –
свеча.
Этой отваги и верности
Не привилось ремесло.
Больше российской словесности
Так никогда не везло.

Корнилов В. Возраст: кн. стихов. – Москва, 1967. – С. 66–67.

Происхождение

Аристократы, древние греки,
Храмы и статуи – это не мы.
Мы человеки, полу калеки,
Мы для сумы, а верней – для тюрьмы.

С суши на море, с моря на сушу
Нас не тащил хитроумный Улисс.
Не бороздить нам Эгейскую лужу
И не царить средь всемирных кулис.

Нам безразлично, что вешать на древко...
Вытащив нож, мы бухтам по душам...
Вождь и пророк у нас каторжный Федька
И предводитель наш из каторжан.

Дружба народов. – 2002. – № 2. – С. 6.

Лев Котюков

*Котюков Лев Константинович (род. 1947),
поэт, прозаик, эссеист, критик из Орла.*

Памяти Пушкина

«Пушкин – наше всё...»

Ф. М. Достоевский

У каждого есть вечное своё,
А кто-то не своим владеет даже.
Но наше всё – давно уже не всё,
И наше всё – давно уже не наше.
Вот так-то, брат, – и полно горевать!
Всю пустоту страданьем не заполнить.
Когда никто не помнит нашу мать,
Да и отца давно уже не помнит.
Душа не повторится никогда,
Но мы упорно что-то повторяем.
Мы время потеряли навсегда,
Но, кажется, как в юности, теряем.
Сжирает Землю мелкое крысьё,
И пустота всё яростней и краше.
И всё – не наше, без остатка всё!
Но всё иное – без остатка наше...

Юность. – 2005. – № 1. – С. 10.

Валерий Краско

*Краско Валерий Львович (1941–2010),
поэт, переводчик, альпинист.*

Сосед

С бутылками спеша,
небрит и лыс он,
похожий на бомжа,
хоть здесь прописан.
Не дружит с ним никто,
подражаться не с кем...

Он весь пропитан По
и Достоевским,
порою в Кафке суть,
порой во Фрейде,

но не дает уснуть
игрой на флейте.

Дружба народов. – 2007. – № 9. – С. 94.

Алексей Кручёных

*Кручёных Алексей Елисеевич (1886–1968),
поэт-футурист, прозаик, художник и журналист.*

Борис, ты помнишь, –
мы гадали об именах и судьбах...
Три надменные сестры Епанчины –
генеральские дочери в «Идиоте»
Александра, Аделаида и Аглаида – навеки обидели
Анастасию Барашкову (воскресную жертву),
обкарнав у нее А.,
превратив королеву в девку гулящую,
Настю, –
первое рождение Незнакомки
в петербургских чуланах туманах,
в вуалях пурги.
Она тоже, в тоске и горе, –
в упругих шелках ресторанов,
но бледная насквозь –
пила шампанское, с великим мечтателем
Львом Мышкиным
и кабацким семинаристом, –
чёрная роза утонула в бокале
«золотого, как небо, «Аи».

На именинах, в оранжереях
и на вокзалах,
дошла до тёмного склепа
до ледяного лезвия ножа
защёлкнулся круг –
выпила напоследок
полыни полный ковш,
и Лев превратился в мышь.
1943

Которча Л. Достоевский в культурной памяти авангарда // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 359; То же. – URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22160/1/dc1-2008-53.pdf> (дата обращения: 2328.01.2018).

Игрок

Фрагмент из поэмы

Игрок!
Нутром узнай
Коварный ритм –
И напролом,
Рискни,
Громи
Усталый
Мир.
Вокзал.
рулетка. кутерьма –
Там Достоевский
Брюки проиграл,
И там – Полина,
Сверх-роман...

<...>

Рвал банк,
На карту смело – весь лимит!...
1945

Которча Л. Достоевский в культурной памяти авангарда // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 358; То же. – URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22160/1/dc1-2008-53.pdf> (дата обращения: 2328.01.2018).

Юрий Кублановский

Кублановский Юрий Михайлович (род. 1947),
поэт, эссеист, публицист, критик, искусствовед.

В дostoевском Павловске когда-то,
с окунем карась,
на скамье шептались воровато
злой купец и князь.
И нездешние, казалось, силы
здешних мест
узкотелы и ширококрылы
прятались окрест.
Не стемнев как следует, светало.
Рысаков и кляч
не видать на трассе от воксала
до шале и дач.
Скоро, скоро огласит вожатый
трелями перрон,
приглашая тряский небогатый
занимать вагон.
И еще милее неживая
станет, чем досель.
Запеклась под грудью ножевая
маленькая щель.
Вихорь времени едва шевелит мой вихор.
Сердце жмётся и ещё не верит
до сих пор,
что вполне внезапная разлука
с тем со всем
дорогим, не самым высшим кругом
насовсем.

И шепчу, прикрыв ладонью книгу
тёплую сейчас:
Отче – Фёдору архистратигу –
помолись за нас.
Что-то есть в припадочной России,
если не святой,
сродное твоей эпилепсии,
Дух одной шестой.
Там пространство белыми ночами
зелено в тени,
словно оперенье за плечами. Помяни!
1988

Кублановский Ю. Возвращение: стихи. – Москва, 1990. – С. 27–28.

Дожди размочили дороги,
друзья упустили момент:
повесился Коля Ставрогин –
чистейшей воды декадент.

Октябрь. – 2002. – № 3. – С. 147.

Мы спасались в тонущей Атлантиде

Но наступит срок – и при всём желанье
странно будет мне тебя, дорогая, видеть
с неизменно энного расстоянья.
Прочий мир, включая родные веси,
отделённый уж от меня межою,
станет мне не нужен, неинтересен.
Только ты останешься не чужою.

Головокружительной вышиною
дорожат лишь звёзды, идя на нерест.
Мне же легче – с полною тишиною,
при которой слышен твой каждый шелест.
Уж тогда не сможешь мои заботы
на себя ты взваливать, слава Богу.
Ты ещё румяней в момент дремоты,
хаотичных сборов, пути к порогу.

Разыщи уже к середине века,
над моим пред тем опечалась камнем,
то ли «Сон счастливого человека»,
то ли «Сон пропадающего человека»
в «Дневнике писателя» стародавнем.
Вот тогда возьму я тебя с поличным.
И тебе, не зная о том, придётся
стать в ответ сравнимую с мозаичным
серебром монеток на дне колодца...

Слабая лента с Моникой Белуччи –
шеи взъём, у плеча бретелька –
старикам, подсевшим на сериалы,
может показаться шедевром.
Человека, которому под полтинник
и которому нравится мир всё меньше,
взгляд трезорки встречного сиротливый
может отрезвить и прибавить силы,
даже устыдиться своей щетины.
Стал уже привычнее матерщины
бронхиальный кашель для перепонок.
У шалмана подвыпившие мужчины
ждут из туалета своих бабёнок.

Неожиданно прихватил морозец
барбарис, рябину и черноплодку,
хорошо их ягоды класть за щёку,
под язык – и мне это винограда
ну, не слаще...
А просто душа им рада.

И красавица итальянка в теле,
что почти не кажется человеком,
и бездомный пёс, что всегда при деле,
и плоды из русских садов под снегом
пусть пока не знают, кто им хозяин.
Помнишь карамазовский пестик в ступе?

Хоть московских гетто, то бишь окраин,
огоньки всё ближе к моей халупе.

Давид Кугультинов

*Кугультинов Давид Никитич (1922–2006),
калмыцкий поэт и журналист.*

Гениям прошлого

О гении минувшего!
Не мне
Тягаться с вами живописной силой!
Такое мне и в мысль не приходило.
Где мне до вас?!
Недавно в тишине
Я, просмотрев труды свои, постиг
Масштаб, предел возможностей моих.

Да, несравнимо наше мастерство!..
Но здесь не место – самоуниженью!
Пусть я – не гений...
Но чего-чего
Не навидался я на протяженье
Моих шестидесяти трудных лет!..

Ведь, если это всё извлечь на свет
И, следуя лишь истине единой,
Вновь оживить картину за картиной,
Насыщенную свыше всяких мер –
То – не гневись, божественный Гомер! –
Сраженья Илиады, гибель Трои
Покажутся ребяческой игрою.

Когда я кобальт и другой металл
В промёрзлом Заполярье добывал,
Когда в Норильске новом, строя зданья,
На побережье океана дрозг
И лишь ладонью заслониться мог
От ледовитого его дыханья, –
Тогда – о Достоевский! – ваш острог
Казался мне – в мертвящем том тумане
Не самым страшным местом на земле:
Все ж и зимой вы были там в тепле!
Пусть мне в искусстве далеко до вас,
Могучие!..

Но в жизни я не раз
На плечи поднимал такую тяжесть,
Что, может, и Атланту неподым,
И вот, неробким голосом своим,
На равных с вами говорить отважусь!

Бессмертными созданными светясь,
Вы на земле остались и сейчас,
Но всё ж по опыту вы были дети,
И я, живущий на земле пока,
Я старше вас не то что на века,
А, может быть, и на тысячелетья!

Пусть был ваш век и сложен, и велик, –
Вы космоса не знали грозный лик,
Вам судьбы наши невообразимы:
Фашистское вас не касалось зло,
И ум, и сердце вам не обожгло
Проклятье огненное Хиросимы.

Ту боль, ту радость, что открылись мне,
Вы не видали даже и во сне.
Из вымысла вы создавали слово,
А я... я недостачу мастерства
Тщусь возместить, пока душа жива, –
Переизбытками пережитого.

Кугультинов Д. Собрание сочинений: в 3 т. – Москва, 1988. – Т. 3. –
С. 199–200.

Лев Куклин

*Куклин Лев Валерианович (1931–2004),
поэт, драматург из Санкт-Петербурга.*

Киллер

Киллер – это всего лишь обычный
наёмный работник.

Его привлекают для выполнения конкретного дела.

Он не скотобоец, не рыбак, не охотник, –

Он из другого сходственного отдела.

К своему инструменту он проявляет заботу:

Чистит его, смазывает и аккуратно прячет.

За черту Зла он уходит спокойно, как на работу,

И сама работа для него почти ничего не значит.

Он возвращается к нам, на территорию

сопредельную,

Не выделяясь ничем, переходит проспекты по знаку.

Он снимает квартиру, непременно отдельную,

Покупает кефир, выгуливает породистую собаку.

Он не читал «Преступление и наказание»,

Но побывал в Чечне (а может быть – в Кампучии).

Он привык (понимаете?) исполнять приказания

И на спуск нажимает, не дёргая, – как учили...

Он не страдает угрызениями совести:

Очередной заказ ему опускают в почтовый ящик,

И снова следует продолжение повести, –

Ибо грехи ему отпускает не Бог,

а заказчик..

Станислав Куняев

*Куняев Станислав Юрьевич (род. 1932),
поэт, публицист, переводчик, литературный критик.*

Из позднего Достоевского

«Наивные хулители Европы –
чего с них взять!
Родные русофобы
куда подлей, когда карьеры для
витийствуют, отечество хуля,
вчера аж одного перекосила
почти нечеловеческая сила
от слов моих: «родимая земля».
В грядущее взираю с интересом:
врагом народа, психом, мракобесом –
так окрестят меня в родном краю.
Руси не избежать таких соблазнов,
и если уж Алёша Карамазов
взроптал, – то мы у бездны на краю.
Что говорить – и мы не совершенны,
избыток чувства размягчает гены.
Какие есть – на то не наша власть...
О, только бы отринула Россия
соблазн возмездья и восторг насилья,
чтобы для Воскресенья не пропасть!».

Наш современник. – 1987. – № 12. – С. 42–43.

Всеволод Кучерявый

*Кучерявый Всеволод Владимирович,
поэт, преподаватель*

спортивно-педагогического техникума «Спарта» (Москва).

Осень и немного Достоевский

Город тоскует осенней тоскою –
Дождь без конца...
Трудно сквозь осень нести нам с собою
Время творца.

Видимо, нет нам удачи на свете –
Тепла не жди,
Время пришло, и принёс уже ветер
Снег и дожди.

И я сижу в опустевшей квартире –
Мрак и туман,
Русский мужик в придорожном трактире –
Водки стакан...

А за окном непогода, ненастье
Пасмурен день
Мне б отвести от себя все несчастья,
Да только лень.

Лень в день такой мне бродить по дороге
Судьбу творить,
Если удача стоит на пороге,
Можно пропить.

Город тоскует осенней тоскою –
Дождь без конца...
Трудно сквозь осень нести нам с собою
Время Творца.

Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/avtor/10mart> (дата обращения: 21.01.2018).

Ольга Кучкина

*Кучкина Ольга (настоящее имя Ольга Андреевна Павлова)
(род. 1936), поэт, прозаик, журналист, драматург.*

Людмиле Петрушевской

Мелкая буржуазность Запада
стрекошет машинкой для подрезанья травы у дома
и лязгает ножницами,
округляя кустарник до состояния шара,
а после берёт снаряжение
и идёт играть в гольф
в чистом поле
с маленькими холмами и травяными лестницами.
Бьёт ли она посуду в кухне по вечерам,
а по ночам душит мужа либо жену в постели,
или это делает только русская антибуржуазность,
согласно Достоевскому и тебе, моя подруга?
7 мая 2003

Арион. – 2005. – № 3. – С. 103.

Александр Кушнер

*Кушнер Александр Семёнович (род. 1936),
поэт из Санкт-Петербурга.*

Среди знакомых ни одна
Не бросит в пламя денег пачку,
Не пошатнётся, впад в горячку,
В дверях, белее полотна.
В концертный холод или сквер,
Разогреваясь понемногу,
Не пронесёт, и слава богу,
шестизарядный револьвер.

Я так и думал бы, что бред
все эти тени роковые,
когда б не туфельки шальные,
не этот, издали, привет.
Разят дешёвые духи,
не хочет сдержанности мудрой,
со щёк стирает слёзы с пудрой
и любит жуткие стихи.
1968

Кушнер А. Канва: из шести книг. – Ленинград, 1981. – С. 55.

Д. Чекалову

Прусту Джойс не понравился: пьяный,
Всё в такси приоткрыть норовил
Джойс окошечко. Наши романы
Хуже ваших. А сколько чернил
Извели мы! Но, видите ль, Прусту
Влажным воздухом вредно дышать.
Не поддастся он доброму чувству, –
Только бабушку любит и мать.
Те, кто их познакомили, просят
Извинить их. Приехали. Стой!
Пруст выходит, а Джойса отвозят,
Не пустив его к Прусту, домой.
В этом снимке ночном, кинокадре
Фокус, кажется, сбит и прицел.
И Толстой с Достоевским в театре
Познакомиться мог – не хотел!

Кушнер А. Тысячелистник: кн. стихов. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 43.

Отец настоял, чтобы сын-гимназист,
Уж коли он пишет стихи, его Дима,
Пошёл к Достоевскому с ними: ершист
И сумрачен мальчик, и сердце ранимо, –
Авось и понравится что-нибудь в них
Писателю. Мрачно хозяин и злобно
Внимал гимназисту. Тот сбился, затих.
«Бессмысленно. Слабо. Неправдоподобно».
У мальчика слёзы вот-вот из-под век
Закапают. Стыд и обида какая!
«Страдать и страдать, молодой человек!
Нельзя ничего написать, не страдая».
А русская жизнь, этой фразе под стать,
Неслась под обрыв обречённо и круто.
И правда, нельзя ничего написать.
И всё-таки очень смешно почему-то.

Звезда. – 2001. – № 1. – С. 7.

Сад

Через сад с его клёнами старыми,
Мимо жимолости и сирени
В одиночку идите и парами,
Дорогие, любимые тени.

Распушились листочки весенние,
Словно по Достоевскому, клейки.
Пусть один из вас сердцебиение
Переждёт на садовой скамейке.

А другой, соблазнившись прохладой,
Пусть в аллею свернёт боковую
И строку свою вспомнит крылатую
Про хмельную мечту молодую.

Отодвинуты беды и ужасы.
На виду у притихшей Вселенной
Перешагивайте через лужицы
С желтовато-коричневой пеной.

Знаю, знаю, куда вы торопитесь,
По какой заготовке домашней,
Соответственно списку и описи
Сладкопевца, глядящего с башни.

Мизантропы, провидцы, причудники,
Предсказавшие ночь мировую,
Увязался б за вами, да в спутники
Вам себя предложить не рискую.

Да и было бы странно донашивать
Баснословное ваше наследство
И печальные тайны выспрашивать,
Оттого что живу по соседству.

Да и сколько бы ни было кинута
Жадных взоров в промчавшийся поезд,
То лишь ново, что в сторону сдвинуто
И живёт, в новом веке по пояс.

Где богатства, где ваши сокровища?
Ни себя не жалея, ни близких,
Вы прекрасны, хоть вы и чудовища,
Преуспевшие в жертвах и риске.

Никаких полумер, осторожности,
Компромиссов и паллиативов!
Сочетанье противоположностей,
Прославление безумств и порывов.

Вы пройдёте – и вихрь поднимается –
Сор весенний, стручки и метёлки.
Приотставшая тень озирается
На меня из-под шляпки и чёлки.
От Потёмкинской прямо к Таврической
Через сад проходя, пробегая,
Увлекаете тягой лирической
И весной без конца и без края.

Представляешь, каким бы поэтом –
Достоевский мог быть? Повезло
Нам – и думать боюсь я об этом,
Как во все бы пределы мело!

Как цыганка б его целовала
Или, целясь в костлявый висок,
Револьвером ему угрожала.
Эпигоном бы выглядел Блок!

Вот уж точно измышленный город
В гиблой дымке растаял сплошной
Или молнией был бы расколот
Так, чтоб рана прошла по Сенной.

Как кленовый валится б, разлапист,
Лист, внушая прохожему страх.
Представляешь трёхстопный анапест
В его сцепленных жёстких руках!

Как евреи, поляки и немцы
Были б в угол метлой сметены,
Православные пели б младенцы,
Навевая нездешние сны.

И в какую бы схватку ввязалась
Совесьь – с будничной жизнью людей.
Революция б нам показалась
Ерундой по сравнению с ней.

До свидания, книжная полка,
Ни лесов, ни полей, ни лугов,
От России осталась бы только
Эта страшная книга стихов!

Литературная газета. – 2005. – 19–25 янв. (№ 1). – С. 8.

Эти дамы на пляже без лифчиков, голые,
Совершенно нагие и, значит, бесполые
Интересны, я думаю, только себе,
Навевая какие-то мысли тяжёлые
О невольничьей, пленной, несчастной толпе.

На глумление отданной и в услужение.
У тебя что-то отняли, – воображение?
Пусть не тайна, загадка хотя бы, секрет.
И недаром придумано это сужение
Юбки, вырез на платье, и страсть, и сюжет.

Боже мой, достижения цивилизации!
Переписка, звонки, пребыванье в прострации
И отчаянье, чай, голубой ободок
Чашки, новая живопись, вплоть до абстракции.
Как там, у Достоевского... «узкий следок»?

Звезда. – 2005. – № 1. – С. 6.

На петербургских старинных гравюрах
Снег не лежит на дворцах и скульптурах
И не идёт никогда.
Вечнозелёные кроны густые,
А на Неве – мотыльки кружевные
И голубая вода.

Видно снесённую церковь Земцова,
Блещет закрытый канал.
Главного Штаба ещё никакого
Нет: вместо Штаба – провал.

Пушкин ещё не родился. Сгружают
Финский гранит, золотят, наряжают,
Щёголь глядит на возню.
Что-то ещё выпирает неловко.
Но присмотритесь: идёт подготовка
К майскому этому дню.

Едет читатель в карете куда-то
Цугом, с шутком и людьми...
Гоголь? Ещё для него рановато.
Пусть подождёт за дверьми.

Мойка, Фонтанка, Миллионная, Невский...
Улиц, где мог бы гулять Достоевский,
Нет. Значит, может не быть
Этих горячечных снов, преступлений?
Или, как дом, запланировал гений:
Строить здесь будут и рыть.

Что же до мест, где мы нынче гуляем,
Нет и в проекте их; где-то за краем
Рамки, гравюры, листа,
Там, где художник сорит и сдувает
Пыль, и само провиденье не знает,
Как повернёт и куда.

Автово, Дачное, Ржевка, Гражданка,
Купчино, хватит? Шушары, Ульянка
Вместо былых деревень.
Может, из этого ровного списка
Тоже ни слова не вынуть без риска,
Вычеркнуть чью-нибудь тень?

О, трудовая моя, типовая
Жизнь, ты сложна, как любая другая.
Внятны (поди, утай!)
Каждому встречному, как планировка
Трёх твоих комнат, и в них – обстановка –
Смех твой и слёзы твои.

Дружба народов. – 2014. – № 6. – С. 161.

Надежда Лебедева

*Лебедева Надежда Александровна,
поэт, педагог из Старой Руссы (Новгородская область).*

Дом Достоевского

Там, где смотрят ивы древние
В Перерытицу-реку,
Достоевского горение
Бросит в радость и тоску.

Там, где с дверью незакрытою
Дом виднеется углом,
Мы над книгой незабытою
Поразмыслим о былом.

Хоть из книги той ни разу нам
Въявь не встретился герой,
Нынче мало ль Карамазовых
Так же мечется душой?..

Не мрачнеет в неизвестности
Дорогой рушанам дом,
А любители словесности
Зажигают свечи в нём.

Дмитрий Николаевич Киршин: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.kirshin.ru/about/rmsp/187.html> (дата обращения: 29.01.2018).

Дмитрий Легеза

*Легеза Дмитрий Владимирович (род. 1966),
поэт и прозаик,
организатор литературной деятельности
из Санкт-Петербурга.*

Злой мальчик Родионыч

Может, почку продай, может, кассу ограбь,
Заруби ростовщицу-бабулю,
Но купи мне билетик на белый корабль,
Что сейчас на пути к Ливерпулю.

Тятя, тятя, пока твои сети легки,
И тунец, и мертвец миновал их,
Посмотри, в Ливерпуле горят маяки
В ожиданьи чудес небывалых.

И со скрежетом якорь уйдёт в темноту,
И шеренгою встанут матросы,
И спасательный круг заблестит на борту
Будто глаз у слона-альбиноса.

Там каюта моя и в ведёрке шампань,
И за дверью стюард наготове.
Я топор тебе выдам и маску, папань,
Дело стоит и силы, и крови.

Нож

Друзья звонят всё реже,
придётся одному
болтаться по Разъезжей,
по Загородному.

С тоскою бестолковой
о женщине одной
спущусь в подвал торговый
и нож куплю складной.

Стеклом укрытый, годы
нетронутым проспав,
железа с углеродом
чистопородный сплав

удобно в руку ляжет –
котёнок и клинок –
ты мой навеки, я же
теперь не одинок.

Поберегись, прохожий,
хозяина клинка –
он чуть Парфён Рогожин,
он идиот слегка.

Лучшие стихи 2010 года: поэт. антология. – Москва, 2012. – С. 130.

Владимир Леонович
*Леонович Владимир Николаевич (1933–2014),
поэт и переводчик из Костромы.*

Патриотическое

*Достоевский, милый пыщ...
Тургенев*

«Презренный жид», «проклятый лях»...
Жидовствую, кичусь, нищаю.
Любимых классиков прощаю,
хоть улыбаюсь на полях:
Иван Сергеич – милый пыщ,
а Достоевский – нет, и столь же
визгливо горд и слёзно нищ,
как шляхтич в оскорблённой Польше.
Мне любо: я и жид, и лях
по самой сути и для слога –
покудова на костылях
вся чернь стоит четвероного.
Лакей спесив, холоп надут,
хам величав попуще пыща,
но миг! – и к ручке припадут,
и лобызают голенища.
Стоять – так на своих двоих.
Сидеть – так на своей костлявой.
О том свидетельствует стих,
не осквернённый их халявой.
Стоймя заклиньте в землю гроб!
Снесу такое неудобство,
пока ведётся хоть микроб
великорусского холопства.

Семён Лившиц

*Лившиц Семён Ефимович (1924–2010),
поэт, прозаик, публицист из Магадана.*

Смерть Достоевского

Запахнулся мрачный Невский
В мокрый плащ.
Умирает Достоевский,
Плачь не плачь.
Тусклый день в себя вбирает,
Чуть дыша.
Тихо-тихо отгорает
В нём душа...
«Эх, не стоит ни шиша
На Руси
Православная душа.
Вы-ку-си!..
Ты ей чарочку поперву
Поднеси,
А потом, косая стерва,
Вытряси...
Чья там красная от крови
Борода?
Кто стоит со смертью вровень?
Каин, да?
Аспид, сгинь! Вперёд – ни шагу!
Аспид, стой!
Он опять ломает шпагу
Надо мной...
Эх, вскочить бы на коня
И ну – в галоп!..

Уберите от меня
Калейдоскоп.
Уберите! Без того
Колотит дрожь.
Сколько крови... О-го-го!
Сколько рож...
Сколько золота вокруг,
Серебра,
Из царёвых бы из рук –
Горсть добра...».

А в прихожей – и звонки,
И шаги.
А Россия – и венки,
И враги.

Лившиц С. Е. Праздник осени: стихи. – Магадан, 1969. – С. 9–10.

Владимир Линдерман

Линдерман Владимир Ильич (псевдоним Абель) (род. 1958), латвийский и российский политический деятель, идеолог, поэт.

Старый Чекист

Самогонка и есть самогонка,
Как «бурбоном» её ни зови...
Ну давай, опрокинем легонько,
Шурави ты моя, шурави.
Не сбылось ни одно, ни другое,
А на третье, конечно, компот...
Ты вчера не вернулся из боя,
Значит, завтра тебе повезёт.
Карты лягут, как планы генштаба,
На броне, несмотря ни на что,
Мы ворвёмся в предместья Пенджаба,
Как какой-нибудь цирк шапито...
С каждым днём тяжелеет авоська,
Что в ней, кроме грехов и обид?
«Эй, солдат, угости
Папироска!»
Волк тамбовский тебя угостит...
А любовь не подарок наркома,
Не пришилишь к усталой груди.
Как записка из мёртвого дома –
Этот шёпот: не бойся, не жди.
Вот допьём и опять за работу.
(Если с песней – работа легка).
Разбудите конвойную роту!
Я – последний поэт ВЧК.

Тчк. Многогранник стакана,
Как граната, зажат в кулаке.
И упругий басок Левитана
Колобродит в соседнем леске.
Ты и я – молодые, в ушанке,
Девятнадцатый, кажется, год.
Мы простимся с тобой на Лубянке
Или встретимся, наоборот...
1995

Независимая газета. – 2004. – 22 янв. (№ 10). – С. 5. – (Exlibris; № 2).

Инна Лиснянская

*Лиснянская Инна Львовна (1928–2014),
поэтесса и прозаик.*

На четыре стороны света

Отрывок

5

Ой, отчего лягушка грустно заквакала,
Разве ей мало слёз моих, чтобы плавать?
Я ещё третьего дня горько заплакала,
Ибо не стало чертей в омуте-заводе.
Лучше бы оставались в тихом во омуте,
Нет, повылазали, ходят вокруг да около –
Окна разбиты в сёлах, витрины – в городе.
Пыль поднялась и гарь, да и грязь зачмокала.
Ходят они меж нами и не стесняются,
Ходят кривыми да и прямыми дорожками,
А иногда и в наши тела вселяются
И притворяются встаньками да матрёшками.
Ой, до чего вездесущи черти из омота!
Эти не снились и Фёдору Достоевскому.
Тихая заводь, точно подушка, вспорота, –
Ой, ни лягушке, ни мне спрашивать не с кого!
В нашем посёлке гуляет голь алкогольная, –
Жизненной школы проваленные заочники.
Мутной слезою плачет и лампа настольная, –
Ой, неужель засорились и света источники?

Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 30–34.

Борис Лихтенфельд

*Лихтенфельд Борис Елизарович (род. 1950),
поэт из Санкт-Петербурга.*

Архитектурные мечтания

Сергею Стратановскому

Разместить Министерство Культуры в культурной столице.
Возвести небоскрёб в виде монументальной фигуры
столицей:

бакенбарды кудрявые Пушкина, длиннородый Толстой,
омский каторжник, мир обещавший спасти красотой,
Мефистофель-Шаляпин и добрый хозяин Пенатов,
Фальконе и Кшесинская, бюсты царей-меценатов
и так далее... Где? Разумеется, в Летнем саду.

А возропщут деревья и статуи – выселить их по суду!

Лебединое озеро на бельведере музейном

для гостей именитых послужит открытым бассейном.

Запорожцы, как сивые голуби, будут над ним нависать
и послания вилами в фонды ЮНЕСКО писать.

Посадить Баснописца, привыкшего нянчить детей
беззаботных,

охранять и кормить заточённых в подвальных вольерах
животных.

Углубить и расширить Лебяжью канавку: в неё крейсера
заходить будут на торжества юбилейные et cetera.

В многоярусном апофеозе девятого вала нахлынут
все деяния нашего Духа и музыкой вечной застынут.

Станиславский все нити бессмертной системы сматает в
клубок –

и над всеми культурами с крыши сиять будет наш Колобок.

Арион. – 2007. – № 4. – С. 110.

Лев Лосев

*Лосев (настоящая фамилия – Лифшиц)
Лев Владимирович (1937–2009), поэт, журналист.*

Изба

Если уж очень нужно тепла,
кажется, чёрту душу продашь,
Канта отточенный карандаш
нам нарисует четыре угла.

С холода вдруг да привыкнуть к теплу
трудно, но Фёдор Михалыч допёр:
повесил икону в красном углу,
в не менее красном поставил топор.

Печка да свечка да пол с потолком.
Кто-то снаружи летит мотыльком,
кто-то разглядывает сквозь стекло
наш незначительный свет и тепло.

Лосев Л. Стихотворения из четырёх книг. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 100.

Коринфских колонн Петербурга
причёски размякли от щёлока,
сплетаются с дымным, дремотным
длинным, косым дождём.
Как под ножом хирурга
от ошибки анестезиолога,
под капитальным ремонтом
умирает дом.
Русского неба бурёнка
опять ни мычит, ни телится,
но красным-красны и массовы
праздники большевиков.
Идёт на парад оборонка.
Грохочут братья камазовы
и по-за ними стелется
выхлопной смердяков.

Лосев Л. Стихотворения из четырёх книг. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 161.

Стихи о романе

Знаем эти толстовские штучки:
с бородою, окованной льдом,
из недельной московской отлучки
воротиться в нетопленный дом.
«Затопите камин в кабинете.
Вороному задайте пшена.
Принесите мне рюмку вина.
Разбудите меня на рассвете».
Погляжу на морозный туман
и засяду за длинный роман.

Будет холодно в этом романе,
будут главы кончатся: «как вдруг»,
будет кто-то сидеть на диване
и посасывать длинный чубук,
будут ели стоять угловаты,
как стоят мужики на дворе,
и, как мост, небольшое тире
свяжет две недалёкие даты
в эпилоге (когда старики
на кладбище придут у реки).

Достоевский ещё молоденек,
только в нём что-то есть, что-то есть.
«Мало денег, – кричит, – мало денег.
Выиграть тысяч бы пять или шесть.
Мы заплатим долги, и в итоге
будет водка, цыгане, икра.
Ах, какая начнётся игра!»

После старец нам бухнется в ноги
и прочтёт в наших робких сердцах
слово СТРАХ, слово КРАХ, слово ПРАХ.
Грусть-тоска. Пой, Агаша. Пей, Саша.
Хорошо, что под сердцем сосёт...
Только нас описание пейзажа
от такого запоя спасёт.
«Красный шар догорал за лесами,
и крепчал, безусловно, мороз,
но овёс на окошке пророс...»
Ничего, мы и сами с усами.
Нас не схимник спасёт, нелюдим,
лучше в зеркало мы поглядим.

Лосев Л. Стихотворения из четырёх книг. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 50.

Почерк Достоевского

С детских лет отличался от прочих
Достоевского бешеный почерк –
бился, дёргался, брызгался, пёр
за поля. Посмотрите-ка письма
с обличеньем цезаропапизма,
нигилизма, еврейских афёр,
англичан, кредиторов, поляков –
частокол восклицательных знаков!!!
Не чернила, а чернозём,
а под почвой, в подпочвенной черни
запятах извиваются черви
и как будто бы пена на всём.
Как заметил со вздохом графолог,
нагулявший немецкий жирок,
книги рвутся и падают с полок,
оттого что уж слишком широк
этот почерк больной, *allzu russisch...*
Ну, а что тут поделать – не сузишь.

Знамя. – 2000. – № 6. – С. 5.

Искать адреса не по плану, а по роману
Достоевского – топография пойдёт веером.
Та улица станет неприлично коротка,
а та удлинняется, удлинняется, дура,
и одно преступление происходит сразу по трём
адресам.
Так наз. реальность
оборачивается срамом.
Мы хотели увидеть панораму
Дельфта, увиденную Вермеером.
Но не туда текла река,
параллельные улицы пересекались, архитектура
отряхивала готику, и стало ясно,
что увидеть Вермеерову панораму рая
можно, только грохнувшись перед несуществующим
в Петербурге храмом.

Лосев Л. Стихи. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 99.

Париж, 1941

По реке плывет корзинка, из нее звучит «Уа!».
Тень невидимого Бога накрывает храм Изиды.
Дойстойевский ищет Бога вместе с графом Толстуа.
Чек вручен с аплодисманом, Митя с Зиной будут
сыты.

По реке трясутся волны, мельче старческого пульса.
Мокнут буквы МЕРЕЙКОВСКИЙ – волны волокут
афишку.
Левый берег усмехнулся, сигаретой затянулся.
Правый берег улыбнулся, кашлянул, чтоб скрыть
отрыжку.

Задери-подол-Маринка не дает покоя Зинке.
От эрзац-сигар немецких чахнет Зинкино двуснастье.
Старый мальчик круглопопый подает поэту зонтик.
Чешется. В Париже дождик. Над Европою ненастье.

По реке плывет корзинка, та корзиночка пуста.
В захолустном польском небе смрадно виснут дыма
клубы.
Тщетно ищет человека Бог из глубины куста.
В старости все декаденты непременно злы и глупы.

Вавилон: современная русская литература: сайт. – Текст электронный.
– URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/losev2.html> (дата обращения:
19.02.2018).

Замывание крови. Утопление топора.
Округление глаз на вопросы. «Где вы были вчера
с полвторого
до полпятого?» – «Я? Уходил со двора,
был в трактире Ромашкина, спросите хоть полового».
Впрочем, это из книжек допотопной поры
про святых и студентов. Теперь забывают
рядом с трупом пустые бутылки и топоры,
на допросах мычат, да и кровь теперь не замывают.

Лосев Л. Стихи. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 433.

Открытка из Новой Англии

Иосифу

Студенты, мыча и бодаясь, спускаются к водопою,
отплясал пять часов бубенчик на шее библиотеки,
напевая, как видишь, мотивчик, сочинённый тобою,
я спускаюсь к своей телеге.
Распускаю ворот, ремень, английские мысли,
разбредаются мои инвалиды недружным скопом.
Водобоязненный бедный Евгений (опять не умылся!)
припадает на ударную ногу, страдая четырёхстопьем.
Родион во дворе у старухи-профессорши колет
дровишки
(нынче время такое, что все переходят опять на печное),
и порядком оржавевший мой Холстомер, норовивший
перейти на галоп, оторжал и отправлен в ночное.
Вижу, старый да малый, пастухи костерок разжигают,
существительный хворост с одного возжигают глагола,
и томит моё сердце и взгляд разжигает,
оползая с холмов, горбуновая тень Горчакова.
Таково мы живём, таково наши дни коротая,
итальянские дядьки, Карл Иванычи, Пнины, калеки.
Таковы наши дни и труды. Таковы караваи
мы печём. То ли дело коллеги.
Вдоль реки Гераклит Ph. D. выдаёт брандылясы,
и трусца выдаёт, и трусца выдаёт бедолагу,
как он трусит, сердечный, как охота ему адидасы
обогнавши поток, ещё раз окунуть в ту же влагу.

А у нас накопилось довольно в крови стеарина —
понаделать свечей на февральскую ночку бы сталося.
От хорея зверя, бедной юности нашей Арина
с той же кружкой сивушною, Родионовна, бедная
старость.

Я воздвиг монумент как насест этой дряхлой голубке.
— Что, осталось вина?

И она отвечает: — Вестимо-с.

До свиданья, Иосиф. Если вырвешься из мясорубки,
будешь в наших краях, обязательно навести нас.

Л.

P. S .

Генеральша Дроздова здорова. Даже спала опухоль с ног
(а то, помнишь, были как брёвна).

И в восторге Варвара Петровна —
из Швейцарий вернулся сынок.

Л.

Лосев Л. Стихи. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 252.

Фигуры Петербурга

Идиллия

Милая идиотка, Анестезия Всхлиповна,
подкиньте в камин деньжонок, а то что-то стало
холодать, что-то руки, ноги
стали зябнуть,

не послать ли за бутылкой гонца?
Только кто отважный, с душою
пылкой, рождённой в подполье,
большою, решится в такую пору?

.....

Князь! Вы так благородны!
Только не поскользнитесь – тёмен
подъезд и загажен кошкой!
Только не захлебнитесь, переплывая Большую
Невку! Только не попадитесь разбойникам Малой
Охты! Пошаливают на Охте.
Невка в бурливой пене.
Когти поганая кошка о мраморные
ступени точит.

.....

Слева вернувшийся Мышкин.
Кошкин дождавшийся справа.
Между друзьями Всхлиповна сумеречно сияет.
(Красою сияет Всхлиповна между врагами).
Втроём они составляют
равнобедренный треугольник.
В центре стоит бутылка.
На 60 % наполнена невской водою.

Владимир Луговской

*Луговской Владимир Александрович (1901–1957),
поэт.*

«Эфемера»

Отрывок из поэмы

Могучий
Расстрига-поп восстал передо мной
И, поводя кремнёвыми руками,
Кричал над лампой:
– Помните, товарищ,
Всё справедливо в нашем мире, только
Нам не хватает сказки.
Потому
Нам по ночам тоскливо спать с подругой.
А человечество летит на сказки,
Как бабочки летят на эту лампу.
И дай вам бог так понимать людей,
Как понимают в сказках.
Эти там
Толстые, Достоевские, Бальзаки
Что делают:
немножко ворошат
Так, поверху, людские отношенья,
А сказки нет!
Вот разве Лев Толстой...
Он небо увидел под Аустерлицем
Да сводное Евангелье писал.
1942-1956

Владимир Львов

*Львов Владимир Юльевич (1926–1961),
поэт, переводчик.*

Мчались такты печального вальса.
Заворачивал ветер полу.
Девятнадцатый век продолжался.
Достоевский стоял на углу.

И рыдала шарманка, гнусавя,
В петербургской заснеженной мгле,
И старуха больная, босая
Напевала о русской земле.

...В середине двадцатого века,
Раскалённым железом рыча,
Встала ночь над судьбой человека,
Ночь бездонна, а смерть горяча.

И однажды расстрелян был город.
И прибавилось в мире могил.
Пароход под названием «Фёдор
Достоевский» к нему подходил.

...Я умру и потом посинею,
Будет свечи нести караул,
Будет поп городить ахинею,
Будут складывать вещи в баул,

Будут книги в величье и славе,
Будет падать медлительный снег...
Все равно будет плакать, гнусавя,
Под шарманку босой человек.

Антон Люциев

*Люциев Антон (псевдоним) (род. 1987),
поэт из Калининграда.*

Тухлостарение. Горе осени

Я внебрачный герой Достоевского
Прошитый не белыми нитками, а стальными лесками,
Хожу себе в красно-жёлто-зелёном шарфике.
Мечтаю об Африке.
Я – стагнация,
Результат перманентности разума.
Воспринимаешь меня казусом,
Экспериментируешь с позами,
А в небе видишь лишь свежесть воздуха.
Вот хоть бы на диктофон да в розницу:
«А я смешной и по-своему смешанный,
Потешный и порастающий плешами.
И не невинный, но девственно-женственный,
И не заплатанный, но запятнанный,
И не заплаканный, но запрятанный...»
Флажиолетто...до...ре минор...
А от меня ли ты беременна?
Ты не божественна...
А небо – женственно.
А небу – весело.
А в небе – месиво.
А ты штампуешь: «Все мы подвержены
Процессу гниения.
Каждый будет повешенным!»
Но почему же, когда я был гением,
Ты на мне не повесилась?

Литературная учёба. – 2003. – № 6. – С. 117.

Пётр Маняхин

Маняхин Пётр, студент из Новосибирска.

Ф. М.

город давит, не дышит и стены покрасил в жёлтый,
степень тени в ночи измеряется белым спектром.
выход не предусмотрен,
потому что,
куда бы ни шёл ты,
червоточинами
сворачиваются проспекты.
если хочешь быть первым,
готовься к вселенской бойне,
чувства спрячь и размажь, придётся и тут
потерпеть.
просто будь,
а главное – будь спокойней.
«Не могу! – закричишь. – Не могу!
Что теперь?»
сердце вырезать, на руках его в ад нести!
по ночам вместо Библии душу свою листать.
наша жизнь – теория вероятности,
где собой остаёшься только в одном из ста.
кто-то выберет пулю поймать виском,
потому что жить он не мог через боль никак.
каждому времени – свой раскол,
каждому времени – свой Раскольников.

Сергей Марков

*Марков Сергей Николаевич (1906–1979),
поэт, прозаик, историк,
путешественник, географ, архивист, этнограф.*

Омский узник

Он жил и томился огромной и скорбной душой!
Его окружали и мучили тёмные тени.
А время тащилось, скрипя, арестантской баржой,
И пили конвойные водку в холодной Тюмени.

И как он боялся острогов и смрадных казарм,
Убогих больниц, отнимающих сердце и разум!
Как страшно бывало, когда равнодушный жандарм
Глядел на него немигающим выпуклым глазом.

А в Омске торговки на рынок несли калачи,
И слышался говор простого свободного люда.
По светлому снегу шагали косые лучи,
И солнце вставало предвестником ясного чуда.

И он на себе ощутил сожалеющий пристальный
взгляд,
Как вкопанный стал с молодой калашницей рядом.
Теперь всё равно! Пусть усатый конвойный солдат
Толкает колодника в спину ружейным прикладом.

Запомнить навеки её соболиную бровь
И алые губы, и сердце наполнить печалью...
Он больше её никогда не увидит! И это – любовь?!
О, тёплые руки под пёстрой китайскою шалью!

На нежных ресницах повисла, застыла слеза,
Умолкло веселье, умолкли нехитрые речи.
А он ощутил – нависает припадка гроза,
Тряслись под бушлатом, болели костлявые плечи.

У ней – состраданье одно лишь... И кто воспóет
Порыв её чистый под сенью сурового неба?
Улыбка сквозь слёзы. И твёрдой рукой подаёт
Красавица узнику золото тёплого хлеба.

Конвойный надрывно кричит и торопит: «Пора!»
Сверкают сугробы, прямая дорога знакома –
Туда, где как чёрные птицы кружат флюгера,
Скрипят палисады постылого Мёртвого дома.
1940

Марков С. Н. Стихотворения. – Новосибирск, 1965. – С. 151–152.

Самуил Маршак

*Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964),
поэт, драматург, переводчик, литературный критик, сценарист.*

Всё то, чего коснётся человек,
Приобретает нечто человечесьё.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад – Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идёт к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

А там ещё живёт Петровский век,
В углу между Фонтанкой и Невою...
Всё то, чего коснётся человек,
Озарено его душой живою.

1945

Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы. – Ленинград, 1973. – С. 47. –
(Библиотека поэта).

Марина Матвеева

*Матвеева Марина Станиславовна (род. 1979),
поэт, прозаик, критик, журналист из Симферополя.*

Стою, отдыхаю под липами
под ритмы собачьего лая.
Больна, как Настасья Филипповна,
сильна, как Аглая.

С короткими слабыми всхлипами
река берега застигает...
Люблю, как Настасья Филипповна,
гоню, как Аглая.

Мне б надо немного молитвы, но
в спасение вера былая
мертва, как Настасья Филипповна.
Жива, как Аглая,

лишь память. Врастая полипами
в кровинки, горячкой пылает
в душе у Настасьи Филипповны,
в уме у Аглаи.

Но либо под облаком, либо над
землёю – в полёте поладят:
с судьбою – Настасья Филипповна,
с собою – Аглая.

Я тоже не просто улитка на
стволе. Оторвись от ствола я.
Сочувствуй, Настасья Филипповна.
Завидууй, Аглая.

каждому
найдётся
бульвар.
Может,
будет
Лазарев
у липы в лепете.
Обозначат
в бронзе
чином чин.
Ну, а остальные?
Как их слепите?
Тысяч тридцать
курских
женщин и мужчин
Вам
Не скрестишь ручки,
Но зато –
на бороды дымов,
на тело гулов
не покусится
никакой Меркулов.
Трём Андреевым,
всему академическому скопу,
копошащемуся
у писателей в усах,
никогда не вылепить
ваш красный корпус,
заводские корпуса.

1923

Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. – Москва, 1978. – Т. 2. – С. 314–315.

«Про это»

Отрывок из поэмы

Так с топором влезают в сон,
обметят спящелобых –
и сразу исчезает всё,
и видишь только обух.
Так барабаны улиц
в сон войдут,
и сразу вспомнится,
что вот тоска
и угол вон,
за ним
она –
виновница.
Прикрывши окна ладонью угла,
стекло за стеклом вытягивал с краю.
Вся жизнь
на карты окон легла.
Очко стекла –
и я проиграю.
Арап –
миражей шулер –
по окнам
разметил нагло веселия крап.
Колода стекла
торжеством яркоогним
сияет нагло у ночи из лап.
Как было раньше –
вырасти б,
стихом в окно влететь.

Нет,
 никни к стенной сырости.
И стих
 и дни не те.
Морозят камни.
 Дрожь могил.
И редко ходят веники.
Плевками,
 снявши башмаки,
вступаю на ступеньки.
Не молкнет в сердце боль никак,
 куёт к звену звено.
Вот так, убив,
 Раскольников
пришел звенеть в звонок.
1922–1923

Маяковский В. Стихотворения. Пьесы. – Москва, 1969. – С. 434–435. –
(Библиотека всемирной литературы).

Говорят...

Отрывок

Барбюс обиделся – чего, мол, ради критики затеяли спор пустой? Я, говорит, не французский Панаит Истрати, а испанский Лев Толстой.

Говорят, что критики названия растратили – больше сравнивать не с кем! И балканский Горький – Панаит Истрати будет назван ирландским Достоевским.

1929

Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. – Москва, 1978. – Т. 6. –
С. 12.

Александр Медведев

*Медведев Александр Дмитриевич (1945–2012),
поэт, прозаик.*

Достоевский

Достоевский выносит ведро с картофельной шелухой.
Во дворе – снежное месиво петербургского марта;
он – в валенках, сгорбленный и малость глухой...
А день – как самая невезучая карта.

Кухарка болеет, жена хандрит.
Сосед нахмуренный – явный народоволец.
Чахоточным пламенем воздух горит –
и Фёдор Михайлович недоволен.

Часовщик испорченных душ замирает на миг,
оглядывая снег, дворника, девку.
К этому он до сих пор не привык –
даром, что видит с самого детства.

Немного воображения: барышня на снегу
со страшно закинутой головою,
дворник роняет картуз на бегу,
и уж где-то старуха заученно воет.

Он с досадой машет сухой рукой,
кряхтя, поднимается по ступеням,
неся обратно ведро с шелухой,
а также тоску неотступного наваждения.
1972

Медведев А. Д. Знаю и скажу: стихотворения – Москва, 1991. – С. 73.

Дмитрий Мизгулин

*Мизгулин Дмитрий Александрович (род. 1961),
поэт, президент и председатель правления
ОАО Ханты-Мансийский Банк.*

Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течёт...
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идёт.

Боже! Как дождливо в этом мире!
Впрочем, бездна всё-таки без дна.
Может, всё же посидеть в трактире?..
Спросит чаю. Сядет у окна.

Не минуют тёмные напасти –
Бьёт судьба как будто наобум.
Есть расчёт в любой безумной страсти,
Безрассуден самый трезвый ум.

И, поди ж, предугадай попробуй,
Где и чья прольётся завтра кровь
В миг, когда соседствует со злобой
Доброта и вечная любовь.

И попробуй быть скупым и кратким
В час труда, забвенья и гульбы,
В миг, когда вот-вот поймёшь загадки
Русской удивительной судьбы.

Всё так просто и необъяснимо,
И попробуй, догадайся сам...
Дым табачный вьётся мимо, мимо
Через фортку – прямо к небесам...

Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2010/01/20/2966> (дата обращения: 24.02.2018).

Владимир Микушевич

*Микушевич Владимир Борисович (род. 1936),
поэт, прозаик, переводчик,
эзотерик и мистик, религиозный философ из Москвы.*

Письмо Ставрогина Людмиле

*Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой – гроб; жених – мертвец.
В. А. Жуковский.*

Случайный гость земли родной
Гражданские накликав бури,
Я, гражданин кантона Ури,
Писать решаюсь к вам одной.
По-прежнему один я в поле
Не воин и не пахарь, нет!
Но, возвратив Творцу билет,
Я к вам пишу, чего же боле?
Я прирождённый враг чернил.
Претит мне книжная опека;
Я лишь привычки сохранил
Порядочного человека.
И к неземному рубежу
Приблизившись неосторожно,
Я вам, пожалуй, расскажу,
Как я привык шутить безбожно.
Хоть я на Бога уповал
И на далёкое родное,
Я девочку поцеловал...
Вообразите остальное!

Пусть откровенность мне вредит,
Я не забыл, как недотрога
Кричала: «Я убила Бога»,
А Бог действительно убит,
Но не она Его убила,
Она для Бога лишь могила,
Откуда сатана глядит,
Свои показывая рожки;
Так размножаются матрёшки:
Другую каждая родит,
И растлеваю я другую,
Как полагается в аду,
При этом к вящему стыду
Их к самому себе ревную.
Во всякому случае, до дна
Пить принуждён я эту чашу;
Я предпочел бы Лизе Дашу,
Но недоступна мне она.
А вы не Даша, вы Людмила:
Мне ваша искренность мила;
Она давно меня влекла
И вновь на этот свет манила.
По-моему, недобрый знак –
Возврат повесы из-за гроба:
В России тот же кавардак,
И тот же мрак, и та же злоба.
В который раз я слово дам,
Что возвращаюсь только к вам,
Привержен гибельному риску,
И вновь прочтёте вы записку,
Где будет сказано: я сам.
Фрайбург, 7 ноября 1993

Новая юность. – 1995. – № 1/2. – С. 91.

Юрий Минералов

*Минералов Юрий Иванович (1948–2012),
литературовед, поэт, литературный критик.*

Постмодернизм

Засланный выкрасть плоды
Гефсиманского сада,
бабу для Берии
и протокол мудрецов,
Штирлиц по-свойски шнырял
по застенкам Моссада
И лицемерно семитское
квасил лицо.

Сталина в сердце нося,
но с ухваткой агента
Под сиониста кося,
он пытал резидента
нашей разведки,
и, пыткой восточную сыт,
Всё ему выложил
сломленный им одессит.

Мюллер-гестапо меж тем
по бумажкам фальшивым
Тоже проник в тот Массад
карьеристом ретивым.
Разоблачал чистокровных
арийских мужчин,
Быстро поднялся, стал
Штирлица выше на чин...

...Постмодернизм,
извертевшийся во клоунаде.
Пушкин. Толстой, Достоевский
– хи-хи, да ха-ха.
Всё перевернуть, передёрнуть
– читатели, нате!
Постмодернизм, о, цинизм,
нарциссизм, чепуха...

Если про Пушкина можно,
то можно о прочих.
Всё – анекдот и пародия.
Смейся, паяц!
Штирлиц убёг,
и тихи палестинские ночи.
Автор кропает эрзац
за абзацем абзац.

Литературная Россия. – 2004. – 27 авг. (№ 35). – С. 7.

Евгений Минин

*Минин Евгений Аронович (род. 1949),
российско-израильский прозаик, поэт и пародист.*

Озабоченное

*Я с Митей Карамазовым напился,
Ноздрёву морду наглуую набил,
в Каренину влюблённым притворился,
у Лариных в усадьбе погостил...*

Александр Рудт

Нет в мире благороднее затеи,
чем день и ночь по классике гулять,
и бунинские «Тёмные аллеи»
собою гениальным освещать.
С Мазаем зайцев мы спасали вместе,
Базарова я вылечил на спор,
с Раскольниковым выпили грамм двести,
а после молча выбросил топор.
Татьяну потрясал стиха рифмовкой,
и лишь невольный страх в душе бродил,
чтобы меня Онегин с Ленским Вовкой
не перепутал и не пристрелил...

Литературная газета. – 2012. – 8–14 авг. (№ 32/33). – С. 6.

Павел Митин

*Митин Павел Юрьевич (род. 1959),
прозаик, поэт, художник из г. Пушкин.*

Городу на Неве

Над речкой чаечка в полёте, кричит, снуёт вперёд-
назад.
Я сразу вспомнил: на болоте есть странный город
Ленинград –
Санкт-Петербург. Осклизлый невский, водой
источенный гранит,
Где доставучедостоевский особый способ жить
разлит.

Знамя. – 2010. – № 5. – С. 99.

Валерий Михайлов

*Михайлов Валерий Фёдорович (род. 1946),
поэт, прозаик, публицист из Астаны (Казахстан),
главный редактор журнала «Простор».*

Русь

Отрывок из поэмы

Мне тошно, бес! Бег времени иссяк.
Ползняя осталась, скука, дотлеваньё.
Прощенье призрачно – как и прощанье.
Вот жизнь прошла – вся наперекосяк.
Ты этого хотел? Твоя взяла!
Себя не узнаю – и не узнаю.
С пути давно судьба меня свела
И довела до самого до краю.
Как сладко в пропасти навек пропасть
И жадную собой насытить бездну,
Коль не спасёт тебя иная власть,
Прирев во тьме на душу твою бедну.
Как ангел света, падший с небеси,
Лечу во мрак падучею звездою...
– О, Боже мой! Помилуй и спаси! –
Господь с тобою... Господь с тобою...
О, Русь моя! Кровава эта мгла,
Черна, как смрад, от подзасохшей крови...
Ужель ты напрочь агнцем полегла
От непосильной для тебя любви?
Твоя ль душа обуглилась дотла,
Не повидавши неземного света?
Твоя ли жизнь навек изнемогла
От е с т я светлого до мрака н е т а?
Гляжу в твою могучую зарю:

Благословляет Ольга Святослава...
Шепчу Христу: – За всё благодарю!
Ты л е в о повернул на дело право. –
Иду на вы! – князь мерзкой тьме сказал
И меч поднял высокою десницей –
И тьму рассёк – и ад на Русь восстал
За попраным на миг своим Денницей.
Тот миг наш путь в веках определил –
От света Рая до пучины ада.
Святой Владимир Русь свою крестил,
Христа приняв как совершенство лада...
А Святослав с дружиною своей
Ушёл на небо, кровию крещённый,
И меч сложил у Райских у дверей
К ногам Петра, коленопреклонённый...
О, русский меч! О, русское копьё!
Озарены вы Божьим провиденьем.
Вы глас небес познали как своё
Предназначение пред светопреставленьем.
Тьма до свету – но Свет сиял до тьмы,
Мрак населяя братьей чистолицей,
О чём забыли блудные умы,
Восставшим ослеплённые Денницей.
И русский дух, где зрела благодать,
Воспетая в стихах Иларионом,
Сам сатана решил душком распять,
Злосмрадием своим осуществлённым.
Иудюю он русский дух растлил,
Зерно забила грязная полова,
В Алёше – Смердякова он взрастил,
Словцом поганым разрушая слово.

Литературная Россия. – 2006. – 21 апр. (№ 16). – С. 7.

Юнна Мориц

*Мориц Юнна Петровна (Пинхусовна) (род. 1937),
поэтесса, переводчица, сценарист.*

Книга

Скамейка небесная,
Погода чудесная,
Читаю роман «Идиот».
Внизу человечки
Купаются в речке,
И арию герцог поёт.

На белом я облаке
Счастлива в облике,
Что Бог человеку даёт.
С Луны я свалилась,
Творцу помолилась,
Читаю роман «Идиот».
Там – буквица, ижица
С ятями движется,
Их время ещё не крадёт,
И твёрдые знаки,
Что скрылись во мраке,
Откуда роман «Идиот».

Мне годиков десять,
И мало повесить
Того, кто ребёнку даёт,
Ребёнку-очкарику
Эту кошмарику,
Где набран, как встарь, «Идиот».

Скамейка небесная,
Погода чудесная,
Очками сверкай – и вперёд!..
Такое-сякое столетье на свете,
Такие-сякие страна, её дети,
Народ и роман «Идиот».

Литературная газета. – 2009. – 30 сент.– 6 окт. (№ 39/40). – С. 5.

Николай Моршен

*Моршен Николай (настоящее имя
Марченко Николай Николаевич) (1917–2001),
поэт из Калуги.*

Перед телевизором

В современности или в древности
Про убийство – всегда нам нравится:

Про отелловское – из ревности,
Про сальеревское – из зависти,
Про раскольниковское – уголовное,
Про степановское – молодеческое,
Про эдиповское – про сыновнее,
Про тарасовское – про отеческое.

И вообще – про все-люди-братское,
Совершаемое в духе правил,
Установленных древней сказкою:

Жил-был у Дедушки серенький Авель...

«Мы жили тогда на планете другой...»: антология поэзии рус. зарубежья, 1920–1990 (первая и вторая волна): в 4 кн. – Москва, 1997. – Кн. 4. – С 198.

Сайсэй Муру

Муру Сайсэй (настоящее имя Муру Тэрумита) (1889–1962),
японский прозаик и поэт.

Портрет Достоевского

Ты боролся с безденежьем, с нищетой.
Ты четыре года провёл в сибирском остроге.
На твоих похоронах русские студенты
Шли за гробом, неся кандалы и цепи,
пока их не остановили жандармы.

О, это лицо, простоватое с виду!
Просветлённый лик, являющий красоту духа!
Мрачную эпоху, в которую жил и творил он,
До конца постичь и биографам не под силу.
Будем же, друзья, усердно учиться
перед лицом этого великого человека!
Запасаясь терпением, будем учиться,
Невзирая на все испытания и невзгоды, –
поклонёмся в этом!
Он – бесценное достоянье десятков и сотен тысяч.
Он – земля, что питает корни сердец народных.
Поклонёмся
Жить достойно и бескорыстно!
Поклонёмся усердно учиться!
Перевод с японского А. Долина

ВКонтакте: Наташа Зорина. – Текст электронный. – URL: https://vk.com/wall334265793_1501 (дата обращения: 13.04.2021).

Александр Мызников

*Мызников Александр Викторович (род. 1976),
поэт из Калуги.*

На полях

За дверью смех, прыгучий, детский,
а в окна выглянешь – стрижи.
Скажи мне правду, Достоевский,
хотя бы что-нибудь скажи.
Как печь не греет. Лечь не смеет
на нас убогих благодать.
Душа немеет, если перед
последней бездной постоять.
Как сантименты неуместны
и как бессильны словари.
Скажи мне это, Достоевский.
А впрочем, нет, не говори.
Я – твой герой. Герой неважный.
Второстепенный персонаж.
Мне без того всё время страшно,
а здесь двенадцатый этаж.
Такой обзор, что солнце село,
такой неповторимый вид.
Неповторимый. Вот в чем дело.
Его никто не повторит.

2

...а стихи о бессоннице пишут потом,
потому что белеет в потёмках кровать,
время роется в ходиках чёрным кротом:
о таком колдовстве невозможно писать.

Невозможно спокойно царапать пером,
чтобы после всё скомкать в дрожащей горсти,
Лучше ночью куда-то брести с топором,
чем об этом писать и с ума не сойти.

Нет, уж лучше идти по шоссе одному,
заслоняясь ладонью от проблеска фар,
чем упрямо таращиться в темноту
и следить, как пиликает тонко комар.

Ты и вправду как призрак на кромке земли,
на её козырёчке, на самом краю.
Если можешь, отсюда меня заberi,
поскорее избавь. Я тебе говорю.

Наш современник. – 2001. – № 11. – С. 137.

Майк Науменко

Науменко Майк (настоящее имя Михаил Васильевич)
(1955–1991), рок-музыкант, основатель и лидер группы «Зоопарк».

Уездный город N

Отрывки

Этот город странен, этот город непрост.
Жизнь бьёт здесь ключом.
Здесь всё непривычно, здесь всё вверх ногами,
Этот город – сумасшедший дом!
Все лица знакомы, но каждый
Играет чужую роль
Для того, чтоб хоть что-то в этом понять,
Нужно знать тайный пароль.
Я приглашаю вас побродить вечером
Средь площадей, домов и стен.
Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.
Вот он – Уездный Город N

<...>

Вот Гоголь, одетый как Пушкин,
Спешит, как всегда, в казино.
Но ему не пройти через площадь –
Юлий Цезарь там снимает кино,
Он мечется среди камер,
Сжимая мегафон в руках,
А суперзвезды Пьер и Мария Кюри
Снимаются в главных ролях.
Но вот дана команда «Мотор!»
И оператор Роден
Приступает к съёмке сцены номер семь

На главной площади Города N
Папа Римский содержит игорный дом –
По вечерам здесь весь высший свет.
И каждый раз перед тем, как начать игру,
Он читает вслух Ветхий Завет.
«Мадам! Мосье! Ваши ставки!» – кричит крупье,
Одетый в чёрный фрак.
«На красное! Двадцать тысяч!» –
Отвечает Иван-дурак.
Он известный фальшивомонетчик,
Его сообщница – Софи Лорен.
Они – заправила преступного мира
Уездного Города N.
Волосатый малый торгует овец –
По этой части он спец.
Он – главный компаньон коммерческой фирмы
«Иисус Христос и Отец».
Его дела процветают
И оттого жестокий сплин
Владеет главой конкурентов
«Иван Грозный и Сын»
На бирже творится чёрт знает что,
Но за стабильностью цен
Следит Пол Маккартни – финансовый гений
Уездного Города N.
Родион Романыч стоит на углу,
Напоминая собой Нотр-Дам
Он точит топоры, он правит бритву,
Он охоч до престарелых дам.

Он с интересом наблюдает за дракой –
Это наш молодёжный герой
Опять затеял битву с дураками,
Но бьётся он сам с собой.

<...>

Вокруг происходит так много всего,
Что я не знаю: что ещё показать?
Поверьте, я мог бы говорить часами,
Но, пожалуй, пора кончать...
Пора садиться на корабль.
Кавалеры, пропустите дам!
В гостях хорошо, но дома лучше.
Итак, нам пора по домам.
Равномерней размещайтесь в каютах,
Иначе корабль даст крен.
Я надеюсь, вы остались довольны прогулкой
По уездному городу N.

PESNI.NET: тексты и слова песен: сайт. – Текст электронный. –
URL: <http://www.pesni.net/text/Zoopark-Mayk-Naumenko/Uezdnyy-gorod-N> (дата обращения: 26.02.2018).

Неизвестный автор

Эпиграмма на В. Катаева

Чёрт возможности такой не упустил –
Смердякова с Свидригайловым скрестил.
В «Новом мире» весь читающий народ
Обнаружил потрясающий приплод:
Камни подлинно алмазного венца
Оказались в грязных лапах подлеца.

Шаргунов С. Погоня за вечной весной. – Москва, 2017. – С. 594–595.

Юлия Нейман

*Нейман Юлия Моисеевна (1907–1994),
поэтесса, переводчица.*

Город друзей
Отрывок из поэмы

Курс перевода был вручён тогда Рачинскому.
Он жил почти что рядом,
И мы, щадя почтенные года,
К нему ходили заниматься на дом.
Нас было семь иль восемь человек.
Разденешься, и разом – в прошлый век!
Москвы литературной старожил,
Одно из чудом уцелевших звеньев,
Он слышал Достоевского. Он был
При том, как Фета вышутил Тургенев:
«Как фунт конфет,
как снег с вершин,
Растаял Фет, и стал Шеншин».
По-старчески мешая «с» и «ш»,
Но не по-старчески свежо и ярко,
Он, сквозь дымок, повествовал спеша
О голубях на площади Сан Марко,
Об ассамблеях времени Петра,
А там, глядишь, и по домам пора

Из тихой комнаты, где не в пример
Жилью тех лет былое уцелело,
Где на стене картина-интерьер:
Здесь, у Рачинского, Бугаев-Белый
Писал роман...
О Блоке и о нём
Старик с особым говорил огнём.
Он мог от текста отойти шутя
На сто иль двести лет... Его метода,
Признаться, всем нам нравилась.
Хотя
От примечаний чахли переводы,
Мы кое-что смогли приобрести. ...
Порой прямой – окольные пути!

Нейман Ю. Причуды памяти: стихи. – Москва, 1988. – С. 175–176.

Всеволод Некрасов

*Некрасов Всеволод Николаевич (1934–2009),
поэт, критик, литературовед.*

Город ровный
Город водный
Город
Город болотный
Колоссальный
Капитальный
Генеральный
Легендарный
Регулярный
Параллельный
Перпендикулярный
Нет
Не бесперспективный
Да
Небесперспективный
Невский
а он всё такой же
главный
самый главный
известно
главное сам такой
Весь как новый
Здравствуй
Знакомый
Здравствуй
Знатный знатный

Медный медный
Строгий
Стройный
Бродский
Бродский
Прямо
Как настоящий
Буржуазно-дворянский
Дворянско-буржуазный
Тихвинский
Мой
Московский
Угол Новослободской
Трамвайный трамвайный
Трамвайный фонарный
Фонарный квартирный
Квартирный типичный
Типичный кирпичный
Кирпичный копчёный
Изредка
золочёный
изредка золочёный
Тускловатый
Оловянный
Вроде
как бы
был деревянный
До
До
Довоенный

Да
До
досоветский
До-
осто-
Достоевский
Детский
детский детский
ну
детский
«царский»
Детский
снежный
желтоватый
Зимний
и зимний и летний
И Летний
и летний и зимний
папин и мамин
и папин
и мамин
Пушкин.

Некрасов Вс. Стихи из журнала. – Москва, 1989. – С. 8–9.

Это
Демонов что ли
Изгоняли
Бесами
Бесов
Чертями
тех дьяволами
Вот и пойми
какого это тоже она
Дьявола
Делала
Наша
Великая Русская Литература
И тут-то ей
и ура.

Некрасов Вс. Стихи из журнала. – Москва, 1989. – С. 9.

Ну
Мировая гармония
Мировая-то гармония
Слезинки не стоит
Ну а
Национальная идея
Иное дело
Ну и
Цена иная
Цена Энная.

Некрасов Вс. Стихи из журнала. – Москва, 1989. – С. 34.

Несть
ни эллин ни иудей

Несть
ни эллин ни иудей
Но есть
Идея

Нет ни эллина
Ни иудея
Есть Великий Русский
Народ Богоносец

Фёдор Михайлович
Достоевский

Владимир Ильич
Ленин

Иосиф Виссарионович
Сталин

Лазарь Моисеевич
Каганович.

Некрасов Вс. Стихи из журнала. – Москва, 1989. – С. 35.

Александр Непомнящий

*Непомнящий Александр Евгеньевич (1968–2007),
поэт, бард, рок-музыкант.*

Песня про Свидригайлова

(исполняет Раскольников)

Прощай, прощайте досчатые простыни
Гуляй-стаканчики с красным вином
И симпатично зелёные чёртики
И разговоры о чём-то святом

Прощайте глухо влюблённые девочки
Пустые улицы в даль без надежд
На перекрёстке внезапные стрелочки –
Кому домой, а нам, грешным, в объезд...

А мир какой-то замызганный, серенький
Его б покрасить – денег нет краски взять...
Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать...

И было всё – аж порой повторялося
А чего нет – не бывает вообще.
Рубашки гладили, в путь собирались
А оказалось – нас забыли в тюрьме

И умер сторож и лег выше крыши снег
А как споёшь – так и будет всегда
И, как бумага приелись в меню весь век
И Божий хлеб и наша вина.

А кто-то ангелов кажет по телеку
Но так светлы – нам уже не понять...
Аркадий Иванович едет в Америку
Желает вам, господа, не скучать

Давай устроим шикарные проводы,
Красоток пухленьких яркий канкан
Давай найдём неотложные поводы,
Сдадим бутылки и обыщем карман.

И пусть простит за невольные гадости
Кисель вранья о прекрасных мирах
Конфетки слёз, и ныне больные радости
Мёртвая девочка в белых цветах.

Руки попросит душонка в истерике,
Но ветка чёрная будет молчать.
Аркадий Иванович едет в Америку
Желает вам, господа, не скучать!

Непомнящий Александр: официальный сайт. – Текст электронный. – URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=224 (дата обращения: 22.01.2018).

Любовь Никонова

*Никонова Любовь Алексеевна (1951–2012),
поэт из Новокузнецка.*

Достоевский и Исаева в Кузнецке

1857 год

Он к ней в Кузнецк,
как в Лету канувшей,
спешит, дорогой утомлѐн.
Да, это он, вчерашний каторжник
и гений завтрашних времѐн.

Преодолевший все препятствия,
такой же друг ей, как и враг,
он добивается согласия
на этот невозможный брак.

Они обвенчаны. Обвенчаны.
Она выходит на крыльцо.
Взгляните в скорбное лицо
судьбу свою понявшей женщины:

Взор заслонила боль растущая,
вздохнуть всей грудью не даёт.
Решилось: жизнь её грядущая
к его созданьям перейдёт.

Тесна одежда подвенечная.
И губы сохнут, как полынь.
Невыносимо быть предтечею
его тревожных героинь!

Они его волнуют, мучают
и жертвы требуют большой...
Сопротивлялась странной участи
она неслабую душой.

И все ж ни волей, ни сознанием
не защитилась, не спаслась.
Венца кузнецкого сиянием
необратимо облеклась.

Кузнецк в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского / авт.-сост. Т. С. Ашеулова. – Новокузнецк, 1996. – С. 22.

Она опустились пред ним на колена, тут же на улице...
Ф. М. Достоевский

Сколько скрытый огонь ни таи,
он проявится сложно и нежно.
Я согласна на все выраженья любви,
если это уже неизбежно.

Чуть охвачены жаром уста.
В сердце плещется светлое море.
Ах, какая стоит теплота
в золотистом сияющем взоре!

Путь к признанию расчищен уже,
отступили ненужные тени.
И подсказка мелькает в душе:
«Опустись, опустись на колени...»

Сибирские огни. – 2001. – № 2. – С. 74.

Андрей Нитченко

*Нитченко Андрей Николаевич (род. 1983),
поэт, кандидат филологических наук.*

Яблоко надкушено холодом.
Ужас беженцев-туч,
будто природа за дверь,
выставлена – и ключ
на два оборота.
Кто-то под утро
крикнул из сна: «Андрей!» –
Я не закрыл окна,
и жильё продуто.

Перечитать старые письма – жизни не хватит.
И примечаньем кажется Достоевский.
Утром кормил голубей, а на закате
в лес, обогнув вокзал, шёл по железке.

Там невесомая мёртвая мышь по тропинке
лапкою чёрной корзинку несёт с облаками,
там у кузнечика маленький всадник на спинке
на стремях привстал и взмахнул руками.

Белые вспышки берёз. В безымянность впадая,
лес паутиной память творит Ариадне.
Ширится небо, созвездья припоминая,
жест проигравшего спор у веток. А рядом
есть деревянный дом,
в кроткой траве порог.

Там
люди крылатые при огне
пишут твою судьбу.

Только калитки нет,
дверь на замке.
Тело оставив, страшно войти
к ним налегке.

Ходишь вокруг, шуршишь
травами лет.
А закричишь –
в доме погасят свет.

Октябрь. – 2005. – № 12. – С. 37.

Елена Новожилова

*Новожилова Елена Владимировна (род. 1978),
поэт,
сотрудник Фонда Достоевского в Москве.*

Когда-нибудь дадут мне Нобеля,
и комитет стокгольмский иль женеvский
задаст вопрос: а кто учителя?
Отвечу гордо:
Пушкин,
Достоевский.
Сластолюбивый карла с бородой
и Нелли, возлюбившая Азора,
и Мышкин, эпилептик молодой.
...Когда б вы знали, из какого сора.

Новый мир. – 2008. – № 3. – С. 188.

Анатолий Обьедков

*Обьедков Анатолий Романович (род. 1949),
поэт из Великого Новгорода,
член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.*

Достоевский писал «Идиота»,
Здравствуй, Мышкин, любимый мой князь!
Ты смеёшься светло для кого-то,
Быть наивным совсем не боясь.

Утончённый, чуть-чуть виноватый,
Но надёжный ты в чувстве своём,
Высшей истине стал ты собратом
И раздвинул ночной окоём.

Наш современник. – 2010. – № 11. – С. 77.

Михаил Окунь

*Окунь Михаил Евсеевич (род. 1951),
прозаик, поэт, публицист, журналист.
С 2002 г. живёт в Германии.*

Баден-Баден

Лестничкой полузаброшенной
Выше, выше повело...
Всё я ждал чего-то большего,
Но оно и не пришло.

Чинно бродим по аллеечкам,
Розочки кругом цветут.
Ну и как, Иван Сергеевич,
В бронзе быть отлитым – тут?

Надо бы, хотя б для галочки,
Белое попить вино,
Или с Фёдором Михалычем
Фишки бросить на сукно.

Но, ломая всю идиллию,
Напряжённый взгляд – в упор.
Вам-то, Николай Васильевич,
Вам-то здесь какой задор?

Вот какой! – и не мерещится:
Медных геликонов рёв,
Воды кушает помещица,
В баре что-то врёт Ноздрёв.

Два классика

Иван Сергеевич Тургенев
Принимается за описание природы.
Иван Сергеевич – гений,
Его романы нужны народу.

Фёдор Михайлович Достоевский
Садится за «Бедных людей».
Слог его прямой и резкий,
Он не любит сиропных затей.

А мы их обоих любим
И на споры не тратим нервов.
Лишь сожалеем, что, будь он неладен,
Помешал им в создании новых шедевров
Игорный дом в городе Баден-Баден.

Звезда. – 2014. – № 10. – С. 81.

Генри Лайон Олди

*Олди Генри Лайон – псевдоним украинских писателей-фантастов
Дмитрия Евгеньевича Громова (род. 1963) и
Олега Семёновича Ладыженского (род. 1963).*

...только подняли мы тост,
Как упали нам на хвост
Двое местных Достоевских,
Обнаглевших в полный рост.
После первого глотка
Все взвились до потолка.
Вот зачем нужна перцовка —
Отшивать шаровика!

Олди Г. Л. Орден святого Бестселлера, или Выйти в тираж: роман. – Москва, 2002. – С. 90.

Сергей Олексяк

Олексяк Сергей Михайлович (род. 1971), актёр, телеведущий, прозаик, поэт. В 1999–2001 гг. – актёр Омского академического театра драмы. С 2001 г. – актёр театра «Эрмитаж» (г. Москва).

Юрию Ицкову, народному артисту России

Идёт омич по Невскому проспекту,
ревут в лицо Балтийские ветра!
Он верный сын большой актёрской «секты»,
однажды наводнившей град Петра!
Он к новой обстановке привыкает
Самозабвенно, но и не спеша.
И, кажется, Нева его ласкает
С причудами седого Иртыша.
Здесь всё вокруг на прежнее похоже –
Дома, мосты, деревья, облака...
И даже в каждом пятом из прохожих
Он узнаёт походку земляка!
Рождённый на окраине окраин
в один, должно быть, из счастливых дней,
сегодня он проходит – как хозяин
теперь вот новой родины своей,
с которой уживётся, может стать,
построив дом у Спаса на Крови...
И станет настоящим ленинградцем
(иль петербуржцем, – как ни назови)!
Шагает сибиряк! Сверкает Невский!
Но вот, как ни крути, как ни верти, –
всё чудится, что Фёдор Достоевский
идёт-бредёт по Красному Пути...

Омск театральный. – 2018. – № 43 (окт.). – С. 78–79.

Анатолий Ольхон

Ольхон Анатолий Сергеевич
(настоящая фамилия Пестюхин) (1903–1950),
поэт, переводчик, детский прозаик, литератор.

Достоевский

Мёртвый дом засыпает... А ты?
Ты не можешь заснуть поневоле,
Если чёрная пасть пустоты
Распахнулась в сугробистом поле.

Деревянный, угрюмый забор,
Караулы устали шагать.
И заводит ночной разговор
Нехорошая, злая пурга.

Зябко брезжат кой-где фонари,
На погосте хлопочут вороны.
Долог путь к пробужденью зари,
Тяжело под крестом и короной.

Видишь мир? Вдоль бревенчатых стен
На гнилых, переполненных нарах
Он заснул до больших перемен...
Он давно не боится удара.

Кандалы приучался таскать,
Озверело молчать под нагайкой.
И в петле задыхаясь икать,
Называя судьбу негодяйкой...

Помнишь – десять бумажных рублей,
В переплёте библейского шёлка,
Чтобы в каторге было теплей,
Принесла для тебя незнакомка?

Помнишь вечер, когда привели
Полумёртвых татар беглецов?
Как палач плотно расстелил,
Как надламывал розги с концов?

Это просто: четыреста розг,
Отдыхает палач. А в рассвет
Чей-то страшный, расплавленный мозг
Сумасшедшим ушёл в лазарет.

Карамазов, Раскольников – здесь,
Научившись терпению другому,
Понесут беспощадную весть
Всероссийскому мёртвому дому.

Это мало: «понять и простить».
Надо мир переделать сначала,
А потом и жалеть и любить,
Чтобы каждая тварь отвечала.

В арестантском кривом колпаке
Ты напрасно доверился богу,
Разуверься в своём двойнике –
Разве бог пробивает дорогу?

Нет! С кайлой, в кандалах, по утрам,
Ты пойдёшь под сибирское небо,
Повинуясь конвойным скотам,
Будешь бить неподатливый щебень.

Не мыслитель, совсем не игрок, –
Рядовым, серолицым рабом
Будешь делать житейский урок
Для жандарма в плаще голубом.

И тебе не простят никогда,
Даже в лучших словах эпитафии,
Исторической правды суда:
Чёрных пятен твоей биографии.
1930 Омск

Ольхон А. Стихи и поэмы: (избранное). – Иркутск, 1951. – С. 158–159.

Ольга Ордин-Арцева

*Ордин-Арцева Ольга, поэт, музыкант,
выпускница Московской консерватории.*

Мотивы Достоевского

Пустынно. Фонари.
Сурово Достоевский
На нас взирает в ожидании зари.
А я иду твоей дорогой, Невский,
Ты только душу мне немного отвори.

Негромко. Про себя.
Я повторяю, вторя,
Самообман свой с жалостью любя:
Ничто моих мечтаний не ускорит,
И что моим страданиям до тебя?

Одна тоска.
В глухие подворотни
Наносит ветер замки из песка.
Я не включаю почему-то поворотник,
В pedalной партии на газ давлю с носка...

Не сможет вошь
Переступить сквозь совесть.
И Свидригайлов не достанет нож.
А из статьи крамольной вырастает повесть,
И свой Раскольников в ней – на меня похож...

Очнулась. Сон.
Москвы-реки мосты
Гудят. В ушах звенит протяжный стон:
Меня тревожат ночи пустоты.
Их прерывает колокольный ранний звон...

Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2012/10/18/10254> (дата обращения: 26.02.2018).

Александр Орешник

*Орешник Александр,
современный поэт из Санкт-Петербурга.*

Погружаясь в Достоевского

Пролог

Июльскими ночами в Петербурге
люблю стоять я с сонными мостами,
бродить в притихших каменных просторах,
смотреть и слушать мирно спящий город,
дышать туманным внутренним единством.

Царь Пётр на горбах, костях народных
когда-то встарь воздвигнул эту крепость
как новый порт, твердыню против шведов.
Мечтал её морской столицей сделать,
сразить Европу русским Амстердамом.

И чудом встало в топях прибалтийских
красивейшее детище петрово.
Соборами покрылось и дворцами,
проспектами, каналами разбилось,
и Северной Венецией назвалось.

Писатели, художники, поэты
явили миру разные творенья,
описывая прелесть Петербурга.
Но и у чуда есть своя изнанка.
О ней поведал Фёдор Достоевский.

Часть 1. Преступление и наказание

Сенная площадь прямо по Садовой.
Вхожу с угла в Столярный переулок.
Встречаю взглядом дом пятиэтажный –
невзрачный, с облупившимся фасадом.
Сюда вселил писатель Родиона.

На тёмном чердаке, всегда без денег,
(да так и ныне многие тут чахнут),
Раскольников мечтал о высшем долге.
В студенчестве едва коснувшись знаний
он мнил себя непризнанным Вольтером.

Слоняясь по базару, от людишек
узнал он о процентщице-старухе,
что в подлости жила, ссужая деньги.
И стал мечтать, как всё её богатство
потратил бы на добрые поступки.

«К чему ничтожно-злой старушонке
неправедно накопленные деньги?
А ведь они бы многим дали счастье,
спасли от бед, облегчили невзгоды,
коль в руки бы достойные попали.

Зачем Господь лишь тварям нечестивым
даёт и власть, и счастье, и богатство?
А может зло приходит в мир для казни?
И избранным возможность предлагает
убить ворА, являя справедливость?»

Дрожащей тварью я живу на свете
иль всё ж своей дороги господином,
творцом судьбы, единожды мне данной?
И надо ли, стремясь к великой цели,
стеснять себя здесь рамками закона?».

Так умник рассуждал с самим собою,
когда ходил попить-поесть в пивную
на улице Подъяческой, под аркой.
Чтоб горло пересохшее умаслить
и сердце успокоить от предчувствий.

Там встреча состоялась роковая
с «забавником», чьё имя Мармеладов.
Философом, добрейшим балаболом,
но пьяницей, несчастным оборванцем.
И с дочкой его, Соней-проституткой.

«Не в бедности порок, – вещал философ,
тирады свои водкой запивая, –
но в пьянстве, в нищете неблагородной,
где облик мной потерян человеческий,
ведь дочкины чулки и те пропил я!»

Решение созрело у студента,
и он шагнул в зигзаги тёмных улиц.
За поясом – топор, в глазах – решимость.
И как судья-палач, как демон смерти
он стукнул в дверь процентщицы-старухи.

Но как же заплясали дрожью руки,
как бешено запрыгало сердечко,
когда он прямо в темечко седое
ударил топором, что было силы,
и жертва, охнув, на пол повалилась.

...Бреду я по уснувшим переулкам
и сам себя Раскольниковым вижу.
И думаю: а мог бы я, с размаху,
топор вонзить в живого человека
и жить потом кровавыми деньгами?

А сколько швали, мрази и отребья
сегодня проживает в Петербурге!
Куда там Мармеладову и Соне
до нынешних пьянчуг и проституток!
И нищей молодёжи – полный город.

Часть 2. Униженные и оскорблённые

Иду я дальше. Вот и Вознесенский.
На улице Казанской здесь когда-то
кондитерская Миллера стояла.
Тут пили пунш заносчивые немцы
и музыкой трещало фортепьяно.

Писатель Ихменёв бродил весною
и шурился на ласковое солнце,
что тихо согревало жёлто-серый,
потёртый жизнью, облик Петербурга.
Искал, где подешевле снять квартиру.

И вдруг из-за угла старик с собакой,
худые в кожу, словно два скелета,
она и он – облезлые, седые.
Старик стучал по плитам нищей тростью,
и к Миллеру вошёл, и сел у печки.

Его лицо ничто не выражало.
Писатель рассмотрел его с пристрастьем:
в глубоких ямах тусклые стекляшки
смотрели сквозь людей и только прямо.
Без чувства, без внимания, без жизни.

А тут какой-то немчик, из приезжих,
погнал его с кондитерской наружу.
Собака тут же сдохла в дряхлом стрессе,
ну а старик прошёл чуть-чуть за угол
и душу отдал Богу, под забором.

Бедняга Ихменёв вселился в номер,
где жил старик с собакою доселе.
И был сражён и скудностью великой,
и бедностью, и скромностью жилища.
Покойного когда-то звали Смитом.

Потом писатель встретился с Наташей,
подрогой детства, нежной, светлой, чистой.
Мечтал о свадьбе, счастье, о детишках.
Но тут соперник взялся ниоткуда –
богатый и наивный князь Валковский.

Наташа полюбила безоглядно.
Доверилась, послушалась, раскрылась.
Родителей оставила в позоре
и стала жить у князя содержанкой.
А муки от него считала счастьем.

Писатель горевал, был безутешен.
От слабости хотел покончить с жизнью,
но только свет-Наташа убеждала,
что он ей нужен, что он больше друга,
что любит и его не меньше князя.

Втроём они гуляли вдоль Фонтанки,
по Невскому, по Кирочной бродили.
Вот здесь, у Мариинки, обнимались,
и, кажется, вполне довольны были
и жизнью, и судьбою, и мгновеньем.

Тут к Ихменёву как-то внучка Смита,
больная и измученная Нелли,
пришла и, потеплев душой и сердцем,
осталась у писателя в каморке.
Но вдруг скоропостижно умирает.

Валковский бросил Нату ради Кати.
Наивно-простодушный ангел ада
не мог решить: кого из двух он любит.
Наташа в страшном горе уезжает.
Писатель слёг в больницу где и умер.

...

Теперь вот я бреду седой и старый.
Стучу потёртой тростью о поребрик.
Заместо шавки грусть за мной плетётся
в обнимку с одиночеством кромешным.
Где тот забор, где я, как Смит, прилягу?

Вокруг, в молчании, окна Петербурга
взирают на меня в спокойной дрёме.
Лачуги и дворцы, гнильё и роскошь
равняют век тогдашний с двадцать первым.
Сгущает связь времён вода и камень.

Часть 3. Бедные люди

Есть в Питере дыханье колдовское.
Мистическое что-то в каждом доме.
Трагическое – в омутах каналов.
Магическое – в башнях и проспектах.
Небесное – в часовнях и соборах.

Днём этого не видно – суматоха.
Замылен глаз толпы на сущность града.
Здесь царствует повсюду внешний глянец:
дворцы, кафе, музеи, рестораны.
Но питерского сердца там не слышно.

Апраксин переулок у Фонтанки...
Здесь Девушкин Макар тужил когда-то.
Советник титулярный, тихий, бедный,
крылом его и муха б перешибла.
Он книги переписывал на службе.

А в улочке, напротив, в старом доме,
снимал он дальней родственнице угол.
Была сироткой девушка Варвара,
душевной, скромной, тихой и послушной.
Ну, просто свет небесный для мужчины.

Ему уж сорок семь, а ей – семнадцать.
Над ней в селе помещик надругался.
Пришлось бежать оттуда вместе с мамой
в Санкт-Петербург и жить на подаянье.
Но маму вскоре ангелы забрали.

Спасибо вот Макару, милосердцу:
не дал пропасть, не дал ума лишиться.
Одел, обул, жилищем обеспечил.
Заботой окружил, добром окутал.
И искренне всё сделал, бескорыстно.

Они писали письма друга-дружке
(стеснялись часто видеться на людях).
А в письмах тех – любовь и уваженье,
душевное тепло и состраданье.
Два одиноких сердца бились рядом.

Макар жил в грязно-нищенской каморке.
Почти не ел, сухарики лишь с чаем.
В долги залез, остался без мундира.
В тряпье ходил на службу под насмешки.
Но всякую копейку – для Варвары.

Всегда был полон Питер мест нечистых,
гнилых квартир, загаженных парадных,
глухих углов, каморок тёмностенных.
В них много люду бедного роилось.
Рождались, пили-ели, умирали.

Запьянствовал Макар узнав случайно,
что к Вареньке, что к «ясочке» любимой,
вдруг стал ходить какой-то офицерик,
искатель безрассудных приключений.
И сделал ей дурное предложенье.

К обидчику пришёл Макар с войною.
Решил плевков в лицо всадить мерзавцу,
но с лестницы был сброшен до порога.
Сам оскорблён, унижен, уничтожен.
И выход был один – напиться в стельку.

Лишь Варя не оставила Макара:
«голубчик мой, себя вы не губите,
меня не убивайте своим видом.
Ведь вы прекрасный, умный, добрый, смелый,
вот тридцать вам копеек на поправку».

Опомнился Макар, оставил пьянство.
«Ведь он других не хуже, не подлее.
Хоть лоску нет, но всё же человек он:
и с сердцем, и с душою, и с надеждой,
и с мыслями высокими о жизни!

Да, он живёт в трущобах, на помойке,
а рядом, на Гороховой – там роскошь!
Но если труд – основа всех достоинств,
и если справедливость – добродетель,
то почему бездельники лишь сыты?».

Но к Варе вдруг посватался помещик,
тот, что её когда-то обесчестил.
И выхода не видя в беспросветье
она дала согласие, с тяжким сердцем.
А после свадьбы Девушкин скончался.

Эпилог

Атласный ветерок в лицо мне веет.
Иду я, обрывая нитки мыслей,
и застываю в сумрачных виденьях,
как путник, очарованный мгновеньем.
Подошвами ласкаю гладь брусчатки.

Великий город красочным фасадом
раскинулся в прожилках светлых улиц,
под кровлями, за стенами упрятав
шалъную человеческую массу,
как будто пищу в каменный желудок.

Прекрасен Петербург белёсой ночью.
Броню дневную тяжело он снимает
и тихо отдыхает в сонной неге.
И что-то шепчет чёрною волною.
В кого-то смотрит злато-куполами...

Николай Оцуп

*Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958),
поэт, переводчик.*

Буря мглою

Мчатся тучи... Пролетают годы,
Пролетают и свистят в ушах.
Снова то за ветром непогоды...
Буря мглою... Снова мы впотьмах.

И не домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж?.. В жалобе стихий,
Как в метели, пушкинское тонет...
Буря... Кони стали... Гоголь... Вий...

Мчатся бесы... Бесы... Верховенский...
Федька Каторжный... Топор. Петля.
Кто-то где-то про Собор вселенский,
Про Мессию... И поля, поля.

Молодость, а страшно поневоле...
Прокламации, нагайка, кнут...
За мечтами о земле и воле
Ночь... Ужасен там и краток суд...

Лучше спать тяжёлым сном медведя,
Спать и спать... Обломов, Домострой,
И цыганка, и Протасов Федя,
Добрый, ласковый... но труп живой.

Мчатся бесы, искрами мелькая,
Вьюга, кони дышат тяжело...
Но Волконская и Трубецкая –
И уже от сердца отлегло.

И такое же, как те, в кибитке,
Чудное лицо... Опять она:
Сонечка на улице в накидке...
Мармеладов... Страшная страна.

Буря мглою... Стелется и свищет,
И Хома над гробом... Страшный час.
Может быть, она и нас отыщет,
Уничтожит каждого из нас.

Панночка прелестная из гроба
Смотрит... Буря мглою... Мелом круг...
Поднимите веки мне!., и в оба
На меня и палец... ах! И вдруг

Буря мглою небо застилает:
Свет с Востока!.. Будет вам уже
Свет, когда рванёт и запыхает
Рядом – на восточном рубеже.

Буря мглою... Варвары под Римом.
Под ударом Лондон и Париж.
Расставаясь с невозстановимым,
Ты уже на Западе горишь.

Ты горишь, как мы, как наше пламя,
Потому что ты жива всегда.
Буря мглою... но за облаками –
Ты как неподвижная звезда.

Нет, не с Запада и не с Востока
Эти незакатные лучи,
Этих глаз огромных поволока,
Этот лоб над пламенем свечи.

Маленькое пламя задувая,
Буря мглою... Только над звездой
Там, за вихрем, вечная, живая –
Божья Мать и рядом ангел мой.
1940-е

Поэзия русского зарубежья. – Москва, 2001. – С. 207–208.

Анна Павловская

*Павловская Анна Славомировна (род. 1977),
поэт, прозаик, сценарист из Подмосковья.*

Будто Рогожин, в морозном утаре,
Ветер в окошко зашёл напролом,
В вазе тепло, как заначку, нашарил,
Книгу захлопнул и сел за столом.

Будто хозяин – похмельный, с работы,
Мутный, тяжёлый, в глаза не глядит,
Вытянул гневно кирзовые боты,
Хмуро прищурился, сел и сидит.

Мутный. Тяжёлый, как вскочит, как гаркнет:
«У-у, порасселись, расти их, корми...
Я вам, щенята, устройю подарки!» –
Форточкой грохнул и хлопнул дверьми.

Москва. – 2003. – № 12. – С. 99.

Борис Панкин

*Панкин Борис (Владимир Ром) (род. 1966),
поэт, системный администратор.*

Новый Раскольников

снимал квартиру на дыбенко курил дешёвый беломор меж
холодильником и стенкой хранил заржавленный топор
ходил исправно на работу по выходным изрядно пил
роптал на скверную погоду годами с книжных полок пыль
не вытирал поскольку к чтению ещё со школы охладел
приметам снам и провиденью не доверял всегда глядел
не дальше собственного носа болел конечно за зенит и в
високосный год под осень коньки отбросил не болит душа
о нём да и с чего бы душе означенной болеть когда он был
рождён для гроба не жить а так бездарно тлеть размеренно
и бесполезно не замечаемый в упор судьбою так же как
железный за холодильником топор

Rulit.me: электронная библиотека: сайт. – Текст электронный. –
URL: <http://www.rulit.me/books/novyj-raskolnikov-read-210878-13.html>
(дата обращения: 5.03.2018).

Борис Пастернак

*Пастернак Борис Леонидович (1890–1960),
поэт, писатель и переводчик.*

Девятьсот пятый год

Отрывок из поэмы

Это – народовольцы,
Перовская,
Первое марта,
Нигилисты в поддёрвках,
Застенки,
Студенты в пенсне.
Повесть наших отцов,
Точно повесть
Из века Стюартов,
Отдалённой, чем Пушкин,
И видится,
Точно во сне.

Да и ближе нельзя:
Двадцатипятилетье – в подпольи.
Клад – в земле.
На земле –
Обездушенный калейдоскоп.
Чтобы клад откопать,
Мы глаза
Напрягаем до боли.
Покорясь его воле,
Спускаемся сами в подкоп,

Тут бывал Достоевский.
Затворницы ж эти,
Не чаяв,
Что у них,
Что ни обыск,
То вывоз реликвий в музей,
Шли на казнь
И на то,
Чтоб красу их подпольщик Нечаев
Скрыл в земле,
Утаил
От времён и врагов и друзей.
Июль 1925 – февраль 1926

Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. – Москва, 1989. – Т. 1. – С. 283.

Владимир Пелевин

*Пелевин Виктор Олегович (род. 1967),
прозаик.*

Чапаев и Пустота

Отрывок из романа

...Брюсов сошел с эстрады и вернулся за свой столик. Двое людей в военной форме вынесли из-за кулис на эстраду громоздкую позолоченную лиру на подставке и табурет. Затем они принесли столик, поставили на него пузатую ликёрную бутылку и две рюмки, прикрепили к кулисам куски картона со словами «Раскольниковъ» и «Мармеладовъ» (я сразу решил, что мягкий знак на конце слова – не ошибка, а какой-то символ), а в центре повесили табличку с непонятным словом «йхвй», вписанным в синий пятиугольник. Разместив эти предметы, они исчезли. Из-за кулис вышла женщина в длинном хитоне, села за лиру и принялась неспешно перебирать струны. Так прошло несколько минут.

Затем на сцене появились четверо человек в длинных чёрных плащах. Каждый из них встал на одно колено и поднятой чёрной полой заслонил лицо от зала. Кто-то зааплодировал. На противоположных концах эстрады появились две фигуры на высоких котурнах, в длинных белых хламидах и греческих масках. Они стали медленно сходитья и остановились, немного не дойдя друг до друга. У одного из них в увитой розами петле под мышкой висел топор, и я понял, что это Раскольников. Собственно, понять можно было и без топора, потому что на кулисах напротив него висела табличка с фамилией. Актёр, остановившийся у таблички «Мармеладовъ», медленно поднял руку и нараспев заговорил:

– Я – Мармеладов.

– Сказать по секрету, мне уже некуда больше идти.

Долго ходил я по белому свету, но не увидел огней впереди.

Я заключаю по вашему взгляду, что вам не чужд угнетённый народ. Может быть, выпьем? Налить вам?

– Не надо.

Актёр с топором отвечал так же распевно, но басом; заговорив, он поднял руку и вытянул её в сторону Мармеладова, который, быстро налив себе рюмку и опрокинув её в отверстие маски, продолжил:

– Как вам угодно. За вас.

– Ну так вот, лик ваш исполнен таинственной славы, рот ваш красивый с улыбкой молчит, бледен ваш лоб и ладони кровавы.

А у меня не осталось причин,
чтоб за лица неподвижною кожей
гордою силой цвела пустота и выходило на Бога похоже. Вы понимаете? –

Думаю, да...

Меня пихнул локтем Жербунов.

– Чего скажешь? – тихо спросил он.

– Рано пока, – ответил я шёпотом. – Дальше посмотрим. Жербунов уважительно кивнул. Мармеладов на сцене говорил:

– Вот. А без этого – знаете сами. Каждое утро – как кровь на снегу. Как топором по затылку. Представить можете это, мой мальчик?

– Могу.

– В душу смотреть не имею желанья.

– Там темнота, как внутри сапога.

– Словно бы в узком холодном чулане – мёртвые женщины.

Страшно?

– Ага. Что вы хотите? В чем цель разговора?

– Прямо так сразу?

– Валяйте скорей.

– Может, сначала по рюмке ликёра?

– Вы надоедливы, как брадобрей. Я ухожу.

– Милый мальчик, не злитесь.

– Мне надоел наш слепой разговор.

Может быть, вы наконец объяснитесь?

Что вы хотите?

– Продайте топор...

Я тем временем оглядывал зал. За круглыми столиками сидело по трое-четверо человек; публика была самая разношерстная, но больше всего было, как это всегда случается в истории человечества, свиныморых спекулянтов и дорого одетых блядей. За одним столиком с Брюсовым сидел заметно потолстевший с тех пор, как я его последний раз видел, Алексей Толстой с большим бантом вместо галстука. Казалось, выросший на нем жир был выкачан из скелетоподобного Брюсова. Вместе они выглядели жутко. Я перевёл глаза и заметил за одним из столиков странного человека в перехваченной ремнями чёрной гимнастёрке, с закрученными вверх усами. Он был за столиком один, и вместо чайника перед ним стояла бутылка шампанского. Я решил, что это какой-то крупный большевистский начальник; не знаю, что показалось мне необычным в его волевом спокойном лице, но я несколько секунд не мог оторвать от него глаз. Он поймал мой взгляд, и я сразу же отвернулся к эстраде, где продолжался бессмысленный диалог:

– ...Что? Да зачем?

– Это мне для работы.

Символ одной из сторон бытия.

Вы, если надо, другой украдёте. Краденым правильной, думаю я?

– Так... А я думаю – что за намёки?

Вы ведь там были? За ширмою? Да?

– Знаете, вы, Родион, неглубоки, хоть с топором. Впрочем, юность всегда видит и суть и причину в конечном, хочет простого – смеяться, любить, нежно играет с петлёю подплечной. Сколько хотите?

– Позвольте спросить, вам для чего?

– Я твержу с первой фразы – сила, надежда, Грааль, эгрегор, вечность, сияние, лунные фазы, лезвие, юность... Отдайте топор.

– Мне непонятно. Но, впрочем, извольте.

– Вот он... Сверкает, как пламя меж скал...

Сколько вам?

– Сколько хотите. – Довольно?

– Десять... Пятнадцать... Ну вот, обокрал.

Впрочем, я чувствую, дело не в этих деньгах. Меняется что-то... Уже рушится как бы... Настигло...

И ветер холодно дует в разъятой душе.

Кто вы? Мой Бог, да вы в маске стоите!

Ваши глаза – как две жёлтых звезды!

Как это подло! Снимите!

Мармеладов выдержал долгую и страшную паузу.

– Снимите!

Мармеладов одним движением сорвал маску, и одновременно с его тела слетел привязанный к маске хитон,

обнажив одетую в кружевные панталоны и бюстгальтер женщину в серебристом парике с мышинной косичкой. – Боже... Старуха... А руки пусты...

Раскольников произнес эти слова еле слышно и рухнул на пол с высоты своих котурнов.

То, что началось дальше, заставило меня побледнеть. На сцену выскочили два скрипача и бешено заиграли какой-то цыганский мотив (опять Блок, подумал я), а женщина-Мармеладов, набросила на упавшего Раскольникова свой хитон, прыгнула ему на грудь и принялась душить его, возбужденно виляя кружевным задом.

На секунду мне показалось, что происходящее – следствие какого-то чудовищного заговора и все присутствующие глядят в мою сторону. Я затравленно огляделся, снова встретился взглядом с усатым человеком в черной гимнастерке и вдруг каким-то образом понял, что он всё знает про гибель фон Эрнена – да чего там, знает про меня гораздо более серьезные вещи.

В этот миг я был близок к тому, чтобы вскочить со стула и кинуться прочь, и только чудовищное усилие воли удержало меня на месте. Публика вяло хлопала; некоторые смеялись и показывали пальцами на сцену, но большинство было поглощено своими разговорами и водкой.

Задувив Раскольникова, женщина в парике подскочила к краю эстрады и под сумасшедшие звуки двух скрипок принялась выплясывать, задирая голые ноги к потолку и размахивая топором. Четверо в чёрном, неподвижно простоявшие все действие, подхватили накрытого хитоном Раскольникова и понесли за кулисы.

Пелевин В. Чапаев и Пустота: роман; Жёлтая стрела: повесть. – Москва, 1999. – С. 28–32.

Владимир Першин

*Першин Владимир Иванович (1941–1997),
поэт, главный редактор Магаданского книжного издательства.*

Достоевский

Всю ночь над Мойкой бесы белые,
рыча, отплясывают твист,
в окно моё скреблись и бегали
по серым стенам сверху вниз.
На лестницу врывались глухо
шаги, неожиданные, как шок.
А это убивать старуху
студент Раскольников пошёл.
И тени за окном метались,
и ветер путников сметал.
А на углу стоял Мечтатель
и счастье призрачное ждал.
Всю эту ночь был лист мой чистым.
И к горлу подступал испуг,
когда сливались в вихре мгlistом
и Ленинград и Петербург.

Вдруг на моё оцепененье
рука пророка, злого гения,
взлетев, обрушила таран —
всепроникающий талант.

Я поднял руки, словно гири,
отёр со лба холодный пот.
Конечно же, он тут, в квартире!
Он за спиной. Молчит и ждёт.

Сухой, неистовый, ранимый,
людской сокрытой сути бог
в меня вторгается незримо
и смотрит в глубь моих тревог.
Он ждёт. Мне надо повернуться.
А впрочем – бред: всю ночь не спал...
А он – ну, может, с полминуты
и в самом деле очень ждал.

Першин В. И. Вторжение: стихи. – Магадан, 1968. – С. 47–48.

Григорий Петухов

*Петухов Григорий Павлович (род. 1974),
поэт из Москвы.*

Сам я не видел, но есть, говорят, равнины
под прикрытием работают, трепетны и ранимы,
сверху всё чинно: филактерии, борода,
а под ними Хоркхаймер и Деррида.

Педерастия в духе Уайлда в армии – сплин, истома,
духоборчество развито, культ Толстого;
для профформы, бывает, дадут под дых,
на мороз в исподнем выгонят молодых.

Среди людей, жизнь свою на алтарь искусства
возложивших, – «Так говорил Заратустра» –
популярнейший труд: «падающего толкни,
а лучше распни», – повторяют друг другу они.

За наименьшем простых и понятных целей
увлечены гастарбайтеры теодицеей –
рассуждают в подсобке: выяснить нам пора б,
Бог и Власть – это один человек – прораб?

Мерзостно как-то глядеть в старшекласниц лица,
в них призыв Достоевского заголиться,
хоть возьми прям её секатором отоварь,
как она бежит, дрожит, вся трепещет, тварь.

Ах, народ мой, за партой и так учёный,
(заседанье Совбеза от мессы чёрной,
даже если вдруг коротнуло и свет погас,
отличат второкурсник любой и таксист на раз) –

то ли терн вокруг чела твоего, то ли корона,
то ли горний свет так пролит неровно,
то ли кто портрет горячей слезой кропил,
то ли рябью крупной штробит эфир,

то ли вырван глаз, то ли разум с корнем,
только сам состою в кондуите скорбном,
как бурсак Хома, ношу за подкладкой мел,
не страшась, но смущаясь твоих химер.

Октябрь. – 2013. – № 7. – С. 74.

Юлия Пивоварова

*Пивоварова Юлия Леонидовна (род. 1966),
поэтесса, журналистка из Новосибирска.*

Ночное дежурство

Тишина в вечерней школе,
Парты в крошках, в пепси-коле,
На кушеточке пурпурной
Там тепло ночной дежурной.
Голос в радио кого-то,
Кто читает «Идиота».
Попивая свой кисель
Сторожит мадемуазель...
За горами, за домами
Старый гриб скрипит пимами.
Это дедушка – скрипач.
Вот что, девушка, не плачь.
Ты б ему открыла, что ли?
Пусть войдёт, отгаёт в школе.
Говорит вахтёрша дерзко:
– Хочешь, дедушка, погреться? –
И, ответив: – Вовсе нет, –
В помещенье входит дед.
Кожа – грубая кора,
Седина белей, чем вата,
За спиной его игра,
В этом госте всё неправда,
В этом госте всё иначе,
В этом классе с ним темно,
Бровь одна другой космаче,

Зубы – золото одно...
– Ох, зачем на тихий пост
Я впустила эти зубы?!
Вдруг за ним преступный хвост,
Или грязное безумье?!
Голос волка, взгляд совы...
– Не хотите чаю Вы? –
– Неохота чаю, дочка,
Может, можно кипяточка
Два прозрачные глоточка,
Дочка? –
Он не выпил кипяток,
Вылил в комнатный цветок...
И откашлялся в кулак
И сказал визгливо так:
– Нет, не стану больше делать
Я вечерних этих школ!
Пусть следит за ними демон
Я не стану, я пошёл... –
Полночь в городе настала
Села девушка устало.
Смотрит месяц по-ненецки,
Головой качает нецке,
Раздаются смеха всплески,
Нету больше Чаушески,
Звёзды вздёрнуты на рее.
Хитрый дед у батарее,
Не прощая ни аза,
Греет крупные глаза.

Михаил Поздняков

*Поздняков Михась (Михаил) Павлович (род. 1951),
поэт, прозаик, критик переводчик из Белоруси.*

Снова взрывы гремят
Снова взрывы гремят,
Снова кровушку льют...
А ещё говорят:
«Бесы в сказках живут».

Солнце меркнет во мгле.
Дьявол головы жнёт.
Будто червь – на Земле
Просвещённый народ.

Снова в бездну летят
Разум и доброта,
А ещё говорят:
«Мир спасёт красота».

Под величьем веков
Вновь подводят черту...
Боль гудит у висков –
Что спасёт красоту?..

Молодая гвардия. – 2004. – № 3. – С. 151.

Андрей Поляков

Поляков Андрей Геннадиевич (род. 1968),
поэт, прозаик, филолог, журналист из Симферополя.

Илье Кукулину

Уже за прочерком не видно, кто из нас,
ещё которому не надо о котором,
как вдруг по скатерти копытами пегас
в гостях набросится за этим разговором.
Тогда раскольников старуха топоров
похожа Лотмана в Саранске на немного –
места помечены обмылком д и а л о г а:
саднит орудие в усах профессоров.

Объявит радио перегоревший луч.
В сортирах камерных исполнится музыка.
С размаху попою глотнём Кастальский ключ.
Чтоб горлом выпала червивая гадюка.
Горазд зашкаливать центонный громобой.
Держать просодией леса, поля и реки.
Печёнка звякает в народном человеке.
Чревата Родина акустикой такой.

До боли вкалывать машинке языка!
Сквозь треск поэтики, в числе коммуникаций
закурит 'ЛЕРМОНТОВ' цыплёнка табака,
примерит лебедя накаркавший 'ГОРАЦИЙ'.
Но понадеемся, кто это произнёс,
что речь сработает, а сколько раз – не важно.
Молчать отважимся мажорно и протяжно
до ранних прописей, до азбуки всерьёз.

Надежда Полякова

*Полякова Надежда Михайловна (1923–2007),
поэт, прозаик, переводчик из Санкт-Петербурга.*

Невский проспект

На Невском ряженые. Невский превращён
В шальную ярмарку безумства и порока.
Здесь неуместен гордый профиль Блока,
И мрачный Гоголь был бы здесь смешон.
И лишь ребёнок в рваных башмаках
И в грязном платье, пляшущий под скрипку,
Способен вызвать горькую улыбку
На бледных Достоевского губах.

Всё продают: котят, щенят, девиц,
Раскрашенных, как дамы полусвета.
И каждая в базарный шик одета
С бульварных заслюнявленных страниц.

Машин шуршанье, яркий блеск витрин
Как будто не имеют отношенья
К топтанью, переключке, мельтешенью,
К раскрытым ртам растерянных разинь.

Как волны, глухо плещется толпа.
Железный рок гремит на перекрёстках
И душу выбивает из подростков,
Крутящихся, как в кипятке крупа.

Михаил Попов

*Попов Михаил Михайлович (род. 1957),
прозаик, поэт, публицист, критик, киносценарист.*

Было ветхим и сырым то здание,
Там жилось укромно и мучительно,
Молодое хмурое создание
Этот дом любило исключительно.

Но изведено подспудным рвением,
Взяв у родичей рубли наличные
И себя считая, видно, гением,
Укатило на пути столичные.

Понаписано в Москве да и повыпито,
В прошлом дрожь о счастье и величии,
Много дури из башки повыбито,
Ничего почти что нет в наличии.

И с годами всё сильнее кажется –
К чёрту всё, и книги, и правительство.
Хочется на что-нибудь отважиться,
Изменить хотя бы место жительства.

Бросимся домой, ведь там спасение!
Но снесли то старенькое здание.
И не получилось воскресения,
И исключено переиздание.

И в глухом поселке, и в Измайлове
Жизнь пройдёт, и есть такое мнение:
Домик Мастера плюс банька Свидригайлова –
Вот в какое едем мы имение.

Москва. – 2013. – № 1. – С. 50–51.

Олег Поскрёбышев

*Поскрёбышев Олег Алексеевич (1930–2007),
поэт, очеркист, прозаик, публицист, переводчик.*

Ф. М. Д.

Под Глазовом,
В деревне Омутница,
В забытой богом вятской стороне,
Он вырезал –
Не в силах сном забыться –
Свои инициалы на стене.
Собака на дворе провыла – к стуже,
И тараканы по углам шуршат,
И шепчет про него хозяйка мужу:
– Болезный!..
Не дойдёт, знать... в чем душа... –
А в чём душа ?
Она в такой тревоге,
В таком смятенье,
В ужасе таком,
Как будто в кандалах не только ноги,
Как будто цепи –
На сердце самом.
И разве не с чего ему смутиться?
Такая открывалась даль и ширь!
Но вот – гляди:
Деревня Омутница
А главный омут впереди
Сибирь.
Бреди звенящим трактом под конвоем,
С плакучей вьюгой перемерь весь путь

И – каторжник,
Изгой среди изгоев –
В том омуте сумей не утонуть.
– Не утону! –
Он шепчет исступленно. –
Всё вынесу:
И боль, и труд, и гнусь.
Стократ униженный и оскорблённый,
Ещё вернусь я,
Слышите – вернусь! –
И в лихорадке весь,
С лицом провидца,
Всю ночь с одной мечтой наедине,
Он вырезал в деревне Омутница
Свои инициалы на стене.
Глотая слёзы,
Поборов усталость,
Он как бы делал памятку судьбе,
Чтобы потом она не отпиралась,
Кого казнила мукой
В той избе.

Поскрёбышев О. Вдали от больших городов: стихи. – Москва, 1977. – С. 47–48.

Дмитрий Пригов

Пригов Дмитрий Александрович (1940–2007),
поэт, художник, скульптор.

Вот Достоевский Пушкина признал:
Лети, мол, пташка в наш-ка окоём
А дальше я скажу что делать,
Чтоб веселей на каторгу вдвоём.

А Пушкин отвечал: Уйди, проклятый
Поэт свободен, сраму он неймёт!
Что ему ваши нудные страданья!
Его Господь где хочет – там пасёт.

Пригов Д. Слёзы геральдической души: стихи. – Москва, 1990. – С. 22.

Купающиеся

Отрывок

Кто купается или копается в себе?
В себе купаются или копаются
больные, здоровые, полубольные,
стукнутые, потерпевшие поражение,
русские и склонные к русской
литературе, Ницше, Достоевский,
школьницы, фэзэушницы, исихасты
и человек вздумавший сделать себе
операцию аппендицита
Кто в себе копается
Тот и называется
Самокопателем.

Знамя. – 2001. – № 5. – С. 71–72.

что тчк делать тчк вопросительный знак тчк
Герцен Чернышевский Белинский
Достоевский Толстой Ленин
Сталин Горький Маяковский
Пригов Орлов

Арион. – 2008. – № 4. – С. 77.

Миттал Пуджа

Пуджа Миттал (род. 1983),
поэт, студентка Университета Сиднея (Австралия).

Революция

Просыпаюсь гляжу
чувак голый бежит через улицу
с воплем
Достоевский! Достоевский!!!
Это революция.

Томаты зреют себе на ветках
с рыбьими генами в надутом брюхе,
вегетарианцы, небось, до сих пор не в курсе

и у меня полное брюхо
консервированных бабочек

вся земля заросла машинами
они цветут и ветвятся почище волшебных бобов
их пурпурный плод ночью
намечает контуры солнца

Достоевский! слышал,
в небе повесили рекламу нового фильма
мелькают киношные огни

Я всегда тебя путала с Набоковым
а ведь он, все знают,
такой придурак

вот и шлюхи в черных чулках,
переходят по канату Тихий океан
мы сидим на махоньком островке
плавучем словно пробка
вперёд, навестите нас, но только
не на тачке

ведь мы такие экологисты
а зубья металлических чресел живо тебя ухватят
и сожрут радостно
вместе с морковными очистками и
картофельной шелухой

так что, сам понимаешь, к нам –
не иначе как на своих двоих
(на своих духовных двоих).

В твою честь тротуары будут намазаны
губной помадой. И к тому же томаты –
разве они тебя не возбуждают?
Вперёд, на поиски нас!

Это
революция.

Перевод с английского Д. Кузьмина

Владимир Пшеничный

*Пшеничный Владимир Анатольевич
(род. 1976), поэт из Томска.*

чёрт Ивана Карамазова
изогнулся скользким вопросом
сколько
стоит одна слезинка
ребёнка
скоро начнётся новое время
купание коней в кровавых реках
земля и воля оставят надолго
споры
порвётся гнилая верёвка
прорвётся всё горе
и голод
полягут в землю
правые
левые
все
как дети
голые
а на вопрос не ответят
развесит на ветках
людей
русский ветер
и строчки газет молчаливо заметят
под взглядом вождей
не вставая с колен
на западном фронте без перемен

Александр Радашкевич

*Радашкевич Александр Павлович (род. 1950),
поэт, эссеист, переводчик, живёт в Париже.*

Риторический триптих

I.

И мы дорвались до убожества,
до ража потребительства,
до чавкающей пошлости,
и нами правят, хамски усмехаясь,
довольные собою пешки,
а то и вовсе весь Божий свет
презревшие америкашки, которыми,
допустим, не из света, но кто-то
правит равнодушно, кто поумнее,
кто подревнее, кто утешается
до спазм стандартным искушением
стада селекционных человеко-
животных; и деткам дряхлым
крутят ролики про роботов,
сработанные роботом для роботов,
а там, у главной пурпурной кнопки,
один за пультом, ждёт папа-робот
вяло и глумливо, когда докрутят
один и тот же избитый грязный
допотопный мультик. Хлев изобилья,
смрад достатка и зрак недремлющий
мигающих экранов: в тени
дебелого тельца дорвались мы
до сытости, до самости, до скотства,
до чёрного глобального штрих-кода

на стынущих шаблонных душах.
Развожлобление – оно обещано
последней кукле, но сразу после уничтоженья.

II.

Жируют циники на родине, рахиты
съёженной души, жующие слюняво
резину слов нерусских, лауреаты
расхожей пошлости, невежи, хамы,
долларопоклонники, интернет-
лупанария одиночки и пользователи,
номера в электронном концлагере,
романтики презерватива, чья антимуза
зататуированная из-под иглы всё
жилится срыгнуть объедки Слова,
но расплзается по всем экранам
извечный вирус: мене, тэкел, фарес.

III.

«Есенин слишком задушевен, Чайковский –
тьфу! – сентиментален, ваш Пушкин – гадко
романтичен, а Достоевский – мерзко
православный, Толстой – до отвращения
народен. И ваша рабская Россия ещё воображает,
что чего-то стоит».

И кто-то уж развесил уши
и опускается до споров. Ну, если вам не жаль
и бисера святого, мечите, слушайте, внимайте
ветхозаветному сивому рылу и уступайте то
сокровенно-неразменное, за что нас любят
умно презирать и обожают страстно ненавидеть.

Павел Радимов

*Радимов Павел Александрович (1887–1967),
поэт и художник,
первый председатель Ассоциации художников
революционной России.*

В усадьбе Достоевского

Опять бегут бугры, а с ними перелески,
А вот и старый парк, где Фёдор Достоевский
Жил по летам не раз. Как тень в лесу темна!

Широкоствольных лип, коряжистых дубов
Стоит высокая зелёная стена.
На узенькой тропе не слышен звук шагов

Творца, выдавшего в Сибири мёртвый дом.
Он ждал, поднимется народ российский к свету.
Смотри, горит восток за золотым бугром,
И жаворонок песнь мне, сельскому поэту,

Поёт, дрожит; исчез в просторе голубом.
Идут в работе дни, конец приходит лету.
Комбайн срезает рожь... Как хорошо кругом!
Я родине отдам любовь и песню эту.

Радимов П. А. Край родной: стихи и рис. о Подмосковье. – Москва, 1958. – С. 35.

Татьяна Реброва

*Реброва Татьяна Анатольевна (род. 1947),
поэт из Москвы.*

Дитё

Злы только дураки и дети.

А. С. Пушкин

Через детей душа лечится.

Ф. М. Достоевский

Поберегись,
отважный гений мой!
Красавицы и умницы с тобой
Беседуют, и снятся им Амуры, –
Стрела и лук –
Дитё шалит с судьбой.
Оно на облаках любой культуры.

Литературная газета. – 2008. – 23–28 янв. (№ 2). – С. 7.

Николай Редькин

*Редькин Николай Евгеньевич (род. 1981),
поэт и прозаик из Майкопа.*

о, бедное проверочное слово!
ты молчаливо и всегда готово,
твой скромный вид
насквозь литературен,
в потёртом сюртучишке
некто Вырин
стоишь, молчишь, мечтаешь ли о сладком,
что ты уже какой-нибудь Лебядкин,
что тоже
вкривь и вкось литературно
но всё же!

Арион. – 2011. – № 2. – С. 43.

Валентин Резник

*Резник Валентин Борисович (1938–2019),
слесарь-инструментальщик, поэт, прозаик,
Член Союза писателей Москвы.*

Игорю Волгину

Ничем особенно не связанный,
Ни душу не щадя, ни глаз,
Читаю «Братьев Карамазовых», –
Не помню уж, в который раз.
Ах, эти братья непутёвые!
И что мне, собственно, до них.
Их увлечения рисковые,
Их игры в мёртвых и живых.
Мне бы давно в упор не видеть
Их мир, где страсти правят бал.
Но что мне делать с этим Митей,
Что жизнь мою перепахал?

Литературная газета. – 2013. – 17–23 июля (№ 29). – С. 15.

Владимир Рецеттер

*Рецеттер Владимир Эммануилович (род. 1935),
актёр, режиссёр, писатель, пушкинист.*

Легенда или человек
мой Смоктуновский?.. Или гений,
прославивший советский век
чредой актёрских превращений?..

Тогда в кого?.. В других людей?..
Или в легенды поневоле?..
Князь Мышкин, Моцарт и злодей
Сальери... Сказки, бредни, роли...

Широкий шаг, широкий взмах
руки:
– Володя, догоняйте!..
По Знаменской, как на рысях,
спешим... Успеем ли?..
– Прощайте!..

«Прощать» – наверное, совет
прощать и временам и людям...
Не рано ли оставил свет?..
Не поздно ли рядим да судим?..

За ним чумой гналась война,
судьба, судьбина и житуха,
он зачерпнул всего сполна –
безвестности, бесславья, слуха...

Что нас сводило всякий раз?..
Принц Гамлет, Моцарт и Сальери,
Князь Мышкин...
Сбивчив мой рассказ
о нём, а стало быть, о вере

в себя, в искусство, в торжество
любви и счастья, а не блуда...
В рождение как в Рождество...
И всё-таки в игру как в чудо!..

Звезда. – 2015. – № 5. – С. 58.

Борис Рицков

*Рицков Борис Викторович (1946–2014),
журналист, литератор, поэт, публицист.*

Достоевский

Отрывок из поэмы

Каторга

...И здесь ты остаёшься на посту
Среди людей без роду и без племени.
Живи и бди.
Тебе достанет времени
Вглядеться в тех, кто перешёл черту.

Злодейство ли у каждого в крови
У них – убийц, разбойников,
раскольников?
Или рукой, исполненной любви,
Топор заносит Родион Раскольников?

Тебе держать ответ.
Вопрос – ребром.
Бессильна здесь обыденная этика.
Злодейство на злодейство есть добро?
Не слишком ли простая арифметика?

Но грянет ли гроза из слёз сирот?
Из душных склепов погребённых заживо?
Из ада тех, кто и сейчас живёт
Пожизненной и душ и тел продажею?

Скажите им:
– С улыбкой умирай!
Ты покупаешь мукой и лишениями
Для будущих племён цветущий рай!
Не правда ли – святое утешение?

Вот зёрна бунта.
Их ли ждёт земля,
Твоя земля, изгаженная поганью?
Какой посев взметнётся на полях?
Куда несётся птица-тройка Гоголя?
1980

Рицков Б. Предрассветье: стихотворения и поэмы. – Ярославль, 1990. – С. 76–77.

Андрей Родионов

*Родионов Андрей Викторович (род. 1971),
поэт из Москвы, организатор литературного
процесса в столице и других городах.*

Андалузские волки, пьяные вепри –
В делях дубовых, далеко-далеко...
Вся Дубровский в кожаной кепке,
В кожаной куртке – Маша «Марго».
Сиреневый сумрак купеческой дачи,
Пустые качели, лопнувший мячик...
Смотри, Достоевский, как я умираю.
В такую рулетку теперь я играю...

Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://stihi.ru/diary/writerautov/2020-06-18>. (дата обращения: 10.03.2018).

Девочки пели в масках в церковном хоре
Богородица выгони путина вон
у Надежды Голоконниковой плакал ребёнок
а Достоевский не велел, чтобы плакал он
и храм был страшен как панк-молебен
и их тогда отвели в тюрьму
красиво одетых нежных царевен
под масками слёз не видать никому
все плакали тихо, но вой был жуток
и лишь далеко в кирпичном кремле
причастный к тайнам, плакал путин
на что Фёдор Михалыч как раз положительно смотрел.

Новая карта русской литературы: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2012-1-2/rodionov/> (дата обращения: 16.12.2015).

Борис Романов

*Романов Борис Николаевич (род. 1947),
поэт, переводчик, эссеист, литературовед.*

Монументы

Визгом жалобным и воем...

А. С. Пушкин

Это в голове твоей советской
на скамье заёрзал Достоевский,
к ленинскому имени спиной...

Бесы пляшут пальцами по деке
вдоль Манежа, у библиотеки,
над зубастой красною стеной.

Что ж, где Достоевский – там и бесы.
Ну а рядом с Пушкиным повесы
тянут пиво с пеной бочковой...

На Тверской ли музыка другая?
Нет, она всё та же, мировая,
в мутном небе визг её и вой.

Дружба народов. – 2008. – № 12. – С. 92.

Инна Ростовцева

*Ростовцева Инна Ивановна (род. 1938),
критик, литературовед, поэт, переводчик.*

Достоевский

*Только душу ломит, и слышно там,
в глубине, моя дрожит, трепещет, шевелится.
Ф. Достоевский «Бедные люди», т. 1, стр. 94.*

Ещё шевелится душа,
Как червь подземный,
Ещё трепещет, задышав,
Как лист наземный.
Ещё дрожит темно слеза
При виде близкого страданья –
И открываются глаза –
На бездну рядом состраданья,
И душу ломит – и ломит
Её состав подвижно-тонкий,
Не оттого, что ты – забыт, –
Что сердце, ослабевши, – тонет.
14 января 2002 г.

Литературная Россия. – 2007. – 12 янв. (№ 1). – С. 7.

Виктор Рубанович

*Рубанович Виктор Евгеньевич (1933–2007),
писатель-народист.*

* * *

Это было, было, было...
(Александр Кушнер)

Отрывок

Это было, было, было...
В мрак, разлитый, как чернила,
Я влетаю и кружу,
Вижу пасмурную воду,
Зелень, тёмную исподу...
А Невы не нахожу.

Чьи проделки? Чьи уловки?
Нету Екатерингофки
И Фонтанки! Хвать-похвать,
Где найдут пропавший Невский
Пушкин, Гоголь, Достоевский
Или Рейн? А, не слышать!

Вопросы литературы. – 1999. – № 3. – С. 359.

Николай Рубцов

*Рубцов Николай Михайлович (1936–1971),
лирический поэт из Вологды.*

В гостях

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И жёлтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В трущобный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...
Не может быть, чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И жёлтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырёх сторон!
Я продолжаю верить в этот бред.
Когда в своё притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведёт меня поэт...
Куда меня, беднягу, занесло!
Таких картин вы сроду не видали.
Такие сны над вами не витали,
И да минует вас такое зло!
...Поэт, как волк, напьётся натошак.
И неподвижно, словно на портрете,
Всё тяжелей сидит на табурете,
И всё молчит, не двигаясь никак.
А перед ним, кому-то подражая
И суетясь, как все, по городам,

Сидит и курит женщина чужая...
– Ах, почему вы курите, мадам! –
Он говорит, что всё уходит прочь,
И всякий путь оплакивает ветер,
Что странный бред, похожий на медведя,
Его опять преследовал всю ночь,
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем,
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живей.
И думал я: «Какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна всё реже гаснущая лира,
И странный шум ей слышится в ответ?..»
Но все они опутаны всерьёз
Какой-то общей нервной системой:
Случайный крик, раздавшись над богемой,
Доводит всех до крика и до слёз!
И всё торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тётки,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...
Когда толпа потянется за гробом,
Ведь кто-то скажет: «Он сгорел... в труде».

Рубцов Н. Русский огонёк: стихи, переводы, воспоминания, проза, письма. – Вологда, 1994. – С. 66–67.

Александр Рудт

*Рудт Александр (род. 1952),
поэт из г. Краснотурьинска Свердловской области.*

Я с Митей Карамазовым напился,
Поздрёву морду наглуую набил,
в Каренину влюблённым притворился,
у Лариных в усадьбе погостил –
и – нет в России счастья без щербинки,
надрыва, драк, раскаянья, тоски...
и целого искрятся половинки,
и сын кусает матери соски...
бедою осенённая Россия!
что я тебе? Мне эта боль зачем?
зачем в разлив вошли леса босые?..
и этот вздох: «кому печаль повем?»
и почему, как прежде – обездолен?
и не крещусь, хотя со всех сторон
с поспешно возведённых колоколен
плывёт, живёт перерождённый звон?..
а что сболтнул про человека Сатин?..
был Данко.., кто-то лёг на пулемёт..
опять, Россия, чувствую нехстати,
как в венах моих кровь твоя течёт..

Литературная газета. – 2012. – 20 июня (№ 25). – С. 6.

Константин Рупасов

*Рупасов Константин Викторович (род. 1968),
программист, поэт из Москвы.*

Помяни Достоевского – тут же появятся бесы.
Только ты всё равно поминай.
То ли тень на столе, то ли старый торшер поменяй,
в дальний угол забейся
и читай допоздна. Телевизор без звука включи.
Слышишь – там за окном леонардо декабрио воет
в чём-то белом до пят, и под небом тяжёлым,
как войлок,
прибирает к рукам наши души овечьи, ничьи.
И усни, и уснёшь, и как собственным словом реком,
вот он – Фёдор Михалыч стоит, самокруточку вертит,
и смеётся, и юн, и не думай, кем быть после смерти,
говорит, становись, как и я, земляк, – моряком.
2005

Знамя. – 2006. – № 8. – С. 121.

Юрий Ряшенцев

*Ряшенцев Юрий Евгеньевич (род. 1931),
поэт, прозаик, сценарист, автор стихов к песням
для театра и кино, мастер мюзикла, переводчик.*

«Мрак вечера питал желание» –
вот фраза сентименталиста.
Так о любви писали ранее –
суди: беспомощно иль чисто?
Где грешный схлѣст Эраста с Лизою?
Где стон неведенья благого?
Поэт работает с кулисою,
не напрягает плоть глагола.

Потом перо времѣн Набокова,
на страх иной семье и школе,
не оставляя Богу богово,
захочет беспощадной воли
и таинства общеизвестные
изобразит свежо и резко –
пусть спорят знатоки окрестные:
божественно иль богомерзко...

Но есть в расхваленной, охаянной,
Чужой для россиян «Лолите»
Страничка жизни неприкаянной –
Огонь Божий в чѣртовом копыте.
Дитя, утеха плоти отчима,
Его и жертва и проклятье,
Недетской жизнью измолочено,
Стоит в засаленном халате,

Стоит дитя, дитём беременно,
И мастер – англосакс дотоле –
Вдруг обнаруживает – временно! –
Всю полноту российской боли.
Не ждал, бродя с душой смятенною
В лукавых чувственных абзацах,
Тут глаз на глаз с извечной темою
Певцов родимых оказаться?

Да, состраданье карамзинское,
Отечественных перьев сила,
Сквозь вдохновенье сатанинское
На краткий миг заголосило
И в шок повергло сноба, циника –
Всех этих книжных клерикалов,
Как голосом Алёши-инока
Заговоривший Свидригайлов.

Новый мир. – 1988. – № 1. – С. 132–133.

Возвращение в Питер

Сыну

По этим улицам идти – сойдёшь с ума.
Легко ль надгробьям притворяться, что – дома?
Легко ли безднам притворяться, что – мосты,
и раскрывать себя с приходом темноты?..

Закат малиновый, на нём – вороний крап.
Легко ль синтетике хранить нас, будто – драп?
У всех эпох свои материи, сынок.
Но ветер – прежний и опять сбивает с ног.

На этой улице – матёрые дворы.
Там о старушках тускло грезят топоры.
И чаще подло, но чарующе порой
от круглых арок тянет копотью сырой.

Какая дальняя от нашей слободы
Чересполосица брусчатки и воды...
Какая родина!.. Какой бездомный свет...
Какой не слышащий вопросов, но – ответ!

Твой крест полегче. Но не сбросишь и его.
Я для тебя, мой сын, прошу лишь одного:
От той беды тебя Господь убереги,
Чтобы отец твой и учитель твой – враги.

Мы перед нищей этой сказкой островной
Виновны кровною и страшною виной.
Ты будешь также притворяться москвичом,
Но твёрдо знать, что кровь – была и ты – при чём.

С-т К.

С-т К., представитель русской эмигрантской среды Латвии, печатался в 1920-е гг. в рижской газете «Сегодня» (Латвия).

Памяти Ф. М. Достоевского

Он сам страдал – и понимал страданье,
Не тела лишь – души мученья,
Он всё искал им в жизни оправданья –
И не нашел, и вывел заключенье,
Что ведь страдать и жить одно и то же
И что писатель тот, кто сам страдает,
Кому людская боль всего дороже,
Кто над писаньем слёзы проливает...

Бедняк, больной в ужасном положеньи
Его участием ласковым согреты;
Он поднял тех, кто был в уничиженьи;
Нарисовал мучителей портреты ...
Там страсти низкие – там высшие порывы;
Безудерж и телесный и духовный ...
А как герои все его болтливы! ..
А слог его какой неровный!

Зато вопросы он какие ставит
Устами Карамазова Ивана!
Не я ль «хочу» одно всем миром правит? –
Мы вспоминаем фразу из романа ...
Ещё за Карамазовым мы спросим:
«Не всё ли нам позволено, не всё ли?» –
И поскорей в вопрос поправку вносим,
Что далеко не «всё» доступно нашей воле ...

Смирись в своей гордыне, человече,
И о себе не думай уж так много!
Оставь безбожно-дерзостные речи
Тебе ведь всё же не дойти до Бога! ..
Смотри: вот «богоносец» люд российский –
Как кроток он в своём долготерпеньи!
И ко Христу народ он самый близкий,
Он, как Христос, велик в своем смиреньи...

У русских эта ширь, размах всегдашний,
За всех людей какое-то боленье;
И не один у них покой домашний,
А к мировому счастью есть стремленье ...
А единенье это братское народов –
Что выше есть такого идеала?
Любви, добра нам нужно – не доходов:
Нам жизни смысл дороже капитала ...

Вот Достоевский весь в своих созданных:
Он в недра духа к нам проник глубоко;
Он безграничен в умственных дерзаннях,
И роль сыграл великого пророка ...
И верил он, что наш вселенский гений
Сказать всем слово новое сумеет,
Что русский человек, в итоге достижений,
Когда-нибудь всем миром овладеет ...
1931

Достоевский: исслед. и материалы. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 18. – С. 378–379.

Татьяна Сабанова

*Сабанова Татьяна Александровна (род. 1977),
библиотекарь и детский поэт
из с. Черниговка Приморского края.*

Россия. XIX век

Век XIX в России!
Мы у историков спросили,
Чем он известен, знаменит,
И что он в памяти хранит.
Историк дал нам свой совет:
«Читайте книги – там ответ!».

Век XIX в России!
Там платья в кружевах носили,
Гусары в танце тут и там
Сердца пленяли милых дам.

Там с турками в войне жестокой
Теряла Родина сынов.
Хитёр вояка одноокий! –
Москву поджёт он для врагов.

К чему нужна Москва французам,
Где нет ни хлеба, ни тепла.
Умён был Михаил Кутузов,
Москву сжигая всю до гла.

Век XIX в России!
Нелёгка ноша у мессии!
Поэзии век золотой
Шёл рука об руку с тобой.

Там Пушкин, полон вдохновенья,
Слагает миру сочиненья.
Там Достоевский пишет нищих,
Там Герцен виноватых ищет.

Там плачут бурлаки на Волге,
Там путь к свободе трудный, долгий.
Там декабристов в ссылки шлют,
Их жёны им вослед идут.

Там в Петропавловке немало
Томилось узников. Бывало,
Что кто-нибудь за той стеной
Навеки обретал покой.
По Божьей воле иль людской – знать лишь
истории одной.

Жизнь всё расставит по местам,
Рассудит правых и неправых,
Забудет всё по мелочам,
Запомнит самых, самых, ...

Библиотека. – 2010. – № 9. – С. 74.

Ангелина Сабитова

Сабитова Ангелина (род. 1993),

поэт,

студентка Челябинского государственного университета
и Литературного института им. Горького.

Чувствуешь? Эта зима собирает в нас пыль.
Воздух кашляет, злится и не даёт дышать.
Все бездомные кошки покинули монастырь
и смотали к востоку – наверное, умирать.
Ну а я что? Осталась в коротком наедине.
Ты уснул, за тобой вслед выключилась Земля.
Птицы злятся и перья оставят зиме,
похоронят в сугробах до прошлого сентября.
Я не знаю, на чём стою и за что держусь.
Ветки с сосен летят и падают маслом вниз.
Карта мира с изнанки являет собою туз
при игре в дурака. Мухи ломятся за карниз.
Ночь поёт, а музыка – окаёмка нот.
Nota bene! Ты тоже моя кайма.
Одесную – зачитанный «Идиот»,
ошуюю – замыленная зима.
Кистепёрое дерево гнётся, глотая пыль,
все бездомные жмутся друг к другу спиной
за спиной километров и прочих миль.
Я не знаю, ну как засыпать второй?

Литературная газета. – 2013. – 26 июня – 2 июля (№ 25/26). – С. 6.

Сергей Савельев

*Савельев Сергей Викторович (1956–2016)
поэт и художник из Подмосковья.*

Всемирная литература

Цикл

Преступление и наказание

Мужик с топором
Думает – сильно умный.
(Путинский земляк...)

Новая Сибирь. – 2004. – 30 июля (№ 31). – С. 12.

Идиот

Настя, брось терзать!
Вот он, садовый нож!
Идиотка – ты!

Новая Сибирь. – 2004. – 30 июля (№ 31). – С. 12.

Владимир Салимон

*Салимон Владимир Иванович (род. 1952),
поэт и прозаик.*

Дождь стучит по крыше день-деньской,
будто бы он ходит взад-вперёд.
Не Раскольников, так кто другой,
у печи в углу топор возьмёт.

И придёт к процентщице своей,
чтобы душу у неё забрать.
Плащ до пят, а шляпа до бровей,
так что нам лица не увидеть.

Но зачем нам знать в лицо его,
сколько лет ему и сколько зим,
что он не боится никого,
словно Высшей власти нет над ним.

Октябрь. – 2013. – № 3. – С. 58.

Жук-носорог с жуком-оленом
сцепились на тропинке узкой,
как Достоевский и Тургенев
впотьмах под лампочкою тусклой.

Пока промеж собою спорят
два классика литературы,
заметил я, что глаз не сводят
с жуков пасущиеся куры.

Октябрь. – 2013. – № 3. – С. 59.

Дмитрий Сарабьянов

*Сарабьянов Дмитрий Владимирович (1923–2013),
искусствовед.*

Как много в гении страданья
При постиженьи мирозданья.

<...>

Одежда старого покроя
Не может скрыть больное место.
Доныне было неизвестно,
Что умер он от геморроя.

<...>

Вся ситуация не та:
Мир не спасает красота.

Новая газета. – 2007. – 11–14 окт. (№ 78). – С. 21.

Сергей Сатин

*Сатин Сергей (настоящее имя
Сергей Львович Орлов) (1963–2019),
поэт, член Клуба юмористов.*

Ф. Достоевский «Преступление и наказание»

Шёл Раскольников с мокрухи,
Весь трясясь из-за старухи.
Ну, чего, геронтофил,
Много бабок нарубил?!

Литературная газета. – 2003. – 15–21 окт. (№ 42). – С. 16.

Михаил Светлов

Светлов Михаил Аркадьевич
(настоящая фамилия – Шейнкман) (1903–1964),
поэт, драматург и журналист.

Живые герои

Чубатый Тарас
Никого не щадил...
Я слышу
Полуночным часом,
Сквозь двери:
– Андрий! Я тебя породил!.. –
Доносится голос Тараса.

Прекрасная панна
Тиха и бледна,
Распущены косы густые,
И падает наземь,
Как в бурю сосна,
Пробитое тело Андрия...

Полтавская полночь
Над миром встаёт...
Он бродит по саду свирепо,
Он против России
Неверный поход
Задумал – изменник Мазепа.

В тесной темнице
Сидит Кочубей
И мыслит всю ночь о побеге,

И в час его казни
С постели своей
Поднялся Евгений Онегин:

– Печорин! Мне страшно!
Всюду темно!
Мне кажется, старый мой друг,
Пока Достоевский сидит в казино,
Раскольников глушит старух!..

Звёзды уходят,
За тёмным окном
Поднялся рассвет из тумана...
Толчком паровоза,
Крутым колесом
Убита Каренина Анна...

Товарищи классики!
Бросьте чудить!
Что это вы, в самом деле,
Героев своих
Порешили убить
На рельсах,
В петле,
На дуэли?..

Я сам собираюсь
Роман написать –
Большущий!
И с первой страницы

Героев начну
Ремеслу обучать
И сам помаленьку учиться.

И если, не в силах
Отбросить невроз,
Герой заскучает порою, –
Я сам лучше кинусь
Под паровоз,

Чем брошу на рельсы героя
И если в гробу
Мне придется лежать, –
Я знаю:
Печальной толпою
На кладбище гроб мой
Пойдут провожать
Спасённые мною герои.

Прохожий застынет
И спросит тепло:
– Кто это умер, приятель? –
Герои ответят:
– Умер Светлов!
Он был настоящий писатель!

Светлов М. А. Собрание сочинений: в 3 т. – Москва, 1974. – Т. 1. – С. 205–207.

Ярослав Сейферт

*Сейферт Ярослав (1901–1986),
чешский поэт, прозаик, журналист,
лауреат Нобелевской премии по литературе.*

Гора старых книг,
О, какую мудрость каждая из них таит!
В них отчаяние Достоевского,
В них холодеет страсть Пушкина.
<...>

Вестник МГУ. Сер. филология. – 2004. – № 5. – С. 208.

Михаил Синельников

*Синельников Михаил Исаакович (род. 1946),
поэт, переводчик, литературовед,
историк русской литературы*

Старинные кладбища

Крошится мрамор александров-невский,
Всё кончено, и не прочесть плиты,
Всегда в цветах – лишь чёрный Достоевский,
И вечностью повеяли цветы.

Да и в Москве державинским глаголом
Лом дребезжит, раскалывая сон,
Спит серафим на саркофаге голом,
А крест как будто в небо унесён.

Забвения оцепенелый хаос,
Чуть слышный шорох сыплющейся мглы...
На кладбище Немцеком – доктор Гааз,
Ещё в цветах – смешные кандалы!

Синельников М. Холодный ключ: стихи. – Москва, 1986. – С. 36.

Деревня Глухово

«Через великое горнило сомнений моя осанна прошла»

Ф. М. Достоевский

В деревне Глухово, где снеговые ели
Привстали на сажень так лет за тридцать пять,
В сорок втором году дитя на штык недели.
Состарились леса, старухой стала мать.

Торчат углы платка. Сцепились пальцы зябко.
Зубов почти что нет, да надо есть и пить.
Мы в горницу вошли, и в погреб лезет бабка,
И в воздухе дрожит невидимая нить.

В тот погреб, где она скрывала партизана,
Чтоб сала для меня достать на три рубля.
И в мёрзлых небесах твоя стоит осанна,
Морозные стволы неслышно шевеля.

Синельников М. Сон шелкопряда: избр. стихотворения, 1968–1989. – Москва, 1990. – С. 61.

Углич

Углич, Углич, улочки убогие
И соборы в сказочных уборах:
В золотых туниках, тонконогие,
Тусклые угодники в соборах!
Всё прошло, и спрашивать им не с кого,
Но поймёшь, взглядевшись вновь и снова:
Как же схож с портретом Достоевского
Образ Иоанна Богослова!
Вечный гул, переполняя здания,
Дышит возмущеньем и наветом;
Воздуха, совсем не воздаяния,
Просит мальчик с ножичком вздетым.

Знамя. – 2002. – № 12. – С. 76.

Константин Скворцов

Скворцов Константин Васильевич (род. 1939),
прозаик и поэт.

Дар божий

Драма любви Ф. М. Достоевского

Отрывок из пьесы в стихах

Д о с т о е в с к и й
...Крест. Господь! Ты посылаешь нам его.
Теперь мы будем вместе...
О, прости:
...Забывать!
И ничего не слышать...
Облака
Плывут себе, и никакого дела
Нет до того им, что вершится здесь,
Здесь, на земле... Но всё не так. Не так!..
Без воли неба облако вон то
Не скроет солнца ...
Ежели оно,
Как парус, доплывёт до этой ветки...
...На что надеюсь я?
Есть миг, он мой...
Когда оно дойдёт до этой ветки,
Меня не будет...
Каждому свой путь
От дерева до дерева...
Пройти,

Пройти его незрячим и в конце
Увидеть вдруг за пять минут до смерти,
Что небо – это небо!..
Захотеть
Прижаться к туче, словно к существу
Живому, и пролиться на поля
Дождинкой, жизнь дарящей...
Осознать
В мелькнувшей в небе птице – знак Креста
На теле вечности...
И воздух пить...
Нет! Есть его, как хлеб, не торопясь,
Не зная, что отнимут...
Сытым быть,
Не насыщаясь никогда...
Так вот,
Вот то, что значит – жизнь!
Г о л о с
Покайтесь.
Д о с т о е в с к и й
Я возгордился так, что позабыл,
Кто – Ты, кто – я!..
Я, возмечтавший словом
Коснуться истины, но не прошедший
И двух шагов младенческих к тебе,
Который Сына посылал сюда –
Мир изменить глаголом...
Кто же нам
На плечи взваливает этот груз,
Что не под силу смертным?

Почему
Мы поддаёмся вечному соблазну
Провозглашать пророками себя,
Мы, кто ничто в сравнении с Тобою?
За это воздаётся нам теперь
Мучительным, но истинным познанием,
Что мир возможно изменить лишь словом,
Рождённым на Кресте...
Ты нас прозрел,
Но поздно...
Г о л о с
На кра-ул!
Д о с т о е в с к и й
О, если б жить! И всё начать сначала, с
колыбели...
...Прости меня, на доброту твою
Я не успел тебе ответить, мама.
И если можно что-то т а м исправить,
Прими меня, ведь я к тебе иду...
Не страшен путь...
Я жив ещё...Я жив!..
Но, милый брат, когда б ты знал, как жутко
Тебя оставить в мире одного
В тени извечной моего позора...
Крепись и помни обо мне...

Скворцов Константин Васильевич: официальный сайт. – Текст электронный. – URL: <http://skvortsov.ru/writing/dar-bozhij/> (дата обращения: 12.03.2018).

Елена Скульская

*Скульская Елена Григорьевна (род. 1950),
писательница, поэтесса, драматург, публицист
из Эстонии.*

.....
Ф. М. Достоевский

Грянет лицо
и покатится, охая,
по мостовой –
наступаешь и думаешь –
это лицо.

В этом городе лица,
побитые молю.
Ах, милые, милые, выжили.
Гладишь любимого –
пыль на руках остаётся.

В этом городе жить,
пережить, переждать,
перестать...

Как искусственный клапан,
прижившийся в сердце,
в перекрёстках и улицах этих,
в этих домах притаиться.

Вы стучитесь в открытые двери,
входите, садитесь и ждите –
в керамических вазах
одышка цветов...

В этом городе
каждому до смерти
вечная жизнь
надоела.

Ах, милые, милые.
Вплоть до смертного часа
здесь каждому вечная жизнь!

Зажились, заждались.
Только б лицам ещё нафталина,
и моль не страшна.
Только б пыль на руках обтереть
и любимого гладить.

И не сглазить дороги,
закрывшие намертво Путь.

Только грянет лицо
и покатится, охая, наземь.

В этом городе жить,
пережить, переждать
перестать...

Скульская Е. Неизвестному художнику: вторая кн. стихов. – Таллин, 1980. – С. 12–13.

Сергей Слепухин

*Слепухин Сергей Викторович (род. 1961),
врач, издатель, главный редактор,
поэт из Екатеринбурга.*

был бы рогожин хоть чуточку мышкин
был бы и мышкин немного рогожин
только у книжки больные нервишки
только от книжки мурашки по коже

я этой шторой зелёной раздвоен
две головы и четыре предплечья
я этой ночью неправильно скроен
но от тебя не скрываю увечья

так неизбежную близость почуя
тело съедает покорное тело
так фотокарточку нежно целуя
мнётся душа и лепечет несмело

князь что головушкой светлой непрочен
ополоумевший плотью рогожин
ждановской жидкости запахи ночи
два идиота и ты с нами тоже

Звезда. – 2004. – № 12. – С. 73–74.

Борис Слуцкий

*Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986),
поэт, переводчик.*

Памятник Достоевскому

Как искусство ни упирается,
Жизнь, что кровь, выступает из пор,
Революция не собирается
С Достоевским рвать договор.
Революция не решается,
Хоть отчаянно нарушается
Достоевским тот договор.

Революция
это зеркало,
Что её искривляло, коверкало,
Не желает отнюдь разбить.
Не решает точно и веско,
Как же ей поступить с Достоевским,
Как же ей с Достоевским быть.

Из последних, из сбережённых
На какой-нибудь чёрный момент –
Чемпионов всех нерешённых,
Но проклятых
вопросов срочных,
Из гранитов особо прочных
Воздвигается монумент.

Мы ведь нивы его колосья.
Мы ведь речи его слога.
Голоса его многоголосья
И зимы его мы – пурга.

А желает или не хочет,
Проклянёт ли, благословит –
Капля времени камень точит.
Так что пусть монумент стоит.

Слуцкий Б. А. Собрание сочинений: в 3 т. – Москва, 1991. – Т. 1. – С. 281.

Господи, Фёдор Михалыч,
я ошибался, грешил.
Грешен я самую малость,
но повиниться решил.

Господи, Лев Николаич,
нищ и бессовестен я.
Мне только радости –
славить блеск твоего бытия.

Боже, Владимир Владимыч,
я отвратительней всех.
Словом скажу твоим:
«Вымучь!» Вынь из меня этот грех!

Трудно мне с вами
и не о чем. Строгие вы господа.
Вот с Александром Сергеичем
проще и грех не беда.

Слуцкий Б. А. Собрание сочинений: в 3 т. – Москва, 1991. – Т. 1. – С. 463.

Анатолий Соколов

*Соколов Анатолий Евгеньевич (1946–2010)
кандидат философских наук,
преподаватель ряда вузов г. Новосибирска, поэт.*

Ничего нет достоверней вымысла в царстве пожирателей
молвы,
Мода вон из дома мусор вынесла – пифии в фаворе и
волхвы.
Даже птицы в небе дышат жабрами, потому что воздух –
страшный яд,
И кусты схватить руками жадными каждого поэта норовят.

Запах денег вместе с дымом ладана пропитал калейдоскоп
недель,
И душа, как Соня Мармеладова, каждый день выходит на
панель.
Крепостного муз с глазами кролика, душу заложившего за
стих,
Манят экзотической символикой уроженцы свалок
городских.

Ночью снега карточные домики разбивает ветер в пух и
прах,
Разбросав окружности и ромбики на давно не кошенных
полях.
Разоблачены любовь и истина, ставшие предметами
продаж,
Взвились бесы высохшими листьями, устремляясь прямо
на шабаш.

Ах, как они быстро размножаются, покрывают дол за
пядью пядь.

Им простые люди не решаются в одиночку
противостоять...

Бог, пошли нам ангелов-хранителей, а иначе соскresti
никак

Невозможно с душ у обывателей мирового тленья горький
шлак.

Ведь души небесные сокровища, как песок, не держатся в
горсти.

И за миллиарды Абрамовича не удастся их приобрести.

В человеке без самосожжения вянет Богом вскормленный
глагол,

И тогда предел воображения – самолёты, яхты и футбол.

Чтя зимы неписанные правила – сладко спи, закутавшись в
тулуп:

Жизнь не зря страдать тебя заставила от огня, воды и
медных труб,

И, хотя любовь с престола свергнута, и ты стал ничем не
знаменит,

Женских губ кольцо со вкусом вермута тянет к себе пуще,
чем магнит...

Но, процесс закончив исторический и предвосхищая

Страшный суд,

Из стакана пить портвейн «Таврический» в сквер тебя
товарищи зовут.

Калерия Соколова

*Соколова Карелия (род. 1992),
поэт из Санкт-Петербурга.*

Нож с тобой – и мой срок подытожен.
Два десятка едва
Отстучали – явился Рогожин.
Но зачем, я не зва...

Нет, звала. Оттого обомлела:
Что за взор, что за статья!
Захотела надменное тело
Расклевать, растерзать.

И подумала: кто из нас Авель? –
Под глиссандо и трель.
И смычком, словно скальпелем, Кнайфель
Резал виолончель.

И с тех пор, хоть и гордо, и статно,
Но летим под уклон,
В преисподню. Уже непонятно –
Кто Н. Ф., кто Парфён.

Нож с тобой. Думал, я без кинжала?
Мы друг друга съедим,
Мы – одно. Идиотов немало,
Но Рогожин один.

Потому и сдаюсь, замирая,
Предвкушая захват.
Мышкин милый, не нужно мне рая.
Соглашаюсь на ад.

Александр Солженицын

*Солженицын Александр Исаевич (1918–2008),
писатель, драматург, публицист, поэт,
общественный и политический деятель.*

Дороженька

Отрывок из поэмы

В свете солнца больно глянуть:
Поле снежное искряно,
Ни слединки колеса.
В пухе снега, в блёстках лдяных
Безмятежные леса.
Там у нас, по русской шири,
Фронт стоял – и нет лесов,
Осталась сплошная вырубь
От военных топоров –
Блиндажи перекрывали
Наших сосенок стволы...
Жалко, здесь не воевали:
Ишь, стоят, горды, белы,
Русской нет на них пилы!
Синим льдом мелькнут озёра,
Белизной увиты реки,
В сёлах – дуб комодов, шторы,
Пианино и камины,
Радио, библиотеки.
Словно путь – проспектом Невским,
В каждом доме – Достоевский,
Полный, розный, а в одном
Даже рукопись о нём.

Нам навстречу понемногу
Оживляются дороги:
Итальянцы, дай Бог ноги
Из союзной им земли,
Так же голы, как пришли,
О добытке не тревожась,
На морозе жимко ёжась,
Каблучишками стучат,
Скалят зубы и кричат,
Машут русским в честь победы.
Р- разбегайся по домам,
Рим, Неаполь и Милан!
1947-1952

SouLibre: православная антология: сайт. – Текст электронный. – URL: [https://soulibre.ru/Дороженька_\(Александр_Солженицын\)](https://soulibre.ru/Дороженька_(Александр_Солженицын)) (дата обращения: 13.05.2021).

Валентин Сорокин

Сорокин Валентин Васильевич (род. 1936),
поэт и публицист.

Казнь

Я видел Достоевского во сне,
Я так чётко всё это видел во сне...

И подошёл с повязкою палач.
– Закрой глаза от мира!
Вешать будем! –
И Достоевский поклонился людям.
Толпа качнулась, и раздался плач.

И содрогнулся узник глубоко.
Смерч гибели его окутал, красный.
Вот голос детства,
Громкий и напрасный,
Вот мать – рукою машет далеко.

Дрожит вокруг и рушится земля.
Взвилась во тьме небесная дорога, –
Она пуста, на ней не видно бога.
Есть виселица рядом и петля.

Скорей, скорей, проклятие, и вой,
И рёв, и гул над площадью ужасный:
– Помиловать! –
И скрежет сабли властный,
Как молния, сверкнул над головой.

– Прочь! – молвил Достоевский палачу –
Я лучше бы теперь лежал в могиле,
Кто отменил, зачем же не казнили,
Я жить устал, я умереть хочу!

Сатрапы всех империй и времён,
Трусливые, бездушные уроды,
За вас горят в дурном чаду народы,
Стоят на страже варварских знамён.

На миг увидел свет перед тюрьмой
Полумертвец – справлялась где-то тризна,
И отрекалась от него Отчизна,
Шепча:
– Родной ты мой, родной ты мой!..

Сорокин В. В. Хочу быть ветром: стихи. – Москва, 1989. – С. 64.

Ольга Средина

*Средина Ольга Станиславовна, поэт.
воспитатель и руководитель изостудии «Радуга»
в детском саду «Медвежонок»
г. Юрюзань Челябинской области.*

Кто автор нашего романа:
Джек Лондон, Достоевский, Грин?
А может, Лев Толстой и Маркес,
А также Бунин и Куприн?
Что за капризные сюжеты?
У каждой встречи – свой анфас,
Прощаний профили меняя
С непостоянством каждый раз.
Ты мне загадываешь роли,
Я изменяюсь, как могу,
Перелицовываю кожу
И маскируюсь на бегу.
Пойми же, милый, всё напрасно,
Нам нужен собственный язык.
Конечно, это страшновато:
Ты подражать уже привык.
Но к эпилогу всё подходит –
Ты не решился до сих пор?
Я превращусь в Агату Кристи
И допишу свой приговор!

Станислав Сроковский

*Сроковский Станислав (род. 1936),
польский поэт, прозаик, драматург.*

Момент

склонившись над стаканом водки
жду во втором часу ночи
Достоевского
звонил что придёт
пишущая машинка молчит
три бутылки алкоголя
выстроились наготове
за окном
рабочие выходят с фабрик
уж поздно
Достоевский не приходит
их тяжкий топот ног
полнит пространство
как если бы солнечную систему
переносили на своих плечах
идя во тьму
остановился поезд на вокзале
и разрывает тишину
канализационные трубы тихонько поют
свою нескончаемую мелодию
я начинаю с нежностью думать о жизни
телефон не подает знака
из мрака
возникают
князь Мышкин и Ставрогин
а также две крысы

превращающиеся в моих друзей
бледная улыбка мира
робко бродит по стенам
по дверям ползёт
большая чёрная муха
задерживается на момент
и тяжело взлетает в воздух
шаги рабочих удаляются
с помятыми щеками
обросший
напротив
молча садится Достоевский
смотрит в небо
а в голове мухи вижу
его огромные горящие глаза
я извиваюсь от боли
и спазматически смеюсь
разрывая ногтями
лоскуты кожи
живота
а земля убегает у меня из-под ног
чёрная борода Достоевского
превращается в горящий куст
и воздух пылает
я осыпаюсь
горкой пепла
светясь ещё со дна
сжигаемой мыслью.

Астафьева Н. Польские поэты XX века: антология / Н. Астафьева, В. Британишский. – Санкт-Петербург, 2000. – Т. 2. – С. 326–327.

Евгений Степанов

*Степанов Евгений Викторович (род. 1964),
поэт, прозаик, литературовед, журналист,
издатель, телеведущий, общественный деятель.*

Идиот

Червивые мыслишки
Разделав под орех,
Лев Николаич Мышкин
Любил, наверно, всех.

Как любит раб кубышки,
Как любит баб – морпех,
Лев Николаич Мышкин
Любил, наверно, всех.

Любил неосторожно
И нежно, как простак.
А как же это можно?
А можно только так.

Литературная газета. – 2008. – 25–28 окт. (№ 43). – С. 7.

Сергей Стратановский

*Стратановский Сергей Георгиевич (род. 1944),
поэт, критик из Санкт-Петербурга.*

Князь Мышкин

Лучше угли безумия,
Чем выбор одной из двоих
Женщин равно любимых
Между той, воспалённой, мятущейся
И впервые влюблённой,
ещё молодой, но заносчивой.
Грозный выбор, развилка пути
А вчера ещё было:
сад чарующий
сад – до конца не дойти
И не важно гуляючи:
Легкой тростью играючи.
1999

Звезда. – 2003. – № 9. – С. 222. – В ст.: Рогинский Б. Нечто об еже. – С. 219–228.

Стихи, написанные в Италии

«Да, я стал коммунистом», –
сказал итальянец небедный
Виллу на взморье имеющий,
угощающий лучшим из вин
Виноградников Кьянти
«Да, я стал коммунистом»,
потому что в богатстве счастливом
Стыдно жить на земле,

и нечистая совесть велит
Об униженных думать,
сочувствовать оскорблённым
Ну, как ваш Достоевский...».

Звезда. – 2001. – № 6. – С. 3–4.

Возражение Достоевскому

Чудо, тайна, авторитет – три кита,
Три слона веры массовой,
Повсеместной,
и зря сочинитель известный
Русской земли
утверждал, что католики только
Изначально стояли
на них, как на спинах китовых
Или слоновых,
и не искали для веры
Оснований новых.

Но не только лишь в Риме,
Большекупольном, грузном,
с клешнями каменными,
Но и в Москве белостенной
Золотили кумира,
мимо Христа жили,
Чуда ждали, обманщикам верили.
До поры, до времени, разумеется.

Новый мир. – 2014. – № 6. – С. 3–4.

Светлана Супрунова

*Супрунова Светлана Вячеславовна (род. 1960),
поэт, журналист,
медицинский работник.*

*Во мне и Чацкий, и Онегин,
Все Карамазовы, Левша,
Обломов, Чичиков, Телегин...
Как общежитие – душа.*

Николай Зиновьев

Сквозят века, и в древних ветрах
Душа истончена, как тень,
Ведь на её квадратных метрах
Толкутся все кому не лень.

Порою чей-то возглас горек,
И вынырнет из толчеи
Не д'Артаньян, не бедный Йорик –
В душе толкутся все свои.

Вон Смердяков в компашке этой,
И Швондер, ярый управдом,
И Штирлиц, вечно с сигаретой.
Душа пропахла табаком.

Ещё князя (о сколько чести!) –
И Рюрик тут, и Трубецкой,
И Данко в этом чудном месте,
И Берлиоз, но с головой.

Души забиты кулуары.
Хаджи-Мурат, Карач-Мурза...
Тараса Бульбы шаровары
Опять бросаются в глаза.

Вон Киса в непотребном виде,
Орёт Микула: «Гой еси!».
Пусть в тесноте, да не в обиде,
Как говорится на Руси.

Душа-то без конца и краю,
И други все, считай, семья.
Бывает, всех пересчитаю
И спохвачусь: а где же я?

Стихи.ру: сайт. - Текст: электронный. - URL: <https://stihi.ru/2017/10/15/8331> (дата обращения: 29.03.2018).

Валерий Сурненко

Сурненко Валерий Анатольевич (род. 1971),
поэт из Луганска.

Русский пейзаж располагает к строгости формы
И глубине содержания, так как не отвлекает.
Вся жизнь моя далека от какой-то там нормы,
Но что же такое норма, пожалуй, никто не знает.

Не знает Сорокин, чьи книги мне не по вкусу,
Но не знает и Достоевский со своим «Идиотом».
Теперь я верю лишь распятому Иисусу,
Чуть-чуть похожему на самолет с вертикальным
взлётом.

Знамя. – 2005. – № 12. – С. 224.

Мы – отчаянный народ,
Птицы – наши боги.
Не закончить бы полёт
На большой дороге.

Только ветер нас и ждёт,
Ветер нервный, невский...
Приюти своих сирот,
Батя Достоевский!

Литературная газета. – 2015. – 22–28 апр. (№ 16). – С. 6.

От русской литературы
Не ждут зарисовок с натуры,
А ждут откровений иных.
Реальность – она многомерна,
Лишь в этом контексте, наверно,
И мог бы сгодиться мой стих.

Пока мы тут все мельтешили,
Толкались, рыдали, грешили,
Над нашим дурным шапито
Проплыл, будто парусник невский
Ловец наших душ Достоевский
В своём неизменном пальто.

А что это всё означало
Спросить бы у Марка Шагала,
Пока он ещё не забыл.
Ноябрь. Неплохая погода.
За окнами то время года,
Которое Пушкин любил.

Писать бы, да на сердце смута.
Во дворике литинститута
Далёких друзей двойники,
И дворник сметает сердито
Не жёлтые листья, а чьи-то
Забывшие черновики.

Мария Теплякова

*Теплякова Мария Сергеевна (род. 1982), поэт,
певчая и звонарь в храме Успения Божьей Матери
на Княжьем дворе (г. Суздаль).*

*Шёл трамвай четвёртый номер,
На площадке кто-то помер,
Не доехал до конца.*

Ламца-дрица-ум-ца-ца...

Из блокадного фольклора

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
А вокруг горят пожары,
Истребители летят.
Мальчик с бабушкой бежит,
Мальчик очень хочет жить,
Он ещё не понимает,
Кто такой пархатый жид.
В репродуктор говорят:
«Славный город Ленинград!
Ленин, партия и Сталин
Нам сдаваться не велят!»
Сомневается рука,
Печка просит огонька...
Пушкин, Гёте, Достоевский
Улетают в облака!
Ветер дует в дымоход.
На ступеньках чёрный лед.

Кто присел, пиши пропало –
Не проснётся, не дойдёт.
Вас давно на свете нет,
Вы рассеялись, как свет...
А сегодня столько хлеба!
Приходите на обед.

Сибирские огни. – 2018. – № 2. – С. 41.

Анатолий Тепляшин

*Тепляшин Анатолий Алексеевич (род. 1951),
поэт и публицист
из г. Новотроицка Оренбургской области.*

Достоевский

Какие ночи длинные в России
в час горестный потери и тоски...
О многом мы друг друга не спросили
и многое друг другу не простили,
и вот – уходит жизнь из-под руки.

Темнеют очи, холодеет тело,
душа в последнем мечется огне,
она ещё любить не расхотела,
она летела, но не отлетела,
и зыбко ГДЕ-ТО улыбалась мне...

Но вот рванулись крылья в поднебесье –
в глазах уже не ночь, а чернота
погасших солнц, убитых нами песен,
огромный мир стал, как могила, тесен,
и в грозной клятве замерли уста.

Настанет час – она сойдёт на землю
бродячей скифкой, вечною вдовой,
омоет душу приворотным зельем
и даст на память стебелёчек зелени,
полынной называемый травой.

Она пройдёт с тобой по всем дорогам,
по скудным дням и по лихим ночам,
по всем притонам, кабакам, острогам,
угрюмой, нежной, страстной, недотрогой,
в последний час — завещанною нам.

Но мы её в себе не воскресили.
А чем ещё на свете дорожить?
Ей в скорби стыть, ей лебедью кружить...
Какие ночи долгие в России:
не хватит жизни, чтобы пережить.

Поэзия, 1986. – Москва, 1986. – Вып. 44. – С. 156–157.

Тимофей Тимкин

Тимкин Тимофей (род. 1994), поэт.

студент Новосибирского государственного университета.

Преступление и

Но вот беда случилась: старуха увернулась
И, обернувшись, встретила Раскольниковов взгляд.
Раскольниковов весь обмер, попятился, сутулясь,
Старуха оказалась быстрее во сто крат.

Старуха завладела орудием убийства,
И в полумраке пыльном мелькнул на миг топор.
Всё разрешилось быстро, наверно, слишком быстро:
Старуха размахнулась – и страшный суд был скор.

Она звонила Васе – внучатому племяшке –
Он был серьёзный парень и выручал не раз.
У Васи были чётки и груз на сердце тяжкий.
У Васи был мобильник и брюки «Адидас».

В пяти пакетах крупных на новенькой «девятке»
Раскольниковов был вывезен в лес на исходе дня.
Орудую лопатой, сказал Василий мягко:
«Ты, парень, тварь дрожащая, а право – у меня».

Раскольниковов закопан там, где мочили Ницше.
Не мучила ни совесть, ни тысяча идей.
«Девятка» укатила, в лесу вдруг стало тише.
Алёна и Василий – сверхлюди наших дней.

Николай Титов

*Титов Николай Ильич (1906–1960), поэт,
журналист, переводчик; жил в Новосибирске и Казахстане.*

В неудержимом рвении...

Он диссертаций не писал
(К наукам нет призвания).
Но скоростник-универсал
Распространяет «знания».

Набрал путёвок, сколько мог,
Конспекты взял сумбурные,
И мчится, словно мотылёк
На лекции халтурные.

И он болтает обо всём
В неудержимом рвении:
О Марсе, будто был на нём,
О свиньях, их кормлении.

Затем, передохнув часок,
Попив чайку со станции,
Он лихо делает бросок
К событиям во Франции.

Под вечер, сбросив шубу с плеч,
В колхозном клубе веско он
Заводит путанную речь
О стиле Достоевского.

Так, ничего не зная сам,
Далёкий от признания,
Сей скоростник-универсал
Распространяет «знания».

Титов Н. Избранное. – Алма-Ата, 1956. – С. 160.

Владимир Торопыгин

*Торопыгин Владимир Васильевич (1928–1980), поэт,
прозаик, журналист из Ленинграда.*

Домик Достоевского

Крыльцо резное
вымыто до блеска.
Крутая крыша –
снег от солнца ал...
Сюда
сибирский ссыльный
Достоевский
не раз
весною ранней приезжал...
А домик-то:
открой лишь только дверцу
даль Алатау
сквозь туман видна!..
И всё-таки
не выбросить из сердца:
одна Россия!..
Там и здесь –
одна!
Она одна –
в заборах,
переулках
и бесконечных трактах
сквозь тайгу,
с Гороховой, Сенною в Петербурге,
в Кузнецке с этим домиком в снегу...

День поэзии, 1971: альманах. – Ленинград, 1971. – С. 340–341.

Наталья Фонвизина

Отрывок из поэмы

На Омском тракте

Метёт метель
за синим перелеском:
на миг утихнет –
и метёт опять...
Смеркается...
А тройки с Достоевским
со стороны Тобольска
не видать!
Её возок
успел в сугроб зарыться –
пусть так:
чтоб кучер в поле не продрог,
верней –
чтоб он с излишним любопытством
за ней и ссыльным
наблюдать не мог!..
Но – вот он –
в снежном вихре –
колокольчик!..
На козлах двое –
кучер и жандарм
Наталья Дмитриевна –
руки в муфте –
молча
дорогу преградила
лошадям.

Жандарм предупреждён
– Но – только быстро!.. –
На Достоевском
кандалы гремят...
Снег на губах:
– Вы не из декабристок?..
– Из декабристок...
В Омске служит брат –
он вам поможет
в ваших днях грядущих –
письмо возьмите!.. –
И уже под стук
копыт:
– Вам кланяется Пущин...
– Друг Пушкина?!..
– Его лицейский друг...
1979

Торопыгин В. В. Берега: новые стихи и поэмы. – Ленинград, 1980. –
С. 60–61.

Виктор Третьяков

*Третьяков Виктор Васильевич (1888–1965),
поэт, журналист, переводчик из Риги (Латвия);
один из представителей постгумилёвского направления
в поэзии русской эмиграции.*

Пророческий лик
(памяти Достоевского)

Суров и тёмн лик иконный
И Русь острожная за ним,
Где душегубец бьёт поклоны
И мерит тропы пилигрим.

А с ним ему родные лики
В окошки смотрятся веков:
И скита праведник великий,
И Грозный Царь, и Годунов.

Он кроет тенью величавой,
Страдальной тенью нашу ширь,
И непреклонно взносит главы
В ней византийский монастырь.

А в окна узкие темницы
Простор сияет голубой,
В берёзках плещутся синицы
И бор хохочет над рекой.

Тысячелетняя Россия,
Как заводь вешняя, тиха,
Там копит силы земляные
И ждёт покорно Жениха.

Достоевский: исследования и материалы. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 18. – С. 376–377.

Екатерина Тупицына

*Тупицына Екатерина Алексеевна (род. 1995),
поэт из Новосибирска.*

Я как брошенный пёс среди осколков разрушенных зданий;
я забытый герой тех бульварных и пошлых рассказов;
я как фотоальбом, полный скверных воспоминаний,
возлежащий на полке рядом с «Brothers The Karamazovs».

Я никто и нигде, возникающий в приступе гнева;
я лишь трепетный морок, тревожащий чью-то судьбу;
я кора, покрывавшая старое дряхлое дерево,
но меня же сорвали – и я без проблемы уйду.

До свиданья, герой тех историй, что места в печати
не найдут никогда, хоть искать можно будет везде;
до свидания, друг: в сердце месту не быть для печали,
но оставь ты меня – и начни тосковать по себе.

В этом чёртовом мире, где всё отродясь быстротечно:
даже жизнь, даже смерть – две оборки на платьях богов,
до свиданья, мон шер, я надеюсь, что всё же навечно
встретишь ты свой последний и мрачный лихой приговор.

И не надо тужить, что глаза больше свет не увидят,
и не надо страдать, будто больше и ты не жилец –
до свидания, друг, пусть тебя лишь палач ненавидит,
два удара за жизнь. Но ведь смерть – это тоже венец.

Не простив никого, даже собственной хиленькой тени,
укрываясь от всех и спасаясь от стана врагов,
я останусь с тобой отраженьем каких-то сомнений,
я останусь с тобой полустрочками чьих-то стихов.

Сибирские огни. – 2012. – № 5. – С. 100–101.

Амарсана Улзытуев

*Улзытуев Амарсана Дондокович (род. 1963),
поэт из Улан-Удэ.*

Ретирантес (Retirantes)

Ах, эта песня рабов из бразильского сериала «Рабыня
Изаура»,
Ази-зун-гарун-гэ знаменитое, с суржика португальского:
«Высокий сладкий тростник
Ой, высокий сладкий тростник
Гля, какой высокий
Высокий и сладкий
Ой, сладкий!»
А мелодию, оказывается, сочинил Доривал Каимми,
Автор генералов песчаных карьеров моей хулиганской
юности...
И дело вовсе не в том, что по капле выдавливать из себя
раба,
Или выдавливать из широт и долгот себя – рабов и господ
страну,
А просто – о, Достоевскиймо – от ударов хлыста умирая,
Оставаться свободным, унга-зирунга напевая...

Новый мир. – 2015. – № 5. – С. 81.

Владимир Уфлянд

*Уфлянд Владимир Иосифович (1937–2007),
поэт, прозаик, художник,
переводчик из Санкт-Петербурга.*

Народ

Отрывок из поэмы

Ехал Фёдор Достоевский
По дороге столбовой.
А потом свернул на Невский.
Вдруг навстречу Лев Толстой.

– А куда спешишь ты, Федя,
Мимо ресторан-Медведя,
Быстро едя, быстро едя,
Горяча коня кнутом?

– Я спешу в игорный дом.
– Ну а я конец недели
Провести хочу в борделе.
1980-е

Новое литературное обозрение. – 2007. – № 4 (86). – С. 338–339. – В ст.:
Лосев Л. Живое тепло. – С. 332–340.

Елена Ушакова

*Ушакова Елена (настоящее имя
Елена Всеволодовна Невзглядова) (род. 1939),
критик, литературовед, эссеист, поэт из Санкт-Петербурга.*

Не умею водить машину,
Английским совсем не владею,
Не знаю историю, про Екатерину
Толком рассказать не сумею,
Плохо плаваю, не готовлю,
Кирхен не для меня и кюхен,
Киндеру взрослому прекословлю,
Он в ответ огрызается глухо.
Не люблю философию, сутулюсь,
К людям требовательна не в меру,
Готова мгновенно под пулю
Ставить жизнь и любовь, к барьеру.
И хотя любопытна, но ленива,
Даже в Ясной Поляне не бывала,
Низшим чином довольствуюсь на диво,
Не мечтаю достать до генерала.
Верю на слово незнакомым людям,
Но не верю Достоевскому, придира;
Сколько вымысла нелепого! – не судим!
Исключенье – его ирония, сатира.
Как же быть, что же делать, Удача?
А – как прежде, шепчет, как прежде:
Не жалея и, конечно, не плача,
Доверять своей судьбе и надежде.

Два стихотворения в свободном размере

1

Неужели кто-то на самом деле
верит в эти фальшивые сцены,
ненатуральные разговоры,
непрошенные исповеди,
подстроенные встречи?

Ну, приехал из-за границы молодой князь,
ведёт себя как порядочный, интеллигентный человек...
Почему все принимают его то за святого, то за юродивого,
называют идиотом?
Вываливают подробности интимной жизни,
втягивают в сомнительные истории?
Почему его-то влечёт к этим людям, людишкам?

Это во-первых.

А кроме того – назойливый один и тот же приём:
поцелует и тут же плюнет; плюнет, а потом поцелует,
и так – всё! –
в припадке гордости, в истерике безобразной и жалкой.
А эти понятия о «чистоте»!
Женщина живёт на содержании у покровителя,
но его к себе не подпускает. Это честно?

И если прибавить к этому
стилевое неряшество, торопливую неразборчивость:
«...не выскакивая слишком эксцентрично из мерки» (ч. 1, гл. 4),
«...он был как в лихорадке, хотя и ловко скрывал себя»
(там же)...

И непростительное невнимание
к растительному миру,
вообще к обстановке –
одни разговоры и рассуждения!
Не догадывается даже
усадить героя,
вошедшего, как всегда, внезапно...

Читатели, вы – как дети. Детское, в сущности, восприятие.
Слова-концепты не соотносятся с жизненным опытом.
Странное, знаете ли, простодушие – поистине, хуже
воровства!
«Язык порождает в уме, – говорит учёный, –
огромное количество дифференцированных моделей
(особенно в детстве),
однако глубокое понимание этих моделей
наступает лишь после их адаптации
к личному жизненному опыту».

Но вот что замечено:
тот, кого легко обмануть в искусстве,
в быту проявляет недюжинную смекалку,
знает свою выгоду,
не упустит,

а тот, кого не проведёт даже Фёдор Михайлович,
наделён рискованным бескорыстием,
беззащитен,
и обмануть его нетрудно –
он сам обманываться рад!

2

Визит в Америке

Он выглядел молодым человеком,
а она – стареющая,
толстая, маленькая,
сильно покрашенная,
глупо хохочущая собственным словам,
в мятом, до пят, коричневом платье.

Нас было четверо за длинным столом
в огромной столовой.
Ножи и вилки обменивались тихими блестящими
репликами с фарфоровыми тарелками.
Он помалкивал
и с прилизанными волосами на косо́й пробор
походил на Молчалина.

Я подумала: деньги?
Но оказалось, что она на пенсии,
а он – преуспевающий физик
и занят в престижной фирме.
Когда мы уходили, в прихожей
она стала совать мне в руки
старый мохеровый шарф и клеёнчатую потёртую сумку.
Но не успела я открыть рот – только подняла брови,
как он подскочил, шепча:
«Возьмите, возьмите!» –
и выражение лица было такое
как будто жизнь зависела от того,
приму ли я эти непрошенные дары...

Мы вышли на светлую ещё улицу,
чудное облако неподвижно висело.
Вдруг показалось... кто-то смотрит неизвестно откуда:
впалые щеки, борода
и глубоко посаженные
маленькие,
печальные
два уголька в темноте...
Достоевский!

Новый мир. - 2003. - № 11. - С. 28-29.

Елена Фанайлова

*Фанайлова Елена Николаевна (род. 1962),
поэтесса, переводчик, журналистка.*

Проект «Б. Акунин»

... Из глубины анабиоза
Как бледно-розовая зоя
Как будто спящая царевна
И голубая бездна
Всплывает нежным водолазом
И бронзою и бирюзою
Невидимый обычным глазом
Утративший линейный разум
Отравленный болотным газом
Царевич Дмитрий Карамазов
И альтер эго Каракозов.
Всё тот же сброд, всё та же пьеса,
И старый дож, и молодая догаресса,
Беллетризованная пресса.
Как странно, если ты привязан
К двум-трём случайным
русским фразам.
Так козочку её хозяин
Дразнит и зайкой и алмазом
С фарфоровым крестцом и тазом,
Сенцом и сладким соблазняя.
Так тени вспархивают разом,
Фонарик спрятан где, не зная.

Важнее всего бывала любофф.
Важнее всего, ну, во.
А ныне? Смотрела поверх голов,
Раскачиваясь, повторяла,
Как будто сына потеряла:
На х., на х., зубная love

Про чувственность не хочу читать,
Смотреть etc
Как будто при мне утопили щенка
Хозяева позавчера

Эпоху нравственности яви,
Моральный выбор, фаворский свет.
Как будто это было у всех
В их европейской крови,
Так ведь у русских – нет

У русских явился один Достоевский
И остров его Сахалин,
И Веничка, выблядок королевский,
Ужасно всех костерил.

Знамя. – 2004. – № 11. – С. 6.

Стихи о русской поэзии

Отрывок

1

Лёгкие фракции письма
Тяжкие фракции письма
Ну а что ты думаешь сама
Чья история тебя потрясла
Или жертва на алтарь ремесла?

Личная сила, как старая шкурка сползла
Просто повезло, мыслью, просто повезло.

2

Как слониха плачет или рожает
На позицию девушка провожает
Как пехота дрожит
Перед танками в оптике исчезает
Восходя как воздух на небеси

Как Державин вертит иссохшей лапкой
Свой куриный мелок,
А Цветаева нанятой прорабкой
Всё глядит в потолок,

Как ломают руки и жмутся в угол,
Как жалеют кукол и любят пугал,
Как решаются замерзать в степи,
Как покойнику глядят лицо, говорят:
поспи.

Испанская баллада

В Гранаде
В широкой и белой оправе
Течёт осенью мелкая речка
Переступи ногою

Через белые улицы
Ходят мёртвые люди
Среди них Гарсиа Лорка
Который любил этот город
Который его убил

Альгамбра
Выглядит как колумбарий
Американский
(Возможно, из-за открытой эстрады
Семидесятих годов двадцатого века)
Памятник мёртвым поэтам
И е.нутым падишахам.

<...>

Потом мы катались на лодке.
Видели здание инквизиции,
Где я работала в одной из прошлых жизней,
Когда была мужчиной и монахом.
И ещё я узнала – но это в Кордовской мечети,
Трижды перестроенной в католический храм, –
Пологий и длинный подъём на купол, без ступеней.
Так обычно строили мусульмане.
Во сне я видела свои мужские сандалии и подол рясы.

Похоронен я был где-то на севере страны,
Вероятно, в Толедо.
Потом мы видели табачную фабрику Кармен,
Похожую на казармы Хозе.
Ныне здесь университетская библиотека.
Мериме изучил этнографию и топографию:
Куда они ходили, каким маршрутом,
Крутили бёдрами, крутили сигары на бёдрах,
Потом написал свою хронику нравов,
Как Достоевский.

<...>

Знамя. – 2007. – № 5. – С. 14.

Валентин Фатющенко

*Фатющенко Валентин Иванович (1935–2006),
литературовед, культуролог, доктор филологических наук,
заслуженный профессор МГУ.*

Горит лучина над ведром,
Я Достоевского читаю.
А за окном далёкий гром,
А я читаю и рыдаю –

От дыма горького. О дым,
Пахучий, едкий и горчайший!
Я стал разумным и седым
В Покровке нищей и тишайшей.

Откуда взялся этот том
В деревне, трижды обгоревшей?
И что произошло потом
С душой, в дыму оторопевшей?

Как уберечь от всех невзгод
Униженных и оскорблённых,
Войною жадной опалённых,
Затоптанных, непокорённых
И ждущих Весть который год?

Вестник МГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. –
2006. – № 3. – С. 21.

Лариса Фёдорова

*Фёдорова Лариса Фёдоровна (1915–1994),
поэтесса и прозаик.*

Соединенье рук – как продолжение мук.
Ещё жена, но вся уже – потеря.
Прекрасно полотно!
Художника простим –
Не распрямился он ещё от груза –
Давно он Достоевским одержим,
Он – мученик и праведник его,
Атлант душевных перегрузок.

*Стихи посвящены портрету Достоевского и М. Исаевой
работы кемеровского художника Г. Захарова.
Портрет находится в Новокузнецком музее Достоевского.*

Кушникова М. М. Искры живой памяти. – Кемерово, 1987. – С. 195.

Александр Францев

Францев Александр Викторович (род. 1981),
поэт из Астрахани.

Грязным дождём продолжается век,
снег на глазах убывает.
Ваше величество, Чуркин Олег,
как мне тебя не хватает!

Был ты за водкой ходок в магазин,
куревом брюк прожигатель.
Где ты, притонов блатных гражданин,
чумных пиров председатель?

Матом глуша нарастающий страх
смерти, на старом диване
жизнь проводя с Достоевским в руках,
с пачкою «Примы» в кармане, –

с тем и пропал, и не виден во мгле,
в царстве разрухи и лени.
Всё ли уже, на нетвёрдой земле
взявши полбанки, до фени?

Чем ещё жив, на какие гроши
Маешься, вечно свободен?
Глянешь вокруг – и воротит с души,
страх потерявшей Господен.

Здесь только ветер колышет кусты,
шаря в колхозной пустыне,
там, где твои не отыщут следы,
где тебя нету в помине.

Роберт Фрост

*Фрост Роберт Ли (1874–1963),
один из крупнейших поэтов в истории США,
четырежды лауреат Пулицеровской премии.*

Критики требуют, чтобы все мы Достоевскими стали,
А у нас большая беда – избыток успеха и благ.

<...>

Орлова Р. Мы жили в Москве, 1956–1980 / Р. Орлова, Л. Копелев. – Москва, 1990. – С. 277.

Сергей Фудель

*Фудель Сергей Иосифович (1900–1977),
православный богослов, философ.*

Я вспоминаю двор угрюмый
И камень грязный у перил,
Там, где над домом и над шумом
Московский вечер проходил.

Усталость сердца, как вериги,
От непосильных дум и снов.
И, глядя в сумрак, меркли книги,
Храня палящий пепел слов.

И в той же комнате, за шторой,
Где уходил Ставрогин в ночь,
Мы про калужские просторы
Мечты не смели превозмочь.

Иль сердце верило неверно?
Но ведь тогда, как вещей сон,
Явились Светом Невечерним
Нам краски тихие икон.

Прости меня, что я словами
Тревожу в сердце след огня...
Томит меня опять ночами
Все та же мышь беготня.

Борис Херсонский

Херсонский Борис Григорьевич (род. 1950), украинский поэт, публицист и переводчик, пишущий преимущественно на русском языке, а также клинический психолог и психиатр.

FM-РАДИО

1

Фёдор Михайлович молча стоит на плацу.
Строй солдат. У каждого по ружьюцу.
Бьют барабаны. Дело идёт к концу.

Накинут мешок. Прикрутят верёвкой к столбу.
Душа улетит через дырку в груди или во лбу.
Из облака скорчит ухмылку: всех вас гребу!

Вот из этого облака, вишь, что проплывает над
золотым куполом и крестом. На новый лад
бьют барабаны. Вручение правительственных наград.

Бровастый старец протягивает ему
именную саблю, звезду, золотую тесьму.
Фёдор Михайлович шепчет: в аду сгорю, но не возьму.

А старец шамкает – врешь, ваша честь, возьмешь,
мысль изреченная есть, как известно, ложь.
В руки и в рот возьмешь, ядрена вошь.

Потому что уже продрала глаза похмельная Русь.
Тяжёлая баба, не хуже других Марусь.
Говорит – отвернись, егоза, сейчас приберусь.

Потому что тянут, бля, по площади тягачи
ракеты «земля-земля». На берёзках сидят грачи.
Воск, как по стеблю тля, сползает по телу свечи.

И кости не выпадают, и масть ложится не так,
немчик-хозяин приветствует: гутен таг!
Нажил копейку колбасник, а пыжится на пятак.

И этот с пейсами, лох – хрустит на зубах маца.
И какой же сынок так плох, что не хочет смерти отца?
Сейчас накинута мешок, а лучше б налили винца.

И никто не вбежит в прихожую, рукописью тряся:
Новый Гоголь явился! Хлопнут, и сказка вся.
К столбу привяжут и хлопнут, прощения не прося.

Но вот гонец пробирается сквозь толпу,
на головы нищих младенцев с хрустом ставит стопу,
так милосердие к сердцу прокладывает тропу.

Теперь всю долгую жизнь ему стоять на плацу.
Слёзы текут по тяжёлому старческому лицу.
Бьют барабаны. Дело идет к концу.

2

Замерзая в сугробе, мальчик идет на ёлку к Христу.
Румяный милиционер рядом стоит на посту.
В синих глазах – уверенность, в белых зубах – свисток.
Постовой не жесток. Это мир жесток.

Это мир жесток, это мороз как закон суров,
в город не завезли ни еды, ни угля, ни дров.
Враг у ворот, пред воротами вырыт окоп, вот такой
ширины, вот такой должины, во успении вечный покой.
Лоб ледяной. Хочешь – дотронься рукой.

Белый мрамор вырван из тел обнажённых нимф.
Мальчик лежит. Фёдор Михайлович склонился над ним.
Бородой сметает смерть с мальчишеского лица,
снимает шубу с жены, заворачивает мальчика,

берёт под мышку, ко Христу на ёлку несёт,
там, говорят, собралось уже несколько сот.
Вот ёлочка у ворот, рядом вырыт окоп,
от цинги и чахотки лечит сосновый сироп.
Над окопом кадит замерзающий арестованный поп.

Фёдор Михайлович думает: я не могу
больше жить, но слеза ребёнка не должна достаться врагу.
Нагая Анна стоит, пританцовывая на снегу.

3

Мир гибнет, и красота не спешит на помощь ему,
мир открывает стосаблезубую пасть,
хватает воздух. Государства по одному
предстанут пред Судией. Всем суждено пропасть.

Опрятной Германии в кружевном чепце,
чванливой, неряшливой, слабоумной Польше-Литве,
развратной Франции с печатью сифилиса на лице,
отечной Австрии, готовой разделиться на две

части – по меньшей мере. Европа могильных камней,
холодных музеев, огромных библиотек,
игорных домов и борделей знает, что будет с ней,
девятнадцатый век – это последний век.

Не жаль оловянных солдатиков на площадях,
картонных костёлов, нарядной публики, по вечерам
пьющей целебные воды, катающейся на лошадях,
флиртующей, расходящейся парами по номерам.

Горе тебе, Вавилон, развращённый мир,
преступивший Божий запрет, осквернивший каждый обет!
Путешественник из России заходит в душный трактир,
садится к столу, заказывает обед.

4

Кроткая! Очи долу, юбка до пят,
за юбку цепляются пять или шесть ребят,
топчутся, ногти грызут, сопят.

Несколько русых головок – пять или шесть?
Начнёшь считать – за тысячу лет не счесть:
растут, со щёк сбивают жёсткую шерсть,
уходят из хаты, возвращаются в персть.

Унылый пейзаж: звонница, птицеферма, завод ЖБИ.
Пятый век за околицей с переменным успехом бои:
наши, пехота, конница, чужие, опять свои.

Кроткая! Белая кофта, платок до бровей,
доброе дело – рожать-проводить сыновей.
Терпеть напасти, с утра над работой корпеть,
всё в Божией власти: плакать, молиться, петь.

Квохчут пёстрые куры, ревёт одичалый скот.
Колокол мужиков скликает на сход.
Мужики сойдутся, как перебьют господ.

И настанет новая жизнь, брата возлюбит брат,
город небесный, кажись, в нём будет двенадцать врат.
Дмитрий кричит из саней: «Воссияет правда, Иван!
Но польза какая в ней, какая в ней радость вам?»

5

На зелёном сукне – карты, жетоны, мел.
Не умеет Фёдор проигрывать, а раньше Фёдор умел.

Поднимал воротник и уходил во мглу
от стола игорного к письменному столу.

Сел, написал роман,
вот и полон карман.

Полицейский вдали отдыхает под газовым фонарём.
Ничего, мы своё отыграем и чужое себе приберём.

Ох, высокий лоб, старинная борода,
широкое сердце, нерусские города.

Темны вечера. Скребук крысиные коготки,
а кругом немчура, да полячишки, да жидки.

Кто в камзоле, кто с пейсами, кто с брюшком,
кто покраше – в бричке, кто поплоше – пешком,

кто в автобусе, кто на такси, а дело у них одно:
погибель Святой Руси, такое кино-домино.

Такой Баден-Баден, будь он неладен, такой отель,
бутылка, тяжёлый хмель, расстеленная постель,

истерзанная жена, пустая мошна, грешна
чужая страна, а своя Россия страшна.

И выход один – упасть затылком, спиной,
выгибаться, пуская кровь пополам со слюной.

Арион. – 2009. – № 1. – С. 71–75.

С утра привозили англиканское духовенство, что-то зачастили к нам, все говорят о единстве. Или Рим не может простить им Томаса Мора, или иная забота с шотландцами-кальвинистами сфер влияния не поделили.

Показали им кино на английском, понятно, агитка, цветущий сад монастырский, музыка – хор из «Набукко» – «На реках Вавилонских» – намек на рабство. Калитка – вход на кладбище. Переводчик шепчет на ухо

их епископу. Переводчик – он человек военный. Доложит, о чём был разговор, но скорее всего – о ценах на хлеб и мясо (придумал – мясо! В монастыре!), а может, о диссидне и грядущих политических переменах.

Гурий вслушивается: англиканин рассказывает об обольщенье со стороны обнажённой игуменьи, кагэбистки. Но Гурий тотчас вспоминает, что «naked KGB» – в данном контексте – имеет иное значенье: «явно сексотка». Это Варвара. Ага, оказали почеть

еретику: Варвара интеллигентна, после иняза, комсомолка, спортсменка, красавица, клубук и ряса делают женщину привлекательней. С первого раза начала обработку! Торопится! Но этого лоботряса

кентерберрийского ей не взять, рыбка-то крупновата.
После кино – прогулка и трапеза, послушник читает
житие Симеона Юродивого, по-английски с акцентом, как
будто вата
набита во рту. Мальчик, должно быть, мечтает

быть в чинах у Господа и господина, вернее
сказать – товарища. Но пока испорчен не слишком,
не то что Варвара, ну, Бог разберётся с нею.
Гурий смотрит на семинаристов – не завидую этим
мальчишкам.

Провожает делегацию до ворот. Там уже подогнан
автобус, да, ничего машина, красоты несказанной.
В келье на тумбочке – Фёдор Михайлович. Уголок
подогнут
страницы, где смерть Зосимы и дух тлетворный, обманный.

Да, виноват был бес перед Алёшей за старца святого!
Украл у Зосимы нетленье, как кошелёк карманник.
Гурий садится и наливает кружку спитого
чая – крепкий врачи запретили, ломает овсяный пряник.

Вечером жди уполномоченного. Явится, не запылится,
поговорить и сыграть партию в шахматы. Игрок, скажем
прямо, не слабый.
Господи, почему у всей этой сволочи крупные, грубые
лица,
а голос тонкий, елейный, ну – баба бабой!

Гурий осторожно вынимает из жестяной коробки
шахматные фигурки: изделие конца тридцатых – хорош
был тюремный умелец –
жёванный хлеб, лепка, сушка, покраска, ломтики винной
пробки
вместо бархатки, клей вместо лака. Гурий – законный
владелец

этого раритета. Сорок лет сохранял. Вот, на доске
расставил.

Поймёт ли полковник, с кем сыграет сегодня?
Тут не выиграть товарищу, не нарушая правил.
Гурий задавит. Впрочем – на всё воля Господня!

Новый мир. – 2010. – № 4. – С. 126–127.

Олег Хомяков

*Хомяков Олег Михайлович (род. 1934),
прозаик, поэт, драматург
из пос. Шарья Костромской области.*

Надежда

*«Надо, чтобы человеку было, куда пойти».
Фёдор Достоевский*

Всегда чего-то ждёшь!
Уж дым уплыл, рассеясь:
Золу надежд скребёшь,
На лучшее надеясь.
Приметы добрый знак
Следишь и принимаешь.
Хоть ждёшь, бывает так,
Чего и сам не знаешь.
Узоры на окне
В мороз не расшифруешь:
Там всадник на коне,
А ты – пешком шуруешь.
В предрассветный час,
Бессонницей мучимый,
Услышишь вещей глас,
Но – трудно различимый.
И гороскоп, сказать
По чести, лишь забава...
А всё же счастья ждать –
Святое наше право.

Камилл Хоффманн

*Хоффманн Камилл (1879–1944),
немецкоязычный еврейский поэт, переводчик из Праги.*

Федя Михайлович

Отрывок

Федя Михайлович, воспламенённый дух,
Как часто мы с облаками, звёздами, птицами,
Сняв с якоря сердце, на пурпурных парусах
Путешествовали в маленькую сказочно далёкую страну!
Не каждый день случается в Вышеграде,
Чтобы два человека братски сгорели,
Чтобы назвать дружбу сладкой, а свободу Богом?
Пади к ногам, о Прага, исполненный страданиями город!

Перевод с немецкого А. Криницына

Достоевский и XX век: сб. ст.: в 2 т. – Москва, 2007. – Т. 2. – С. 189.

Валентина Царёва

*Царёва (Нефёдова) Валентина Михайловна (род. 1953),
поэт, композитор, исполнитель песен из Санкт-Петербурга.*

Монолог провинциалки

Питер, я – твой безмолвный поэт.
Я... робею при встрече с тобою,
хоть живу здесь с семнадцати лет
и чертоги бетонные строю.
Не пытаюсь касаться пером
ни оград, ни Петровых творений,
я могу любоваться двором,
где угас оклеветанный Гений.
Мне бы в сумерках тенью пройти
вдоль воды, где бродил Достоевский,
мне б Сергея от смерти спасти,
мне бы с Гоголем выйти на Невский!
...Вот опять, покидая метро,
погружаюсь в пучину проспекта, –
здесь, куда ни посмотришь, – р е т р о
и огней феерических спектры:
PANASONIC, GOLDSTAR, MARLBORO,
«У СЕРГЕЯ», у Саши... иль Маши?
SUPERMARKET, SAMSUNG, CAZINO...
Боже мой, ну а что же тут наше?
Даже в лицах неоновый свет,
и не видно ни тени протеста.
Не узнать тебя, Невский проспект, –
или я – не из этого теста?
...Ты бессмертен, а все мы – уйдём.
Ты об этом, божественный, знаешь.
Мы тебе дифирамбы поём,
да не каждого ты привечаешь.

Литературная газета. – 2011. – 18–24 мая (№ 20). – С. 12.

Стефан Цвейг

*Цвейг Стефан (1881–1942),
австрийский писатель, драматург и журналист.*

Смертный миг

*(Достоевский. Петербург, Семёновский плац,
22 декабря 1849 года)*

Сонного подняли ночью, поздно,
Хрипом команды, лязгом стали,
И по стенам каземата грозно
Призраки-тени заплясали.
Длинный и тёмный ход,
Тёмным и длинным ходом – вперёд.
Дверь завизжала, ветра гул,
Небо вверхху, мороз, озноб,
И карета ждёт – на колёсах гроб,
И в гроб его кто-то втолкнул.
Девять бледных, суровых
Спутников – тут же, в ряд;
Все в оковах,
Опущен взгляд.
Каждый молчит –
Знает, куда их карета мчит,
Знает, что в повороте колёс
Жизни и смерти вопрос.
Стоп!
Щёлкнула дверь, распахнулся гроб.
Цепью в ограду вошли,
И перед взорами их – глухой,
Заспанно-тусклый угол земли.
С четырёх сторон

В грязной изморози дома
Обступили площадь, где снег и тьма.
Эшафот в тумане густом,
Солнца нет,
Лишь на дальнем куполе золотом –
Ледяной, кровавый рассвет.
Молча становятся на места;
Офицер читает приговор:
Государственным преступникам – расстрел,
Смерть!
Этим словом все сражены,
В ледяное зеркало тишины
Бьёт оно
Тяжким камнем, слепо, в упор,
И потом
Отзвук падает глухо, темно
В морозную тишь, на дно.
Как во сне
Всё, что кругом происходит.
Ясно одно – неизбежна смерть.
Подошли, накидывают без слов
Белый саван – смертный покров.
Спутникам слово прощанья,
Лёгкий вскрик,
И с горящим взглядом
Устами он к распятью приник,
Что священник подносит в немом молчанье.
Потом прикручивают крепко их,
Десятерых,
К столбам, поставленным рядом.

Вот
Торопливо казак идёт
Глаза прикрыть повязкой туюю,
И тогда – он знает: в последний раз!
Перед тем, как облечься тьмою,
Обращается взор к клочку земли,
Что маячит смутно вдали:
Отсвет сиянья,
Утра священный восход...
Острого счастья хлынула к сердцу волна...
И, как чёрная ночь, на глазах пелена.
Но за повязкой
Кровь заструилась, кипит многоцветною сказкой.
Взмыла потоком кровь,
Вновь рождая, и вновь
Образы жизни.
Он сознаёт:
Всё, что погибло, что было,
Миг этот с горькою силой
Воссоздаёт.
Вся жизнь его, как немой укор,
Возникает вновь, струясь в крови:
Бледное детство, в оковах сна,
Мать и отец, и брат, и жена,
Три крохи дружбы, две крохи любви,
Исканье славы, и позор, позор.
И дальше, дальше огненный пыл
Погибшую юность струит вдоль жил.
Вся жизнь прошла перед ним, пролетела,
Вплоть до минуты,

Когда он стал у столба, опутан.
И у предела
Тяжкая мгла
Облаком душу заволокла.
Миг, –
Чудится, кто-то сквозь боль и тьму
Медленным шагом идёт к нему,
Ближе, всё ближе... приник,
Чудится, руку на сердце ему кладёт,
Сердце слабеет... слабеет... вот-вот замрёт, –
Миг, – и на сердце уж нет руки.
И солдаты
Стали напротив, в один ослепительный ряд...
Подняты ружья... щёлкнули звонко курки...
Дробь барабана, раскаты...
Дряхлость тысячелетий таит этот миг.
И неожиданно крик:
Стой!
С белым листком
Адъютант выходит вперёд,
Голос чёткий и зычный
Тишину могильную рвёт:
Государь в милосердьё своём
Безграничном
Отменить изволил расстрел,
Приговор смягчить повелел.
Слово
Странно звучит, и нет в нём смысла живого,
Но вот
В жилах кровь начинает снова алеть,

Ринулась ввысь и тихо-тихо запела.
Смерть
Нехотя покидает тело,
И глаза, повязку ещё храня,
Ощущают отсвет вечного дня.
Потом
Верёвки распутываются палачом,
Повязку белую чьи-то руки
С висков, пламенеющих от муки,
Сдирают, как с берёзы плёнку коры,
И взор, возникнув вновь из могилы,
Неловкий ещё, неверный, хилый,
Готов с иною, с новою силой
Былые прозреть миры.
И он
Видит: там, за дальней чертой,
Разгорается купол золотой
И пылает, весь озарён.
Дымной встают грядую
Туманы, словно влача
Мрак и тлен земли за собою,
И тают в лёгких лучах,
И звуками полнится глубь мировая,
Сливая
Их в один многотысячный хор.
И впервые внятен ему,
Сквозь глухую земную тьму,
Единый, пламенный звук
Неизбывных человеческих мук.
Он слышит голоса забитых судьбою,

Женщин, безответно себя отдавших,
Девушек, посмеявшихся над собою,
Одиноких, улыбки не знавших,
Слышит гневные жалобы оскорблённых,
Беспомощное детское рыданье,
Тихий вопль обманно-сворачённых,
Слышит всех, кому ведомо страданье,
Всех отверженных, тёмных, павших,
Не снискавших
Мученического венца и сиянья.
Слышит всех, слышит их голоса,
Как они к отверстым небесам
Вопиют в извечно-жалостном хоре.
И он сам
В этот миг единственный сознаёт,
Что возносят ввысь только боль и горе,
А земное счастье – гнетёт.
И дальше, и дальше ширится в небе свет.
Выше и выше
Голоса возносят
Скорбь, и ужас, и грех;
И он знает: небо услышит
Всех, без изъятия всех,
Кто его милосердья просит.
Над несчастным
Небо суда не творит,
Пламенем ясным
Вечная благость чертог его озарит.
Близятся последние сроки,
Боль претворится в свет и счастье в боль для того,

Кто, пройдя через смерть, иной и глубокой,
Скорбно-рождённой жизни обрёл торжество.
И он
Падает, словно мечом сражён.
Вся правда мира и вся боль земли
Перед ним мгновенно прошли.
Тело дрожит,
На губах проступает пена,
Судорогою лицо свело,
Но стекают на саван слёзы блаженно,
Светло,
Ибо лишь с тех пор,
Как со смертью встретился смертный взор,
Радость жизни – вновь совершенна.
Наскоро освобождают от пут.
И тут
Как-то разом потухает лицо.
Всех
В карету толкают, везут назад.
Взгляд
Странно туп, неподвижность в чертах,
И лишь на дёргающихся устах
Карамазовский жёлтый смех.
1937

Цвейг С. Собрание сочинений: в 10 т. – Москва, 1992. – Т. 2. – С. 394–400.

Анна Цветкова

*Цветкова Анна Николаевна (род. 1983),
поэт, журналист, музыкант
из посёлка Луговая Московской области.*

Оказалось, всерьёз всё это – домики серые, безобразные,
Снегом затопленная опушка, пара-тройка сухих стволов
Липовых да берёзовых – хватит уже на январь наводить
напраслину,
Говорить, что пасмурно, что не всякий теперь готов.

Зимнее время – по-настоящему – пустое, зимнее,
Снега на половину окна, цыпки, трещины на руках,
Воспалённый взгляд от белого, невыносимого,
Небо с набрякшими снежными облаками – и думаешь: как
же так?

Столько раз уже приходил – и было всё заперто наглухо,
А теперь калитка болтается, поскрипывает на ветру
Да крючок железный гремит – а мне будто бы кто-то на ухо
Наступил или – боязно. Переминаюсь с ноги на ногу,
порываюсь – и не могу,

Не могу... Там архангел серьёзный, под телогрейку
запрятав крылья,
Расчищает дорожку деревянной лопатой, а другой –
в кормушку для мелких птиц
Подсыпает пшено. Вот они – самые зимние, правильные,
простые
Вещи, на которых всё держится. Ни тебе Апокалипсиса,
ни пылающих колесниц.

Так что коли вечер уж – то тёмно-синий, с проседью
Перламутровых звёзд над крышами, с роголиком месяца –
в тишине
У стола на кухне пристроиться, задаваться космическими
вопросами,
Вглядываться сквозь заросли растений диковинных на
стекле.

Только – не разобраться мне, не обученной ихней азбуке, –
лучше бы
Прочитать что-нибудь из Достоевского снова,
всполошиться душой,
Посочувствовать тихо, жизнь растратить на призрачное,
ненужное,
А потом махнуть кому-то в грядущее – «Бог с тобой!».

Новый мир. – 2006. – № 2. – С. 66–67.

Саша Чёрный

Чёрный Саша (настоящее имя Александр Михайлович Гликберг)
(1880–1932), поэт, прозаик, журналист.

Красная бабушка

Подрубленных волос лохмато-серый круг,
Глаза сознательной, тупой марксистской жабы
И в нижней челюсти, широкой, как битюг,
Упорство деревенской старой бабы.

Она приехала в саксонский пансион
Чинить свои одышки и запоры
И целый день, как красный граммофон,
Разводит всласть советские узоры.

«Лжёт эмиграция: у нас прекрасный строй, –
Багеты, справедливость и культура...
Крестьяне обжираются икрой,
Рабочий – мощная, свободная фигура.

Буржуазия розовеет с каждым днём,
Интеллигенция ликует от восторга.
Неслыханный, невиданный подъём, –
А всё венчает ренессанс Внешторга...»

Лишь об одном ни звука граммофон:
Что сын её – персона в чрезвычайке,
Что дочь её – предатель и шпион,
Что все её друзья из той же шайки.

Что у себя на даче в дни войны, –
На самой буржуазной барской даче, –
Она, для ускорения «весны»,
Хранила бомбы... Ведь нельзя-с иначе...

Что в предварилке высидевши год,
Она жила там мирно, как в курорте.
Зато теперь «проклятый старый гнёт»
Она клянёт с незлобливостью чёрта.

А немки слушают и вяжут всласть носки...
«Ах, милый Кремль, Калинин мост и Невский!
Страна икры, разгула и тоски,
Где жил Толстой, где плакал Достоевский...»

О Господи! Мильон святых могил
Зияет ранами у своего подножья, –
А этот старый, наглый гамадрил
Живёт и шамкает и брызжет красной ложью.
1925

Чёрный С. Собрание сочинений: в 5 т. – Москва, 1996. – Т. 2. – С. 208–209.

«Неделя доброты...»

Господи! Как мне быть добрым
Хоть неделю в году,
Для вентиляции пыльной души,
Для смягчения чёрствого сердца,
Для удовольствия ближних?..
Так ведь полезно себя очищать ежегодно,
Как трубочист прочищает камин!

Хотя, если правду сказать,
Круглый год,
Как, надеюсь, и вы, мой читатель,
Я стараюсь быть добрым...
То придёт какой-нибудь шут –
Смесь Свидригайлова с Чацким –
И затопит тебя Ниагарой слов,
Вязких, шершавых и вздорных,
От которых потом остаётся в мозгах,
Часов приблизительно на пять,
Чад жжёной резины и перьев...
Но я ведь терплю,
Молчу, не рычу, –
Чтоб не впасть в искушенье,
Словарём пресс-папье прикрываю
И, как дитя, улыбаюсь.

То, чуть присядешь к столу за работу,
Квартирант заведёт граммофон –
Гнусаво-визжащую кошку –
И в дверь потом постучится:

«Вам граммофон не мешает?»
«О, – отвечаю я кротко,
Сжимая дрожащую челюсть, –
Пожалуйста, друг мой!»

То прилетит пневматичка:
Некто по срочному делу
Просит приехать – час и минуты – в кафе.
Едешь!.. Ждёшь часа полтора!
Наконец прилетает синьор
С расстегнутым ртом и в расплюснутой шляпе
И предлагает издать в компании с ним
Самоучитель по ловле креветок...
Как трудно в такие минуты быть добрым,
И всё же... стараешься.

То прачка вам принесёт
Вместо вашей любимой сорочки
Какую-то бурю мерзость –
О трижды проклятый жавель!
И опять улыбайся, как ангел,
И добрые делай глаза.

То по рыхлой своей доброте
Вы ближнему редкую книгу дадите,
И он её вам вернёт
(Если вернёт!)
В соусе рыжем и без заглавной страницы, –
Ты, Господи, знаешь, с какою любовью
Я ближнему кресло тогда придвигаю.

Нет! Если правду сказать, –
Для вентиляции сердца,
Для облегчения сжатой души
Хорошо б хоть неделю в году уделить
«Неделе несдержанной злости...».
1932

Чёрный С. Собрание сочинений: в 5 т. – Москва, 1996. – Т. 2. –
С. 229–230.

Кому в эмиграции жить хорошо

Отрывок из поэмы

Попов стоит на кухоньке,
Закинув руки за спину,
А перед ним копаются
В невзрачном чемоданчике
Невзрачный старичок.
«Вот рижского изделия
Занятнейшие книжечки:
«Альков графини Галкиной»,
«Таинственная курица»,
«Монашеские шалости»,
«Вампир и две молочницы»,
«Кровавая пята»...
А это, не угодно ли,
Рассказы Достоевского, –
Писатель завлекательный...
Том несколько подмоченный, –
Недорого возьму.
Вот «Русский сонник» новенький,

Нью-Йоркского издательства,
Одной вдовой кламарскою
Заказан был по случаю,
Да, вишь, она уехала
С мамашею в Тулон...
Открыток не возьмёте ли?
Боярыни в кокошничках
С серебряными блестками,
Полтавские красавицы
Стокгольмского тиснения,
Вот-с троечки московские
Со снегом бертолетовым...
Возьмите, сударь, серию, –
Пять франков не расход».
1931–1932

Чёрный С. Собрание сочинений: в 5 т. – Москва, 1996. – Т. 2. – С. 393–442.

Евгений Чигрин

*Чигрин Евгений Михайлович (род. 1961),
поэт и эссеист из Красногорска Московской области.*

Дурак. Улица Достоевского

Он ревет сумасшедшие песни о бедной отчизне,
Он взыскует могучего слова с небесных полей?
И такое в гляделках его истребление жизни,
И такая печаль, хоть верёвочкой шею обвей.

Этот странный певец так понятен сапфирному небу,
А вот злой участковый не знает, что делать с таким,
Как его приспособить к тому справедливому гневу,
Что возрастает порой к отморозкам, к амбалам крутым?

Потому и спешат в равнодушье одетые люди
Затолкнуть идиота в машину психушки скорей,
Чтобы не голосил о каком-то неведомом чуде
Этот в грязном х/б надоевший кругом фалалей.

Торопитесь, медбратья, сомненья отбрось, участковый,
Вам ли знать, как рыдать, как летать над отчизной ему,
Да поверх рубежей, с этой песней, такой «непутёвой»,
Как любовью души наполнять неохватную тьму.

Вам ли думать о том, что трудиться печальником – важно!
Вам ли ведать о том, что за эти мотивы тоски
Вам в аду, что придумал не Босх, будет менее страшно,
Вам на каплю простят, как прощают порою долги.

Потому осторожнее с этим безрадостным малым,
Ибо он, а не вы – наш заступник и наш проводник.
...Газанула и скрылась машина с больным и усталым.
Стало тихо окрест, даже ветер пронзительный сник.

Новый мир. – 2006. – № 2. – С. 104.

Тамаз Чиладзе

*Чиладзе Тамаз Иванович (1931–2018),
грузинский поэт, прозаик, драматург,
публицист, лингвист, философ, историк.*

Могила Достоевского

По ком ты, колокол, звонишь.
По ком,
По ком –
Над осенью и слякотной, и рыжей,
Где жмётся небо
К мостовой бульжной,
Где машет клён
Оранжевым платком –
По ком?
К тебе, творец,
Чей гнев неумолим,
Замшелый звон летит
Над миром сонным.
Ты своего раба однажды создал,
Он жил,
И он страстями был палим.
...По ком же
В невысокой вышине
Тот колокол звонит?
По мне,
По мне...
Я пламень тот
Зажёг своей рукой,
В золе чистилищ душу перемазав,
В моей душе,

Как в камере одной, –
И агнец твой,
И дьявол Карамазов!
...Себя, о боже,
Я во всём виню,
Но смилуйся
И дай исход огню!..

Но нет исхода.
Пламень тот не стих.
И нет конца моей бессрочной муке.
И недвижимы на плечах моих
Твои, о боже,
Ледяные руки...

Чиладзе Т. Стихи. – Тбилиси, 1967. – С. 25–26.

Игорь Чиннов

Чиннов Игорь Владимирович (1909–1996),
поэт, журналист,
профессор русского языка и литературы
ряда американских вузов.

Голубая Офелия, Дама-камелия,
О, в какой мы стране? –
Мы в холодной Печалии
(Ну, в Корее, Карелии, ну, в Португалии).
Мы на севере Грустии, в Южной Унынии,
Не в Инонии, нет, не в Тоскане – в Тоскании.

И гуляет, качаясь, ночная красавица,
И большая купава над нею качается,
И ночной господин за кустом дожидается.
По аллее магнолий Офелия шляется.

А луна прилетела из Южной Мечтании
И стоит, как лунатик, на куполе здания,
Где живёт, где лежит полудева Феврония
(Не совсем-то живёт: во блаженном уснении).

Там в нетопленном зале валяются пыльные
Голубые надежды, мечты и желания
И лежит в облаках, в лебеде, в чернобыльнике
Мировая душа, упоительно пьяная –
Лизавета Смердящая, глупо несчастная,
Или нет – Василиса, нет, Васька Прекрасная.

Памяти Владимира Вейдле

Вы говорили нам, что если Бога нет,
В двойном небытии Вы всё же с Ним сольётесь.
Любовь к Нему. О да. И лучше Ваш ответ
На смерть, чем плакать, о душе заботясь.
С Ним – даже если нет Его. В небытии –
Двойном. Паскаль, и Киркегор, и Достоевский
Могли сказать так. Да. Но с мудростью змеи
Поверим, как они – нет, не по-детски, –
В бессмертии! Мне снилось: «хор светил»;
К своей звезде, голубоватой Веге,
Стремится светлый дух, который был
Владимиром Васильевичем Вейдле.
А может быть – туда, к родным местам,
Где жёлтая сыреет штукатурка,
Невидимый, идёте по мостам
Былого пушкинского Петербурга.
Но вероятнее, что Вы перенеслись
В любимые свои пейзажи кватроченто,
Где тонкий, стройный, острый кипарис,
Холмы, ручей голубоватой лентой,
Оливы, пинии, дворцы. Далёкий вид,
Голубизна – и Бог на небосводе,
И белый ангел над леском летит,
И белый Голубь реет и нисходит.

«Мы жили тогда на планете другой...»: антол. поэзии рус. зарубежья, 1920–1990: в 4 кн. – Москва, 1995. – Кн. 4. – С. 29.

Борис Чичибабин

*Чичибабин Борис Алексеевич (настоящая фамилия Полушин)
(1923–1994), поэт.*

Фёдор Достоевский

Два огня светили в темень, два мигалища.
То-то рвались лошадки, то-то ржали.
Провожали братца Фёдора Михалыча,
за ограду провожали каторжане...

А на нём уже не каторжный наряд,
а ему уже – свобода в ноздри яблоней,
а его уже карьерою корят:
потерпи же, петербуржец новоявленный.

Подружиться с петрашевцем все не против бы,
вот и ходим, и пытаем, и звоним, –
да один он между всеми, как юридивый,
никому не хочет быть своим.

На поклон к нему приходят сановитые,
но, поникнув перед болью-костоедкой,
ох как бьётся – в пене рот, глаза навывкате –
всё отведав, бьётся Фёдор Достоевский.

Его щёки почернели от огня.
Он отступником сливёт у разночинца.
Только что ему мальчишья болтовня?
А с Россией и в земле не разлучится.

Не сойтись огню с водой, а сердцу с разумом,
и душа не разбежится в темноте ж, –
но проглянет из божницы Стенькой Разиным
притворившийся смятением мятеж.

Вдруг почудится из будущего зов.
Ночь – в глаза ему, в лицо ему – метелица,
и не слышно за бураном голосов,
на какие было б можно понадеяться.

Всё осталось. Ничего не зажило.
Вечно видит он, глаза свои расширяя,
снег, да нары, да железо... Тяжело
достаётся Достоевскому Россия.
1962

Сибирские огни. – 2013. – № 2. – С. 119.

Пребываю безымянным.
Час явленья не настал.
Гениальным графоманом
Межиров меня назвал.

Называй кем хочешь, Мастер,
Нету горя, кроме зла.
Я иду с Парнасом на спор
не о тайнах ремесла.

Верам, школам, магазинам
отрицание неся,
не могу быть веку сыном,
а пустынным – нельзя.

В жёлтый стог уткнушь иголкой,
чем совать добро в печать.
Пересыльный город Горький,
как Вас нынче величать?

Под следящим волчьим оком,
под недобрую молву
на ковчеге колченогом
сквозь гражданственность плыву.

Бьётся крыльями Европа –
наша немочь и родня –
из всемирного потопа
и небесного огня.
Сядь мне на сердце, бедняжка,
припади больным крылом.
Доживать своё нетяжко:
всё прекрасное – в былом.

Мне и слова молвить не с кем,
Тает снегом на губах.
Не болтать же с Достоевским,
Если был на свете Бах.

Тайных дум чужим не выдам,
а свои – на всё плюют.
Между Вечностью и бытом
смотрит в небо мой приют.

Три свечи горят на тризне,
Три моста подожжены.
Трёх святынь прошу у жизни:
Лили, лада, тишины.
1976

Знамя. – 2011. – № 7. – С. 158–159.

Бора Чосич

*Чосич Бора (род. 1932), сербский и хорватский писатель.
С 1995 года живёт в Берлине.*

Масса

Теперь понимаю Осипа Мандельштама
Шептавшего русские слова
Глядя в потолок
Лёжа на нарах
Потому что стихотворение
Не обязательно должно быть записано
Когда на углу Гервинусштрассе
Кто-то заглядывает через плечо
Как шпион как Рогожин как чума
На ближайшем газоне
Пытаюсь подыскать
Маленькое могильное место
Для друга погибшего в самоотчуждении
Узкая гробница
Лишь малая часть
Почившего человеческого существа
Мне причитающаяся
Уместится там
Как если бы в Гамбурге
На строительные нужды
Использовали не гигантские амазонские стволы
А спичечных масштабов

Новая юность. – 2007. – № (Избранное). – С. 108–109.

Михаил Чуклин

*Чуклин Михаил Андреевич (род. 1990),
поэт из Нефтекамска.*

Достоевский

Достоевский исследовал бездну.
Достоевский по краю ходил.
А ведь можно, как общеизвестно,
И сорваться, коль нету перил.

Достоевский был смел, и он смерти,
Словно Бог, приказал: «Подожди!»
Он исследовал смерть, и поверьте,
Он был смерти на шаг впереди.

Он знал цену словам, не кидался,
Как камнями, в убийц и воров.
Он за славой, конечно, не гнался,
Но пленил и людей, и богов.

Он и страха не ведал, но верил
В то, что жизнь человека – одна.
Достоевский бумаге доверил:
Надо сеять добра семена.

Пусть безумен был Мышкин, но мы-то
Видим свет в его светлых очах.
А Раскольников, кровью умытый,
Показал нам свой ужас и страх.

Вот невинная Соня под руку
Хромоножку ко свету ведёт.
Карамазов ждёт вечную муку,
Ждёт Настасью свою идиот.

Достоевский дал в книгах уроки.
Но подумай: готов их учить?
Его книги – удар будто током.
Эти раны не просто лечить.

Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://www.stihi.ru/2007/10/11/1148> (дата обращения: 6.11.2018).

Тимур Шаов

Шаов Тимур Султанович (род. 1964),
поэт, сатирик, автор и исполнитель песен.

И на Солнце бывают пятна

Отрывок из шуточной песни

Я читаю про великих людей –
Кто был циник, кто тиран, кто злодей.
И обидно слышать мне от родни,
Что не великий я, как те вон, как они,
Что мусор я не выношу,
Свет в туалете не гашу,
Чревоугодием грешу –
Так это ж разве грех? Эх!
Вот взять великих – кто блудил,
Кто квасил, кто жену лупил.
А я что? Свет не погасил?
Смешно. Курям на смех.
Вот смотри:
Сам Гендель был обжорой,
Гюго грешил инцестом,
А Фёдор наш Михалыч
В рулетку баловал.
И даже умный Ницше
Свихнулся, как известно.
Чайковский... Ну, это ладно...
А Мусоргский бухал!

Все песни.РФ: сайт. – Текст электронный. – URL: https://всепесни.рф/song/timur_shaov/i_na_solntse_byvayut_pyatna (дата обращения: 27.03.2018).

Сказки нашего времени

Здравствуй, дружок, любишь сказки, сопливые?
Видишь, луна путешествует по небу?
Если ты вдруг оторвёшься от пива,
Я, так и быть, расскажу тебе что-нибудь.

Снесла яйцо-да девица Пеструшка.
Дед с бабой били – не разбили, ну – калеки!
А мышка, по профессии норушка,
Хвостом махнула, и яйцо – салям алейкум!

Вот плачут дед и баба, но напрасно –
Всё предназначено, яйцо должно разбиться.
Зло порождает зло в наш век ужасный.
Ты хочешь знать, чем эта сказка завершится?

Старуху ту Раскольников зарубит,
И не со зла, причём, так по сюжету надо.
Старик же, пьянством горе усугубив,
Эрцгерцога застрелит Фердинанда.

Что ты скривился, не нравится сказочка?
Что, недостаточно лихо закручена?
Да, нелегко угодить тебе, лапочка,
Читал бы свой комикс, капризное чучело!

Я тут ему всё о трансцендентальном,
О фатализме, о жизни, о мистике.
Нет, блин, он хочет покруче, завально,
Клёво, атасно, в отпадной стилистике.

Павел Шаров

*Шаров Павел Петрович (род. 1972), поэт,
филолог из Саратова.*

Достоевскому

Есть ли Бог или нет, ну какой же я штабс-капитан?! Я Кастальский не пробовал шнапс. Я Ничто, из которого Нечто выползает на свет, погружая во тьму мир, а я в нём живу, и на Нечто мне – тьфу! Есть ли Бог?.. Вот об этом и речь-то.

Есть ли Бог или нет? Да какой в этом толк, если жизнь мне дана под проценты и в долг?! Я рождён на Ивана Купалу.

И для матери я – тот волшебный цветок, обманувший надежды: За что меня Бог покарал?! Мне бы штабс-капитану

глянуть прямо в глаза... Бога нет. Но Он есть. «Ну какой же я штабс-капитан?!» – это весть. Не вопрос, а ответ – Весть Благая. Только люди (и сам я – типичный пример) на горбах своих тащат одних лишь химер, спотыкаются, изнемогая.

Не посланье (ведь я не апостол) – стихи я пишу. Искупить не надеюсь грехи. Но надеюсь, хоть что-то исправил я в себе. Из криницы-кириллицы речь пью – никак не напьюсь. Мне бы душу сберечь. Бога нет? Ну какой же я Павел?!

Елена Шварц

*Шварц Елена Андреевна (1948–2010),
поэтесса и прозаик из Санкт-Петербурга.*

Достоевский и Плещеев в Павловском парке

Отрывок из поэмы

«Пора идти, мне надо в город.
Ну я пошёл, пойду, иду». –
«Я провожу вас». – «Как угодно». –
«Мы через парк здесь напрямиком». –
«Мне нездоровится немного,
Припадок может вдруг случиться».
«Так заночуйте, ведь дорога...» –
«Нет, нет, мне надобно домой».
Через синий парк тревожный, вечеряющий,
шуршащий.
Вот кузнечиком вдали показался Павел...
Обойдётся, обойдётся – мимо, мимо пронесётся,
Может, в памятник ударит.
К этим сумеркам лиловым
Кровь подмешана легавой,
Той, которую жестоко злой солдат трубой ударил.
Как она скулила, выла.
Бессильно плакал Павел,
Князь великий.
Горло, горло
Расширяется трубою –
Вот сейчас и я завою,
Или ангел воет мною?
Вот уж под руки схватили

Меня Павел и собака
И зовут: «Пойдём, писака,
Поплясать».
С ними трубы, и лопаты, и корона, и порфира...
«Этот парк, он парк ужасный,
Здесь Конец ведь где-то мира?» –
«Да, вон там». –
«Да, близко, близко».
Римских цезарей печальных жирный мрамор
представляет.
Как пионы, они дремлют,
Когда ночь повеет тенью,
В их пустых глазницах зренье
Туман вечерний обретает.
«Вот Нерон. Я был Нероном.
И ещё я буду, буду». –
«Вы не бредите ли, Фёдор?» –
«Да, как будто. Извините.
В голове немного... Одурь».
Вот сейчас оно начнётся.
Деревянными шагами он к скамейке.
«Фёдор, плохо?»
Ах, скамейка-зеленушка,
Твоё тело деревянно,
Вдруг ты стала осиянна.
Он вцепился, задохнулся, мягко полуповалился –
И скамейка вся в припадке,
По морю плывёт вся в пене.
Ночной грозой расколот череп,
Молнии, ножи сверкают.

И ливень хлынул вдруг на мозг,
На скорчившийся, пёстрый, голый.
Он расцветает, вырастает,
В нём небу тесно,
И тюленем
Оно шевелится в мешке
Худом телесном.
Здесь – таинство:
Случается со всеми нами что-то в миг,
Когда надрывно эпилептик бьётся.
К нам кто-то исподволь приник,
И нерождённый закричит, и мёртвый тихо
повернётся.
Здесь операция, быть может.
И кто умело надрезает
И зелье едкое вливает?
Ужели я – марионетка
И мастер нитки подправляет?
Все под наркозом, под наркозом.
И сад из роз шумит, гиганты розы.
(Я прислонился головой к стеблю,
И лепестки высоко так, высоко.)
Блаженство
Задувается, как свечка,
И он встаёт,
Тупой остриженной овечкой
К вокзалу шумному бредёт.
(А боль и брага заперты в висках –
«Спасу, кого могу, от этой фляги».)
Он будет убивать по голове

Всех тех, кого убьёт, – хоть на бумаге).
Фиалки запахом визжат
Ночные – о, как жалки. Жалко.
Захлопнут череп. Статуй ряд,
Как лошадь под уздцы, ведёт аллею парка.
«Постойте, я вам воротник поправлю.
Вам, правда, лучше? Как я рад».
И с плеч, шепча, сползает Павловск,
Как нашкодивший леопард.

Вавилон: современная русская литература: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-2.html> (дата обращения: 9.12.2015).

Юрий Шевчук

*Шевчук Юрий Юлианович (род. 1957),
рок-музыкант, автор песен, поэт, актёр.*

В ресторане

С душой Достоевского, с комплексами Блока
Я в ресторане сидел, меня тошнило от сока
Судьбу разъял как бронхит – синдром Льва Толстого
Непротивление – слева, справа – грубое слово

Господь сорвал голос, Его мало кто слышит
Но жизнь и так хороша и поэтому дышит
Моя любовь к миру слева, там где пышная Клава
Где ест яблоки Ева, где моя слава

Боже, как хорошо, как легки эти двери
Я в них спокойно вошёл, на блюдах птицы и звери
Я немного грустил, как могила Шагала
Спросили: «Кто виноват?», ответил: «Выпили мало»

Но тут ты появилась и этот бред вспыхнул храмом
Я как старый Дионис, стал мифологическим срамом
Как на невольничьих рынках стояла Родина голой
На подмостках Европы, с крылами до пола

Я забыл кем я стал, я проклял искусство
Понял я что давно боялся этого чувства
Я с тоской Мандельштама упал на колени
Прости меня, я люблю твои овалы и тени

И вдруг что-то влетело в эту щель между нами
Что-то сверкнуло и толпы радостной пыли
По проспекту поплыли, неся в руках знамя
Ты узнала меня и мы секунду любили...

Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачёв, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 168.

После праздника

Миллионы Петров разобраны на сувениры
Сплетни и мифы разлили Неву на глотки
Но даже в это великое Время для нашей
жаркой, знойной и пыльной Пальмиры
На одного интеллигента найдётся дождя и тоски.

Замочили сознание прошлого капель по триста,
Под нашим средневековым небом клёво дышать.
В Петербургском классическом Риме, ты гордая
императрица,
В ленинградской Италии чья-то грешная мать.
Солдат из пещеры смотрит на цивилизацию,
Деревенщиной мнётся и просит у всех закурить.
И проспект всех культур и политик, религий, тусовок
и наций
Отпевает прохожих, как этот град не любить?
Брали действия в рот, и жевали сей праздник зеваки,
За пределами шествующих мимо них масс.
Губернатор сидел невпопад с видом побитой собаки
И выпивал иногда, когда не пялили глаз.

После праздника
Горы пластика,
Прёт схоластика
Да чья-то свастика.
На белой от солнца стене

И гремели Кирововы шоу и наши салюты,
У «гостинки» торчали буржуи и большевики.
И убив три столетия величия, победно кричали
минуты,
И как в 17-м шли недоверчивые мужики.
Вдоль каналов бродила история, пьяна до
бесчувствия,
На помойках туристы ловили религиозный экстаз.
Осознавая, что значат жертвы горожан во имя
искусства
Молодые Раскольниковы торчали у касс.

После праздника
Горы пластика,
Прёт схоластика
Да чья-то свастика.
На белой от солнца стене

Этот город летал на ветрах, полон зрения и слуха.
Утонули в моче спасатель и пенсионер.
По канализации здесь вычисляют высоты прилива и
духа,
Если тебя придавили в толпе – это музыка сфер.
Отреставрировали мертвецов под гнилыми домами,

Неужели наш город, уходим под землю и мы?
Суетимся, шныряем, поём и звеним по весне
кандалами,
Нас как бабочек тоже наколют на тело зимы.
Но этот город стоит, не взирая на громкие даты.
Хоть раскрашен как блядь, во рту платина новых
домов.
Продолжают на солнце гореть невесомые купола-
латы,
Он продолжает сражаться у пяти углов.

После праздника
Горы пластика,
Прёт схоластика
Да чья-то свастика.
На белой от солнца стене

Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачёв, А. Чернецкий, С. Рыжен-
ко, А. Машнин. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 169.

Георгий Шенгели

*Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956),
поэт, переводчик,
теоретик литературы.*

Встреча

Кони гремят за Тверскую заставой,
Давит булыгу дубовый полок:
Ящик, наполненный бронзовой славой,
Сотней пудов на ободья налёг.

Пушкин вернулся в свой город престольный –
Вечным кумиром взойти на гранит,
Где безъязычный металл колокольный
Недозвучавшую песнь сохранит.

Через неделю вскипят орифламмы,
Звёзды и фраки склонятся к венцам,
Будут блистать адъютанты и дамы,
И Достоевский рванёт по сердцам...

Кони гремят по бугристой дороге;
Вдруг остановка: подайся назад;
Факельщик рваный, – «четвёртый разряд».

Две-три старушки, и гробик – старушкин,
Ломкий приют от несчастий и скверн,
С тою, с которой безумствовал Пушкин,
С бедной блудницею – Анною Керн.

Две-три старушки и попик убогий;
Восемьдесят измочаленных лет;
Нищая старость, и чёрные дроги;
Так повстречались Мечта и Поэт.

Но повстречались!.. Безмолвье забвенья –
Как на измученный прах ни дави, –
Вспомнят мильоны о Чудном Мгновеньи,
О Божестве, о Слезах, о Любви!

10.11.1948

Шенгели Г. Собрание стихов. Повар базилевса: визант. повесть. Литературные статьи. Воспоминания. – Москва, 1997. – С. 250.

Я горестно люблю Сороковые годы.
Спокойно. Пушкин мёртв. Жизнь, как шоссе, пряма.
Торчат шлагбаумы. И, камер-юнкер моды,
Брамбеус тратит блеск таланта и ума.

Одоевский дурит и варит эликсиры.
Чай пьют чиновники с ванильным сухарём.
И доживают век Прелесты и Плениры,
Чьи моськи жирные хрипят вдесятером.

Что делать, Боже мой! Лампады богаделен –
И те едва чадят у замкнутых ворот.
Теснят Нахимова, и Лермонтов пристрелен,
И Достоевского взвели на эшафот.

Как поздним октябрём в душе буреет опаль
Листвы безжизненной и моросит тоска...
Но будет, чёрт возьми, но грянет Севастополь
И подведёт итог щепоткой мышьяка!
1949

Шенгели Г. Собрание стихов. Повар базилевса: визант. повесть. Литературные статьи. Воспоминания. – Москва, 1997. – С. 252.

Поэма о двухголовом человеке

Отрывки

12

Из человеческого роя,
Двухглавого избрал героя,
Скрижаль анкеты раздвоя?
«Не тип!» – вы скажете, – «особость!»
Придётся, подавляя робость

13

Вам объяснить кой-что... Не тип?
А тип – Раскольников? И тип ли –
Отелло? Пиквик? Царь Эдип?
Гаргантюа? Признайтесь – влипли!
«Но люди там, а здесь – урод!»
А разве норма «идиот»,
Князь Мышкин? Можно ль человека
Узнать в любом герое «тека»?
Не выродок – Наполеон
И Робеспьер, и Торквемада?
Итак, мой друг, подумать надо
И лишь затем «издать закон»...
В том, что Белинский жил когда-то,
Поэзия не виновата!
1948

Литературная учёба. – 2005. – № 1. – С. 182–191. – Первая публ.

Виталий Шенталинский

*Шенталинский Виталий Александрович (1939–2018),
прозаик, поэт,
журналист и общественный деятель.*

Москва Достоевского

Был вечер пьян, а улица в слезах,
И небо поминутно разрывалось
на трубах, монументах и крестах,
и это всё Россией называлось.
Святою Русью. И у древних стен,
листая фолианты и газеты,
бродили в ожиданье перемен
раскольники, студенты и поэты.
И, не сгибаясь, не считая лет,
неумолимо требуя расплаты,
стояли Кремль и Университет
лицом к лицу, как дуэлянты.
И город сумасшедшей каруселью
то в небо уносился на глазах,
то всей громадой возвращался
в землю.

Москва. – 1975. – № 8. – С. 44.

Вадим Шефнер

*Шефнер Вадим Сергеевич (1914–2002),
поэт, прозаик, фантаст.*

Исход Свидригайлова

Свидригайлов, случайный попутчик
Всех, кто жжёт пред собою мосты
Не скажу, что ты – лучший из лучших,
Но и худший из худших – не ты.

Ты за все свои злые удачи
И за сделки с лукавой судьбой,
Не торгуясь, не требуя сдачи,
Расплатиться сумеешь собой.

По Большому проспекту неспешно
Ты идёшь, чтоб навеки замкнуть
Путь беспутный свой, путь многогрешный,
Достоевским начертанный путь.

А Всевышний играет в молчанку,
Сверху сыплется влажная пыль,
И вселенная мокрой мочалкой
На соборный намотана шпиль.

Ты уйдёшь из Петровской столицы
Не в классически-огненный ад, –
В Вечность серую, в баню к мокрицам,
К паукам, что на стенке кишат...

В двух шагах от такого Эреба
Оглянись, передумай, должник...
Петербургское мутное небо
Тихо капает за воротник.

Равнодушный к тебе, невесёлый
Город мокнет под мелким дождём,
Шпилем, будто осиновым колом,
К этой утлой земле пригвождён.

Bookmix: клуб любителей книг: сайт. – Текст электронный. – URL:
<https://bookmix.ru/groups/viewtopic.phtml?id=1195> (дата обращения:
27.03.2018).

Борис Шифрин

*Шифрин Борис Фридрихович (р. 1950),
культуролог, математик,
поэт, эссеист.*

Чернильница непонятого

1.

Чернильница непонятого происхождения.

2.

Чернильница непонятого!

«Происхождения»:

том.

3.

Чернильница непонятого происхождения том.

4.

Чернильница

Непонятого происхождения

Том

Достоевского.

5.

Чернильница

Непонятого происхождения

Том

Достоевского

(в клетку) тетрадь.

Собрание сочинений: [антология современ. поэзии Санкт-Петербурга]. – Санкт-Петербург, 2010. – Т. 2: Поэзия Петербурга 2010 года. – С. 70–71.

Борис Шкляренко

*Шкляренко Борис Петрович,
поэт из Ярославля.*

Достоевский

Я прошёл по миру, как сквозь строй
Ханжества, жестокости и скотства.
Стала путеводною звездой
Маленькая свечка благородства.
Да простит мне бог эскорт идей,
Где порой терял я чувство меры,
За одну-единственную веру
В святость очищения людей.

Шкляренко Б. П. Барьер: стихотворения. – Ярославль, 1989. – С. 22.

Владимир Шуваев

*Шуваев Владимир Павлович (1946–2014),
поэт из Воронежа.*

Звезда над распятым

Я просыпаюсь. Ночь. Как пусто всё!
Как холода близки. Как явны звёзды!
Сейчас в бору, у самых дальних сёл
Ненастный дождь раскачивает гнёзда.
Сейчас в глуши, сырой листвой шурша,
Бросая тень, ступая некрасиво,
Хрустя в кустах, плеща по камышам,
Страша – сошлось всё прошлое России!
Сошлось... Стоит. И выкликает гулко,
Сквозь хрип ветров, сквозь крик зверья,
Раскаты петербургского разгулья
И стоны новгородского рванья.
Вглядишься же, Русь, в распутицу веков,
Где, громохатая тяжестью и силой,
Мимо своих голодных босяков
Ты мировое счастье вывозила.
Везде твоих авралов голоса,
Везде твои сердца стучать устали,
По всей Земле шумят твои леса –
Порубленные пиломатерьялы...
В любой войне, в любом прорыве лет,
Ценою каждой покорённой кручи,
Иван стоял – и беден, и раздет,
А ты стояла – славна и могуча.
За дельность дел своих, за дальность дум
Вели себе, великая Россия,

Чтобы слепая гордость русских душ
У русских рук прощения просила!
Мы поклонялись – звёздам, не вещам.
Искали – правду на ночной планете.
Нам это Достоевский завещал.
И граф Толстой пророчествовал это!
Где ж – Век Души? Где шум твоей весны?
Где мощный дух и новые начала?
По всем краям стоят твои сыны
И молятся во гневе и печали!
Но гордые – во славе иль в бреду,
Перебиваясь бытностью убогой,
Мы всё равно найдём свою Звезду,
Завещанную нам распятием Бога!

Молодая гвардия. – 2002. – № 5/6. – С. 6–7.

Николай Шумаков

*Шумаков Николай Фёдорович (1928–2003),
поэт, прозаик, переводчик.*

Достоевский в Сибири

Прошедший до конца
Свой ад кромешный.
От каторжных ушедши –
На ночь – дел,
Стоял у Иртыша,
Святой и грешный,
И в небо потемневшее глядел.
Владела всем им дума безраздельно,
Пророческую жизнь его верша:
«Вселенная над нами беспредельна,
Но беспредельней всё-таки душа».

Шумаков Н. Ф. Эшелон: стихи и песни. – Москва, 1984. – С. 89.

Юрий Шумаков

*Шумаков Юрий (Георгий) Дмитриевич (1914–1997),
поэт, литератор.*

Перечёл Достоевского, Толстого
Оба – маги мысли и слова.
(Один не похож на другого).
К строкам бессмертным приник.
Жизни подспудной гнойник
Вырезали смело хирурги.
Гул водопада, звенящие пурги...
Строен, разящ и велик
Истины лик!

Таллин. – 1989. – № 4. – С. 48.

Николай Щёголев

*Щёголев Николай Александрович (1910–1975)
журналист,
поэт первой волны русской эмиграции в Китай.*

Достоевский

До боли, до смертной тоски
Мне призраки эти близки...
Вот Гоголь. Он вышел на Невский
проспект, и мелькала шинель,
И нос птицеклювый синел,
И дальше и сам Достоевский

С портрета Перова, точь-в-точь...
Россия – то вьюга, то ночь,
То светоч и счастье и феникс.
И вдруг это всё замутив,
Назойливый лезет мотив:
Что бедность, что трудно-с, без денег-с.

Не верю я в призраки – нет!
Но в этот стремительный бред,
Скреплённый всегда словоерсом,
Я верю... Он был и он есть,
Не там, не в России, так здесь,
Я сам этим бредом истерзан...

Ведь это, пропив виц-мундир,
Весь мир низвергает, весь мир
Всё тот же, его, Мармеладов
(Мне кажется, я с ним знаком)...
И пусть это всё далеко
От нынешнего Ленинграда!

Но здесь, до щемящей тоски
Мне призраки эти близки!
1946

Кузнецова О. Ф. Архив Валерия Перелешина в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Литературы русской диаспоры Китая 1930–1940-х годов. – Москва, 2020. – С. 400.

Николай Энтелис

*Энтелис Николай Яковлевич (1927–1998),
поэт, прозаик, переводчик.*

Кретины по ходу картины
Показывает ящик «Идиота»,
Но вновь рекламный ролик жаждет влезть.
Хоть передачу посмотреть охота, –
Двух идиотов трудно перенести!

Вопросы литературы. – 2005. – № 2. – С. 380.

Евгений Эрастов

*Эрастов Евгений Ростиславович (род. 1963),
прозаик, поэт,
доктор медицинских наук из Нижнего Новгорода.*

День рождения

Акапельному птичьему пенью
Внял промокший ольховый лесок.
Это утро явилось мигренью,
Постучавшей в озябший висок.

Это утро – мечта идиота.
Полон солнца росистый лужок.
Исчезай поскорее, дремота,
Прочь пошла, депрессивная нота,
Принимай же подарки, дружок.

Это утро обласкано светом.
Первым прибыл, сжимая часы,
Потный Анненский с нежным букетом
Хризантем inferнальной красы.

Клод Моне появился с жасмином,
Кончаловский сирень приволок,
Лев Толстой с заливной луговины
Светло-синий принёс василёк.

Притащился смущённый и вялый
Надсон с тощим венком тубероз
И Ахматова с пламенем алым
Императорских траурных роз.

И Гораций с листочком омелы,
И Есенин с черёмухой белой,
Фет с акацией разных сортов.
И Сайгё с пышной веткой сакуры.
...Лишь один Достоевский понурый
В это утро пришел без цветов.

Москва. – 2011. – № 5. – С. 27.

Марк Юдалевич

*Юдалевич Марк Иосифович (1918–2014),
поэт, прозаик, публицист,
драматург, переводчик, краевед.*

Достоевский в гостях у барнаульского купца

Его сюда привёл приятель.
Вскочил хозяин: – Очень рад!
Засуетился: – К нам писатель,
а мы гуляем аккурат.
Лыс, коренаст, собой доволен,
вся в перстнях пухлая рука.
– Не погнушайтесь хлебом-солью
да этим маленьким застольем
у мужика-сибиряка.
Безмерно жира вдохновенье:
неистовствует ветчина,
кольшется гора пельменя,
над заводью ухи тайменьей
огнём горит луна блина.
Соседка – местная кокетка:
– Позвольте масла положу,
к нам из столицы гости редки...
– Я здесь поблизости служу.
– Вы служите? В высоком чине?
– Не очень. Рядовой солдат.
– Исправник – розовый мужчина –
салфетку уронил в салат.
И тут взломилась басом зычным
шестая дочь оптовика:

– Ах, это очень романтично
солдат пехотного полка!
Скажите, между тем Некрасов,
наверно, близко вам знаком?
– Какой? – обрадовался прасол.
– Их три братана. Ты о ком?
Вон за углом – торговля мылом –
Некрасов Парамон Кузьмич.
А дочь оптовика басила:
– Какая дичь! Какая дичь!
И тугоухая хозяйка,
такие услышав слова,
кричит кухарке: — Подавай-ка
живей на стол тетерева!
А за окном вихры метели,
как злые языки костров.
Они косматились, летели
обрывками неясных строф.
Коняга бился под дугою,
а кошева зарылась в снег.
...Другое? Было ли другое?
Иль померещилось во сне?
Его ли знаменитый критик
признал в былые времена:
«Пишите, правда вам открыта,
как высший дар возвещена!»
Лабазы, церкви, снег и ветер,
а прошлое – обрывки снов.
И кажется, нигде на свете
нет ни романов, ни стихов.

К чему поэзии излишки,
непрочные, как миражи?..
А там, по улице, мальчишка
с какой-то книжкой под мышкой
по снежной замяти бежит.

Поэты Сибири: сборник. – Новосибирск, 1982. – С. 149.

Олег Юрков

*Юрков Олег Владимирович (настоящая фамилия Ладария)
(1935–2020), инженер, научный работник,
издатель, редактор, поэт из Санкт-Петербурга.*

В поселковой библиотеке

Проведи меня в фонды, сестрица,
Там, где холодно, сыро, темно.
Что там старится, нежно хранится?
И к чему прикасались давно?

Здесь нужны молотки да стамески.
Еле держит вон та сторона.
Неразрезанный здесь Достоевский
И военных времён Пастернак.

В полумраке зигзагами бродишь,
Нарушая великих покой.
Очень редко сюда ты заходишь.
Детективы всегда под рукой.

Для решенья душевных вопросов
Всем хватает полтысячи слов.
Для детишек – зачитанный Носов,
Для родителей – мудрый Белов.

Посетители в читке всedневной
Будоражат поверхностный слой
В книжной ловле, весёлой, безгневной,
Не касаясь печали былой.

Путешествия, лов анаконды,
Несгибаемый Тур Хейердал...
Неподвижны глубинные фонды,
И Вергилий, и римский портал.

Неподвижна седая Эллада.
Зевс на землю глядит с высоты.
Не войду я туда без доклада.
Ну а ты, дорогая, а ты?

Нева. – 2012. – № 12. – С. 112–113.

Николай Якимчук

*Якимчук Николай Алексеевич (род. 1961),
поэт, драматург, режиссёр из Санкт-Петербурга.*

Александрю Образцову

Здесь до утра не спят, не спят.
И медицинский спирт лакают.
Здесь бедные слова горят.
И их уже не вспоминают.

Здесь Достоевский проходил:
Колодец-двор чадит помойкой.
Здесь Петербург его поил
Настоем тёмным и нестойким.

Здесь Блок, надравшись, воспарял,
Сушил весло в позёмках Стикса.
Весь Петербург закатно-ал...
Здесь ничего не повторится.

9 января 2005

Ольга Яковлева

Яковлева Ольга, поэт-пародист из Кемерово.

Путём Раскольникова

Пародия на Игоря Волгина

Я раздавил клопа – сгущалась ночи мгла,
и бедолага был расплющен на подушке.
Тут следом мысль шальная обожгла:
ведь так прихлопнуть можно и старушку!

А после пострадал бедняга-жук, –
погиб от гнева моего, судьбой влекомый.
И вновь старушка вспомнилась мне вдруг,
а виноват опять же – насекомый!

Мне догадаться, кажется, пора,
что цепь событий жизни не справишь:
вот ты сейчас прихлопнул комара, –
а завтра чью-то бабушку придавишь!

Да, сам Раскольников когда-то был таков:
он, прежде чем топор взвести на мушку,
давил клопов, жуков и комаров,
готовясь к поединку со старушкой!

Мне Достоевского пора перечитать,
забыв компьютера жестокие игрушки,
чтоб для себя в конце концов понять:
так что же всё-таки доводит до старушки!

Никита Янев

Янев Никита Григорьевич (род. 1965),
поэт из Подмосковья.

Про Мытищи

«Не восемь рук же у меня», –
сказала дочь и дверь закрыла,
таща игрушки в свою детскую,
а я припомнил Достоевского.
Гуляли с ней, гуляли прочие,
любящие детский сад,
и бабушка одна, короче,
рассказывавшая всё подряд,
рассказывала, что работает
в гинекологии, когда
из школы высыпали школьники
на двор второго сентября.
Сказала, мол, что вот такие же
лежат у них, их очень много,
про триппер уж забыли – сифилис,
пятнадцать и шестнадцать лет,
последние два года. Вставил
про наше время робко я.
Она рассказывала дальше:
«Под капельницейю и аборт.
Приходят очень поздно, дети
не могут быть нормальны, но
одна решилась и рожала.
Как видно, пролечилась». Термин.
Потом подростки загалдели,
засквернословили, она, –

«Теперь начнётся мат, – сказала, –
детей нам уводить пора».
Какая встреча. В самом деле,
рассказывала, что гимнастка
теперь пошла в плеча и бедра.
Внук тёмные очки разбил.
Рассказывала, что муж бросил,
из шестерых троих сгубили,
в трёх комнатах одна кукует,
а в поликлинике народу.
«Теперь лежит в Северодвинске,
парализован и зовёт».
Обычные, чуть пожилые
мне разговоры обо всём
о многом догадаться дали.
Про женщину, про Достоевского,
про свой характер, про любовь.
И вот раскрылась эта книга,
что жизнью многими зовома
на той странице, что пролистывалась
по недосугу и смущенью.
Простая девочка из плоти
и голяка родимый плод
сумела полюбить для детства.
В Мытищах умер князь Андрей.

Арион. – 2001. – № 4. – С. 94–95.

СТИХИ ОМСКИХ АВТОРОВ

Елена Аросева

*Аросева Елена Александровна (1923–2016),
актриса Омского академического театра драмы,
заслуженная артистка РСФСР (1974), поэтесса.*

Борис Каширин. Опискин

Всю красоту его идей
Понять мог только... Фалалей.

<...>

Аросева Е. А. Берега любви. – Омск, 2005. – С. 153.

Аросева Елена. Генеральша

«Село Степанчиково и его обитатели» Ф. Достоевский

Всё, что было, было раньше,
Добралась до Генеральши.
Был же с ней в интимах близких
Сам Фома Фомич Опискин.

<...>

Аросева Е. А. Берега любви. – Омск, 2005. – С. 157.

Владимир Балачан

Балачан Владимир Фёдорович (1939–2021),
омский поэт.

На родине

«...Есть что делать на нашем русском свете, верь мне!...»

Ф. М. Достоевский «Идиот»

На родине теперь, как на чужбине:
Язык не тот, и публика не та,
Не красота порядком правит ныне –
Злой алкоголь и злая наркота.

У нас такого сроду не бывало:
Народ сегодня молчалив и хмур,
Как будто под лоскутным одеялом,
Живёт под гнётом западных культур.

Душа его скукожилась, прогоркла,
С молебным стоном: – Господи, спаси! –
Как сирота, блуждает по задворкам
Когда-то светлой, песенной Руси.

А ты, поэт, что сделал для России?
Чтоб прошлое с грядущим увязать,
В душе, как войско, соберёшь ты силы –
Народу слово верное сказать?

Родиться ли в душе твоей потребность:
За правду и за Родину стоять?! –
Чтоб нас – и душу нашу! – будто крепость,
Ни хитростью, ни приступом не взять!

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 6.

Мария Ватутина

*Ватутина Мария Олеговна (род. 1968),
поэт, журналист, редактор.*

Где Луна лежит горошинкой
Под перинами небес,
С Карамазовым Алёшенькой
Я пошла бы в райский лес.
Он не схож с другими, грешными,
На лице его пушок.
Под холщовыми одеждами
У него живёт божок.
Уж себя бы я озвучила
Возле чуда-деревца.
Уж его бы я помучила
Всемогуществом Отца.
Чтоб дошёл до рукопашного,
Чтобы в зареве хмельном
Он узнал, какого страшного
Носит Бога под руном.
А в лесу поляны скошены,
Спину колкое саднит.
А за слабости Алёшины
Пусть Господь себя винит.
От смеющейся, от плачущей,
От распутной, от святой
Он уйдёт походкой скачущей
К ровным людям на постой.
А на подбородке ямочка –
К неспособности решать.
Упадёт на землю яблочко
И останется лежать.

Екатерина Воробьёва

Воробьёва Екатерина Леонидовна (род. 1991),
культуролог, поэт .

Бездна

*Две бездны, две бездны, господа,
И один и тот же момент...*

Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»

Так шатки края у всевъемлющей бездны,
Что вмиг неизвестное станет известным.

Светило, что втоптанно в грудь горизонта,
Зеркальные маски улыбок Джоконды,

И пропасть – в сердцах, и бездонье – во взорах,
И реки, и небо, и звёзды, и горы,

И низший кабак, и священные кельи –
Там Всё и Ничто навсегда параллельны.

Она не видна среди цветущих просторов,
Где мелкие страсти и глупые споры.

Но не избежать рокового свиданья –
Ведь бездна всегда возникает случайно.

7.02.2008

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 9.

Паук

*«...будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани,
закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность».*

Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»

*«...кто-то ... показал мне какого-то огромного,
отвратительного тарантула и стал уверять меня,
что это то самое тёмное, глухое и всесильное существо...»*

Ф. М. Достоевский. «Идиот»

В тиши краснощёкой ни ветка ни гнётся,
Пугливый не движется звук...
Пылая, выходит ленивое Солнце –
Огромный лохматый Паук.

Он, выпятив брюхо, ползёт небосводом,
Как старой чуланной стеной.
Он тучи дырявит то лапой, то взором,
То всюю своей головой.

Он ярче становится, звёзды сжирая,
Ни вздох не раздастся, ни стон...
Луна исчезает, трусливо сбегая,
Когда просыпаясь, Паук зажигает
Дыханьем своим горизонт.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 12.

Георгий Вяткин

*Вяткин Георгий Андреевич (1885–1938),
прозаик, поэт, драматург, публицист.*

Огни

Закружит ли ночная метелица
И окутает саваном дол, –
Всё мне грезятся светочи милые:
Огоньки деревенских школ.

Тяжела ты, суровая непогодь,
Ты темна ещё, русская ночь!
Дикой воли, разгула кровавого
Ты не можешь ещё превозмочь.

А посмотришь на ниву народную:
Детский шум не смолкает на миг,
И склоняются юные головы
Над листами тетрадей и книг...

Ты крути, не крути ли, метелица,
Заметай ли дорогу во мгле, –
Разве разуму воля заказана,
Разве нет красоты на земле?

И не хочешь, да вот зачитаешься.
Станешь думать и ночью и днём,
А потом над родными раздольями
Вся душа загорится огнём.

Гей ты, родина, Русь неоглядная!
За тебя ль пред врагом не стоять,
Достоевского, Гоголя, Пушкина
Величаяя скорбная мать.

Ты открой нам пути заповедные,
Уведи от раздоров и зол.
Путеводными звёздами светятся
Огоньки деревенских школ.
1919

Поэзия белой столицы: стихи поэтов Омска. – Тобольск, 2016. – С. 100.

Любовь Евдокимова

*Евдокимова Любовь Васильевна (род. 1953),
поэт из Марьяновского района Омской области.*

Арестант Омского острога

То зной, то стужа –
 тут они в избытке
Навалится усталость и тоска.
Душа от света наглухо закрыта.
Куда идти ей? И чего искать?
«Душевное подполье» – не химера.
Устроен подло и нелепо мир
Алёша Карамазов «Символ веры»
Читает в церкви...
 мрачная Сибирь,
Точнее, су-мрачная, обездолив,
 всё же
Воскресным днём позволит,
 впустит в храм.
Здесь Сонечка была,
 Здесь был Рогожин.
Раскольников...
 И Достоевский сам.

23.01.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 14.

На каторге

Кромешная тьма: унижения,
свара и злость...
В остроге на каторге – мученик ада.
Решится когда-нибудь этот
«проклятый» вопрос:
«Достоин подлец-человек
всепрощенья,
добра и отрады
Душевной?».
Хотя бы утешьте...
Скажите,
хотя бы на миг
Сойдёт благодать милосердия,
кротость-покорность?
Загадка и тайна – в евангельском
свете
любви.
...Свобода –
и новая жизнь.
Воскресенье из мёртвых!

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. –
С. 15.

На Руси живут
Мармеладовы,
Свидригайловы,
Смердяков.
Коль родился тут,
То поглядывай
Да оглядывай
Даль веков.
– Здравствуй, Сонечка!
Сладок сон ли твой
Иль распят?
На Руси моей
Искони по сей,
По сей день на ней
Души женские
Голосят...

25.09.1997

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. –
С. 16.

Бедные люди

*...вам тяжело будет жить,
Вечно тоскуя и боля чужим горем.
Ф. М. Достоевский. «Бедные люди»*

Что лучше: оставить, как есть
или так,
как сейчас получается?
Былинка одна в чистом поле
от буйного ветра качается.
Мы родственны, бедные люди,
и лютый нам жребий:
всю жизнь – горемычные...
У доброго сердца найдёшь
состраданье, заботу, величие.
Возвысься над бытом вседневным,
над горестным ходом событий!
Но там – возвышается! – право
богатых
и сытых.

06.02.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 17.

Петербургская поэма

*Великие корни пустила клевета.
Ф. М. Достоевский. «Двойник»*

Вот вероломный друг,
 злодей, шельмец вертлявый,
Двойник и самозванец –Голядкин-младший.
О, ужас колдовства!
 Голядкин-старший
Не может доказать: он настоящий!
Все лгут, хитрят и держать круговую...
В полусловах – хихиканье...
Намёка даже
 нет
На крепкую поддержку.
Со всех сторон предательски поруган,
Укрыться можно за перегородкой,
 за ширмой, за шкафом...
Но автор выведет его к толпе шумящей
При помощи внезапного и вдруг...
А потому, читатель,
 будь здоров и твёрд,
Ни при каких раскладах не чертыхайся,
Чтоб происки нечистой силы
 да душегубец твой,
 двойник фантомный
В тебе не подменили человека
 на ветошку для чищенья сапог.
30.01.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 18.

Роман «Униженные и оскорблённые»

Азорка... Смит... не княжеские дети...
Бумаги в наволочке – будущий роман.
Как много оскорблённых есть на свете.
Доверчивых преследует обман.

Разбита чашка, и разбито счастье.
Душе в страданиях крепнуть и взростеть.
А гордость – гордость! – разжигает страсти
И поневоле выбирает смерть.
02.02.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 19.

«Белые ночи»

Даже имя неведомо: он просто
романтик-мечтатель,
А белые ночи скрывают утраты
и прячут
Особенный свет, не луны –
петербургского солнца.
Хрустальное небо седьмое,
и грёзы, и чувства
настолько
близки... он живёт в тридесятом
неведомом царстве.
Но грозное время настанет
живой,
непридуманной страсти.
В причудливом мире восторгов
увянут мечты
И осыплются листья с деревьев...
...И грусть, и печаль...
но как это точно и верно.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 20.

Карамазовы

В чём и признаться нельзя человеку:
В тайном родстве с перекошенным веком,
В страшной гримасе судьбы и души,
В диком желании мстить и крушить –
Всё это
 нате, берите, судите,
Не ограждаясь словами молитвы.
Дух карамазовский,
 русский,
 сермяжный...
Он ещё миру такое покажет.
Что содрогнуться земные устои!
Он ещё миру покажет
 такое.

22.02.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 21.

Дмитрий Карамазов

Сердечная страсть куролесит
И силой свою страшит...

Из Скотопригоньевска вести
Доходят до нашей души.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 22.

Красоте неспроста
Поклоняются люди.
«Мир спасёт красота...»
И спасёт и погубит.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. –
С. 22.

Достоевский

Величие слова,
Величие чувства...
И кротость, и крепость
Души моей русской.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. –
С. 22.

Невозвратность

*Новое, грустное и безотрадное чувство сдавило ему сердце:
он вдруг понял, что в эту минуту, и давно уже,
всё говорит не о том, о чём надо ему говорить,
и делает всё не то, что бы надо делать...*
Ф. М. Достоевский. «Идиот»

Князь Мышкин,
по имени Лев
Николаевич.
Ирония?...
Спор с современником Львом
Или тайна?
Обломовец?
Двойственность в чувствах...
Внушает надежды пустые.
Сам искренне верит
в свои же мечты
золотые.
За весь белый свет он болеет
душою и сердцем.
В итоге –
Он губит свой мир красоты,
В котором два солнца померкли.
07.03.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 23.

Звенья одной цепи

Есть ли символ в звеньях-позвонках?
Это цвет снегов на облаках.
Облако само за связь времён,
Из былого – в будущее сон
По небу летит средь грозных бурь,
Украшая синеву-лазурь.

В череде событий есть звено,
Цепь сковало всех сильней оно,
Повторенье знаков и имён.
Благостным звоном – пасхальный звон.

Окольцован дом звеном дорог,
И ромашка – ласковый цветок
Солнцеокий дарит людям взор.
А с каких – никто не знает – пор?
Человек – звено добра и зла.
Достоевский правду рассказал.

И Земля – звено среди планет,
Чудотворный излучает свет.

Прогуляюсь Млечным я Путём
(мысленно, конечно!)
Позвоночник мироздания – в нём!

18.11.2019

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 24.

Владимир Зензин

*Зензин Владимир Васильевич (род. 1935),
омский журналист, поэт.*

Записки из Мёртвого дома

Ф. М. Достоевскому

Колодник каторжного острога
В сыром и глухом подземелье
Писал гениальным слогом
«крамольные» сочиненья.

Зензин В. В. Омск юбилейный: к 280-летию города: альманах. – Омск, 1996. – С. 6.

С высоким челом,
в белой смертной рубахе,
толпу раздвигая,
идёт наперёд...
Сверкает топор над широкою плахой,
И даже опричник от страха икнёт!
Русь древняя,
с силушкой злобно-огульной,
Тебе присягали цари и вожди,
но ты не щадила умов богохульных
и кровью с небес проливала дожди!
Я вижу, как Пушкин сражён бессловесной,
Завистливой злобой
на жжёном снегу,

Как в крепости сходит с ума Достоевский,
Как скрючен Есенин в смертельном бреду...
Россия великая!
Тайные вехи
твои
осеяли народы в веках!
Тебя прославляли Чайковский и Рерих,
но многих карала твоя же рука!
По лагерным тропам ГУЛАГа,
по тюрьмам
Прошёл Солженицын
и много других...
Борис Пастернак покидал мир угрюмый,
Где смертью за правду карается стих!
Россия!
Россия!
Доколе, доколе
Вершиться разбоям
и казням в веках?
Я смертный простой,
но горжусь своей волей,
И я не смирюсь
с чёрной злобой никак!

Зензин В. В. Время и честь: стихи и поэмы. – Омск, 1993. – С. 214–215.

Вениамин Каплун

*Каплун Вениамин Вениаминович (род. 1937),
омский поэт.*

Музейный снимок

Александр Леиферу

Какая дружная семья,
Какая вьюжная эпоха!..
Мы выглядим совсем неплохо.
Ах, семинарская скамья!

Ты не один стоишь на том:
Прочь розовые занавески, –
Здесь состоялся Достоевский,
Где был вчерашний «Мёртвый дом».

Гляжу из этой глубины:
Всё в чёрно-белом окруженье;
Но есть дыханье и движенье
В день завтрашний от старины.

Какой-то миг, какой-то век:
От Достоевского признанья –
До Солженицына изгнанья.
Один размах, один разбег.

Один решительный удар,
Одно Отечеству служенье,
И безоглядное горенье –
Души отверженной пожар.

Высок Отечества алтарь!
Горю, как встарь, в грозе и громе,
В своём родном иль мёртвом доме,
Свободный узник и бунтарь.

...Вернусь сюда, где средь друзей
Антон Сорокин в звёздном шлейфе.
И мне откроет Саша Лейфер
Литературный наш музей.

Хочу хоть минуты покоя. Всё было – бои и пиры...: (воспоминания об Александре Лейфере). – Омск, 2018. – С. 255–256.

Олег Клишин

*Клишин Олег Николаевич (род. 1960),
поэт из Омска, майор внутренних войск.*

Омск, 1850 г.

Сенатская площадь. Декабрьский снежок
горяч вперемежку с картечью.
А годы спустя петрашевский кружок,
подполье, крамольные речи.

Ах, бедные люди! Искать от добра
всеобщего нищего счастья...
Семёновский плац. Эх, пора, брат, пора!
Но всё, что случится, во власти

Всевышнего или того же царя.
Раскольников, Мышкин и Бесы
и клан Карамазовых, благодаря
сибирскому тракту то лесом,

то полем... пребудут, смущая умы.
Грядущие светлые дали
не так уж светлы, убедимся и мы.
Но это потом, а вначале:

Стена крепостная вблизи Иртыша,
протяжная песня парома.
Свечой озаряла живая душа
расщелины Мёртвого дома.

К портрету Достоевского

Усмиряющего балахона
белый купол накрыл с головой.
Русской прозы шумящая крона
неужели могла быть другой?

Не откройся какая-то дверца,
не случись подконвойный этап,
не коснись обнажённого сердца
лютый лёд люциферовых лап.

Во спасенье души поединок
против гибельной своры страстей.
Скул монголо-татарских суглинок
узнан ветром сибирских степей.

Из песка, из просёлочной тверди,
из гранитных торцов – изнутри –
цепкий взгляд, говорящий, что смерти
не бывает. Не веришь? – Смотри,

как сияющий символ распятия
сквозь клубящийся солнечный дым
бледный воск перепаханых пятей
рассекает лучом золотым.

2007

Достоевский и Омск: диалог через века: альбом. – Омск, 2011. – С. 156.

Пётр Козлов

*Козлов Пётр Гаврилович (род. 1955),
филолог, юрист, поэт из Омска.*

В музее Достоевского

В музее Достоевского поэты
успешно провожают старый год.
А маска Достоевского при этом
на них глядит и ничего не ждёт...
Закрыты веки. Но сквозь эти веки
взирает космос на живых людей
и понимает: все тут – человеки,
не лишены причуд, затей, страстей.
Слеза ребёнка им всего дороже,
когда они с собой наедине...
А ныне собрались и год итожат,
он творческий, наверное, вполне...
И сам бы Достоевский был не против
махнуть рукою рюмку не спеша,
ведь здесь уже не в арестантской роте,
здесь каждая – свободная – душа...
Ты если русский, значит, православный
и, стало быть, совсем не либерал...
Ну, вот и подытожили, и славно...
В музее Достоевского... Кто б знал!
Не всё покрыто пеплом в нашем мире.
Великий космос знает, что под ним
есть угли, что всё помнят о кумире!
А маску – для экскурсий здесь храним...

Андрей Козырев

*Козырев Андрей Вячеславович (род. 1988),
поэт, прозаик, издатель из Омска.*

Город

Город смутный, город Достоевский,
Плеть Петра и посвист Ермака...
Брат, наследник, сын столицы Невской,
Ты не изменился за века.

Здесь лежит Великий путь – к востоку.
Здесь лишь ясно, как земля кругла.
Здесь земные отбывали сроки
Те, кого Москва не приняла:

Казачьи, острожники, поэты –
Вечные изгнанники страны...
Здесь столица возвышалась летом,
Осенью – пылал пожар войны.

Власть меняла лики и названья,
Только суть во все века одна –
Голод, вьюги, каторжные бани,
Плеть, шипы, острожная стена.

Крепость. Пушки. Мрак – сильней сияний.
Старая церквушка. Вечный Бог.
И над белизной старинных зданий
Небосвод, как обморок, глубок.

Ни войны, ни мира, ни покоя...
Тёмные дома. Глаза огней.
Вьётся снег над чёрною рекою,
Вьётся дым над родиной моей.

А в минуты ясности короткой
Вижу я, как сквозь глубокий сон:
Спорят в небе Змий и Агнец кроткий,
Спорят в небе Лев и Скорпион.

На пути Сибирском, как на нерве,
Город обречён веками жить...
Здесь Ермак ещё раз тонет – в небе:
Небосвод в доспехах не проплыть.

А когда в степных просторах дальних
Гром грохочет, всех смертей грозней –
То бросок костей, костей игральных,
Ставка же – судьба земли моей!

Для игры священной опустели
Шахматные клетки площадей,
Клетки, на которые летели
Головы проигранных людей...

...Много есть дорог на белом свете,
Много предстоит мне повидать,
Много городов развеет ветер,
Так, что и следов не отыскать,

Но о том, что видел в колыбели,
Вечно помню – с болью и трудом:
Достоевский. Белые метели.
Чёрная река и Мёртвый дом.

Город детства

Роберту Рождественскому

Спой мне про город, тихий, словно сон,
Где пыль блестит, где солнце светит ярко...
Пусть прозвучит напев былых времён
В тиши глухих индустриальных парков.
Здесь небосвод так густ и так высок,
Что степь его читает в переводах,
И так тягуч и ласков солнцепёк
На тихих, мирных танковых заводах.

Спой мне про город, тихий, словно сон,
Где Мёртвый дом так солнечно приветлив...
Здесь для всего свой найден эталон –
Для каторги, кнута, креста и петли.
На лбу клеймо ворах здесь ставит мрак,
Вбив им в мозги сюжеты ста рассказов.
Здесь Достоевскому в глухой барак
Стучит поручик Дмитрий Карамазов.

Курчавятся кочевничьи костры
Под блеском шумных автострад Магога...
Их видит в плясках дьявольской игры
Лишь эпилептик, ослеплённый Богом.
В сугробах скачет чёрный человек,
И снегопад лепечет по-татарски,
И каторжники разгребают снег
Под занесённой ранней вьюгой Тарской.

Спой мне про город, тихий, словно сон,
Захламино, Нахаловку, Амуры...
Эрцинский лес метелью занесён,
И неприветлив шум его понурый.
А летом – тот же inferнальный зной.
Уходит день походкой вороватой,
И в желтизне над бурой Тишиной
Спят на мели воздушные фрегаты.

Спой мне про город, тихий, словно сон,
Про Мёртвый дом и про Асгард Ирийский...
Им приговор себе произнесён
По-иудейски, гречески и римски.
Степной острог для нас – что высший свет:
Мы пудрим пылью Мёртвый дом старинный
И к юбилею – триста тысяч лет –
Гордимся, что живём в его руинах.

Припудрен барский допотопный быт
Пыльцою с башмаков хмельных кварталов,
И сквозь века истории летит
Взгляд каторжника в очи адмирала.
Здесь лукоморский морок вознесён
Превыше счастья и превыше света...
Спой мне про город, тихий, словно сон, –
Про город Сон, куда мне нет билета.

Козырев А. Осень в Византии: кн. стихов. – Омск, 2016. – С. 42–43.

Достоевский на Семёновском плацу

Я жив?
Я жив....
Я жив! Я не расстрелян!
Но сердце, словно поплавок, дрожит.
Плац перейти, когда нет в жизни цели,
Сложнее было мне, чем жизнь прожить.

Я помню дула, осуждённых взоры,
Халат и столб, и плац полупустой...
И свет лучей на куполе собора –
Невыносимо яркий, золотой...

И этот свет вошёл в меня, нетленный,
И вот коснулся сердца моего,
И сердце стало углем за мгновенье...
Оно алмазом было до того.

Я сердце-уголь выну из груди,
Чтоб углем набросать картину жизни:
Всего того, что было позади,
Всего того, что будет после тризны.

И в этой бесконечной круговерти
Не надо суетиться... Вышел срок.
И неохота рассуждать о смерти,
Когда Бессмертье целит мне в висок!

Козырев А. Дневник одного путешествия: кн. стихов. – Омск, 2014. – С. 144–145.

Пушкинский тракт

Над сибирской дорогой новой
Ветер бьётся седыми всплесками.
Тьма колючая, ермаковая.
Вьюга чёрная, Достоевская.

Снег взмывается, жжёт пожарами,
Да берёзы – метельных ветров белей.
Лишь машины мелькают фарами.
Ночь кутилова. Всполох врубелев.

Небеса с земли всю согнали спесь,
И гудит метель над Россией...
Транссибирский холод бушует здесь.
Морок анненский. Степь васильева.

Ночь суровая, богатырская.
В небе – всплески пламени синего.
Время вьюжное, даль сибирская.
Тьма колчакова. Тишь мартынова.

Козырев А. Осень в Византии: кн. стихов. – Омск, 2016. – С. 72.

Русская ночь

Лежу на дне огромной, чёрной ночи –
Осадок на горелом дне котла.
Что делать, если, хочешь иль не хочешь,
Но кончился в груди запас тепла?
Мир – он такой: наивный, но коварный.
Лежу. Смотрю в высокое окно,
Где над Россией треплется бездарно
Пробитое небесное сукно.

Щербатая луна хохочет снова.
Она дрожит уже который час,
Как голова Емельки Пугачёва,
Вися в руке хмельного палача.
Эх, русский бунт!... Скрипит с надрывом дверца,
И я с оглядкой выхожу во двор,
За пазухой храня хмельное сердце,
Как некогда Раскольников – топор.

Быть может, время – это вид насмешки
Над человеком, впаянным в Ничто?
История падёт орлом и решкой,
А мы всегда поставим не на то.
..А город ночью набухает тьмою,
Прильнёт к окну и выдавит стекло –
И унесёт меня своей волною
Туда, где доброты добрее зло.

Но, как бы пропасть века ни зияла,
Мне о любви надсадной не забыть,
И вылезает из-под одеяла
Та пустота, где ты должна бы быть.
И, глядя с неба в нас, ты ищешь знака,
Что мы – живём... Болит, как шрам, душа.
И Омка, как приبلудная собака,
Прижалась мордой к боку Иртыша.

Козырев А. Осень в Византии: кн. стихов. – Омск, 2016. – С. 69–70.

Николай Кузнецов

*Кузнецов Николай Матвеевич (род. 1939),
поэт из Омска.*

Весенние прогулки

I

И свежим воздухом повеяло,
просторным воздухом полей.
Опять душа моя поверила
во здравие, а не в болезнь.

На вешалке плечей и тела
висит, болтается пиджак,
а ветер дует оголтело,
и брюки треплет каждый шаг.

Иду себе. Что сон и отдых?
Как бы не перейти на рысь.
Летит, выветриваясь, одурь,
и лень, и злоба, и корысть.

И зимняя дурная спячка,
и быт, и тягостная мысль,
и сигарет пустая пачка
попутным ветром унеслись.

И я как будто бы из бани,
и я как будто смыл весь пот,
и слёзы всех воспоминаний,
и пыль всех мелочных забот.

И мимо, мимо перелеска,
а я всё дальше – дуй, не стой.
И убегает Достоевский,
в меня вселяется Толстой.

И я забыл про нудный кашель,
с землёю ощутил родство
и отразил, как будто капля,
природы дух и естество.

II

Пусть разные дрязги и ссоры
минуют меня стороной.
Пружинящие рессоры
шагов на тропинке лесной.

Дав сердцу свободу и роздых,
уйду, до утра запропав,
вдыхая дымящийся воздух
и запах оттаявших трав.

И уши, как чуткого зверя,
Трепетно наострю
На тихие ветви деревьев –
На шум их ветвей на ветру.

Чтоб думы, спокойные думы,
уравновесили шаг,
сливаясь с журчаньем и шумом
и с шелестом камыша.

В дрожащее марево света
войду, как медлительный вол,
потрусь, вместо слова привета,
щекой о щекочущий ствол.

Найдётся ль напиток вкуснее,
чем сок из берёзовых жил?
Найдётся ли край нам роднее
земли, где родился и жил?

Кузнецов Н. В полях воспоминаний: стихи. – Москва, 1989. – С. 12–14.

Как мне эта картина знакома –
Достоевский навзрыд описал:
вдох последний и смерти истома –
лошадиный предсмертный оскал.

Не могу позабыть я клячу,
Воз навьюченный до не могу.
Рвёт постромки и ноги калечит –
воз недвижим в глубоком снегу.

А возница кнутом полосует
матерится брат, взмыленный весь.
Понапрасну он злится, впустую:
воз ни с места – велик его вес.

Только вспомню – и сердце заплачет.
Мальчик трёт обмороженный нос,
молит Бога помочь этой кляче
увезти этот проклятый воз.

Бог, конечно, молитву услышит
и поможет, на то и Христос.
Лошадь взвизгнет, надсадно задышит,
через силу рванёт, сдвинет воз.

На последнем пределе потащит,
Напрягая все мускулы ног.
Нам бы выбраться только из чащи
На намёрзшую наледь дорог!

Елена Кузнецова

*Кузнецова Елена Михайловна,
врач и поэт из Омска.*

Памяти Достоевского

«...Открыт ненастьям берег,
Обветрена волна.
Страданьем день измерен
До самого до дна.
И ноша униженья
Потяжелей оков,
Что стоят убежденья
В краю сухих ветров!

Тобольские ворота
Давно не на замке.
И листьев позолота
Летит...
Летит... к реке.

Достоевский и Омск: диалог через века. – Омск, 2011. – С. 156.

Светлана Курач

Курач Светлана Владимировна (род. 1964),
омский поэт.

«Во первых строках своего письма»
Я вам расскажу, мой друг,
Что в Омске опять воцарилась зима,
Стал ближе полярный круг.

Что скоро застынет на речке лёд,
Лыжни побежит строка.
Пойдёт на посадку ночной самолёт
Сквозь белый туман снежка.

В Органном – раскатисто льётся звук,
В Концертном – опять аншлаг...
Я помню, что двум берегам, мой друг,
Никак не сойтись, никак.

Россия – всё та же: печаль дорог
И взмах платка вдалеке...
А здесь Достоевский, сутул и строг,
По Тарской идёт к реке.

А здесь – любил адмирал Колчак
И канул в одну из вьюг...
Здесь в храме высоком горит свеча
За Вас, мой далёкий друг.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 30.

Аркадий Кутилов

*Кутилов Аркадий Павлович (1940–1985),
поэт, прозаик, художник из Омска.*

Всем идолам души моей – амнистия!
Шуруйте, держиморды, на покой!..
Фонарик моего свободомыслия
включился дostoевскою рукой.

Ревизия все догмы с места стронула.
Вперёд, моя фантазия, вперёд!
Раскольников в костюмчике нейлоновом
по Омску неприкаянно бредёт.

Все мысли перетряхиваю заново
и вновь мировоззрение плету.
Фонарик мой, как Неточка Незванова,
тревожит голубую темноту.

Лейфер А. Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки. – Омск, 1996. – С. 196.

Обыватель-72

Дружище-спирт уже не радует,
в башке грохочет порожняк...
Смотрю на улицу косматую –
и всё на улице не так...

Девчонка в юбочке лавсановой –
сама святая чистота, –
как отклик Неточке Незвановой,
легко маячит у моста.

Меня там нет, и, право слово,
там даже пыль ласкает глаз!
Везде красиво и толково, –
везде, везде, где нету нас...

Душа – гадюка подколотная –
ни дать любви, ни взять огня...
Уйду – и комната холодная
теплее станет без меня.

Друзья мои в богатом праве
меня с опаской обходить...
Лишь чёрных слов я им оставил,
чтоб чем-то гроб обколотить...

Сточились когти, мыслей клочья,
и крыльев срезаны углы,
и не клекочут, не клекочут! –
поют отходную орлы...

Но встать! Но выйти! Но ударить!..
Кого-нибудь, за что-нибудь...
Когда ж успел я прогитарить,
убить, проспаться, пропить свой путь?

Сиди и всхлипывай – под занавес –
свое последнее «прости»...
...К мосту, до Неточки Незвановой
уже, конечно, не дойти...

Лейфер А. Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки. – Омск, 1996. – С. 197.

Зарифмуем моменты про долги и проценты

Ей приснилась деревня,
голубая вода,
молодые деревья,
молодые года...

Ни рожденья, ни смерти,
ни двора, ни кола...
Тихо звякают серьги
голубого стекла...

И проснулась Алёна
под таинственный звяк...
По квартире влюблённо
пробегают сквозняк.

На столе – сторублёвка,
под кроватью – шкатулка,
в уголочке – обновка:
бескурковая тулка.

(Не хватало полсотни
на золотое кольцо –
и бедовый охотник
заложил ружьецо.

Бабка хищно погладит
бескурковку – и вмиг
на охотничьей свадьбе
помрачнеет жених).

...Все премного довольны:
не бабуся, а банк!
А один малахольный
заложил свой талант.

Деньги надо на спички,
на стаканчик крови...
Деньги – чудо-кирпичики
на фундамент любви...

Деньги! деньги! и деньги!..
На прощальный веночек...
...Вновь запели ступеньки...
Осторожный звонок...

Обомлела Алёна
под таинственный звяк...
По квартире влюблённо
пролетает сквозняк...

Что ей снилось под утро?..
Ни двора, ни кола...
Чьи-то чёрные кудри,
да кого-то звала,
да приникла к плечу его
в затемнённом саду...

...И Алёна почувяла
за дверями беду...
Рот её треугольником
вдоль по комнате мечется...

...Тихо входит Раскольников
санитар человечества.

Лейфер А. Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки. – Омск, 1996. –
С. 198–199.

Сыну Олегу

Медленный снег...
Дымчатый кот...
Трёхлетний Олег
песню поёт.

Язычник! Скиф!
Огонёк без дыма!..
Откуда мотив?
Из души, вестимо.

Понять нетрудно
души разбег:
– Каким я буду? –
поёт Олег.

Глотка моя – Шаляпин,
Пеле – нога в современной шляпе,
мой ум – Эйнштейн человечества,
Достоевский – душа, что мечется..

Паганини – рука,
Робеспьер – язык...
А в общем –
такой я и буду мужик.

Вымпел [р. п. Колосовка Ом. обл.]. – 1995. – 18 авг.

Егор Летов

*Летов Егор (настоящее имя Игорь Фёдорович Летов) (1964–2008),
поэт, музыкант, звукорежиссёр,
художник-оформитель и коллажист.*

Сто лет одиночества

Фрагмент

И будет целебный хлеб
Словно нипочём
Словно многоточие
И напроломное лето моё
Однофамильное
Одноимённое
Губы в трубочку
Нить – в иголочку
Не жисть – а сорочинская ярмарка!
Заскорузло любили
Освинело горевали
Подбрасывали вверх догорелую искорку
Раскрашивали домики нетрезвыми красочками
Назывались груздями, полезали в кузова
Блуждали по мирам, словно вши по затылкам
Триумфально кочевали по невымытым стаканам,
по натруженным умам
По испуганным телам
По отсыревшим потолкам
Выпадали друг за другом как молочные зубы
Испускали дух и крик
Пузырились топкой мелочью
В оттопыренных карманах деревянных пиджаков

Кипучие могучие никем не победимые
Словно обожжённые богами горшки
А за спинами таились
Лыжи в сенях
Санки
Салазки
Сказки
Арабески

<...>

Ещё одна свирепая история любви
Грустная сказочка про свинью-копилку
Развесёлый анекдотец про то как Свидригайлов
собирался в Америку
Везучий, как зеркало, отразившее пожар
Новогодний, как полнолуние, потно зажатое в кулаке
Долгожданный, словно звонкое змеиное колечко
Единственный, словно вскользь брошенное словечко
Замечательный, словно сто добровольных лет
Одиночества.
декабрь 1990

ГрОб хроники: сайт. – Текст электронный. – URL: http://grob-hroniki.org/texts/go/t_el_s/sto_let_odinochestva.html (дата обращения: 29.01.2018).

Юрий Макаров

Макаров Юрий Анатольевич (1934–2005),
директор Омского краеведческого музея, поэт, краевед.

Копеечка Достоевскому

Звону колокола дальнего
Вторит звяканье кандальное.
Тарабарской Тарской улицей
Арестант бредёт-сутулится...
У него в душе который год –
Гнёт, гнёт, гнёт.
Впереди ворота Тарские,
Не въездные, а мытарские...
Вал земной зарос крапивою,
А под ним – подлесок ивовый,
В ивах ветви перепутаны,
Да не ветви, а... шпицрутены...
Только вдруг навстречу –девочка,
Подаёт ему копеечку,
Голос милый и участливый:
«На, возьми себе, несчастненький».
Будто тихий ангел пролетел,
Он очнуться сразу не успел,
Оглянулся – её след простыл,
Но зато прибыло будто сил.
Шёл, крепился, без усталости,
И боялся своей радости,
Но почти у самой крепости
Не достало ему крепости.
Крепость, будто с места сдвинулась,
Наклонилась, опрокинулась...

Омская старина: ист.-краевед. альм. – Омск, 1993 (1994). – Вып. 2. – С. 164–167.

Леонид Мартынов

*Мартынов Леонид Николаевич (1905–1980),
поэт, переводчик, мемуарист.*

Баллада о Фёдоре Достоевском

Невский

Остаётся просто Невским,
Отвергая переименованья.

Достоевский

Остаётся Достоевским,
Отвергая перетолкованья.

Быть бессмертным

Тяжкая повинность!

Бытие мыслителя один из

Самых фантастических романов.

– «Расскажите, милый Валиханов, –
Попросил Чокана Достоевский, –
Что теперь творится в Петербурге?

И сказал Чокан, на запад глянув:

– Друг мой,

Невский остается Невским,

Как и Достоевский Достоевским,

Даже если загнан к чёрту в турки!».

Впрочем, был ли сей ответ столь резким?

Мне проконсультироваться не с кем,

Так ли точно средь степных курганов

Выразился славный Валиханов.

Но ведь Невский
Остается Невским,
Как и Достоевский Достоевским,
Точно так же, как и Валиханов,
Хоть и много разных великанов
И живых и всяких истуканов
За сто лет
Исчезло,
В Лету
Канув!
1970

Мартынов Л. Избранные произведения: в 2 т. – Москва, 1990. – Т. 2. – С. 303–304.

Книги

А красноречивей всех молчат
Книги, славно изданы, честь честью
Переплетены, чтоб до внучат
Достояться с Достоевским вместе
И затем поведать всё, о чём
Написавший не сказал ни слова,
Но как будто озарил лучом
Бездну молчаливого былого.
1970

Мартынов Л. Избранные произведения: в 2 т. – Москва, 1990. – Т. 2. – С. 106.

Внешнее сходство

В юности
Похож я был на Джека
Лондона, а несколько позднее
На другого человека –
На Есенина Сергея.
А когда уже перевалило
Мне за сорок – непонятно было,
Почему меня изобразила
Вдруг на Достоевского похожим
Кисть художника Такташа Рафаила.
– Полно! Это сходство уничтожим! –
Я сказал Такташу. – Я моложе
И гляжу на мир не так устало!
И ещё смеялся. Но похоже,
Что с годами сходство больше стало.
Тот портрет ценю я всех дороже!

Мартынов Л. У дверей вечности: стихотворения. – Москва, 2000. – С. 276. – Первая публикация.

Мокринский форштадт

Где Мокрое?
В кровавых слёзах – росах
Оно за Старой Руссой, говорят,
Есть и других догадок целый ряд...
Но всё это турусы на колёсах!
Был в старом Омске Мокринский
форштадт.
То Мокрое на глинистых откосах,
Где изгибался Волчий хвост, хвостат,
Воздвиг погрязший в кляузах,
в доносах
Скотопригоньевск быкомордых стад.
То Мокрое, как слёзы в горле комом
За старой крепостью, за Мёртвым
Домом.
Знал Достоевский, виделось ему
Оно в сердечках ветхих ставень...
Кстати,
Я сам бывал на Мокринском
форштадте
И досконально знаю что к чему!

День поэзии, 1972. – Москва, 1972. – С. 41.

Елена Миронова

*Миронова Елена (настоящее имя –
Злотина Елена Николаевна) (1936–1994),
омская журналистка и поэтесса.*

Воскресение

После бедствий, бунтов и бурь
Ничего о прошлом не зная,
Обессиленный Петербург
Имя
В муках
Припоминает.
Пробираясь среди химер,
Опозоренных и разбитых,
Трудно складывает в уме
Сочетанья
Разбитых
Литер.
Строй безликих имён круша,
Обрывая пошлые связи,
Возвратиться спешит душа
К первозданным, внесённым в святцы
Славой,
Подвигом
И бедой,
А не прихотью и пророком...
Над светлеющею водой
Сокрушительного потока
Вырастают, как островки,
Слоги имени, велики.
...Екатерингофский проспект

Музой Корсакова оваян:
Светлой музыки чистый спектр
Мариинке навеки верен.
По Мильонской крадётся Грин,
По Фонарному – Достоевский,
И бредёт Салтыков-Щедрин
Через Кирочную на Невский.
...Мчится Гоголь, томим тоской,
По Гороховой, по Морской.
Отрок Пушкин и дева Анна
Входят в солнечный летний сад:
Будет странный
Престольный град
Жизнью их
Вовек осиянным...
Прочь из уст Истории кляп!
Боже правый, не перечеть
Тех, кто славу принёс и честь –
И без лавров,
И без венца –
Этим улицам и дворцам,
Их построив,
Воспев,
Прокляв!
Да и тот, кто увенчан был,
О короне своей забыл:

Треуголка, топор, мушкет,
Блеск потех, непривычно пёстр...
В грозном нимбе своих побед
Петербургом
Проходит Пётр.
Он – родитель и крёстный твой,
Вспоминаешь, Град над Невой?

Миронова Е. Н. «А может быть, счастье...»: избр. лирика. – Омск, 1999. – С. 98–100.

Владимир Новиков

*Новиков Владимир Павлович (род. 1940),
поэт и прозаик из Омска.*

У Тобольских ворот

А. Лейферу

Старинные Тобольские ворота
Той крепости,
в которой был острог.
Здесь
Под громадой каменного свода
не раз шёл узник,
мрачен, одинок.
Звон кандалов.
Мороз и ветер резкий.
Работать гнали –
К баржам,
к Иртышу...
Здесь
С думою о нём,
о Достоевском,
Я никуда подолгу не спешу!..

Новиков В. П. Свет-сентябрь: стихи. – Омск, 1986. – С. 45.

Валентина Останина

*Останина Валентина Григорьевна (род. 1945),
поэтесса, переводчик из с. Таврическое.*

Дом Достоевского

В Омск ненадолго приезжая,
В мир Достоевского вхожу.
Здесь тишина совсем иная.
Здесь каждым шагом дорожу.
Вот на свидетельства страданий
Евангельский ложится свет –
Смотри, во что в дни испытаний
Обут был гений и одет.
Хранитель светлых устремлений,
В потёмках каторжного дна
Воспринял ближнего мученье
И непосильный труд сполна.
Молчаньем долгим измождённый...
А я ходатаем стою
И вижу свет непобеждённый,
Черты России узнаю.
Склонюсь пред маской беззащитной,
Минуты скорбные продлю.
И всё, что в будущем сокрыто,
С моей Россией разделю.

Таврические новости. – 2012. – 7 марта. – С. 8.

Достоевский в Омске

Евангелие, бережно хранимое
под спудом арестантского тряпья,
Давало силы в дни и ночи длинные
среди убийц, начальников, воря.

Так было волей свыше продиктовано,
где жизнь держалась лишь на волоске.
И принял он, бесправный и закованный,
с душой России связь накоротке.

Омская муза. – 2012. – № 2 (сент.). – С. 50.

В литературном музее имени Ф. М. Достоевского в городе Омске

Здесь тишина совсем иная.
Здесь каждым шагом дорожу.
И руку к сердцу прижимая,
Сюда с волнением вхожу.
Вот на свидетельства страданий
Евагельский ложится свет.
Смотрю,
во что дни испытаний
Обут был гений и одет.
Хранитель чистых устремлений
В потёмках каторжного дна
Воспринял Светлое Ученье
И непосильный труд сполна,
Молчаньем долгим измождённый...
А я ходатаем стою.
Здесь дух царит непождённый –
Черты России узнаю.
Прошу опоры и защиты,
Прозренья час не тороплю,
И всё, что в будущем сокрыто,
С моей Россией разделю.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 33.

Юрий Перминов

*Перминов Юрий Петрович (род. 1961),
поэт, журналист, редактор из Омска.*

«Виды» Омска

Живём в плену чужих решений – веских,
но местечковых. В битве за гроши...
В смирительной рубахе Достоевский
стоит во славу местного «баши»
на Партизанской улице.
За Омкой –
гранитный вождь, кипящий разум – тот,
что возмущён...
Опять слеза ребёнка
с небес на город тихо упадёт...
Пойду в другую сторону по кромке
судьбы...
На Рабиновича – гроши
бросают, словно камешки, в картонки
у входа в церковь нищим торгаши.

Перминов Ю. П. Как всякий смертный: [стихи]. – Бийск, 2007. – С. 39.

Дорожная история

Время шло – страница за страницей,
Экономно тлел ночами свет...

Прочитал, доехав до столицы,
«Бесов» Достоевского сосед
по купе. «На то они и черти...», –
заглянул в нетленный вещмешок,
первача – навскидку если – четверть
фляги проглотил на посошок.

На Казанский прибыл поезд скорый:
Путь в Москву – не долог, но не мал...

Мой попутчик – там, где выход в город, –
Долго и растерянно стоял...

Омское пространство Достоевского: альбом / М-во культуры Ом. обл. –
Омск, 2020. – С. 300

Сердечная смута и мне, безусловно, знакома...
Одна из бодрящих примет моего бытия –
Тот факт, что сегодня «Записки из Мёртвого дома» –
От корки до корки – настольная книга моя.

Ну так-то – в округе – пока никакого бабая,
далече тюрьма, и всегда по ночам тишина,
и к людям выводит – проверено лично – любая
тропа непременно, и даже – собачья тропа.

...Не вспомнить, куда выводила вот та человечья
тропа, что давно заросла многолетней травой...
Не в нашем ли доме гремела намедни под вечер
Застольная песня – о «детях страны трудовой»?..

Омское пространство Достоевского: альбом / М-во культуры Ом. обл. –
Омск, 2020. – С. 300

Пётр Разин, Виктор Дроздов

*Разин Пётр Семёнович (род. 1923),
доктор медицинских наук, поэт, прозаик.
Дроздов Виктор Николаевич (род. 1937),
доктор медицинских наук, поэт.*

**Омской государственной
медицинской академии 75 лет!**

Отрывок

I

Омск – жизни дивное явление,
Он свет и радость Иртыша.
Его восторг и восхищенье,
Его и сердце, и душа.
Своим врагам на удивленье,
Сначала как пограничный острог
Бухольцем храбрым по Петрову велению
Он был построен в положенный срок.
Над городом годы мчались быстро.
Он знал и бури, и покой.
В нём жили в ссылке декабристы
И Достоевский молодой.

<...>

Инфекционисты Омской области 75-летию ОГМА. – Омск, 1996. –
С. 3–4.

Ирина Резник

*Резник Ирина Ивановна,
омский поэт, кандидат филологических наук.*

Достоевский в Омске

Покинув эшафот – жестоко слишком,
Но сослан в Омский каторжный острог.
Назвал он город грязным городишкой...
Четыре года здесь – огромный срок!

В сыром бараке пол от грязи скользок,
Преступного народу – как сельдей.
Со вшами, тараканами и ... пользой
Прожить, запомнив тысячу идей

Для будущих романов – выжить только...
Бумаги нет, и перьев, и чернил.
Рукам от кровавых мозолей больно,
Да кандалы носить хватило б сил.

Пустынный берег без крикливых чаек
И жуткая воды иртышской муть.
Никто из арестантов и не чаял
Согреться и немного отдохнуть.

И только в белом Воскресенском храме,
Где у забора цвет осенних астр,
Молились и брели на берег сами,
И обжигали снова алебастр.

В бессмертие он шёл, к народной славе,
По омским улицам, по грязи и пыли.
И весть об этом господину Граве
Архангелы, наверно, принесли.
14 февраля 2019

Резник И. Случайность встреч: стихи. – Омск, 2019. – С. 92.

Дмитрий Румянцев

*Румянцев Дмитрий Анатольевич (род. 1974),
поэт, заместитель директора по общим вопросам
ЗАО «Омскводстрой».*

Из Мёртвого дома
(Омский острог)

Здесь Достоевский
царскому суду,
Страдая, заплатил
четыре года.
И все четыре времени
в году
за окнами барачными
свобода

слепила разум полную
луной.
И, кажется, тогда с ума
сходила
в бессоннице,
в бессмыслице ночной
Россия. Да распутицы
чернила
весною перечёркивали снег.

И по двору шатался
человек,
вплетая страшный след
в скупую повесть.

И оставалось только
встретить взгляд
из вечности, ведь всё равно
не спят
в такое время ни тоска,
ни совесть.

Но как вместить раскол
и ужас весь,
которые всегда с тобою,
здесь
в груди, где тьма и боль
и, может, даже...
И как принять за весть
благую нам
ругательства охрипших
каторжан
до третьих петухов,
под окрик стражи.

Омская муза. – 2006. – № 1 (авг.). – С. 30.

Иртыш. Набережная

Быть может, здесь Раскольников сидел
на камне, обхватив башку руками,
пока друзья-колодники толкали
тугую баржу в стынувшей воде
под крик конвойных. Никогда, нигде
судьба тебя на жизнь не обрекает.

Но надо жить, чтоб до конца испить
раскаянье, чтоб Божьим наказаньем
испытывать себя, как тайным знаньем,
когда терпенье требует любить страданье.

Наконец-то здесь, в конце
пути пора найти в себе другого –
смирненного библейского Иова,
как родовую память об Отце
Небесном. И у врат небытия
увидеть стадо облачное, словно
жизнь, точно в Книге, повторится снова,
богатство и везение даря.

Как будто, расплатившись за грехи,
по воле Достоевской – в изумленье
проснёшься юным в новом поколенье
в толпе друзей у медленной реки.
...Ну а пока на набережной, здесь
бегут машины. И по кромке узкой
на парапете пляшет трясогузка,
как вестница того, что счастье есть.

Омск. Вокруг Первой линии*

Здесь Достоевский мыкал муку,
сходил с ума...

Теперь здесь есть
автобус тихого маршрута –
66-й, везущий друга
в рейс – до палаты № 6.

Кривая, в общем-то, дорога.
Свихнись, начни считать убого –
и Зверя сложится число.
Сюда несчастных занесло,
утративших надежду... Бога?
и человечье естество.

В маршрутах линий на ладони
сечётся линия ума.
Стоят с решётками дома.
Зима белеет на иконе.

И я кривым своим умом,
когда иду здесь волей буден,
припоминаю Горний дом.
Кто первым будет там, кто будет
последним?

*В Омске на Первой линии (ул. Куйбышева) находится областная психиатрическая больница

Разрыв

Год прошёл с невесёлого дня.
Боль прошла, я очнулся над книгою.
Кем ты будешь, уйдя от меня,
содержанкой, настасьей филипповной?

Кроткой спутницей чьей-то? Да ну! –
в этой душной души достоевщине!
Про любовь, как в «Мужчине и женщине»,
ты молила меня в старину.

Ты хотела страстей! Ах, зачем
показное, чужое, заёмное?
Если мы друг для друга, как родина
с кислым дымом над рощей ничьей?

Ты – блудница, и я – идиот,
и не Мышкин, а гадкий и маленький.
И тебя эта сводня и маменька,
жизнь, ещё заберёт в оборот.

Возвращайся в наш маленький ад,
чтоб подняться до света победного –
той, что годы и годы назад
встретил я над рекой (наугад
говорю: заблудившийся Дант) –
беатриче для рыцаря бедного...

Константин Рябинин

*Рябинин Константин Афанасьевич (1916–2006),
поэт, школьный учитель,*

Почётный житель Таврического района Омской области.

Достоевский в Омске

На плацу в сорок девятом,
Ожидая выстрелов,
Ад души своей распятой
Перелистывал.
А потом скрипели сани
Мимо дома брата,
Чьё священное писание
Ко груди прижато.
Омск, Тобольск,
Семипалатинск –
Каторги листы.
За все сны твои расплата,
За мечты.
Крутой берег Ермака,
Песнь – кручина,
В океан несёт река
Дни и льдины.
На плече твоём бревно,
В кандалах ноги...
А в душе давным-давно
Правды Боги.

Рядом – Митя, Родион
С Алексеем...
На ночь – детям
Всем поклон,
Всей России.
...Крутой берег Иртыша
И с Невы – нордвест.
Моя жизнь, моя душа,
Мой крест.

Таврические новости [Таврическое р. п. Ом. обл.]. – 1996. – 12 нояб.

Екатерина Сычёва

*Сычёва (Васильева) Екатерина Станиславовна,
поэт из Омска, живёт в Санкт-Петербурге.*

Родион Раскольников

Достоевский навсегда выкашивал
Мой спокойный безмятежный сон.
И по праву тени, двойника вошёл
В мою душу мрачный Родион

Да, теперь с тобой не разделиться мне,
И убийца, и страдалец – я.
Люди, все с загадочными лицами,
Усмехаясь, смотрят на меня.

Знают... знают... И, немой огласкою, –
Торжество над тайной в их глазах.
Ледяной рукою, жутко-ласково,
Волосы перебирает страх.

Так похожи мы душою дикою,
Это бред – наш на двоих с тобой.
И дрожит рука моя над книгою,
Под обложкой пряча мою боль.

На первом дыхании: стихи и проза молодых авторов. – Омск, 1996. – С. 50.

Геннадий Тарасов

*Тарасов Геннадий Петрович (род. 1938),
поэт из р. п. Марьяновка Омской области.*

Первый роман

Вздыхнул облегчённо, встав утречком рано.
Ещё раз взглянул на страницы романа.
Хорош или плох? – Свой опыт не нажит.
Решает:

кому для оценки

роман свой покажет.

Литераторов много, да нет людей близких.
Представил: роман разбирает Белинский.
Он строго черкает слово за словом –
Куда понесло, мол, его молодого?
«Нет! Нет! Не решусь на такую отвагу!
К Белинскому точно не сделаю шагу...»
Долго терзала сомнения горечь...

– Некрасов пусть глянет, –
подсказал Григорович.

– С личной просьбой – к такому поэту?!
– Ничего не попишешь, выхода нету...

В совет Григоровича твёрдо поверя,
Рискнул постучаться к Некрасову в двери.
Свидание длилось всего лишь минутку.
Фёдор стоял, оробев не на шутку,
Некрасовских слов почти что не слыша.
Краснея, на улицу быстренько вышел...

– Застенчив. Посмотрим, каков он на деле?
За стол с Григоровичем рядышком сели.
– Весьма любопытно...

Он прост или хваток?
Для пробы прочтём-ка страничек с десяток.

Да так увлеклись, что в течение ночки
Роман прочитали от строчки до строчки.
Некрасов в восторге:

– Скажите на милость,
Новое имя в России явилось!
Скорее идём к Достоевскому в гости!
Обнимем, да так, чтобы хрустнули кости...
Пришли...

Он сидит без величия тени:
Ни дать ни взять – новоявленный гений.
Некрасов с порога:

– Я вас огорошу,
Белинский признает роман ваш хорошим,
Поверьте мне, знаю!

Иными словами,
Он тоже захочет увидеться с вами!
...Кипел самовар для приятельской встречи.
Восторг! Восклицания! Добрые речи...

29.02.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 36–37.

Перед казнью

Слева и справа – солдатский конвой.
Законы российские круты.
Шпагу сломали над головой.
До смерти осталась минута.
Гонец прискакал (во время как раз...),
Конь хриплодышащий в мыле.
В пакете – бумага, иначе – приказ:
Смертную казнь отменили.

Арестанты одеты в предсмертный наряд.
Покрой – словно сшит для потехи...
Пал на друзей

Петрашевского взгляд,
И он не сдержался от смеха.
Фёдору бросил он на ходу,
Воздух вдыхая невский:
– Сегодня не будем мы в райском саду,
Там нас не ждут, Достоевский...
На шутку ответил:
– Сибирь не беда!
Обратная будет дорога.

...Тюремный острог.
Мрачных лет череда,
С молитвами к Господу Богу.
04.02.2021

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 38.

Неточке Незвановой

Ели б время то вернулось заново,
В Петербург уехать – не вопрос
На свиданье к Неточке Незвановой,
Поднести охапку белых роз.
Я сказал бы ей:

– Утешься, деточка,
Позабудь о том, что сирота,
Восхищён тобой, Анна – Неточка,
Прелесть, неземная доброта!
Посмотри на мир,
взгляни внимательно,
Сколько в нём любви,
других прикрас.
Встретишь своё счастье обязательно,
Вытри же слезинки с ясных глаз.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 40.

Выбор сердца («Белые ночи»)

Сердце живое, оно не из пластика...

В муках любовных

юная Настенька.

Ресницы, как смоль, и чёрные очи

Не затемнили белые ночи.

В чьи

она бросится

с жаром объятья?

Любовь не пришилишь,

как бабушка платье.

Оба пригожи, стоят друг друга.

Из них нужно выбрать для жизни супруга.

Навстречу шагнула к тому,

кто дороже...

За слёзы другого

прости её, Боже.

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 41.

Иван Таскаев

*Таскаев Иван Иванович (род. 1944),
доцент Омской медицинской академии,
редактор литературного альманаха ОмГМА.*

Страсти 6-го корпуса

Тень Достоевского не спит,
По корпусу, бедняга, бродит!
Звеня цепями, бормотит:
«Два-три», «два-три» – иль что-то вроде.

Память сердца / Ом. гос. мед. акад. – Омск, 2002. – С. 55. – (Литературный альманах; вып. 8).

Александр Тихонов

*Тихонов Александр Александрович (род. 1990),
омский поэт и прозаик.*

Родион Раскольников, ушлый блогер,
Проживает в съёмной своей берлоге.
А хозяйка злится и «водит жалом»,
Говорит парнишке, что задолжал он.

Потому он гуглит в кафешке рядом:
«Как свалить старушку крысиным ядом?»,
«Где купить травмат?»,
«Как собрать глушитель?»,
«Тварь ли я? Хоть лайками поддержите!»
Всё.

Тихонов А. На вечном наречье: кн. стихов. – Омск, 2020. – С. 46.

Юрий Трофимов

*Трофимов Юрий Викторович (род. 1978),
историк, поэт,
Министр культуры Омской области.*

Раскольников и сын

- Папа, папа, давай сходим к бабушке!
- Т-ты что, т-ты что! Я в-в жизни н-никого н-не убивал!

Пилигрим [Омск]. - 2001. - № 2. - С. 66.

Леон Флаум

*Флаум Леон Моисеевич (1937–2005),
омский краевед, журналист, прозаик, поэт.*

Молитва Ф. М. Достоевского

Господи мудрый, прости,
Душу мою спаси!
Каюсь, идеалист – верил в социализм.
Вот и привел порок
В каторжный омский острог.
Господи правый, прости,
Душу мою спаси!
Ты мне любовь явил –
Истину мира открыл!
В людях того острога,
Грешных, забывших Бога,
Мне отворилась дорога
До Твоего порога.
Господи Боже, прости,
И во веки веков еси...

Город [Омск]. – 2001. – № 23. – С. 10.

Раиса Фомина

Фомина Раиса Афанасьевна (род. 1938),
поэт из р. п. Кормиловка Омской области.

Эх, тройка!

*...если в его тройку впрячь только же его героев,
Собакевичей, Ноздрёвых и Чичиковых,
то кого бы ни посади ямщиком,
ни до чего путного на таких конях не доедешь!*

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

О, тройка – русское создание!
Ты в старых песнях и стихах...
Где, за какой остались гранью
Твои и удаль, и размах?
Не звон бубенчиков – рыданье!
Не молнии – а гром с небес!
И тройку в гоголевском званье
Попутал в чистом поле бес.
По слабоумию ль, по пьяни
Замучил вдрызг её ямщик:
То вскачь несись, то кнут, то пряник,
То песня дикая, то крик,
То вправо крен, то влево бойко,
То с облучка – да носом в снег...
И за крылатой птицей-тройкой,
Уж сам ямщик бежит вослед.
Идут нескладно пристяжные,
Неровно дышит коренник...
Кареты, санки расписные
Ленится мастерить мужик.

Хотят другие государства
Умом постичь той тройки прить,
И за лукавые подарки
Кто – приструнить, кто – приручить.
Где ж тройка Гоголя, как птица?
Где этот клич: – Посторонись!?
Кто сторонится, кто стыдится,
Оценивая бег и жизнь.
А ей завещаны от Бога
такие Млечные Пути!
Мешают дураки, дороги
Да забулдыги-ямщики!

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. –
С. 42.

Галина Целищева

*Целищева Галина Ивановна,
поэтесса из Омска.*

Достоевский

Тяжёлый мост
оскалился пролётом.
Замёрз?
Дрожишь?
Звенит твоя душа?
Опять тебя перебегает кто-то
порывистый,
как ветер с Иртыша.
Откуда он –
скиталец молчаливый?
– Из века – в век, из Дома у реки...
Мы – на мосту,
Мы молоды и живы.
Мы здесь!
Нас рвут на части сквозняки.
Остановился.
Оглянулся.
Замер.
(Он узнаваем в городе любом!)
Уставился усталыми глазами.
Гранитным стал,
не соляным столбом.
Мне руку сжал
пожатьем Командора
и припечатал памятью навек.

Он выпустил из ящика Пандоры
то, чем себя терзает человек.
И мне покоя нет,
и нет смиренья:
и я пытаюсь в души заглянуть,
бессонные строчу стихотворенья,
и смысл ищу,
и выбираю путь....
Минувшее своё благоговейно
хранят:
река, закованная льдом,
и ставший легендарным
Юбилейный
мост в Омске,
и казённый Мёртвый дом.

Омская муза. – 2014. – № 2 (окт.). – С. 46.

Вероника Шелленберг

*Шелленберг Вероника Владимировна (Бескупская) (род. 1972),
поэтесса, публицист, драматург из Омска.*

**Встреча в литературном музее
имени Ф. М. Достоевского**

Омская крепость. Снег, снег...
Белый хозяин Сибири – снег,
по-чёрному
каторжанами проклятый,
многострадальный острог заметал, хоронил...

Нет ни крепости нынче, ни Мёртвого дома...
Только дом коменданта – музей –
золотистая искра в бельме снегопада,
гостеприимно зовёт.

В музее сколько яркого света!
Дребезжание стёкол витринных,
толкотня, перезвон sms-ок –
студенты едва помещаются в зал,
наседают на окна, хрустят жалюзи...
А за окнами – снег
разлинован оранжевым светом...
На сцене
под любопытными взглядами
трое: полковник в отставке,
полковник внутренней службы в отставке,
майор в запасе.

Трое подобно богатырям легендарным
стоят,
а за ними – портрет Достоевского.
Бывший каторжник смотрит пронзительно
сквозь нарисованный снег,
из-за плеч богатырских – туда,
в переполненный зал.

Затишают студенты.
Майор
ни много ни мало –
ветеран боевых действий
на Северном Кавказе,
(а по виду не скажешь: мягкий голос, борода
курчавая, вязаный свитер...)
Так вот,
офицер начинает рассказывать о войне...

Мерещится в зале музея
гнилой предрассветный чеченский туман,
из тумана
груды рухнувших зданий
проступают подобно могильным курганам,
а сквозь толщу стреляных гильз
прорастает нарцисс!
И ещё, и ещё!
На Кавказе весна, несмотря ни на что...
Утро.
Патруль совершает обход.
Собака,

спасённая русскими,
бежит впереди патруля.
Вдруг, почуяв беду,
бросается в плотный туман...
На себя принимая растяжки струну,
срезает
тишину Грозного
вместе с жизнью собачьей своей...
Долго кружит над новой воронкой
пепла
сумеречный снегопад...

Задумчивые,
уходят студенты,
глядя как-то иначе
даже на Достоевского...
А потом в кулуарах музея,
майор поднимает тост:
«Чтобы не было поводов писать о войне».
Настоящие богатыри
бывшими
не становятся,
даже в отставке или в запасе.
Два полковника и майор
пьют не чокаясь, молча:
«Чтобы не было поводов писать о войне...»
А за окнами
с новой силою
снег...

Шелленберг В. Календарю вопреки: кн. стихотворений. – Омск, 2015. – С. 46–48.

Тобольские ворота

Посвящается Ф. М. Достоевскому

Омская крепость.
Иртыш серебристый.
Площадь пуста
у Тобольских ворот.
Минуло сколько
(сто лет... двести... триста) –
город в кольцо
эту крепость берёт.

Старые стены
помнят былое –
звон колокольный,
кандальный звон,
пушку,
солнце в ядре золотое,
снег...
Равнину со всех сторон...

Взгляд на свободу –
упрямый, горящий.
Мыслить о воле –
двойная вина!
Верилось –
ищущий всё же обрящет...
Так ли сегодня
свобода нужна?

Нынче –
иные полны казематы:
жадны тенёта
Всемирной сети...
Стены – незримы,
удобны халаты,
пайка жирней
в арестантской горсти.

Фёдор Михайлович,
как в этом мире
не потерять
своеволье крыла,
чтобы в моей
благородной Сибири
не выживала я –
просто жила?!

Шелленберг В. Календарю вопреки: кн. стихотворений. – Омск, 2015. – С. 50–51.

Геннадий Шмаков

*Шмаков Геннадий Тимофеевич (1930–2002),
поэт из Омска.*

*И мимо, мимо перелеска,
а я всё дальше – дуй, не стой.
И убегает Достоевский,
в меня вселяется Толстой.*

Н. Кузнецов

Мне нет от классиков отбою.
Жена сказала: «Николай,
Не горячись, гордись судьбою –
По одиночке, но вселяй».
Был Блок, но был со мною резкий,
Ему вселиться отказал.
И он, как Фёдор Достоевский,
До самой крепости бежал.
Как тяжело мне, ты поверишь,
Их столько много, я один.
Всех не обнимешь и не вселишь,
Вчера был Бунин и Куприн.
Пришёл взволнованный Тургенев,
Я посочувствовал ему,
Но классик рухнул на колени
И попросил вселить «Му-му».
Ещё чего, с собачьей сворой,
Не, дорогой Иван, не зли!
К утру приехали на «скорой»,
Меня в больницу увезли.

Ирина Шувалова

Шувалова Ирина Васильевна (род. 1963),
поэт из Омска.

*...Приговор смертной казни расстреляньем, прочтённый
всем нам предварительно, прочтён был вовсе не в шутку:
почти все приговорённые были уверены, что он будет
исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных,
безмерно страшных минут ожидания смерти.*

Ф. М. Достоевский. «Дневник писателя», 1873 г.

Приговор вынесен,
Обжалованию не подлежит.
Минуты до казни,
Как их прожить?
Что значит – «как»? –
Ты мыслишь, живёшь...
Может, до этого была только ложь?
Вот она – правда... Не хороша?
Да вот ещё штука – тревожит душа.
В знании – сила? Опять неправда!
Дошёл до края – кто тебе равный?
Предчувствие смерти хуже,
 чем смерть,
Ведь ей
 ещё надо
 в глаза посмотреть...

И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 46.

**Неявные реминисценции
на творчество
Ф. М. Достоевского**

Александр Башлачёв

*Башлачёв Александр Николаевич (1960–1988),
поэт, рок-бард, автор и исполнитель песен.*

Абсолютный Вахтёр¹

Этот город скользит и меняет названья.
Этот адрес давно кто-то тщательно стёр.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья²,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтёр.

Он отлит в ледяную, нейтральную форму.
Он тугая пружина³. Он нем и суров.
Генеральный хозяин тотального шторма
Гонит пыль по фарватеру красных ковров.

Он печатает шаг, как чеканят монеты.
Он обходит дозором свой архипелаг.
Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах
Вызывает волнение мёртвых бумаг.

Алый факел – мелодию белой темницы –
Он несёт сквозь скупую гармонию стен.
Он выкачивает звуки резиновым шприцем
Из колючей проволоки наших вен.

В каждом гимне – свой долг, в каждом марше –
порядок.
Механический волк на арене лучей.
Безупречный танцор магаданских площадок.
Часовой диск-жокей бухенвальдских печей.

Лакированный спрут, он приветлив и смазан,
И сегодняшний бал он устроил для вас.
Пожилой патефон, подчиняясь приказу,
Забирает иглой ностальгический вальс.

Бал на все времена! Ах, как сентиментально...
И паук – ржавый крест – спит в золе наших звёзд.
И мелодия вальса так документальна,
Как обычный арест, как банальный донос.

Как бесплатные танцы на каждом допросе,
Как татарин на вышке, рванувший затвор.
Абсолютный Вахтёр – ни Адольф, ни Иосиф,
Дюссельдорфский мясник да пскопской живодёр.

Полосатые ритмы синкопой на пропуске.
Блюзы газовых камер и свинги облав.
Тихий плач толстой куклы, разбитой при обыске,
Бесконечная пауза выжженных глав.

Как жестоки романы патрульных уставов
И канцонов концлагерных нар звукоряд.
Бьются в вальсе аккорды хрустящих суставов
И решётки чутунной струною звенят.

Вой гобоев ГБ в саксофонах гестапо
И всё тот же калибр тех же нот на листах.
Эта линия жизни – цепь скорбных этапов
На незримых и призрачных жутких фронтах.

Абсолютный Вахтёр – лишь стерильная схема.
Боевой механизм, постовое звено.
Хаос солнечных дней ночь приводит в систему
Под названьем... да, впрочем, не всё ли равно.

Ведь этот город скользит и меняет названья,
Этот адрес давно кто-то тщательно стёр.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтёр.

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 23–25.

1 *Вахтёр* – «дежурный сторож в проходной учреждения, предприятия» (Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Первое издание. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998; То же. – Текст: электронный. – URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B2%D0%B0%D1%85%D1%82%D1%91%D1%80&all=x> (дата обращения: 21.07.2021). В данном случае это – метафора, означающая беспрестанный надзор.

2 ... *а на ней нету зданья* – первые строчки – аллюзия на известное стихотворение О. Мандельштама «Ленинград» (1930 г.): «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз, / До прожилок, до детских припухлых желёз //». Таким образом, А. Башлачёв говорит о смене культурной традиции от XIX к XX вв. Стихотворение входит в так называемый «Петербургский текст русской литературы». Подробно см. об этом: Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. – Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259–367. Аллюзивно стихотворение отсылает к контексту произведений Н. В. Гоголя (образ «маленького человека»), Ф. М. Достоевского, поэтов-символистов и др.

3 *Он тугая пружина...* – здесь: метафора механизма управления человеком.

Петербургская свадьба

Звенели бубенцы. И кони в жарком мыле
Тачанку понесли навстречу целине.
Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили
Два чёрных фонаря под выбитым пенсне¹.

Там шла борьба за смерть. Они дрались за место
И право наблевать за свадебным столом.
Спеша стать сразу всем, насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли напролом.

Сегодня город твой² стал праздничной открыткой.
Классический союз гвоздики и штыка.
Заштопаны тугой, суровой, красной ниткой
Все бреши твоего гнилого сюртука.

Под радиоудар московского набата
На брачных простынях, что сохнут по углам,
Развернутая кровь, как символ страстной даты,
Смешается в вине с грехами пополам.

Мой друг, иные здесь³. От них мы недалече.
Ретивые скопцы. Немая тетива.
Калечные дворцы простерли к небу плечи.
Из раны бьёт Нева. Пустые рукава.

Подставь дождю щеку в следах былых пощёчин.
Хранила б нас беда, как мы её храним.
Но память рвется в бой. И крутится, как счётчик,
Снижаясь над тобой и превращаясь в ним⁶.

Вот так скрутило нас и крепко завязало
Красивый алый бант окровленным бинтом.
А свадьба в воронках летела на вокзалы.
И дрогнули пути. И разошлись крестом.

Усатое «ура» чужой, недоброй воли
Вертело бот Петра в штурвальном колесе.
Искали ветер Невского да в Елисейском поле
И привыкали звать Фонтанкой – Енисей.

Ты сводишь мост зубов под рыхлой штукатуркой,
Но купол лба трещит от гробовой тоски⁴.
Гроза, салют и мы! – и мы летим над Петербургом⁵,
В решётку страшных снов врезаая шпиль строки.

Летим сквозь времена, которые согнули страну
в бараний рог
И пили из него.
Все пили за него – и мы с тобой хлебнули
За совесть и за страх.

За всех. За тех, кого слизнула языком шершавая блокада.
За тех, кто не успел проститься, уходя.
Мой друг, спусти штаны и голым Летним садом
Прими свою вину под розгами дождя.

Поправ сухой закон, дождь в мраморную чашу
Льёт чёрный и густой осенний самогон.
Мой друг «Отечество» твердит как «Отче наш»,
Но что-то от себя послав ему вдогон.

За окнами – салют. Царь-Пушкин в новой раме.
Покойные не пьют, да нам бы не пролить.
Двуглавые орлы с побитыми крылами
Не могут меж собой корону поделить.

Подобие звезды по образу окурка.
Прикуривай, мой друг, спокойней, не спеша.
Мой бедный друг, из глубины твоей души
Стучит копытом сердце Петербургаб.

ноябрь 1985 г.

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 31–33.

См. также: Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Н. Башлачёв: классика в неклассическом отражении. – Текст: электронный // Allbest: выбери лучшее: сайт. – URL <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 9.12.2015).

1 Образ «Петербургской свадьбы», как и другие образы стихотворения, отсылают к целому ряду известных произведений русской классики: «Бесы» А. С. Пушкина («Сколько их! куда их гонят? // Что так жалобно поют? // Домового ли хоронят, / Ведьму ль замуж выдают? //»), «На поле Куликовом» А. Блока («И вечный бой! Покой нам только снится / Сквозь кровь и пыль... // Летит, летит степная кобылица / И мнет ковыль...//»), «Двенадцать» А. Блока (убийство «зазнобушки» Катьки).

2 См. примечания к стихотворению А. Башлачёва «Как по лезвию».

3 каламбурное обыгрывание одной из финальных строк «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина: «Иных уж нет, а те далече..».

4 вновь речь идет о Петербурге, антропоморфный образ которого отсылает к символике стихотворения «Notre Dame» О. Мандельштама.

5 аллюзия на стихотворение Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» («Шёл я по улице незнакомой / И вдруг услышал вороний гай, / И звоны лютни, и дальние громы, / Передо мною летел трамвай. // <...> Мчался он бурей тёмной, крылатой, / Он заблудился в бездне времён... // Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон //»).

6 образ Петербурга сливается здесь с образом статуи Петру Великому, создается аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник»: «Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта? //».

Ржавая вода

Красной жар-птицею,
салютуя маузером лающим
Время жгло страницы,
едва касаясь их пером пылающим.
Но годы вывернут карманы –
дни, как семечки,
валятся вкривь да врозь.
А над городом – туман.
Худое времечко
с корочкой запеклось.

Чёрными датами а ну, ещё плесни на крышу
раскалённую!
Лили ушатами
ржавую, кровавую, солёную.
Годы весело гремят пустыми фляжками,
выворачивают кисет.
Сырые дни дымят короткими затяжками
в самокрутках газет.

Под водопадом спасались, как могли,
срубили дерево.
Ну, плот был что надо, да только не держало на
воде его
Да только кольцами года завиваются
в водоворотах пустых площадей.
Да только ржавая вода разливается
на портретах Великих Дождей I.

Но ветки колючие
обернутся острыми рогатками.
Да корни могучие
заплетутся грозными загадками.
А пока вода-вода
кап-кап-каплею бьёт,
лупит дробью
в моё стекло.
Улететь бы куда белой цаплею –
Обожжено крыло.

Но этот город с кровотокащими жабрами
надо бы переплыть.
А время ловит нас в воде губами жадными.
Время нас учит пить.

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 113–114.

См. также: Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Н. Башлачёв: классика в неклассическом отражении. – Текст: электронный // Allbest: выбери лучшее: сайт. – URL <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 9.12.2015).

1 каламбурное обыгрывание фразы советского периода «портеты великих вождей».

Как ветра осенние подметали плаху
Солнце шло сторонкою да время стороной
И хотел я жить и умирал да со слепу со страху
Потому что я не знал что ты со мной

Как ветра осенние заметали небо
Плакали тревожили облака
Я не знал как жить ведь я ещё не выпек хлеба
А на губах не сохла капля молока

Как ветра осенние да подули ближе
Закружили мою голову и ну давай кружить
Ой-о-е-й да я сумел бы выжить
Если б не было такой простой работы жить

Как ветра осенние жаль не жалели рожь
Ветры тебя посеяли чтоб ты пригодился
Ведь совсем неважно от чего помрёшь
Ведь куда важнее для чего родился

Как ветра осенние чёрной птицей голосили
А ты откуда взялся богатырь-снегирь
Я хотел бы жить и умереть в России
Если б не было такой земли – Сибирь

Как ветра осенние уносят моё семя
Листья воскресения да весточки весны
Я хочу дожить хочу увидеть время
Когда эти песни станут ненужны

Я хочу дожить хочу увидеть время
Когда эти песни станут ненужны
Да я не доживу но я увижу время
Когда эти песни станут ненужны.

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 136.

См. также: Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Н. Башлачёв: классика в неклассическом отражении. – Текст: электронный // Allbest: выбери лучшее: сайт. – URL <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 9.12.2015).

1 эта метафора отсылает к стихотворению Г. Р. Державина «Снигирь» (1800 г., такое написание у поэта XVIII в.), созданному в связи со смертью великого полководца А. В. Суворова: «Что ты заводишь песню военну / Флейте подобно, милый снигирь? // С кем мы пойдём войной на Гиену? // Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?».

Мельница

Чёрный дым по крыше стелется.
Свистит под окнами.
В пятницу да ближе к полночи
не проворонь, вези зерно на мельницу!

Чёрных туч котлы чугунные кипят
да в белых трещинах шипят гадюки-молнии.
Дальний путь – канава торная.
Всё через пень-колоду-кочку кувырком да поперёк.

Топких мест ларцы янтарные
да жемчуга болотные в сырой траве.
– Здравствуй, Мельник Ветер-Лютый Бес!
Ох, не иначе черти крутят твою карусель...
Цепкий глаз. Ладони скользкие.

– А ну-ка кыш! – ворьё,
заточки-розочки!
Что, крутят вас винты похмельные –
с утра пропитые кресты нательные ?
...Жарко в комнатах натоплено.
Да мелко сыплется за ворот нехороший холодок.

– А принимай сто грамм разгонные!
У нас ковши бездонные
да все кресты – козырные!
На мешках – собаки сонные
да ****и сытые
да мухи жирные.

А парни-то все рослые, плечистые.
Мундиры чистые. Погоны спороты.
Чёрный дым ползёт из трубочек.
Смеётся, прячется в густые бороды.
Ближе лампы. Ближе лица белые.
Да по всему видать – пропала моя голова!
Ох, потянуло, понесло, свело, смело меня
на камни жёсткие, да прямо в жернова!
Тесно, братцы. Ломит-давит грудь.
Да отпустили б вы меня... Уже потешились.
Тесно, братцы. Не могу терпеть!
Да неужели не умеем мы по-доброму ?
...На щеках – роса рассветная.
Да чёрной гарью тянет по сырой земле.
Где зерно моё ? Где мельница ?
Сгорело к чёрту все. И мыши греются в золе.

Пуст карман. Да за подкладкою
найду я три своих последних зёрнышка.
Брошу в землю, брошу в борозду –
к полудню срежу три высоких колоса.
Разотру зерно ладонями
да разведу огонь
да испеку хлеба.

Преломлю хлеба румяные
да накормлю я всех
тех, кто придёт сюда
тех, кто придёт сюда
тех, кто поможет мне

тех, кто поможет мне
рассеять чёрный дым
рассеять чёрный дым
рассеять чёрный дым...
март 1985

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 18–20.

См. также: Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Н. Башлачёв: классика в неклассическом отражении. – Текст: электронный // Allbest: выбери лучшее: сайт. – URL <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 9.12.2015).

Имя Имён

Имя имён
в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?
Имя имён...
Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?
Врём испокон –
вродь за мелким ершом отродясь не ловилось ни брюха,
ни духа!

Век да не вечер,
хотя Лихом в омут глядит битый век на мечах.
Битый век на мечах.

Вроде ни зги...
Да только с легкой дуги в небе синем
опять, и опять, и опять запеваает звезда.
Бой с головой

Затеваает ещё один витязь,
в упор не признавший своей головы.
Выше шаги!
Велика ты, Россия, да наступать некуда.
Имя Имён
ищут сбитые с толку волхвы.

Шаг из межи...
Вкривь да врозь обретается верная стёжка-дорожка.
Сено в стогу.
Вольный ветер на красных углях ворожит Рождество.
Кровь на снегу –
Земляника в январском лукошке.

Имя Имён...
Сам Господь верит только в него.
А на печи
Разгулялся пожар-самовар да заварена каша.
Луч – не лучина
На белый пуховый платок.
Небо в поклон
До земли обратим тебе, юная девица Маша!
Перекрести
нас из проруби да в кипяток.

Имя Имён
не кроить пополам, не тащить по котлам, не стемнить
по углам.

Имя Имён
не урвёшь, не заманишь, не съешь, не ухватишь
в охапку.
Имя Имён
взято ветром и предано колоколам.
И куполам
не накинуть на Имя Имён золотую горящую шапку.

Имя Имён...
Да не отмоешься, если вся кровь да как с гуся беда
и разбито корыто.
Вместо икон
станут Страшным судом – по себе – нас судить зеркала!

Имя Имён
вырвет с корнем всё то, что до срока зарыто.

В сито времён
бросит боль да былинку, чтоб истиной к сроку взошла.
Ива да клён...
Ох, гляди, красно солнышко врежет по почкам!

Имя Имён
запрягает, да не торопясь, не спеша
Имя Имён...
А возьмёт да продраит с песочком!
Разом поймём
Как болела живая душа.

Имя Имён
Эх, налететь бы слепыми грачами на тёплую пашню
Потекло по усам... Шире рот!
Да вдруг не хватит на бедный мой век!

Имя Имён прозвонит золотыми ключами...
Шабаш! Всея гурьбою на башню!
Пала роса.
Пала роса.
Да сходил бы ты по воду, мил человек!

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 41–43.
См. также: Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Н. Башлачёв: классика в неклассическом отражении. – Текст: электронный // Allbest: выбери лучшее: сайт. – URL <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 9.12.2015).

1 возможно, аллюзия на поэму С. Есенина «Чёрный человек» (1923): «...Месяц умер, / Синеет в окошко рассвет. // Ах, ты, ночь! / Что ты, ночь, наковёркала! // Я в цилиндре стою. // Никого со мной нет. // Я один... // И — разбитое зеркало...//».

Вечный пост

Засучи мне, Господи, рукава!
Подари мне посох на верный путь!
Я пойду смотреть, как твоя вдова
В кулаке скрутила сухую грудь.

В кулаке скрутила сухую грудь.
Уронила кружево до зари.
Подари мне посох на верный путь!
Отнесу ей постные сухари.

Отнесу ей чёрные сухари.
Раскрошу да брошу до самых звезд.
Гори-гори ясно! Гори...1
По Руси, по матушке – Вечный пост.

Хлебом с болью встретят золотые дни.
Завернут в три шкуры да всё ребром.
Не собрать гостей на твои огни.
Храни нас, Господи!
Храни нас, покуда не грянет Гром!

Завяжи мой влас песней на ветру!
Положи ей властью на имена!
Я пойду смотреть, как твою сестру
Кроют сваты в тёмную, в три бревна.

Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди, да ряди в ремни.
Но сегодня вечером я тайком
Отнесу ей сердце, летящее с яблони.

Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь.
Коротки причастия на Руси.
Не суди ты нас! На Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси.

Испокон сродни чёрной ереси.
На клинках клялись. Пели до петли.
Да с кем не куролись, где не колеси,
А живи, как есть – в три погибели.

Как в глухом лесу плачет чёрный дрозд.
Как присело солнце с пустым ведром².
Русую косу правит Вечный пост³.
Храни нас, Господи, покуда не грянет Гром!

Как искали искры в сыром бору.
Как писали вилами на Роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.

Но не слепишь крест, если клином клин.
Если месть – как место на звон мечом.
Если все вершины на свой аршин.
Если в том, что есть, видишь, что почём.

Но серпы в ведре да серебро в ведре
Я узрел, не зря. Я – боль яблока
Господи, смотри! Видишь? На заре
Дочь твоя ведёт к роднику быка.

Молнию замолви, благослови!
Кто бы нас не пас Худом ли, Добром,
Вечный пост, умойся в моей любви!
Небо с общину.
Все небо с общину.
Мы празднуем первый Гром!
март 1986

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 44–46.

См. также: Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Н. Башлачёв: классика в неклассическом отражении. – Текст: электронный // Allbest: выбери лучшее: сайт. – URL <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 9.12.2015).

1 фрагмент залички на масленицу, масленица – «языческий многодневный праздник проводов зимы и встречи весны, с которым связан обычай печь блины и совершать различные культовые действия», отмечался перед Великим Постом (Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Первое издание. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998; То же. – Текст: электронный. – URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%9C%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0&all=x> (дата обращения: 26.08.2021).

2 ... присело солнце с пустым ведром – многие образы данного стихотворения отсылают к русскому фольклору, что требует отдельного исследования; в данном случае антропоморфный образ солнца знаменует закат и дурное предзнаменование, поскольку «вёдро» – древнее народное обозначение тёплой, ясной, сухой погоды, следовательно, слова «с пустым ведром» содержат противоположный смысл.

3 здесь, скорее всего, образ русской косы – синекдоха, означающая всю Россию, родную землю. Приём переноса свойств с целого на частное и наоборот в данном контексте в связи с темой родины отсылает к произведениям А. Блока, например, к стихотворению «Россия» (1908 г.): «А ты всё та же — лес, да поле, / Да плат узорный до бровей...//».

Тесто

Когда злая стужа снесла душу
И люта метель отметелила тело,
Когда опустела казна,
И сны наизнанку, и пах нараспашку –
Да дыши во весь дух и тяни там, где тяжко –
Ворвётся в затяжку весна.

Зима жмёт земное. Все вести – весной.¹
Секундой по векам, по пыльным сусекам
Хмельной ветер верной любви.
Тут дело не ново – словить это Слово
Ты снова, и снова, и снова лови.
Тут дело простое – нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви.

Да как же любить их – таких неумытых,
Да бытом пробитых, да потом пропитых?²
Да ладно там – друга, начальство, коллегу,
Ну ладно, случайно утешить калеку,
Дать всем, кто рискнул попросить.
А как всю округу – чужих, неизвестных,
Да так – как подругу, как дочь, как невесту?
Да как же, позвольте спросить?

Тут дело простое – найти себе место
Повыше, покруче. Пролить тёмну тучу
До капли грозою – горючей слезою –
Глянь, небо какое!

Пречистой рукою сорвать с неба звёзды
Смолоть их мукою
И тесто для всех замесить.

А дальше – известно. Меси своё тесто
Да носи своё тесто на злобное место –
Пушкой подрастёт на вожжах.
Сухими дровами – своими словами
Своими словами держи в печке пламя,
Да дракой, да поркой – чтоб мякиш стал коркой,
Краюхой на острых ножах.

И вот когда с пылу, и вот когда с жару –
Да где брал он силы, когда убежал он?! –
По торной дороге и малой тропинке
Раскатится крик Колобка
На самом краю овражины – оврага
У самого гроба казённой утробы
Как пара парного, горячего слова
Гляди, не гляди – не заметите оба –
Подхватит любовь и успеет во благо
Во благо облечь в облака.

Но всё впереди, а пока ещё рано,
И сердце в груди не нашло свою рану,
Чтоб в исповеди быть с любовью на равных
И дар русской речи беречь.
Так значит жить и ловить это Слово упрямо,
Душой не кривить перед каждой ямой,
И гнать себя дальше – всё прямо да прямо
Да прямо – в великую печь!

Да что тебе стужа – гони свою душу
Туда, где все окна не внутрь, а наружу.
Пусть время пройдётся метлою по телу –
Посмотрим, чего в рукава налетело.
Чего только не нанесло!
Да не спрячешь души беспокойное шило.
Так живи – не тужи, да тяни свою жилу,
Туда, где пирог только с жару и с пылу,
Где каждому, каждому станет светло...
январь 1986

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 47–49.

1 в данном стихотворении тема времён года соотносится с этапами жизненного пути; эта тема часто в мировой литературе, в том числе русской поэзии, связана с осмыслением концепции поэтического творчества, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Осень» (1833 г.).

2 эти строчки отсылают к одной из Библейских заповедей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22: 37–40]. В данном контексте автор стихотворения переосмысляет христианскую заповедь, отсылая к протесту Ивана Карамазова о невозможности соблюсти это нравственное правило: «... я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]. – Ленинград, 1976. – Т. 14: Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом, кн. 1–10. / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. – С. 215).

Пляши в огне¹

Ой-ё-ё-ёй! Бог с тобой!

Ой-ё-ё-ёй! Бог с тобой!

Если я с собой не в ладу, чтоб ей оборваться, струне,
Но раз уж объявился в аду – так и пляши в огне!
Раз уже в аду, так ты пляши в огне.
Сходи пропаду, если нет ни души во мне.

Мне бы сотворить ворота у трёх дорог.
Да небо своротить охота до судорог.

Гадами ползут времена, где всяк себе голова.
Нынче – Страшный Зуд. На, бери меня, голого!
Нынче Скудный день. Горе – горном, да смех в меха!
С пеньем на плетень, – горлом – красного петуха.

С ниточки по миру отдам, значит сберегу.
С ниточки по миру – да что я ещё могу!

Но сбей озноб да брось меня в пот.
Каков лоб, таков и приход.
Но дай восход, и я его подожгу.

Воля уготована всем кому вольготно.
Мне с моею милою – рай на шабаше.
У меня есть всё, что душе угодно,
Но это только то, что угодно душе.

Ой, не лей елей, да я не пью, я пою, да нынче мне в седло.
Пей да не жалей, ведь праздник на моей стороне.
Всё бы хорошо, да в одиночку не весело.
Да почему бы нам с тобой не плясать в огне!

Чтобы пятки не жгли угли да не пекла зола.
Да не рубиться в рубли да от зла не искать бы зла.

Я тобой живу, но прости, мне сны – не житьё
И я не согрешу против истины, согрешив за неё²

Я тебя люблю, и я иду на звон струны из твоей косы
Мы обручены, и значит время задуть часы
Время выйти в лес, где поляны твои святы
Времени в обрез – цветы и ещё цветы.

Я тебя люблю, и я уйду, раз уж я пришёл.
Я тебя люблю, по колено мне трын-трава.
Так вей славянским словом молва, как всё хорошо!
Славно на земле, где всяк всему голова.

Я тебя люблю, и в облака смотрю свысока.
Весело ли грустно, да по Руси по руслу речёт река

Как течёт река в облака, а на самом дне
Мечется огонь, и я там пляшу в огне!
апрель 1986

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 50–51.

¹ стихотворение отсылает к средневековому представлению об адских муках.

2 строка напоминает об известном выражении «Платон мне друг, но истина дороже» (лат. «Amicus Plato, sed magis arnica Veritas»). Ф. М. Достоевский, размышляя о нравственном выборе человека, перефразировал указанное выражение: «<...> я сложил себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной». (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1985. – Т. 28, кн. 1: Письма, 1832–1859 / текст подгот. и примеч. сост. И. Л. Битюгова [и др.]; предисл. Г. М. Фридендера – С. 176). См. также об этом: Новикова Е. Г. «Христос вне истины» и «Истина вне Христа»: Ф. М. Достоевский и Н. Д. Фонвизина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – №3 (29). – С. 143–152; Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. – Москва: Совет. писатель, 1990. – 384 с.

Музыкант

С восемнадцати лет
Он играл что попало
Для крашенных женщин и пьяных мужчин.
Он съедал в перерывах по паре холодных котлет.
Музыкант полысел.
Он утратил талант.
Появилось немало морщин.
Он любил тот момент,
Когда выключат свет,
И пора убирать инструмент.

А после игры,
Намотав на кулак электрические шнуры,
Он вставал у окна.
И знакомой халдей¹ приносил ему рюмку вина.
Он видел снег на траве.
И безумный оркестр собирался в его голове.
Возникал дирижёр,
Приносил лёд-минор и горячее пламя-мажор.

Он уходил через чёрный ход,
Завернув килограмм колбасы
В бумагу для нот.
Он прощался со мной,
Он садился в трамвай,
Он, как водится, ехал домой.
И из всех новостей
Самой доброй была
Только весть об отъезде детей.
Он ложился к стене.

Как всегда,
Повернувшись спиной к бесполезной жене.
И ночью он снова слышал
Эту музыку ...

И наутро жена начинала пилить его
Ржавым скрипучим смычком².
Называла его паучком
И ловила дырявым семейным сачком.
Он вставал у окна.
Видел снег. Он мечтал о стакане вина.
Было много причин
Чтобы вечером снова удрать
И играть
Для накрашенных женщин
И их безобразных мужчин³.

Он был дрянной музыкант.
Но по ночам он слышал музыку...
Он спивался у всех на глазах.
Но по ночам он слышал музыку...
Он мечтал отравить керосином жену.
Но по ночам он слышал музыку...

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 100–101.

1 халдей – в данном случае: жарг. официант.

2 аллюзия на стихотворение В. Маяковского «Скрипка и немножко нервно» (1914 г.).

3 в стихотворении угадываются два типа героев, раскрывающиеся в произведениях Ф. М. Достоевского: «человек из подполья» и падший человек в его нравственной и социальной неопределенности. См. об этом: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва: Худож. лит., 1963. – 361 с.

Похороны шута

Еловые лапы охотно грызут мои руки.
Горячей смолой заливает рубаху свеча.
Средь шумного бала шуты умирают от скуки
Под хохот придворных лакеев и вздох палача.

Лошадка лениво плетётся по краю сугроба.
Сегодня молчат бубенцы моего колпака.
Мне тесно в уютной коробке отдельного гроба.
Хочется курить, но никто не даёт табака.

Хмурый дьячок с подбитой щекой
Тянет-выводит за упокой.
Плотник Демьян, сколотивший крест,
Как всегда пьян. Да нет, гляди-ка ты, трезв...

Снял свою маску бродячий актёр².
Снял свою каску стрелецкий майор³.
Дама в вуали опухла от слёз.
Воеет в печали ободранный пёс⁴.

Эй, дьякон, молись за спасение божьего храма!
Эй, дама, ну что там из вас непрерывно течёт?
На ваших глазах эта старая скушная драма
Легко обращается в новый смешной анекдот!

Возьму и воскресну! То-то вам будет потеха.
Вот так, не хочу умирать, да и дело с концом.
Подать сюда бочку отборного крепкого смеха!
Хлебнём и закусим хрустящим солёным словцом.

Пенная брага в лампаде дьячка.
Враз излечилась больная щека.
Водит с крестом хороводы Демьян.
Эй, плотник, налито!
– Да я уже пьян.

Спирт в банке грима мешает актёр.
Хлещет стрелецкую бравый майор.
Дама в вуали и радостный пёс
Поцеловали друг друга взасос.

Еловые лапы готовы лизать мои руки.
Но я их – в костёр, что растёт из огарка свечи.
Да кто вам сказал, что шуты умирают от скуки?
Звени, мой бубенчик! Работай, подлец, не молчи!

Я красным вином написал заявление смерти⁵.
Причина прогула – мол, запил. Куда ж во хмелю?
Два раза за мной приходили дежурные черти.
На третий сломались и скинулись по рублю.

А ночью сама притащилась слепая старуха.
Сверкнула серпом и сухо сказала: – Пора!
Но я подошёл и такое ей крикнул на ухо,
Что кости от смеха гремели у ней до утра.

Спит и во сне напевает дьячок:
– Крутится, крутится старый волчок!
Плотник позорит Христа –
Спит на заблёванных досках креста.

Дружно храпят актёр и майор.
Дама с собачкой ушли в тёмный бор⁶.
Долго старуха тряслась у костра,
Но встал я и сухо сказал ей:
– Пора.
сентябрь 1984

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 118–120.

1 цитата из стихотворения «Средь шумного бала, случайно...» А. К. Толстого (1851 г.).

2 аллюзия на трагедию У. Шекспира «Гамлет» (1603 г.).

3 в словосочетании «стрелецкий майор» указано смешение явлений из разных исторических эпох. Стрельцы – служилые люди государственного войска XVI – нач. XVIII вв., представители первого постоянного войска, организованного по приказу Ивана IV Грозного (1550 г.).

4 аллюзия на стихотворение А. Блока «Незнакомка» (1906 г.) и поэму «Двенадцать» (1918 г.): «И странной близостью закованный, / Смотрю за тёмную вуаль... //», «... И старый мир, как пёс безродный, / Стоит за ним, поджавши хвост //».

5 по древним поверьям так заключался договор с нечистой силой, однако подпись следовало ставить собственной кровью. Подобный договор, как и встреча с нечистым духом, часто становились ведущими темами, мотивами многих литературных произведений, например: в трагедии «Фауст» Гёте, в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского (встреча Ивана с чёртом), в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Указанная тема связана также с мотивом двойничества. См., например: Котельникова Т. Г. К вопросу о двойничестве в произведениях Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета. – 2007. – № 44; То же. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dvoynichestve-v-tvorchestve-dostoevskogo> (дата обращения: 26.07.2021).

6 образ дамы с собачкой отсылает к одноимённому произведению А. П. Чехова (1899); здесь «дама в вуали» и «дама с собачкой» представляют собой игру аллюзиями, разными литературными и культурными контекстами, что является характерной чертой постмодернизма.

Слыша В. С. Высоцкого
(триптих)

1. Хорошо, коли так. Коли всё неспроста.
Коли ветру всё дуть, а деревьям – качаться.
Коли весело жить, если жить не до ста.
А потом уходить – кто куда – а потом всё равно
возвращаться.

Возвращаются все. И друзья и враги
Через самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все. И идут на круги.
И опять же не верят судьбе.
Кто больше, кто меньше.
Хорошо, коли так. Значит, ищут судьбу.
А находят себя, если всё же находят.
Если дырку во лбу вы видали в гробу
Приказав долго жить, вечным сном, дуба дав
или как там ещё в обиходе?

Только вечный огонь всё равно прогорит.
Пусть хорош этот сон. Только тоже не вечен.
На Молочном пути вход с востока открыт
И опять молоко по груди, по губам...
И нельзя изменить место встречи.

2. Если баба трезва, если баба скушна,
Да может, ей нелегко, тяжело да не весело с нами?
А налей-ка вина
А достань-ка до дна

Ох, отсыплет зерна и отдаст тебе всё,
Чем поднять в печке пламя.

И опять каравай собираешь по крохам.
И по каплям опять в кипяток свою кровь.
Жизнь... Она не простит только тем,
кто думал о ней слишком плохо.
Баба мстит лишь за то, что не взял,
что не принял любовь.

Так слови свое Слово, чтобы разом начать все дела.
Как положено, всё ещё раз положить на лопатки.
Чтобы девочка – Время из сказок косу заплела.
Чтобы Время – мальчишка пугал и стрелял из рогатки.

Чтоб они не прощали, когда ты игру не поймёшь,
Когда мячик не ловишь и даже не плачешь в подушку.
Погремушка гремит, да внутри вся пуста.
Скушно слушать сто раз. Надоест даже сказка.
Так не ждал бы, пока досчитают до ста.
Лучше семь раз услышать – один раз сказать
Или спеть,
Да не сдвоить, а строить, сварить, доказать,
Но для этого в сказке ты должен учуять подсказку.
Чтобы туже вязать, нужно чувствовать близость
развязки.

3.Колея по воде... Но в страну всех чудес
Не проехать по ней, да ещё налегке, да с пустым
разговором.

Так не спрашивай в укор :
– Ты зачем в воду лез?
Я, конечно, спою. Я, конечно, спою.
Но хотелось бы хором.
Хорошо, если хор в верхней ноте подтянет, подтянется
вместе с тобою.
Кто во что, но душевно и в корень,
и корни поладят с душой.
Разве что-то не так?
Вроде всё, как всегда, то же небо опять голубое.
Видно, что-то не так,
Если стало вдруг так хорошо.

Только что тут гадать? Высоко до небес.
Да рукою подать до земли, чтоб месить тили-тесто.
Если ты ставишь крест на стране всех чудес,
Значит, ты для креста выбрал самое верное место.

А наши мёртвые нас не оставят в беде.
Наши павшие, как на часах часовые.
Но отражается небо во мне и в тебе
И во Имя Имён пусть живых не оставят живые.

В общем, места в землянке хватает на всех.
А что просим? Да мира и милости к нашему дому!
И несётся сквозь тучи забористый смех:
– Быть – не быть! В чём вопрос, если быть
не могло
по-другому!
январь 1986

Башлачёв А. Как по лезвию. – Москва, 2006. – С. 64–68.

См. также: Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Н. Башлачёв: классика в неклассическом отражении. – Текст: электронный // Allbest: выбери лучшее: сайт. – URL <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 9.12.2015).

1 все стихотворения данного цикла обращаются к произведениям В. Высоцкого: «Корабли постоят и ложатся на курс ...», «Чужая колея», «Он не вернулся из боя», «Мой Гамлет» и др. Последние строчки также отсылают к монологу Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира.

Нина Берберова

*Берберова Нина Николаевна (1901–1993),
писательница, автор
документально-биографических исследований и мемуаров.*

Предсмертный диалог

– Когда-то ты билет вернуть
С поклоном собирался Богу¹,
Но мы возьмём его в дорогу:
Он может сократить нам путь.
– Но если правда Аушвиц был,
И был Гулаг и Хиросима,
Не говори: пройдемте мимо!
Не говори: я всё забыл!
Не притворяйся: ты там был!
– И вот проходим мы незримо
Мимо окошка, мимо, мимо
Той кассы, где лежит секрет.
– Там некому вернуть билет.
1983

ЛитМир: электронная библиотека: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=577382&pr=17> (дата обращения: 21.01.2018).

¹ изменённая цитата из произведения Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены. <...> Есть ли во всём мире существо, которое могло бы и имело право простить? Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщёнными. Лучше уж я останусь при неотомщённом страдании моём и неутолённом

негодовании моём, хотя бы я был и неправ. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно раньше. Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алёша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]. – Ленинград, 1976. – Т. 14: Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом, кн. 1–10. / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко – С. 223). См. также примечания к стихотворениям А. Башлачёва «Как по лезвию».

Зинаида Быкова

Быкова Зинаида (род. 1940),
педагог, поэт из г. Черновцы (Украина).

Рыжая, плачущая лошадь
в кузове грузовой машины,
что промчалась, запылив мне глаза, –
ты, качнувшись, стояла одна.
Прости, что я не успела
сказать ни слова.
С тобой случилось что-то непоправимое.
Хоть за пылью, на случайной дороге,
ты скрылась, коняга,
твоё лицо мне врезалось в память¹.

Арион. – 2001. – № 4. – С. 114.

1 аллюзия на несколько произведений русской классики: «Коняга» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Хорошее отношение к лошадям» В. Маяковского. В связи с творчеством Ф. М. Достоевского приведём два ключевых примера: «...Он бежит подле лошадки, он забегает вперёд, он видит, как её секут по глазам, по самым глазам! Он плачет. Сердце в нём поднимается, слёзы текут. Один из секущих задевает его по лицу; он не чувствует, он ломает свои руки, кричит, бросается к седому старику с седою бородой, который качает головой и осуждает всё это. Одна баба берёт его за руку и хочет увести; но он вырывается и опять бежит к лошадке» (из сна Раскольникова. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1973. – Т. 6: Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. – С. 48); «У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечёт лошадь кнутом по глазам, “по кротким глазам”. Этого кто ж не видал, это русизм. Он описывает, как слабосильная лошаде́нка, на которую навалили слишком, завязла с возом и не может вытащить. Мужик бьёт её, бьёт

с остервенением, бьёт, наконец, не понимая, что делает, в опьянении биться сечёт больно, бесчисленно: “Хоть ты и не в силах, а вези, умри, да вези!” Клячонка рвётся, и вот он начинает сечь её, беззащитную, по плачущим, по “кротким глазам”. Вне себя она рванула и вывезла и пошла, вся дрожа, не дыша, как-то боком, с какою-то припрыжкой, как-то неестественно и позорно – у Некрасова это ужасно. Но ведь это всего только лошадь, лошадей и сам бог дал, чтоб их сечь. Так татары нам растолковали и кнут на память подарили. Но можно ведь сечь и людей» (слова Ивана Карамазова из главы «Бунт». См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]. – Ленинград, 1976. – Т. 14: Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом, кн. 1–10. / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко – С. 219). В художественном мире Достоевского отношение человека к животным и детям формирует его нравственный облик. См. об этом, например: Медведев А. А. «Сердце милующее» в творчестве Ф. М. Достоевского и М. И. Цветаевой // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2015. – № 8; То же. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/serdtse-miluyuschee-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo-i-a-i-tsvetaevoy> (дата обращения: 13.07.2021).

Михаил Векслер

Векслер Михаил Емельянович. (род. 1957),
украинский поэт, актёр.

А красота спасёт одну
Отдельно взятую страну?¹

Вопросы литературы. – 2009. – № 5. – С. 503.

1 обыгрывание известной фразы, сказанной в разных вариантах героями Ф. М. Достоевского: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасёт «красота»? Господа, – закричал он громко всем, – князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблён. <...> Какая красота спасёт мир?» (слова Ипполита. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Ленинград, 1973. – Т. 8: Идиот: роман / текст подгот. И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина – С. 317); «Слушайте, раз навсегда, – не вытерпела наконец Аглая, – если вы заговорите о чём-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «мир спасёт красота», то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!» (там же, с. 336); «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чёрт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» (слова Мити Карамазова. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1976. – Т. 14: Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом, кн. 1–10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. – С. 100).

Повторение – мать учения¹

Кто посвятил народу лиру –
А. Фет, А. Блок или Шекспир У?

Из тёмного леса навстречу кому –
Князь Мышкин? Чапаев? Дубровский? Муму?

«Дети лейтенанта...» –
Шмидта или Гранта?

Поэт в России больше, чем –
Атлет? Писатель? МММ?

Какую роль играет яд
В известной драме «Маскарад»?

Вопросы литературы. – 2009. – № 5. – С. 507.

¹ всё стихотворение является пародией на форму тестовых вопросов, которая применяется при обучении. В начале нескольких двустиший (1, 2, 4) искажаются цитаты из известных произведений: «Я памятник себе воздвиг...» и «Как ныне сбирается вещий Олег...» А. С. Пушкина, «Братская ГЭС» Е. А. Евтушенко. «Дети лейтенанта Шмидта» – крылатая фраза из произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок». Драма «Маскарад» – произведение М. Ю. Лермонтова.

Алина Витухновская

*Витухновская Алина Александровна (род. 1973),
поэтесса, прозаик, общественный деятель, правозащитница.*

«Красота спасёт мир»¹

Выдувает волосы Горгоньи²
Из трубы Армстронга Люцифер.
Джазовых и газовых агоний
Жаждут бесы из обратных миру сфер
Намотались на ус Сальвадора
Черви-волосы. Завивка а-ля сюр.
Мир затих³. Лишь песни Мальдорора.
Лишь амор. Лишь мраморный Амур.

А на небе анаграмма Аненербе
И Горгона с рунами в кудрях
Безупречны крашенные черви.
Белокурых бестий в пух и прах

Разодетых на балу элитном,
Где один лишь мрамор и гламур
Соблазнила словно неофитов
Незнакомка в кудрях белокур⁴

На груди её, то свастикой алмазной,
То масонскою кровавою звездой
Притворился локон безобразный –
Червь магический с магической змеёй.

В липком танце тварного круженья
Совершила некий ритуал
Незнакомка, стала украшением
Бала и Валькирией Вальгалл

И теперь, средь мрамора, гламура,
Средь античных дорогих скульптур,
Застывают превращённые в скульптуры
Дети Норда, каждый белокур:

Юный денди с профилем Зигфрида,
Офицер, с повязкою SS,
Неофиты Нео-Атлантиды,
Шестилетний белокурый бес,

Идеальный довоенный Гитлер,
С ним гестаповец тотальной пустоты...
Вы дурные яви победите
Гибельностью этой красоты.

Литературная Россия. – 2007. – 3 авг. (№ 31/32). – С. 7.

1 см. примечания к первому стихотворению М. Векслера.

2 медуза Горгона – в греческой мифологии чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, от взгляда которого всё живое превращалось в камень.

3 неполная искажённая цитата из стихотворения Б. Л. Пастернака «Гамлет».

4 подобным образом в греко-римской мифологии, а затем в европейской культурной традиции изображалась богиня любви Афродита (Венера).

Борис Гребенщиков

*Гребенщиков Борис Борисович (род. 1953),
поэт, музыкант, композитор.*

Красота

Особенности оперы в Нижнем Тагиле
Совсем не повлияли на моё воспитание.
Меня несло, как воздушного змея,
Когда всем остальным отключали питание.
Скоро я буду баснословно богатым,
Но это меня не приводит в смущенье,
Я не буду бояться своих капиталов
Я легко найду для них помещенье,
Потому что
Красота – это страшная сила.
И нет слов, чтобы это сказать.
Красота – это страшная сила,
Но мне больше не страшно,
Я хочу знать!¹
Один Чжу учился ловить драконов,
Выбросил силы и деньги на ветер.
Жаль, что за всю свою жизнь
Он так ни одного и не встретил.
Я прочёл об этом в старинных трактатах,
Прочёл и сразу ушёл из деревни.
Скоро я буду баснословно богатым
И смогу претворить в жизнь учения древних,
Потому что
Красота – это страшная сила.
И нет слов, чтобы это сказать.
Красота – это страшная сила,

Но мне больше не страшно,
Я хочу знать!
Я буду жить в доме из костей земли
И с большой дороги будут заходить дети,
Чтобы любоваться на мои кристаллы,
Сияющие во фрактальном свете.
И на семь чудес с семи концов света
Я не стану размениваться на мелочь,
Ведь очень скоро у меня будет Это
И я буду ясно знать, что с Этим делать,
Потому что
Красота – это страшная сила.
И нет слов, чтобы это сказать.
Красота – это страшная сила,
Но мне больше не страшно,
Я хочу знать!
Это делаю я,
Это делаешь ты,
Нас спасут немотивированные акты красоты².

Репродуктор: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://reproduktor.net/gruppa-akvarium/krasota/> (дата обращения: 20.12.2019).

1 см. примечания к первому стихотворению М. Векслера.

2 строки отсылают к размышлениям Ф. М. Достоевского о «действенной любви» (учение старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»): «– <...> Чем, чем возратить веру? Впрочем, я верила, лишь когда была маленьким ребенком, механически, ни о чём не думая... Чем же, чем это доказать, я теперь пришла повергнуться пред вами и просить вас об этом. Ведь если я упущу и теперешний случай – то мне во всю жизнь никто уж не ответит. Чем же доказать, чем убедиться? О, мне несчастье! Я стою и кругом вижу, что всем всё равно, почти всем, никто

об этом теперь не заботится, а я одна только переносить этого не могу. Это убийственно, убийственно!

– Без сомнения, убийственно. Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

– Как? Чем?

– Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдёте до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможно зайти в вашу душу. Это испытано, это точно» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1976. – Т. 14: Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом, кн. 1–10. / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. – С. 62).

Всеволод Емелин

Емелин Всеволод Олегович (род. 1959)

поэт из Москвы,

лауреат Григорьевской поэтической премии.

Новогоднее депрессивное

Возле магазина круглосуточного
Там, где лузеры встречают Новый год,
Целовала меня пьяная Снегурочка,
Проникая языком мне прямо в рот.

«Русь, ты вся поцелуй на морозе» –
Вспомнил я слоган антифашистов,
Затем вспомнил Дмитрия Олеговича Рогозина,
Обещавшего Москву от мусора очистить.

Очень странные ряды ассоциаций,
Голова моя совсем не Дом Советов,
Ох, как грустно на морозе целоваться
С пьяницей, в Снегурочку переодетой.

Вспоминаются итоги года трудовые:
Русские и нерусские по столице марши,
Пара переломов рук, один тяжёлый вывих,
Михаил Борисович Ходорковский на параше.

Русь, ты вся – стакан на морозе.
Хорошо сейчас бы дёрнуть двести грамм бы.
Но во рту моём чужой язык елозит,
Доставая аж по самые по гланды.

Проигравшим в жизни-лохотроне
Есть хороший повод, чтоб напиться.
Наступает Новый год, он будет годом Кони.
Лабрадора Кони – не юриста.

Русь, ты вся – минет на морозе,
А вот этого совсем не хочется.
При бросающемся в глаза парадонтозе
У наряженной Снегурочкой уборщице.

Всё, довольно, Снегурочка, не удалось.
Я устал и пуст, словно сдутый мячик.
Не хватало, чтобы подъехал обкуренный Дед Мороз
И меня хрустальным посохом офигачил.

Отпусти меня, Снегурочка, отпусти,
Никакая ты не Снежная королева.
Мишура твоя облезлая не блестит,
И та водка, что мы пили с тобой, абсолютно левая.

Герда, сестрёнка, оторвись от тёплой печки,
Приезжай скорей за поседевшим братцем Каем.
А не то он сложит из льдинок слово «вечность»,
И окажется, что это банька с пауками¹.

Библиотека фантастики: rulibs.com: сайт. – Текст электронный. – URL: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/emelin/0/j79.html (дата обращения: 16.12.2015).

¹ цитата из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «– Я не верю в будущую жизнь, – сказал Раскольников. Свидригайлов сидел в задумчивости. – А что, если там одни пауки или что-нибудь

в этом роде, – сказал он вдруг. “Это помешанный”, – подумал Раскольников. – Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится. – И неужели, неужели вам ничего не представляется утешительнее и справедливее этого! – с болезненным чувством вскрикнул Раскольников» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1973. – Т. 6. Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская – С. 221). Приведём ещё одну цитату: «Я не в силах подчиняться тёмной силе, принимающей вид тарантула» (слова Ипполита. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1973. – Т. 8: Идиот: роман / текст подгот.: И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина. – С. 341). Подробнее об этом см.: Богач Д. А. Образ паука в художественном мире Ф. М. Достоевского // Челябинский гуманитарий. – 2017. – № 2 (39). – С. 7–12.

Филипп Жакоте

*Жакоте Филипп (фр. Philippe Jaccottet, 1925–2021),
швейцарский поэт, эссеист, переводчик.*

Непосвящённый

Я с каждым днём больше возрастаю
в незнании, чем старше, тем вернее
всего лишаюсь и теряю власть.
Мои владенья – законный свет
и оснежённость тихого пространства
в безлюдье вечном. Где он, господин,
защитник, покровитель и вожатый?
Не покидая комнаты своей
Храню молчанье (тишина-служанка
Всё постепенно ставит на места),
я жду, что все мечтанья лживые исчезнут
Все до конца. Но с чем останусь я?
Что делать смертнику? какая сила
Ему так властно не дает уйти? Что заставляет
Его остаться и твердить слова
В пустом пространстве комнаты?¹ И мне ли
Судить об этом, жалкому слепцу?..
Но голос слышен, он приходит вместе
с лучами света, различим едва:
«Огню подобно, создаёт любовь
своё сиянье только разрушеньем...»²

Достоевский и XX век. – Москва, 2007. – Т. 2. – С. 294.

¹ аллюзия на монолог Гамлета «Быть или не быть?...» из одноимённой трагедии У. Шекспира. См. также примечания к стихотворению А. Башлачёва «Как по лезвию». Можно рассматривать этот фрагмент как аллюзию на произведение Ф. М. Достоевского. Так, например,

о самоубийстве как последнем волевом акте размышляет Ипполит: «... может быть, самоубийство есть единственное дело, которое я ещё могу успеть начать и окончить по собственной воле моей. Что ж, может быть, я и хочу воспользоваться последнею возможностью дела? Протест иногда не малое дело... <...> Вдруг Ипполит быстро вскочил со стула, точно его сорвали с места. – Солнце взошло! – вскричал он, увидев блестящие верхушки деревьев и показывая на них князю точно на чудо, – взошло!» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1973. – Т. 8: Идиот: роман / текст подгот.: И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина. – С. 344).

2 данный парадокс отсылает к мифологическим представлениям о любви как разрушении-созидании, отразившимся в том числе в «Божественной Комедии» Данте Алигьери («... мир любовь объяла, / Которая, как некто полагал, / Его и прежде в хаос обращала //...», «Ад», 12 песнь: 42–43) и мн. др. произведениях Нового времени.

Киссин (Муни)

Киссин Самуил Викторович (писал в основном под своим уменьшительным именем Муни) (1885–1916), поэт, прозаик.

Как аромат полыни горькой,
Струится сонно безнадежность,
И ты, любви последней нежность,
Горишь задумчивою зорькой.

Тебя царицею венчали.
Но праздник жизни дико-шумный,
Дитя! не стоит он бездумной
Всеозаряющей печали.

Тебе, бледнеющей невесте¹,
Несу я воли зов знакомый.
Склонившись тихо, припадём мы
К последней чаше. Вместе. Вместе.

Киссин С. (Муни). Лёгкое бремя: стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем. – Москва, 1999. – С. 55, 172.

¹ Поэтика стихотворения отсылает к поэтическому циклу А. Блока «Снежная маска». Возможно также, что это аллюзия на смерть Настасьи Филипповны из романа «Идиот» Ф. М. Достоевского.

Сергей Круглов

*Круглов Сергей Геннадьевич (род. 1966),
поэт, публицист, православный священник из Красноярска.*

Газета

Чорт есть русский интеллигент¹, есть профессиональный оппонент. Чорт есть вообще. Он как бы существует. Он насыляет морок умозрительных энурезов, делает уродца-младенца Спора бабище коричневой Истине, полемизирует, трётся под окнами в глухую нечистую ночь, тайно вылезает из механически повторяющихся, как некий адский принцип, скачущих по жёлтой мочевидной бумаге рябых и криворылых чёрных столбцов, и когтем, под которым сажа, перхоть, – рвёт плевры цельности, радости и сообразия у дев, спящих в отдалённых, тихих, синих русских деревнях, а то водит над их очами синюшной залупой, делает дымный знак – и во сны вводит политозную похоть; так чорт смрадно бытует в косных, смущённых сказаниях русского народа, зовут его «враг»; чорт водим силами, высшими себя. Чорт одержим идеей конца времён, зелёного, как плесень, и коричневого, глухого, чорт – эсхатолог странного закала.

Чорт, как правило, часто ликует, мохнатый,
сорный, сиворылый,
гнилоклыкий,
среди вьюг и дымов последних известий,
чесет меж лопаток длинной палочкой сплетней,
празднует победы, пия лампадное масло,
прилизываясь к сукровице трещин,
что покрыли землистые ступни русских юродивых.
Чорта может видеть на нечётких, серых,
ревматических фото в газете
единый, кто чорта не боится – старый, седой,
белоснежный помещик.
Напротив, только помещика и боится чорт.
Помещик живёт во все времена года
в широком голубом, алом поместье;
его крепостные силы в плодосбор собирают
с черёмух налитой свет, поют песни.
Глубоко усевшись у огня
в вишнёвых и яблочных своих креслах,
помещик коротает зиму.
То ли под усами улыбаясь, то ли нет, трубку
раскуривает, раскрывает газету –
и чорт ну метаться из полосы в полосу,
с шапки в подвал, ну нонпарелью виться,
ну изгибаться тенями клише! чорт верует в помещика,
но дрожит,
чуёт щетинистыми гундосыми ноздрями,
что высшие его авторитеты и водители
вдруг оставили его здесь на расправу,
одного, в старой, крепкой, скрипучей, как время

и звёздная рождественская зима,
барской усадьбе: а ну как схватит,
сомнёт, сломит! ну как извлечёт вон –
и снесёт за шкирку в клозет, и, уютно кряхтя, воссядет,
и вечным адским вопросом,
политесом серного морока, крепко вытрет
мозолистый свой, простой, но суровый зад!...
Но помещик всё сидит; и уж не глядит в газету²;
и дремлет;
трубка тлеет; искорка прыгает, пыхает, –
и в жёлтом, сыром листе, в самой сердцевине,
явилась вдруг нечаянная дырка – шире – и вот обнажает
скрытую до времени,
но теперь уже растущую въяве пустоту, вполне гулкопустую,
бесцветную, но с алой, жгучей
каймай огня, ползущего по самому краю.

Новая карта русской литературы: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.litkarta.ru/projects/nestolitsa/texts/content/kruglov/> (дата обращения: 28.01.2018).

1 аллюзия на главу «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича» из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского: «Там вдруг оказался сидящим некто, бог знает как вошедший <...> Одет он был в какой-то коричневый пиджак, очевидно от лучшего портного, но уже поношенный, сшитый примерно ещё третьего года и совершенно уже вышедший из моды, так что из светских достаточных людей таких уже два года никто не носил. Бельё, длинный галстук в виде шарфа, всё было так, как и у всех шикаватых джентльменов, но бельё, если взглядеться ближе, было грязновато, а широкий шарф очень потёрт. Клетчатые панталоны гостя сидели превосходно, но были опять-таки слишком светлы и как-то слишком узки, как теперь уже перестали носить, равно как и мягкая белая пуховая шляпа, которую уже слишком не по сезону притащил

с собою гость. Словом, был вид порядочности при весьма слабых карманных средствах. Похоже было на то, что джентльмен принадлежит к разряду бывших белоручек-помещиков, процветавших ещё при крепостном праве ...» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1976. – Т. 15: Братья Карамазовы, кн. 11–12: Эпилог: рукописные ред. / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто [и др.]. – С. 70).

2 строчки отсылают к сатирической сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик»: «И был тот помещик глупый, читал газету “Весть” и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. / ред. коллегия: С. А. Макашин (гл. ред.) [и др.]. – Москва, 1974. – Т. 16, кн. 1: Сказки, 1869–1886. Пёстрые письма, 1884–1886 / [тексты подгот.: В. Н. Баскаков, В. Э. Боград; примеч. сост.: В. Н. Баскаков, А. С. Бушмин, К. И. Тюнькин]. – С. 23).

Алексей Кручёных

*Кручёных Алексей Елисеевич (1886–1968),
поэт-футурист, прозаик, художник и журналист.*

ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ
ЛЕЧУ К АМЕРИКАМ¹
НА КОРАБЛЕ ПОЛЕЗ ЛИ
КТО
ХОТЬ БЫЛ ПРЕД НОСОМ
1913

Кручёных А. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 58.

¹ строчки отсылают к финалу романа «Бесы» Ф. М. Достоевского, к самоубийству Николая Ставрогина: «В России я ничем не связан – в ней мне всё так же чужое, как и везде. Правда, я в ней более, чем в другом месте, не любил жить; но даже и в ней ничего не мог возненавидеть!» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1974. – Т. 10: Бесы: роман в 3 ч. / текст подгот. Н. Ф. Буданова – С. 513–514).

Виктор Кудрявцев

*Кудрявцев Виктор Васильевич (род. 1958),
поэт, журналист
из г. Рудне Смоленской области.*

– Хрясь!
Хрясь!! –
увесистая берёзовая палка
без разбора молотила
по худым,
со скатавшейся шерстью,
спинам животных,
по обезумевшим,
мокрым от солёного снега
мордам.
Коровы ревели,
шарахаясь от одного борта к другому,
стараясь увернуться
от обжигающего,
непонятно за какие провинности
карающего их бича

Крайняя бурёнка,
упав на колени,
тщетно силилась подняться,
скользила,
размазывая копытами
навоз по днищу кузова,
всё туже затягивая веревку
на стёртой до крови шее.

– Доходяги!
Колбасные обрезки! –
водитель,
войдя в раж,
продолжал осыпать коров
градом ударов.
– Получай, падаль! –
острый
измочаленный конец палки
раскроил несчастной
полморды.
Вышибленное глазное яблоко
метнулось
на тонком студенистом нерве
и упало в снег,
который вспух
розовой пузырящейся пеной
и стал тихонько плавиться
вокруг кусочка
остывающей плоти.
Водитель сплюнул,
матерясь,
постучал каблуками сапог
о подножку
и исчез в кабине.
Грузовик тронулся.
На обочине дороги
осталось сиротливое
успешнее остекленеть
пятно

яичницы-глазуни,
к которому уже подбирались
бочком
проворные сороки¹.

LiveJournal: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://algoritmy.livejournal.com/257461.html> (дата обращения: 23.03.2021).

См. также: Оборин Л. Осевое мышление: семь стихотворных подборок, июль – ноябрь 2013 года // Знамя. – 2014. – № 1. – С. 206–210.

¹ См. примечания к стихотворению З. Быковой. См. также стихотворение С. Есенина «Корова» (1915).

Лев Лосев

*Лосев (настоящая фамилия –
Лифшиц) Лев Владимирович (1937–2009),
поэт, журналист.*

Поправка к истории

При чём тут Ленин, эсеры, бунд?
Не так беспощадно-бессмысленный бунт
делался до сих пор.
А выйдет сублильный такой мужичок,
почешет рептильный свой мозжечок,
да как схватит топор!¹

Свою избу разнесёт в щепу
и страшным криком «Я всех гребу!»
повеселит толпу.

И тут набегут мусора-опера,
начнётся изъятие топора
и советы весёлой толпы вокруг
насчёт вязания рук.

И будет он срок в болоте мотать,
и песню мычать про старуху-мать,
мокредь разводя по лицу,
и охраны взвод будет – ать-два-ать-
-два! – маршировать на плацу.

Знамя. – 2004. – № 2. – С. 4.

¹ строчки отсылают к нескольким произведениям русской классики: «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Преступление и наказание»

Ф. М. Достоевского. «Мне приснился сон, которого никогда не мог я забыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое <...>

Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: “Что это значит? Это не батюшка. И с какой мне стати просить благословения у мужика?” – “Всё равно, Петруша, – отвечала мне матушка, – это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...” Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог... комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: “Не бойсь, подойди под моё благословение...” Ужас и недоумение овладели мною...» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Ленинград, 1978. – Т. 6: Художественная проза / текст проверен и примеч. составлены проф. Б. В. Томашевским. – С. 269–270).

«<...> – Топором её, чего! Покончить с ней разом, – кричит третий.

– Эх, ешь те комары! Расступись! – неистово вскрикивает Миколка, бросает оглоблю, снова нагибается в телегу и вытаскивает железный лом. – Берегись! – кричит он и что есть силы и огорошивает с размаху свою бедную лошаде́нку. Удар рухнул; кобыле́нка зашаталась, осела, хотела было дёрнуть, но лом снова со всего размаху ложится ей на спину, и она падает на землю, точно ей подсекли все четыре ноги разом.

– Добивай! – кричит Миколка и вскакивает, словно себя не помня, с телеги. Несколько парней, тоже красных и пьяных, схватывают что попало – кнуты, палки, оглоблю, и бегут к издыхающей кобыле́нке. Миколка становится сбоку и начинает бить ломом зря по спине. Кляча протягивает морду, тяжело вздыхает и умирает.

– Доконал! – кричат в толпе.

– А зачем вскачь не шла!

– Моё добро! – кричит Миколка, с ломом в руках и с налитыми кровью глазами. Он стоит будто жалея, что уж некого больше бить.

– Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет! – кричат из толпы уже многие голоса» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1973. – Т. 6: Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опельская. – С. 49).

Надежда Мальцева

*Мальцева Надежда Елизаровна
(настоящая фамилия – Пупко), (род. 1945),
поэтесса, переводчик из Москвы.*

Фокстрот на разрыв аорты

(Садовая-Каретная, 8)

Ночь не кончается, Москва качается¹,
Пол крыши тьма вокруг дома снесла,
И мир на ухо тут, но я расслышу вдрут
Мотивчик ломаный из-за угла.

Купите бублички, они из времени
Такого старого, что не мечтай!
А воску ярого в кромешной темени
Добавят к памяти, как бы на чай.

Звонили весело в Путинках,
Рядышком, и все извозчики, забыв про кнут,
Давали бублики своим лошадушкам
За службу верную, за честный труд.

Ах, непутёвое Кольцо садовое
И угол Дмитровки, где по жаре
Едали бублики, приехав с Хитровки,
Гурманы тёртые, где во дворе –

В тени усатого брела Ахматова
С народом, где народ, к несчастью, был²,
И скрипку-чёрта там изгнанник Мандельштам
Кошачьей головой с пера кормил³.

Утёсов с пёсиком там шёл Каретною,
И пёсик голосом перекрывал
Подчас хозяина порой рассветною
Так, что от песни той вставал квартал.

Кому – ватрушечка, кому – просвирочка,
С кого – копеечка, кому – за так,
А нам от бублика одна лишь дырочка,
С ценою бирочка на красный флаг.

А душу кто спасёт уже спасённую?
На беды новые от старых бед
Москва бросает тень свою снесённую
И негасимый льёт из окон свет⁴.

Мотив ломается, а мы под окнами
Стоим, и молимся былой заре,
Бредём распутьями и бредим стогнами⁵,
Но все поместимся в одном дворе.

Дружба народов. – 2006. – № 1. – С. 7.

1 текст стихотворения отсылает к известным песням начала XX в.: «Бублики» Я. Ядова (поэт), «Москва златоглавая» Ш. Секунды (композитор).

2 перефразированная цитата из эпиграфа к поэме «Реквием» А. А. Ахматовой (1935–1961).

3 аллюзия на стихотворение О. Мандельштама «За Паганини длиннопалым...» (1935 г.): «Играй же на разрыв аорты / С кошачьей головой во рту, / Три чорта было – ты четвёртый, / Последний чудный чорт в цвету //».

4 перефразированная строчка из песни «Московских окон негасимый свет» Т. Хренникова и М. Матусовского. Одним из известных исполнителей песни был Л. Утёсов.

5 стогны – trad.-поэт. широкие улицы, площади (Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Первое издание. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998; То же. – Текст: электронный. – URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D1%8B&all=x> (дата обращения 17.07.2021). В данном контексте даётся намёк на частотную сюжетную ситуацию романов Ф. М. Достоевского, когда герои обсуждают сложнейшие философские вопросы на улице, на площади, в трактире.

Владимир Монахов

*Монахов Владимир Васильевич (род. 1955),
поэт, прозаик, публицист
из г. Братска Иркутской области.*

Владимиру Набокову

Прекрасна беззлобность России!
Кругом поглядишь – высота!
Небесно-торжественной сини¹
В заката кровавых устах.

И бабочка – враг огородов,
Где тужится злаком земля,
Альбомодворянской породой
Пленяет в полёте наш взгляд.

Широкая гавань простора,
Но жизнь безысходно проста.
Исстратится вся в разговорах,
Как русских спасёт красота!²

Юность. – 2006. – № 2. – С. 87.

¹ поэтика стихотворения отсылает к лирике С. Есенина. См., например, «На небесном синем блюде...» (1915 г.), «Русь» (1916 г., «О Русь – малиновое поле / И синь, упавшая в реку...//») и др.

² см. примечания к первому стихотворению М. Векслера.

Николай Олейников

*Олейников Николай Макарович (1898–1937),
писатель, поэт, сценарист.*

Таракан¹

Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосёт.
Он попался Он в капкане
И теперь он казни ждёт

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню «Тройка удалая».

Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет — она поёт.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосёт

Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печёнка, кости, сало —
Вот что душу образует
Есть всего лишь сочлененья,
А потом соединенья

Против выводов науки
Невозможно устоять
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать

Вот палач к нему подходит,
И, ощупав ему грудь,
Он под рёбрами находит
То, что следует проткнуть

И, проткнувши, на бок валит
Таракана, как свинью
Громко ржёт и зубы скалит,
Уподобленный коню

И тогда к нему толпою
Вивисекторы спешат
Кто щипцами, кто рукою
Таракана потрошат.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента
От увечий и от ран
Помирает таракан

Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат
Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Всё в прошедшем – боль, невзгоды.
Нету больше ничего.
И подпочвенные воды
Вытекают из него.

Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,
Сын лепечет: «Папа, папа!»
Бедный сын!
Но отец его не слышит,
Потому что он не дышит.

И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,
Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилой.

Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мёртвый таракан —
Сторож грубою рукою
Из окна его швырнёт,
И во двор вниз головою
Наш голубчик упадёт.

На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.

Его косточки сухие
Будет дождик поливать,
Его глазки голубые
Будет курица клевать.
1934

Олейников Н. Стихотворения и поэмы. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 142–144.

¹ здесь пародийно переосмысляются ключевые идеи романов Ф. М. Достоевского. См. примечания к стихотворению В. О. Емелина.

София Парнок

*Парнок София Яковлевна (1885–1933),
поэтесса и переводчица.*

Об одной лошадёнке чалой¹
С выпяченными рёбрами,
С подтянутым, точно у гончей,
Вогнутым животом.

О душе её одичалой,
О глазах её слишком добрых,
И о том, что жизнь её кончена,
И о том, как хлещут кнутом.

О том, как седеют за ночь
От смертельного одиночества.
И ещё – о великой жалости
К казнимому и палачу...

А ты, Иван Иванович,
– Или как тебя по имени, по отчеству
Ты уж стерпи, пожалуйста:
И о тебе хлопочу.

РуСтих: стихи классиков: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://rustih.ru/sofiya-parnok-ob-odnoj-loshadenke-chaloy/> (дата обращения: 5.03.2018).

¹ см. примечания к стихотворению З. Быковой.

Анатолий Парпара

*Парпара Анатолий Анатольевич (1940–2020),
поэт, драматург, общественный деятель,
профессор Московского государственного университета
культуры и искусств.*

Николаю Рубцову

Так резко очерчены горы
На фоне саянских снегов,
Что глазу не видится город
С кварталами белых домов.
И только кирпичные трубы,
Что клубы чернильные ткут,
Напомнили:
Здесь камнерубы
С шахтёрами вместе живут.

И вспомнилось мне:
Непогода
И тёплый, сердечный приём
В цехах небольшого завода,
Где мы выступали вдвоём.
Конечно, стеснялись вначале,
Но вскоре в азарт мы вошли:
Свои, чередуясь, читали,
Потом и к чужим перешли...
Сказал я негромкое слово
О мною любимых стихах
И стал Николая Рубцова
Читать неторопко – «В гостях».

*«Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И жёлтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мгу».*

И тишь такая наступила,
Что было слышно: за окном
Упорно птица землю била
Своим израненным крылом.

*«...Поэт, как волк, напьётся натошак.
И неподвижно, словно на портрете,
Всё тяжелей сидит на табурете,
И всё молчит, не двигаясь никак...».*

Зачем им, казалось, участие
В забытой, тяжёлой судьбе,
Когда своё личное счастье
Укрылось неведомо где!
Какие-то главные струны
Затронуты были в сердцах:
Увидел я даже у юных
Нежданные слёзы в глазах.

*«...И думал я: «Какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна всё реже гаснущая лира1,
И странный шум ей слышится в ответ?..»*

Закончил читать.
И нестранной
Казалась мне та тишина.
С раздумьем
И личною тайной
Была соразмерна она.

Потом наподобие шквала
Обрушился шум голосов...
Читал я, читал я, и мало
Им было рубцовских стихов.

Конечно, Сибири природа
Не та, что за Вологдой. Но
Выразить душу народа
Поэту, как видно, дано.

А зал знать хотел о поэте
Всё то, что я знал,
Но Рубцов
У славы был лишь на примете,
Имея три книжки стихов.

И мало друг друга мы знали.
Я – больше!
И кроме того
Печатал в столичном журнале
Недавние строфы его.
Достал я стихи из кармана,
И снова читал и читал

И слушал опять со вниманьем
Подборку последнюю зал.
И грусть в этих строфах сквозила!

И вдруг я застыл, не дыша:
Я понял:
Прощаясь, просила
Прощенья у близких душа.
И что-то под сердцем кольнуло,
И ринулось, острое, прочь...

Откуда мне ведомо было –
Та ночь,
Что на крыльях спешила, –
Рубцова последняя ночь...

Прошли неторопкие годы,
Но памятен сердцу Рубцов.
Как резко очерчены горы
На фоне саянских снегов!
1975

Парпара А. Собрание сочинений: в 4 т. – Москва, 2002. – Т. 1. – С. 136–138.

1 здесь курсивом выделены цитаты из стихотворения Н. Рубцова «В гостях». Воображаемый разговор с другом-поэтом, как и встреча с Ф. М. Достоевским в стихотворении Н. Рубцова, необходимы для осмысления роли творчества и творца в современной жизни.

Борис Поплавский

Поплавский Борис Юлианович (1903–1935),
поэт и прозаик русского зарубежья.

Жизнеописание писаря

Таинственно занятие писца¹,
Бездельничает он невероятно.
От счастья блеет – хитрая овца,
Надеется без устали бесплатно.
Он терпеливо предаётся сну
(С предателями он приятель первый),
Он спит и видит: чёрт унёс весну
И заложил, подействовав на нервы.
Потом встаёт и как луна идёт,
Идёт по городу распутными ногами,
Купается в ручье как идиот,
Сидит в трамвае окружён врагами
И тихо, тихо шевелит рукой –
Клешнёю розовою в синих пятнах,
Пока под колесом, мостом, ногой
Течёт река беспечно и бесплатно.
И снова нагло плачет. Как он смел
Существовать, обиднейший из раков?
И медленно жуя воздушный мел
Слегка шуршать с солидностью дензнака.
А он жужжит и жадно верезжит,
Танцует, как холёная собака,
Пока кругом, с вопросом на руках
Сидят враги в ужасных колпаках².

Поплавский Б. Сочинения. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 236–237. – (Волшебный хор).

1 намёк на произведения Н. В. Гоголя «Шинель» и Ф. М. Достоевского «Идиот», где главные герои находились в должности писаря. См. об этом подробнее: Эпштейн М. Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачник (к образу переписчика) // Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – Текст: электронный. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/4.htm (дата обращения 18.07.2021).

2 намёк на представителей Великой французской революции (1789–1799), носивших фригийские колпаки, служившие символом свободы.

Дмитрий Пригов

*Пригов Дмитрий Александрович (1940–2007),
поэт, художник, скульптор.*

**Второе банальное рассуждение на тему:
быть знаменитым некрасиво¹**

Когда ты скажем знаменит
Быть знаменитым некрасиво
Но ежели ты незнаменит
То знаменитым быть не только
Желательно, но и красиво...

Пригов Д. Советские тексты: стихи. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 215.
См. также: Скидан А. Пригов как Брехт и Уорхол в одном лице, или
Голем-советикус // Неканонический классик Дмитрий Александрович
Пригов (1940–2007): сб. ст. и материалов. – Москва, 2010. –
С. 122–144.

¹ цитата из стихотворения Б. Л. Пастернака «Быть знаменитым
некрасиво...» (1956 г.).

Лев Рубинштейн

*Рубинштейн Лев Семёнович (род. 1947),
поэт, литературный критик, библиограф, публицист, эссеист.*

То одно, то другое

То одно.
То другое.
То третьё
А тут ещё что-нибудь.

То слишком точно.
То чересчур приблизительно.
То вообще ни то, ни сё.
А тут ещё и через плечо заглядывают.

То чересчур пространно.
То слишком лаконично.
То вовсе как-то не так.
А тут ещё и зовут куда-то.

То чересчур ярко.
То слишком сумрачно.
То не поймёшь как.
А тут ещё изволь
Постоянно
соответствовать.

То сил нету двигаться.
То невозможно остановиться.
То обувь пыльная.

А тут ещё берутся
рассуждать и такое
несут...

То нет сил продраться
дальше оглавления.
То приходится
терпеть неизвестно
зачем.
То бумагой порежешься.
А тут еще и пихают
со всех сторон.

То забудешь, о чём думал всё утро.
То невозможно удержаться от сентенций типа:
«У поэта между строк то же, что и между ног».
То захворает кто-нибудь.
А тут ещё и неуверенность одолевает...

То система собственных представлений вызывает
лишь досаду.
То личный опыт покажется таким ничтожным.
То вороньё кричит над опустелыми пашнями.
А тут ещё и в зеркало нечаянно посмотришь...

То случайное воспоминание щемяще отзовется в душе.
То пеплом всё вокруг засыпано.
То так запрячут, что не найдёшь никогда.
А тут ещё и вон что творится...

То тяготит собственное молчание.
То такое ощущение, что наговорено на несколько
лет вперед.
То вдруг забудешь о несказанной прелести данного момента.
А тут еще и полная неизвестность...

То призраки во тьме снуют и нам сулят тревогу.
То другие какие-нибудь странности.
То угасают надежды прямо посреди пути.
А тут ещё и не разобрать ничего...

То утекает ртутный шарик навстречу пасмурной судьбе.
То преследует по пятам одно лишь тяжкое воспоминание.
То упорно ускользает главный смысл.
А тут ещё и природа не терпит пустоты...¹

То Восток розовеет.
То Запад догорает.
То дневные заботы.
А тут ещё и время какое-то такое...

То простираются просторы.
То не видно ни зги².
То на сердце туман.
А тут ещё и всё понять надо...

То о веселии вопреки всему.
То о понятном и непонятном.
То о том, как смириться с дребезжаньем угасающих надежд.
А тут ещё и не успеваешь ничего...

То о заметном падении энтузиазма в наших рядах³.
То о возможности избавления от пагубной привычки
всё называть.
То об уместности именно такого взгляда на вещи.
А тут ещё сиди думай, что можно, что нельзя...

То радуюсь неизвестно чему.
То тревожусь неизвестно о чём.
То неизвестно к чему влечёт.
А тут ещё и всякие разговоры...

То золота неосторожный вид.
То треснувшая вдоль себя завеса.
То вдруг ляпнут что-нибудь, не подумав.
А тут ещё и жди, пока обратятся...

То бытия стреноженная прыть.
То всякого кивка своё значенье.
То сознание начинает дребезжать.
А тут ещё и не дозовёшься никого...

То память в каждой складке древесины.
То зелья приворотного глоток.
То с местами какая-нибудь путаница.
А тут ещё и слышать ведь ничего не хотят...

То образ вечности подвижный.
То ждут у самого порога.
То титаническая попытка очнуться.
А тут ещё и то, что нельзя увидеть,
представится однажды...

То памяти склонённое чело.
То завтрашнего полдня перебежчик.
То как навалятся, как пригнут к земле.
А тут ещё и всем всё объясняй...

То ветра ночного простуженное дыхание.
То пузыри земли у всех на языке.
То наивно рассчитываешь преодолеть всё это наиболее привычным способом.
А тут ещё и эти...

То явное преобладание одного начала над другим.
То общее, что может только присниться.
То ждут не дождутся, чтобы уличить в противоречии.
А тут ещё и какая-то совершенно непонятная реакция...

То описание каждого из бесконечного множества вариантов.
То ожидание событий, не имеющих аналога ни в одной из мифологий.
То мы с тобой не знаем, что друг с другом.
А тут ещё и то, что было, покажется, что не было...

То пасмурное утро после бессонной ночи.
То невозможно охватить всё существующее.
То непреодолимая тоска по вековечному⁴.
А тут ещё то, чего не было, покажется, что было...

То ещё один очередной пункт в реестре переживаний.
То вдруг обнаруживаются разные вещи, и неизвестно что с ними делать.

То терпи неизвестно за что.
А тут ещё и не развернуться по-настоящему...

То тяготы и тревоги.
То надежды и утешения.
То небо над Аустерлицем⁵.
А тут ещё и решение какое-нибудь подоспеет...

То клейкие листочки.
То сопоставь каждое с последующим и предыдущим.
То становится совершенно ясно, что бесконечно это продолжаться не может.
А тут ещё и конца не видно...
1985

Поэты-концептуалисты: избранное. – Москва, 2002. – С. 86–90.

1 крылатое выражение, принадлежащее древнегреческому философу Аристотелю (лат. *Natura abhorret vacuum*).

2 фразеологический оборот со значением «ничего не видно», аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Бесы» и встречу во время метели П. Гринёва и Пугачёва в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

3 намёк на начало повести А. Платонова «Котлован» («В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нём и задумчивости среди общего темпа труда»).

4 намёк на сложнейшие философские проблемы, которые постигают человека – сюжетная ситуация романов Ф. М. Достоевского.

5 строки отсылают к роману-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». Под Аустерлицем во время сражения раненый князь Андрей прозревает смысл жизни.

Константин Случевский

*Случевский Константин Константинович (1837–1904),
русский поэт, прозаик.*

Нас двое¹

Никогда, нигде один я не хожу,
Двое нас живут между людей:
Первый – это я, каким я стал на вид,
А другой – то я мечты моей.
И один из нас вполне законный сын;
Без отца, без матери – другой;
Вечный спор у них и ссоры без конца;
Сон придёт – во сне всё тот же бой.
Потому-то вот, что двое нас, – нельзя,
Мы не можем хорошо прожить:
Чуть один из нас устроится – другой
Рад в чём может только б досадить!

Русская речь. – 2005. – № 1. – С. 30.

¹ см. примечания о двойничестве к стихотворениям А. Башлачёва.

Сакутаро Хагивара

Хагивара Сакутаро (1886–1942), японский поэт.

Неизвестная собака¹

Эта неизвестная собака за мной по пятам плетётся.
Жалкая, увечная, хромая – задняя нога перебита.

Куда иду, я и сам не знаю.
Ветер свищет по чердакам бараков.
На пустыре у обочины дороги
сухие стебли травы колышутся с шуршаньем.

Куда иду, я и сам не знаю.
Огромная луна, будто живая, впереди плывёт неторопливо,
а сзади, замыкая шествие, влачится
кончик длинного тонкого хвоста собаки.
О, повсюду, повсюду, повсюду
незнакомая собака плетётся за мной следом.
За спиной у меня крадётся тихонько,
к сырой грязной земле припадая,
подволакивает ногу больная собака.
Долго, протяжно, страшно, истошно воеет
на грустную луну одинокая несчастная собака.

LiveJournal: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://users.livejournal.com/tamit-/64077.html> (дата обращения: 12.03.2018).

См. также: Киносита Т. Идея воскресения в романе «Братья Карамазовы» и японский поэт Хагивара Сакутаро // Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского: сб. ст. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 153–161.

¹ Возможно, аллюзия на рассказ о собаке Илюшечки из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Печальная личность

Печальная личность призывает друга.
Незнакомый друг, приходи скорее!
Сядем вместе на эту старую скамейку,
тихонько потолкуем.
Проведём чудесный денёк, ни о чём не печалься,
под журчанье и плеск фонтана в соседнем парке.
Так и будем уютно сидеть, обнявшись.
Вдалеке от матерей и отцов, сестёр и братьев
соединятся наши души-сироты, о которых
родителям ничего не известно.
В мире, где снуют толпы муравьев и людишек¹,
будем говорить только о наших судьбах,
о секретах нашей несчастной неприкаянной жизни.
Право, эти слова – разве они не ложатся,
как осенние листья, с лёгким шелестом на колени?

Слабая грудь моя – словно грудь ребёнка.
Сердце моё от страха сжимается,
бьётся, как будто объято туманным пламенем
страсти...

Я всегда любил уходить высоко в горы
по крутой тропе, глядя в поднебесье –
как ничтожный червь, что стремится к самой вершине.
И когда, жалкий червь, я стоял на обрыве над бездной,
слёзы, горькие слёзы падали наземь,
а вдали над привольными горными лугами
облака нависали, белы и огромны.
Природа всегда причиняет мне лишь страданья.
Сочувствие людей в хандру меня повергает.

Нет, уж лучше бродить по шумному парку,
а утомившись,
в уединённом месте под деревом присесть
на скамейку.

Люблю с беззаботным сердцем смотреть на небо,
на дым от труб городских, уныло плывущий,
на полёт ласточек, издали едва различимых
над крышами столицы.

Моя печальная, одинокая личность
громко призывает незнакомого друга.
Моя странная, робкая, застенчивая личность,
похожая на облезлую ворону,
посреди зимнего холода и безлюдья
дрожит на краешке скамейки.

LiveJournal: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://users.livejournal.com/tamit-/64077.html> (дата обращения: 12.03.2018).

1 строки отсылают к образу общества-муравейника в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «– Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймёшь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. (слова Раскольникова, обращённые к Сонечке. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1973. – Т. 6: Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская – С. 253).

Владислав Ходасевич

*Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939),
поэт, критик,
мемуарист и историк литературы, пушкинист.*

В Петровском парке

Висел он, не качаясь,
На узком ремешке.
Свалившаяся шляпа
Чернела на песке.
В ладонь впивались ногти
На стиснутой руке.

А солнце восходило,
Стремя к полудню бег,
И, перед этим солнцем
Не опуская век,
Был высоко приподнят
На воздух человек.

И зорко, зорко, зорко
Смотрел он на восток.
Внизу столпились люди
В притихнувший кружок.
И был почти невидим
Тот узкий ремешок.

Ходасевич В. Собрание сочинений: в 4 т. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 138.

См.: Успенский П. Ф. Владислав Ходасевич накануне «Путём зерна»: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, З. Красинский в стихах и творческом сознании поэта в 1916–1917 годах // Русская литература. – 2014. – № 5. – С. 193–217.

Золото

*Иди, вот уже золото кладём в уста твои,
уже мак и мёд кладём тебе в руки.*

Salve aeternum. Красинский

В рот – золото, а в руки – мак и мёд:
Последние дары твоих земных забот.
Но пусть не буду я, как римлянин, сожжён:
Хочу в земле вкусить утробный сон,
Хочу весенним злаком прорасти,
Кружась по древнему, по звёздному пути.
В могильном сумраке истлеют мак и мёд,
Провалится монета в мёртвый рот...¹
Но через много, много тёмных лет
Пришлец неведомый отроет мой скелет,
И в чёрном черепе, что заступом разбит,
Тяжёлая монета загремит –
И золото сверкнёт среди костей,
Как солнце малое, как след души моей.

Ходасевич В. Собрание сочинений: в 4 т. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 155.

См. также: Успенский П. Ф. Владислав Ходасевич накануне «Путём зерна»: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, З. Красинский в стихах и творческом сознании поэта в 1916–1917 годах // Русская литература. – 2014. – № 5. – С. 193–217.

¹ речь идёт о посмертных обрядах древних римлян и египтян.

Слёзы Рахили¹

Мир на земле вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стёкла.
Под дождём я иду неспешно,
Мокры плечи, и шляпа промокла.
Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродягами были,
И поёт нам дождь неуёмный
Про древние слёзы Рахили.

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат –
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей –
Горючие слёзы Рахили.

Не приму ни чести, ни славы,
Если вот, на прошлой неделе,
Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.
Ах, под нашей тяжёлой ношей
Сколько б песен мы ни сложили –
Лишь один есть припев хороший:
Неутешные слёзы Рахили!

См. также: Успенский П. Ф. Владислав Ходасевич накануне «Путём зерна»: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, З. Красинский в стихах и творческом сознании поэта в 1916–1917 годах // Русская литература. – 2014. – № 5. – С. 193–217.

1 прамацьер дома Израилева. Рахиль оплакивала судьбу потомков-изгнанников («Удержи голос твой от рыданий, а глаза твои – от слёз... и возвратятся они из земли чужой! Есть надежда на будущее твоё... и возвратятся дети в пределы свои!» [Иер. 31: 16–17]).

По бульварам

В темноте, задыхаясь под шубой, иду,
Как больная рыба по дну морскому.
Трамвай зашипел и бросил звезду
В чёрное зеркало оттепели.
Раскрываю запёкшийся рот,
Жадно ловлю отсыревший воздух, –
А за мной от самых Никитских ворот
Увязался маленький призрак девочки¹.

Ходасевич В. Собрание сочинений: в 4 т. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 156.

1 аллюзия на «фантастический рассказ» Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» из «Дневника писателя».

Смоленский рынок

Смоленский рынок
Перехожу.
Полёт снежинок
Слежу, слежу.
При свете дня
Желтеют свечи;
Всё те же встречи
Гнетут меня.
Всё к той же чаше
Припал – и пью...
Соседки наши
Несут кутю.
У церкви – синий
Раскрытый гроб,
Ложится иней
На мёртвый лоб...
О, лёт снежинок,
Остановись!
Преобразись,
Смоленский рынок!

Ходасевич В. Собрание сочинений: в 4 т. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 163.

См.: Успенский П. Ф. Владислав Ходасевич накануне «Путём зерна»: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, З. Красинский в стихах и творческом сознании поэта в 1916–1917 годах // Русская литература. – 2014. – № 5. – С. 193–217.

Марина Цветаева

*Цветаева Марина Ивановна (1892–1941),
поэтесса, прозаик, переводчица.*

О слёзы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О чёрная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет¹.

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Москва, 1997. – Т. 2. – С. 360, 528.
См. также: Фокин П. Е. Достоевский и М. Цветаева: к вопросу о судьбах
«реализма в высшем смысле» // Достоевский и XX век: [сб. ст.]: в 2 т. –
Москва, 2007. – Т. 1. – С. 280–289.

¹ см. примечания к стихотворению Н. Берберовой.

Милош Чеслав

*Чеслав Милош (1911–2004),
польский поэт, переводчик, эссеист,
лауреат Нобелевской премии.*

Если нет
Даже если Бога нет,
Нет в тебе такого права,
Будучи собратом, здраво,
Блиzkих огорчать отравой,
Говоря, что Бога нет¹.

Перевод В. Уланова

Стихи.ру: лит. портал. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2012/01/16/8263> (дата обращения: 24.02.2018).

¹ см. примечания к стихотворению Н. Берберовой. Вопрос о бытии Божиим и Его Творении поставлен в главе «Великий инквизитор» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». См. об этом: Примечания // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т.– Ленинград, 1976. – Т. 15: Братья Карамазовы, кн. 11–12: Эпилог: рукописные ред. / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто [и др.]. – С. 555–563.

Именной указатель

- Агеев Юрий 149–151
Агнивцев Николай 93–95
Айзенштадт Михаил 152–153
Алексеев Николай 154–155
Алёхин Алексей 156
Алиева Эльмира 157–158
Алкора 159
Андреев Даниил 160–161
Анненский Иннокентий 96–97
Антокольский Павел 162–165
Ануфриева Наталья 166
Арканов Аркадий 167–168
Аросева Елена 689
Арсеньев Александр 13–14
Ахипов Агафангел 15
Ахматова Анна 169–172
Ахметьев Иван 173
- Бабуров Владимир 174
Бажан Микола 175–180
Балачан Владимир 690
Бальмонт Константин 98
Бастраков Павел 181
Батюшков Фёдор 16–17
Башаков Михаил 182–183
Башлачёв Александр 787–820
Берберова Нина 821–822
Берг Фёдор 18–19
Берендгоф Николай 184–185
Бехер Иоганнес 99
Битов Андрей 186
Блок Александр 100
- Богомяков Владимир 187
Божнев Борис 188–190
Болдырев Андрей 191
Бонгард Сергей 192
Бондаренко Станислав 193
Боровиковский Александр 20–21
Брагин Алексей 194–195
Британишский Владимир 196
Бродский Иосиф 197–202
Брюсов Валерий 101–106
Буренин Виктор 22–27
Бурлюк Давид 107
Бывшев Александр 203
Быков Дмитрий 204–212
Быков Пётр 28
Быкова Зинаида 823–824
- Вальшонок Зиновий 213–214
Ванетик Семён 215
Васильев Сергей 216
Васильева Лариса 217
Ватутина Мария 691
Веденяпин Дмитрий 218–220
Вейнберг Пётр 29
Векслер Михаил 825–826
Витухновская Алина 827–828
Воденников Дмитрий 221–222
Волков Иван 223

- Волошин Максимилиан 108–114
 Вольтская Татьяна 224–227
 Воробьёва Екатерина 692–693
 Вышеславский Леонид 228
 Вяткин Георгий 695–696

 Гайдебуров Вячеслав 30–31
 Галамага Андрей 229–230
 Галеев Рустем 231–232
 Гандельсман Владимир 233–236
 Глазков Николай 237
 Глотова Любовь 238
 Гнедич Татьяна 239
 Големба Александр 240–241
 Голиков Сергей 242–243
 Голицын Николай 32
 Голь Николай 247
 Гольденберг Абрам 115
 Голышко-Вольфсон Дмитрий 244–246
 Горбовский Глеб 248–250
 Горгун Олег 251
 Городецкий Сергей 252–256
 Городницкий Александр 257–260
 Горянский Валентин 116–118
 Грантс Янис 261
 Гребенщиков Борис 262, 829–831
 Григорьева Ольга 263

 Давыдов Сергей 264
 Дементьев Андрей 265
 Демьяненко Андрей 266–267
 Дергачёв Геннадий 268–269
 Диего Элисео 270
 Диктониус Эльмер 271–272
 Дмитриев Андрей 273–276
 Дмитриев Николай 277
 Добужинский Мстислав 119–120
 Дозморов Олег 278
 Дробышев Владимир 279
 Дроздов Виктор 753
 Дыбин Александр 280

 Евдокимова Любовь 697–707
 Евтушенко Евгений 281–288
 Елфимова Анжелика 289
 Емелин Всеволод 832–834
 Ерошин Иван 290

 Жаворонков Борис 291–292
 Жакоте Филипп 835–836
 Жулёв Гавриил 33–34

 Загорянский Валентин 293
 Зарицкий Алексей 294–296
 Заславский Риталий 297
 Захаров Владимир 298
 Зензин Владимир 708–709
 Зиновьев Николай 299
 Зубарева Вера 300

Иванов Вячеслав 121
Иванов Георгий 301–302
Иванова Ася 303–305
Иваск Юрий 306–307
Ивашкевич Ярослав
309–311
Ивеншев Николай 312
Ивнев Рюрик 122–124
Изварина Евгения 313
Иличевский Александр
314–316
Ионов Александр 317–318
Иртеньев Игорь 319

Кабанов Александр 320
Кабыш Инна 321–324
Казакова Светлана 710
Казарин Юрий 325
Калецкий Андрей 326
Калинин Михаил 327–328
Кантов Дмитрий 329
Каплун Вениамин 711–712
Капранов Геннадий 330
Карасёв Евгений 331
Карасёв Максим 35
Карпова Наталия 332–335
Кедров Константин 336
Кекова Светлана 337–340
Кенжеев Бахыт 341–348
Кибиров Тимур 349–352
Ким Юлий 353–357
Кирсанов Семён 358–359
К[иселёв] Василий 360–363
Киссин Самуил 837

Климов-Южин Александр
364–365
Клишин Олег 713–714
Клюев Николай 125
Ключников Юрий 366–367
Козлов Пётр 715
Козырев Андрей 716–723
Колчев Алексей 368
Кондратов Александр 369
Коневской Иван 126–127
Коновалов Алексей 370–372
Коркия Виктор 373–376
Корнилов Владимир 377–378
Котюков Лев 379
Краско Валерий 380
Крестовский Всеволод 36
Крестовский Г. 37
Круглов Сергей 838–841
Кручёных Алексей 381–383,
842
Кублановский Юрий 384–387
Кугультинов Давид 388–390
Кудрявцев Виктор 843–845
Кузнецов Николай 724–727
Кузнецова Елена 728
Куклин Лев 391
Куняев Станислав 392
Курач Светлана 729
Курочкин Василий 38–43
Кусков Платон 44
Кутилов Аркадий 730–735
Кучерявый Всеволод 393–394
Кучкина Ольга 395
Кушнер Александр 396–405

- Лебедева Надежда 406
Легеза Дмитрий 407–408
Леонов Леонид 128
Леонович Владимир 409
Летов Егор 736–737
Лившиц Бенедикт 129
Лившиц Семён 410–411
Линдерман Владимир
412–413
Лиснянская Инна 414
Лихтенфельд Борис 415
Лозина-Лозинский Алексей
130–131
Лосев Лев 416–426, 846–847
Луговской Владимир 427
Львов Владимир 428
Люциев Антон 429
- Макаров Юрий 738
Мальцева Надежда 848–850
Маняхин Пётр 430
Марков Сергей 431–432
Мартынов Леонид 739–742
Маршак Самуил 433
Матвеева Марина 434
Маяковский Владимир
435–438
Медведев Александр 439
Мережковский Дмитрий
132–133
Мещерский Александр
45–46
Мизгулин Дмитрий 440
- Микушевич Владимир
441–442
Минаев Дмитрий 47–55
Минералов Юрий 443–444
Минин Евгений 445
Миронова Елена 743–745
Митин Павел 446
Михайлов Валерий 447–448
Монахов Владимир 851
Мориц Юнна 449–450
Моршен Николай 451
Муро Сайсэй 452
Мызников Александр
453–454
- Набоков Владимир 134–135
Надсон Семён 56–58
Науменко Майк 455–457
Неизвестный автор
(современник Ф. М.
Достоевского) 59
Неизвестный автор (XX в.)
458
Нейман Юлия 459–460
Некрасов Всеволод 461–465
Некрасов Николай 60–72
Непомнящий Александр
466–467
Несмелов Арсений 136–137
Никонова Любовь 468–469
Нитченко Андрей 470–471
Новиков Владимир 746
Новожилова Елена 472

- Объедков Анатолий 473
 Окунь Михаил 474–475
 Олди Генри Лайон 476
 Олейников Николай 852–855
 Олексяк Сергей 477
 Ольхон Анатолий 478–480
 Ордин-Арцева Ольга 481
 Орешник Александр 482–491
 Останина Валентина
 747–749
 Оцуп Николай 492–494
- Павловская Анна 495
 Пальмин Лиодор 73–74
 Панкин Борис 496
 Парнок София 856
 Парпара Анатолий 857–860
 Пастернак Борис 497–498
 Пелевин Виктор 499–503
 Пельгорская Елизавета
 75–76
 Перминов Юрий 750–752
 Першин Владимир 504–505
 Петухов Григорий 506–507
 Пивоварова Юлия 508–509
 Поздняков Михась 510
 Полонский Яков 77
 Поляков Андрей 511
 Полякова Надежда 512
 Поплавский Борис 861–862
 Попов Михаил 513
 Поскрёбышев Олег 514–515
 Пригов Дмитрий 516–517,
 863
- Пуджа Миттал 518–519
 Пшеничный Владимир 520
- Радашкевич Александр
 521–522
 Радимов Павел 523
 Разин Пётр 753
 Реброва Татьяна 524
 Редькин Николай 525
 Резник Валентин 526
 Резник Ирина 754–755
 Рецептер Владимир 527–528
 Рицков Борис 529–530
 Родионов Андрей 531
 Романов Борис 532
 Ростовцева Инна 533
 Рубанович Виктор 534
 Рубинштейн Лев 864–869
 Рубцов Николай 535–536
 Рудт Александр 537
 Румянцев Дмитрий 756–760
 Рупасов Константин 538
 Рябинин Константин 761–762
 Ряшенцев Юрий 539–541
- С-т К. 542–543
 Сабанова Татьяна 544–545
 Сабитова Ангелина 546
 Савельев Сергей 547
 Садовской Борис 138
 Салимон Владимир 548
 Салтыков-Щедрин Михаил
 78
 Сарабьянов Дмитрий 549

- Сатин Сергей 550
Светлов Михаил 551–553
Северянин Игорь 139–141
Сейферт Ярослав 554
Синельников Михаил
555–557
Скворцов Константин
558–560
Скульская Елена 561–562
Слепухин Сергей 563
Слуцкий Борис 564–565
Случевский Константин
79–86, 870
Соймонов Михаил 87
Соколов Анатолий 566–567
Соколов Николай 88–89
Соколова Калерия 568
Солженицын Александр
569–570
Сологуб Фёдор 142
Сорокин Валентин 571–572
Средина Ольга 573
Сроковский Станислав
574–575
Степанов Евгений 576
Стратановский Сергей
577–578
Супрунова Светлана 579–580
Сурненко Валерий 581–582
Сычёва Екатерина 763
- Такубоку Исикава 143
Тарасов Геннадий 764–769
Таскаев Иван 770
- Теплякова Мария 583–584
Тепляшин Анатолий 585–586
Тимкин Тимофей 587
Титов Николай 588
Тихонов Александр 771
Торопыгин Владимир
589–591
Третьяков Виктор 592
Трофимов Юрий 772
Тупицына Екатерина 593
- Улзытуев Амарсана 594
Уфлянд Владимир 595
Ушакова Елена 596–600
- Фанайлова Елена 601–606
Фатющенко Валентин 607
Фёдорова Лариса 608
Флаум Леон 773
Фомина Раиса 774–775
Францев Александр 609
Фрост Роберт Ли 610
Фудель Сергей 611
Фурманов Дмитрий 144
- Хагивара Сакутаро 871–873
Херсонский Борис 612–620
Хитрово Михаил 90
Хлебников Велимир 145
Ходасевич Владислав 874–878
Хомяков Олег 621
Хоффманн Камилл 622

Царёва Валентина 623
Цвейг Стефан 624–630
Цветаева Марина 879
Цветкова Анна 631–632
Целищева Галина 776–777

Чеслав Милош 880
Чёрный Саша 633–638
Чигрин Евгений 639
Чиладзе Тамаз 640–641
Чиннов Игорь 642–643
Чичибабин Борис 644–647
Чосич Бора 648
Чуклин Михаил 649–650

Шаов Тимур 651–652
Шаров Павел 653
Шварц Елена 654–657
Шевчук Юрий 658–661
Шелленберг Вероника
778–782
Шенгели Георгий 662–665
Шенталинский Виталий 666
Шефнер Вадим 667–668
Шифрин Борис 669
Шкляренко Борис 670
Шмаков Геннадий 783
Шуваев Владимир 671–672
Шувалова Ирина 784
Шумаков Николай 673
Шумаков Юрий 674

Щёголев Николай 675–676

Энтелис Николай 677
Эрастов Евгений 678–679

Юдалевич Марк 680–682
Юрков Олег 683–684

Якимчук Николай 685
Яковлева Ольга 686
Янев Никита 687–688
Яремич Степан 146

Библиография публикаций

1. **Н. Н. Ф. М. Достоевскому: стихи** // Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, 1846–1903 / сост. А. Г. Достоевская. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 294.*

Написано после прочтения «Записок из Мёртвого дома» 21 января 1880 г.

2. **А. К. Памяти Достоевского: стихи** // Воспитание и обучение. – 1881. – № 2.*

3. **Агеев Ю. Достоевский: отрывок из поэмы** // Сообщество творческих людей «Авторы.ру»: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://avtors.ru/id15083/31503> (дата обращения: 12.04.2021).

4. **Агнивцев Н. Вдали от тебя, Петербург!: стихи** // Блистательный Санкт-Петербург / Н. Я. Агнивцев. – Берлин, 1923*; Блистательный Санкт-Петербург / Н. Я. Агнивцев. – Москва, 1989. – С. 9–10.

Упоминается Достоевский.

5. **Айзенштадт М. К. Достоевскому («Неумолимая необходимость жить...»): стихи** // Сегодня. – Рига, 1921. – № 259*; Достоевский: материалы и исслед. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 18. – С. 377–378. – В ст.: Глушаков П. С. Стихотворные посвящения Достоевскому в латвийских эмигрантских изданиях. – С. 375–379.

6. **Александров А. Достоевскому: стихи** // Стихотворения / А. А. Александров. – Москва, 1912. – С. 43.*

7. **Алексеев Н. Раздумья в музее Достоевского: стихи** // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений. – Семипалатинск, 1989. – С. 95.

8. **Алёхин А.** Троица: стихи // Дружба народов. – 2003. – № 12. – С. 24.

Упоминается Достоевский.

9. **Алиева Э.** Теория Раскольниковова: стихи // Изба-читальня: лит. портал. – Текст электронный. – URL: <https://www.chitalnya.ru/work/197473/> (дата обращения: 23.01.2018).

10. **Алкора.** Старая Русса. 3. Дом-музей Достоевского: стихи // Стихи.ру: лит. портал. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2014/06/19/2074> (дата обращения: 29.01.2018).

11. **Алмазов Б.** Спор (отрывок из умозрительной русской литературы): стихи // Эпиграмма и сатира: из истории лит. борьбы XIX в. / сост. А. Островский. – Москва; Ленинград, 1932. – Т. 2. – С. 358–366.*

О споре Ф. М. Достоевского и А. А. Краевского.

12. **Андреев Д.** Художественному театру: стихи // Собр. соч.: в 3 т. / Д. Л. Андреев. – Москва, 1993. – Т. 1. – С. 39; Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления / В. А. Бачинин. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 406.

Упоминается Достоевский.

13. **Андреевский С.** В квартире Достоевского 30 января 81 («Не высоко, на двух ступенях...»): стихи // Молва. – 1881. – 1 февр. (№ 32).*

14. **Анненский И.** Двойник: стихи // Русская речь. – 2005. – № 1. – С. 30. – В ст.: Гапоненко П. А. Образы А. Толстого, А. Майкова, Я. Полонского, Ин. Анненского и поэзия К. Случевского. – С. 23–51.

15. **Анненский И.** К портрету Достоевского: стихи // По-смертные стихи Иннокентия Анненского / И. Ф. Анненский; под ред. В. Кривича. – Петроград, 1923. – С. 144*; Стихотво-

рения и трагедии / И. Ф. Анненский. – 3-е изд. – Ленинград, 1990. – С. 183.

16. **Антокольский П.** Достоевский: стихи // Литературная Россия. – 1971. – 29 окт.; Время: стихи и поэмы / А. Г. Антокольский. – Москва, 1973. – С. 150–151. – (Библиотека поэзии «Россия»).

17. **Антокольский П.** Сонечка Мармеладова: стихи // Собр. соч.: в 4 т. / А. Г. Антокольский. – Москва, 1973. – Т. 2. – С. 587.

18. **Ануфриева Н.** «Было лето. Жара...»; «...И хмурые люди в калошах...»: стихи // Москва. – 2002. – № 2. – С. 191, 197.

О Достоевском.

19. **Арго.** «Возьмите «Карамазовых», раскройте «Бесы»...»: пародийные стихи // Политическая пародия / Арго. – Москва, 1921*; Сатирические очерки по истории русской литературы / Арго. – Москва, 1939. – С. 47–48*; Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи. – Москва, 2000. – С. 742. – Настоящее имя авт.: А. М. Гольденберг.

20. **Аркинов А.** Идиот: пародия // Антология сатиры и юмора России XX в. – Москва, 2001. – Т. 11*; Русский язык в школе. – 2004. – № 4. – С. 88.

На роман Достоевского «Идиот».

21. **Аросева Е.** Генеральша; Борис Каширин: стихи // Берега любви / Е. А. Аросева. – Омск, 2005. – С. 153, 157.

В стихотворениях упоминаются персонажи спектакля по повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

22. **Арсеньев А.** На смерть Ф. М. Достоевского: стихи // Новое время. – 1881. – 2 февр.*; Игрушечка. – 1881. – № 6*;

Фёдор Михайлович Достоевский. Биография. Его последние сочинения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881*; Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – Санкт-Петербург, 1883. – С. 97 (паг. 3-я).

23. **Архангельский В. И.** На кончину Ф. М. Достоевского: стихи // Прибавление к «Воронежским епархиальным ведомостям». – 1881. – № 5 (1 марта). – С. 205.*

24. **Архипов А. Ф.** М. Достоевскому (многоуважаемому автору «Дневника писателя»): стихи // Русская литература. – 1976. – № 3. – С. 134. – В ст.: Волгин И. Л. Достоевский и русское общество. – С. 123–143.

Стихотворение современника Достоевского.

25. **Ахматова А.** Поэма без героя. Триптих: фрагмент // Стихотворения, 1909–1960 / А. А. Ахматова. – Москва, 1961. – С. 236–244. – Под загл.: «1913 год»; Лирика / А. А. Ахматова. – Москва, 1989. – С. 339–341. – (Классики и современники. Поэтическая библиотека).

В поэме слово «достоевский» употребляется как имя нарицательное.

26. **Ахматова А.** Северные элегии. Первая. Предыстория («Россия Достоевского. Луна...»): стихи // Ленинградский альманах. – Ленинград, 1945. – С. 209–210; Сочинения: в 2 т. / А. А. Ахматова. – Москва, 1990. – Т. 1. – С. 259–260.

27. **Ахметьев И.** Авангард – сад камней: миниатюры // Независимая газета. – 1993. – 28 июля. – С. 8.

Одна из миниатюр посвящена Достоевскому.

28. **Ахметьев И.** «Гоголь...»: стихи // Кулаков В. Постфактум: кн. о стихах / В. Кулаков. – Москва, 2007. – С. 211.

Упоминается Ф. М. Достоевский.

29. **Ахметьев И.** «Достоевский...»: стихи // Независимая газета. – 1993. – 28 июля. – С. 8.

30. **Ахметьев И.** «тварь ли я дрожащая...»: стихи // Александр Левин: сайт. – Текст электронный. – URL: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/АНМЕТЪЕВ/Sotni_kryuchkov.html (дата обращения: 13.01.2018).

31. **Бабуров В.** Мгновенье – ты прекрасно!: Когда читаешь Достоевского: стихи // Дальний Восток. – 2009. – № 5. – С. 108.

32. **Бажан М.** Смерть Гамлета: стихи // Избранное: пер. с укр. / М. П. Бажан. – Москва, 1954. – С. 134–137.

Упомянуты Достоевский и персонажи его романов «Братья Карамазовы» (А. Карамазов), «Идиот» (князь Мышкин).

33. **Байгужанов К.** Молитва Любви: стихи // Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Семипалатинск, 2004. – С. 8.

Стихотворение написано от лица Достоевского.

34. **Балачан В.** На родине: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 6.

Эпиграф из романа Достоевского «Идиот».

35. **Бальмонт К.** Клич страсти: имени Ф. М. Достоевского («Средь стражей мира, чьё необозримо...»): стихи // Россия и славянство. – Париж, 1931. – 21 февр. (№ 17). – Рус. яз.*

36. **Бальмонт К.** «Твердыня с мощностью стропил...»: стихи // Лит. Грузия. – 1978. – № 9. – С. 106–107. – Первая публ. – В ст.: Белов С. В. Бальмонт о Достоевском. – С. 105–111; Ф. М. Достоевский и душа Омска: сб. ст. – Омск, 2001. – С. 195–196.

Упомянуты Достоевский.

37. **Барт Н.** На смерть Достоевского: стихи // Новое время. – 1881. – 29 янв.* – По др. источникам 31 янв.; Фёдор Михайлович Достоевский. Биография. Его последние сочинения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881.*

38. **Бастраков П.** «Потоньше перо, да полегче слова...»: стихи // Знамя. – 2000. – № 11. – С. 143.

Упоминается Достоевский.

39. **Батюшков Ф.** Подземный гимн («Братья Карамазовы»): стихи // Достоевский: материалы и исслед. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 16. – С. 353–354.

40. **Башаков М.** Сталкер: стихи // Поэты русского рока: В. Цой, М. Науменко, А. Панов, В. Фёдоров, Ф. Чистяков, М. Башаков. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 370.

Упоминается «бедная Неточка» из повести Достоевского «Неточка Незванова».

41. **Берберова Н.** Предсмертный диалог: стихи // Без заката: рассказы не о любви; Маленькая девочка: стихи Н. Н. Берберова – Москва, 1999. – С. 394.

Реминисценции из романа Достоевского «Братья Карамазовы».

42. **Берг Ф.** В поле: стихи // Время. – 1862. – № 9 (Сент.). – С. 178–179.

Посвящено Достоевскому.

43. **Берендгоф Н.** Достоевский на эшафоте: стихи // Избранное: стихи / Н. С. Берендгоф. – Москва, 1971. – С. 11–13.

44. **Бехер И.** Достоевскому: стихи / пер. с нем. Г. Ратгауза // Литературная Россия. – 1971. – 12 нояб. (№ 46). – С. 10. – Первая публ. на рус. яз.

45. **Бжозовский С.** Фёдор Достоевский. Из мрака русской души: поэма / С. Бжозовский; пер. с пол. Д. Д. Бохана. – Вильно, 1920. – 33 с.*

Поэма 1906 г.

46. **Битов А.** «Что за странная канва...»: юморист. стихи // Пятое измерение: на границе времени и пространства: эссе / А. Г. Битов. – Москва, 2014. – С. 327–328.

Упоминается пара «Достоевский и Толстой».

47. **Блок А.** Возмездие: поэма // Собр. соч.: в 6 т. / А. А. Блок. – Ленинград, 1980. – Т. 2. – С. 270–312.

В поэме упоминаются Достоевский и его «Дневник писателя».

48. **Блок А.** Незнакомка: стихи // Собр. соч.: в 8 т. / А. А. Блок. – Москва; Ленинград, 1960. – Т. 2. – С. 185.

Эпиграф из Достоевского.

49. **Богомяков В.** «За то, что я зомбирова́л одну девочку...»: стихи // Знамя. – 2014. – № 4. – С. 68.

Упоминается Достоевский.

50. **Божнев Б.** Утро после чтения «Братьев Карамазовых»: кн. стихов / Б. Б. Божнев. – [Париж?], 1948. – 27 с.*; E-libra: электронная библиотека: сайт. – Текст: электронный. – URL: <http://e-libra.su/read/327961-eelegiya-eellicheskaaya-izbrannie-stihotvoreniya.html> (дата обращения: 16.01.2018).

51. **Болдырев А.** «Запасай, народ, попкорн...»: стихи // Сибирские огни. – 2018. – № 7. – С. 120.

52. **Бонгард С.** «Присела птица сонная...»: стихи // «Мы жили тогда на планете другой...»: антол. поэзии рус. зарубежья, 1920–1990: в 4 кн. – Москва, 1997. – Кн. 4. – С. 244.

Упоминается Достоевский.

53. **Бондаренко С.** Молодой специалист: стихи // Москва. – 2011. – № 8. – С. 210.

Упоминается Достоевский.

54. **Борисова И.** «Ветер осенний. Сижу у окна...»: стихи // В мире героев Достоевского: сб. исслед. и творч. работ учащихся. – Старая Русса, 2002. – С. 71.*

Стихотворение прислано на конкурс, посвящённый 180-летию со дня рождения Достоевского.

55. **Боровиковский А.** 31-е января 1881 года: (детям): стихи // Русская мысль. – 1882. – № 2. – С. 1-2; Поэты-демократы 1870–1880-х годов. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 334–335; Ф. М. Достоевский и душа Омска: межвуз. сб. ст. – Омск, 2001. – С. 197–198.

На смерть Достоевского.

56. **Брагин А.** Алтын-Эмель (Золотое седло): поэма // Дневник века моего: избр. стихи, поэмы, переводы / А. И. Брагин. – Алма-Ата, 1981. – С. 190–216.

На с. 198–199 фрагмент поэмы посвящён Ч. Ч. Валиханову и его дружбе с Достоевским.

57. **Британишский В.** «Мой город мне был в раннем детстве явлен...»: стихи // Нева. – 2005. – № 1. – С. 210.

Упоминается Достоевский.

58. **Бродский И.** Шествие: поэма-мистерия // Сочинения: в 8 т. / И. А. Бродский. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 1. – С. 79–133.

На с. 81–83, 104–106 – упоминается персонаж романа «Идиот» князь Мышкин.

59. **Брюсов В.** К Петрограду: стихи // Сочинения: в 2 т. / В. Я. Брюсов. – Москва, 1987. – Т. 1. – С. 348–349.

О Петрограде как городе Достоевского.

60. **Брюсов В.** Лев и Свинья: басня по Ф. М. Достоевско-

му // Биржевые ведомости, утр. вып. – 1916. – 2 мая. – С. 2.*

61. **Брюсов В.** Старый вопрос: стихи // Русская мысль. – 1914. – № 8/9*; Сочинения: в 2 т. / В. Я. Брюсов. – Москва, 1987. – Т. 1. – С. 320–321.

Упоминается Достоевский.

62. **Буренин В.** Видения редакторов из эпической поэмы «Ерундиада, или Начало конца. I. В редакции «Отеч. записок»: стихи // Искра. – 1864. – № 32 (25 авг.). – С. 421–422.*

Сатирическое стихотворение является ответом на статью Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах».

63. **Буренин В.** Драматические сцены по поводу выхода «Современника». В Петербурге: стихи // Современник. – 1863. – № 4. – С. 82–84. – Подпись: Вл. Монументов*; Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 2. – С. 316–319.

В сцене «В Петербурге» упоминается Достоевский.

64. **Буренин В.** Литературный маскарад: сцены из комедии // Искра. – 1863. – № 1 (7). – С. 12. – Подпись: Вл. Монументов*; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 1. – С. 389.

Упоминается Достоевский.

65. **Буренин В.** Призраки; «Я прежде был игрив и светел...»; «Ах, зачем я читал «Время»...»: стихи // Эпиграмма и сатира: из истории лит. борьбы XIX века / сост. А. Островский. – Москва; Ленинград, 1932. – Т. 2. – С. 140–149, 198, 203–204.*

Сатирические стихи о журналах Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха».

66. **Буренин В.** У гроба Ф. М. Достоевского: стихи // Новое время. – 1881. – 1 февр. (№ 1771)*; Полярная звезда. –

1881. – № 2. – С. 146*; Смилевец О. Д. Саратов и Достоевский. – Саратов, 1998. – С. 35.

67. **Бурлюк Д.** Омское: стихи // Бурлюк Д. Д. Энтелехизм. Теория. Критика. Стихи. Картины, 1907–1930. – Нью-Йорк, 1930*; Вечерний Омск. – 1992. – 31 марта. – В ст.: Поварцов С. Н. «Веет прелестью особой...».

В стихотворении, написанном в 1919 г. под непосредственным впечатлением от посещения г. Омска, упоминается Достоевский-каторжник.

68. **Бывшев А.** Клинический случай: стихи // Андрей Клавдиевич Углицких: журнал литературной критики и словесности: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://uglitskih.ru/aleksandr-byivshev-dlya-menya-parnas-vsego-prevyishe-erigrammy> (дата обращения: 10.03.2018).

Упоминается Митя Карамазов.

69. **Быков Д.** «Мне не жалко двадцатого века...»: стихи // Отчёт: стихотворения. Поэмы. Баллады / Д. Быков. – Москва, 2012. – С. 300–302.

Упоминается Достоевский.

70. **Быков Д.** Шинель: стихи // Отчёт: стихотворения. Поэмы. Баллады / Д. Быков. – Москва, 2012. – С. 71–73.

Реминисценции из Достоевского («Бедные люди»).

71. **Быков Д.** «Я не был в жизни счастлив ни минуты...»: стихи // Отчёт: стихотворения. Поэмы. Баллады / Д. Быков. – Москва, 2012. – С. 204–205.

Упоминаются «клейкие зелёные листочки» из романа Достоевского «Братья Карамазовы».

72. **Быков П.** «Любя глубоко правды свет...»: стихи // Современность. – 1881. – 4 февр.*; Фёдор Михайлович Достоевский. Биография. Его последние сочинения. Послед-

ние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881*; Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – Санкт-Петербург, 1883. – С. 98 (паг. 3-я).

Упоминается Достоевский-каторжник.

73. **Быкова З.** Незримые птицы: стихи / З. Быкова. – Дрогобыч: Коло, 2000.*

Реминисценции из Достоевского.

74. **В-ская Е.** Памяти Ф. М. Достоевского («И шли они – рабы печали...»): стихи // Петербургский листок. – 1881. – 1 февр. (№ 23).*

75. **Вальшонок З.** Достоевский: стихи // Яблоко согласия: кн. лирики / З. М. Вальшонок. – Москва, 1976. – С. 30–31.

76. **Ванетик С.** «Писал Хемингуэй обычно стоя...»: эпиграмма // Вопросы литературы. – 2006. – № 4. – С. 376.

Упоминается Достоевский.

77. **Васильев С. Е.** Лермонтов: стихи // Нева. – 2013. – № 3. – С. 115.

Упоминается Достоевский.

78. **Васильева Л.** Отзвук Достоевского в Семипалатинске: стихи // Листва: кн. стихов / Л. Н. Васильева. – Москва, 1980. – С. 44.

79. **Ватутина М.** «Где Луна лежит горошинкой...»: стихи // Складчина: лит. альм. – Омск, 2015. – № 1 (40), сент. – С. 215.

Упоминается Алёша Карамазов.

80. **Веденяпин Д.** «В прозрачной дымке на краю земли...»: стихи // Новый мир. – 2014. – № 2. – С. 6.

Отмечено: «Уже написан «Идиот».

81. **Веденяпин Д.** «Всё дело в том, что дела нет ни в чём...»: стихи // Новый мир. – 2014. – № 2. – С. 5–6.

В стихотворении памяти актёра И. М. Смоктуновского упоминается его роль князя Мышкина в спектакле «Идиот».

82. **Веденяпин Д.** «Как кто убил?.. Из книжки лился свет...»: стихи // Знамя. – 2006. – № 10. – С. 98.

Реминисценции из романа Достоевского «Преступление и наказание».

83. **Вейнберг П.** «Стасюлевич, Плещеев, Спасович...»: стихи // Литературное наследство. – Москва, 1973. – Т. 86: Ф. М. Достоевский: новые материалы и исслед. – С. 462.

Упоминается Достоевский.

84. **Векслер М.** «А красота спасёт одну...»; Повторение – мать учения: стихи // Вопросы литературы. – 2009. – № 5. – С. 503, 507.

Реминисценции из романа Достоевского «Идиот».

85. **Висковатый П.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Русь. – 1881. – 7 февр. (№ 13).*

86. **Витухновская А.** Белокурая Горгона: стихи // Литературная Россия. – 2007. – 3 авг. (№ 31/32). – С. 7.

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского «красота спасёт мир» из романа «Идиот».

87. **Воденников Д.** Интерактивный выпуск (или реквием по моим литературным кумирам): стихи // Знамя. – 2001. – № 4. – С. 127.

Реминисценции из романа Достоевского «Идиот» (сюжет сжигания пачки денег Настасьей Филипповной).

88. **Водовозов В.** На смерть Достоевского: стихи // Русская старина. – 1886. – Нояб. – С. 431–432.

Стихотворение 1881 г.

89. **Волков И.** Политический прогноз; Без названия («Всё-всё про каждого как-то...»): стихи // Октябрь. – 2006. – № 3. – С. 140.

В первом стихотворении упоминается Достоевский, во втором – «Записки из Мёртвого дома».

90. **Волошин М.** Гражданская война: стихи // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / М. А. Волошин. – Москва, 1991. – С. 164–165.

Упоминается Достоевский.

91. **Волошин М.** Л. П. Гроссману: стихи // Пути России: стихотворения и поэмы / М. А. Волошин. – Москва, 1992. – С. 180.

В стихотворении, посвящённом достоевсковеду, упоминается Достоевский.

92. **Волошин М.** На дне преисподней: стихи // Избранные стихотворения / М. А. Волошин. – Москва, 1988. – С. 243.

Упоминается Достоевский.

93. **Волошин М.** Россия: поэма // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / М. А. Волошин. – Москва, 1991. – С. 190–200.

В поэме упоминаются Достоевский и его персонаж Смердяков из романа «Братья Карамазовы».

94. **Волошин М.** Россия («Враждующих скорбный гений...»): стихи // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / М. А. Волошин. – Москва, 1991. – С. 95–96.

Реминисценции из «Записок из Мёртвого дома» («Акульский муж») и «Преступления и наказания» (сон Раскольникова).

95. **Волошин М.** Трихины («Исполнилось пророчество: трихины...»): стихи // Стихотворения. Статьи. Воспоми-

нения современников / М. А. Волошин. – Москва, 1991. – С. 115.

Стихотворение 1917 г. Эпиграфом взяты слова Достоевского.

96. **Вольтская Т.** «Жара стоит, как в «Преступлении и наказании», в начале...»; Из варяг в греки: стихи // Звезда. – 2011. – № 8. – С. 3–5.

Во втором стихотворении упоминается «слеза ребёнка» из романа «Братья Карамазовы».

97. **Воробьёва Е.** Бездна; Неверная; Паук: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 9, 11, 12.

Эпиграфы из произведений Достоевского.

98. **Вышеславский Л.** Переулочек Достоевского: стихи // Сонеты и баллады / Л. Н. Вышеславский. – Киев, 1966. – С. 75–76.

99. **Вяткин Г. А.** Огни: стихи // Раненая Россия: стихи / Г. А. Вяткин. – Екатеринбург, 1919*; Раненая Россия: стихи / Г. А. Вяткин. – Омск, 1992. – С. 79–80; Поэзия белой столицы: стихи поэтов Омска. – Тобольск, 2016. – С. 100.

Упоминается Достоевский.

100. **Гайдебуров П. А.** На могилу Достоевского («Ни холод севера, ни бремя кандалов...»): стихи // Неделя. – 1881. – 8 февр. (№ 6). – С. 194; Старорусская правда. – 1991. – 25 мая. – С. 3. – В ст.: Трофимов И. Стихи о великом писателе. – Текст не приводится.*

101. **Галамага А.** «Привычка русская свой крест нести...»: стихи // Литературная газета. – 2014. – 17–23 дек. (№ 50). – С. 6.

Упоминается Достоевский.

102. **Галеев Р.** Памяти Третьяковского: стихи // Арион. – 2008. – № 1. – С. 42–43.

Упоминаются персонажи романа Достоевского «Преступление и наказание» Раскольников и старуха-процентщица.

103. **Гандельсман В.** С Лидой: из цикла «Жизнь моего соседа»: стихи // Октябрь. – 2011. – № 6. – С. 56–58.

Упоминаются персонажи Достоевского Мышкин («Идиот») и Смердяков («Братья Карамазовы»).

104. **Глазков Н.** Дом Достоевского: стихи // Творческие командировки: стихи / Н. И. Глазков. – Москва, 1971. – С. 22.
О музее в Старой Руссе.

105. **Глотова Л.** «И куда идёт Фёдор Достоевский...»: стихи // Арион. – 2019. – № 1/2. – С. 13.

106. **Гнедич Т.** «Сегодня я пишу без принужденья...»: стихи // «Верили в Победу свято»: материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. – Санкт-Петербург: Изд-во Пушкин. Дома, 2015. – С. 48.

107. **Големба А.** «Гёся Гельфман, храбрец Рысаков и Кибальчич...»: стихи // Дружба народов. – 2008. – № 5. – С. 86–87.

Упоминается персонаж романа Достоевского «Братья Карамазовы».

108. **Голиков С.** «Великий гений и пророк...»: стихи // Картинки. Стихи. Любовь. – Текст электронный. – URL: <http://что-такое-любов.net/stixi-o-dostoevskom-fedore-mixajloviche/> (дата обращения: 24.12.2018).
О Достоевском.

109. **Голицын Н. Н.** О чём с грустью размышляет великий поэт в памятнике Пушкина: стихи // Варшавский дневник. – 1880. – 28 апр. – С. 28. – На нем. яз.*; пер. с нем. Ю. И. Архипов // В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка.

Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 420–421.

В шуточном стихотворении упоминается Достоевский-пророк.

110. **Голышко-Вольфсон Д.** Сашенька, или Дневник эфемерной смерти: поэма // Директория / Д. Голышко-Вольфсон. – Москва, 2001*; Отрывок из поэмы в ст.: Кевин Платт М. Ф. На границе литературоведения, за пределами постсоветского опыта: Дмитрий Голышко-Вольфсон / авториз. пер. с англ. Я. Токаревой // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 1 (53). – С. 213–220; Директория / Д. Голышко-Вольфсон. – Москва, Тверь, 2010. – С. 4–12. – (Тридцатилетние; вып. 6).

В отрывке из поэмы (с. 215) упоминается персонаж романа Достоевского «Преступление и наказание» Свидригайлов.

111. **Голь Н.** Попытка литературоведения: стихи // Нева. – 2005. – № 8. – С. 126.

Упоминается персонаж романа Достоевского «Бесы» Ставрогин.

112. **Горбовский Г.** Обычный день: стихи // Нева. – 2013. – № 10. – С. 3.

Упоминается «Мёртвый дом».

113. **Горбовский Г.** Пересылка: стихи // Наш современник. – 2003. – № 3. – С. 127.

Упоминается Достоевский.

114. **Горбовский Г.** Петербургские дожди: стихи // Наш современник. – 2010. – № 10. – С. 4.

Упоминается Достоевский.

115. **Горбовский Г.** Читальня: стихи // Нева. – 2007. – № 4. – С. 4.

Упоминается выброшенная в урну книга с надписью на обложке «Фёдор Достоевский».

116. **Горгун О.** «Пишет Макар Варваре: «Голубка, мы устарились...»: стихи // Арион. – 2019. – № 1/2. – С. 156.

117. **Городецкий С.** Достоевский: стихи // Избранные лирические и лиро-эпические стихотворения, 1905–1935 / С. М. Городецкий. – Москва, 1936*; Северное сияние: сб. стихов / С. М. Городецкий. – Москва, 1968. – С. 146–148.

118. **Городницкий А.** Осень в Бадене: стихи // Литературная газета. – 2005. – 23–29 нояб. (№ 48). – С. 8; Снег: стихи. Воспоминания / А. Городницкий. – Екатеринбург, 2004. – С. 527–528. – (Серия «Авторский вечер»).

О Достоевском.

119. **Городницкий А.** Петербург и Одесса: стихи // Нева. – 2008. – № 2. – С. 4–5.

Упоминается Достоевский.

120. **Городницкий А.** Старый Питер: стихи // Снег: стихи. Воспоминания / А. Городницкий. – Екатеринбург, 2004. – С. 478–480. – (Серия «Авторский вечер»).

121. **Горянский В.** Памяти Фомы Опискина: стихи // Библиотека российских авторов. – Текст: электронный. – URL: <https://bibra.ru/composition/stihotvoreniya-679/> (дата обращения: 20.12.2020)

122. **Горянский В.** Санкт-Петербург: стихи // «Мы жили тогда на планете другой...»: антол. поэзии рус. зарубежья, 1920–1990: в 4 кн. – Москва, 1995. – Кн. 1. – С. 253–254.

Упоминается Достоевский.

123. **Грантс Я.** «Хватит продавливать диван...»: стихи // Знамя. – 2009. – № 8. – С. 132.

Реминисценции из романа Достоевского «Преступление и наказание».

124. **Гребенщиков Б.** «Когда Достоевский был ранен-

ный...»; «Красота (это страшная сила)...»: песни // Сараскина Л. И. Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры / Л. И. Сараскина. – Москва, 2010. – С. 338–339.

125. **Григорьева О.** «Иртышский ветер...»: [стихи] // Вечерний Омск - Неделя. – 2010. – 8 сент. (№ 36). – С. 25.

Стихотворение для детей о Достоевском в Омске.

126. **Гроссе Л.** Башня Вавилона: стихи / Л. В. Гроссе. – Шанхай: Тип. «Asia Press», 1929. – 5 с.*

Стихи посвящены памяти Достоевского.

127. **Давыдов С.** «Писатель! Не пей...»: стихи // Звезда. – 2006. – № 6. – С. 46. – В повести: Попов В. Горящий рукав. – С. 6–69.

В шуточном стихотворении упоминается роман Достоевского «Игрок».

128. **Дементьев А.** «Красоту России на продажу...»: стихи // Литературная газета. – 2011. – 9–15 нояб. (№ 44). – С. 9.

Упоминается Достоевский.

129. **Дементьев А.** «Этот яростный мир...»: стихи // У судьбы моей на краю: стихи / А. Д. Дементьев. – Москва, 2003. – С. 10.

Эпиграф – «красота спасёт мир» из романа «Идиот».

130. **Демьяненко А.** Обкурившийся Достоевским: стихи // Рейтинг поэзии Poet Rank.ru: сайт. – Текст: электронный. – URL: <http://poetrank.ru/poets/andem/obkurivshijasyadostoevskim> (дата обращения: 9.12.2015).

131. **Денисенко С.** «Кто из нас, по совести, знает теперь?...» // МС: Мужские слабости [Омск]. – 2006. – № 1 (март). – С. 182–183: портр.

О «современности» Достоевского.

132. **Дергачёв Г.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2011/12/13/4157> (дата обращения: 21.01.2018).

133. **Дерюжинский В. Ф.** Стихотворение, прочитанное на Пушкинском вечере, 29 января: стихи // Петербургский листок. – 1881. – 31 янв. – Подпись: Студент.*

На смерть Достоевского.

134. **Диего Э.** Фёдору Достоевскому, в его годовщину: стихи / пер. с исп. П. Грушко // Дни твоей жизни / Э. А. Диего. – Куба, 1977. – Исп. яз.*; Иностранная литература. – 1982. – № 10. – С. 6.

135. **Диктониус Э.** Достоевский: стихи / пер. со швед. Б. Окуджавы // Поэзия Финляндии: сборник. – Москва, 1980. – С. 88. – (Библиотека финской литературы).

136. **Дмитриев А.** Настасья Филипповна: стихи // Менестрель: лит.-худож. альм.: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://menestrelblog.wordpress.com> (дата обращения: 7.03.2018).

137. **Дмитриев А.** «Шляпа – кругла...»: стихи // Бельские просторы: журнал: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://bp.rbsmi.ru/articles/poeziya/dmitriev-andrey-krasota-ukhodit-stikhi> (дата обращения: 7.03.2018).

138. **Дмитриев Д.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Газета А. Гатцука. – 1881. – 5 февр.*

139. **Дмитриев Н.** Лесков и Достоевский: стихи // Тьма живая: стихи / Н. Ф. Дмитриев. – Москва, 1983. – С. 136.

140. **Добужинский М.** «Я ходил по Петербургу ночью...»: стихи // LiveInternet.ru: портал. – Текст электронный. – URL: <http://www.liveinternet.ru/community/2420181/post148480895/> (дата обращения: 24.11.2015).

141. **Дозморов О.** «Нынче в парке, посмотри, буколики...»: стихи // Звезда. – 2012. – № 9. – С. 75.

Упомянуты персонажи «Преступления и наказания» Родион и Сонечка.

142. **Дробышев В.** «В этом диком пустынном пейзаже ...»: стихи // Литературная Россия. – 2001. – 17 авг. (№ 33). – С. 7.

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского.

143. **Дроздов В. Н.** Свет и радость Иртыша: [стихи] // 77 лет – тоже юбилей: [сборник] / В. Н. Дроздов. – Омск, 2012. – С. 11.

Упоминается Достоевский.

144. **Дудин Н.** Достоевскому: стихи // За новую жизнь. – Зарайск, 1972. – 5 дек.*

145. **Дыбин А.** Две жизни (Ф. М. Достоевский): стихи // Русь земная и небесная: сб. стихов / А. Дыбин. – Таллин, 1995. – С. 45*; Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. – Текст электронный. – URL: <http://www.lib.ru/ZHURNAL/dybin.txt> (дата обращения: 10.01.2018).

146. **Евдокимова Л.** Арестант Омского острога; На каторге; «На Руси живут...»; Бедные люди; Петербургская поэма; Роман «Униженные и оскорблённые»; «Белые ночи»; Карамазовы; Дмитрий Карамазов; «Красоте неспроста...»; Достоевский; Невозвратность; Звенья одной цепи: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 14–24.

147. **Евдоченко Е. Д.** У памятника Достоевскому: стихи // Откройте двери счастью: стихи, рассказы, переводы / Е. Д. Евдоченко. – Омск, 2011. – С. 14–17.

148. **Евтушенко Е.** Баллада о Мандельштаме; Контрольный выстрел: стихи // Стихотворения / Е. А. Евтушенко. – Москва, 1999. – С. 121–123, 124–127.

В первом стихотворении упоминается персонаж романа «Идиот» князь Мышкин, во втором – Достоевский.

149. **Евтушенко Е.** Петрашевцы; Искусство: отрывки из поэмы «Братская ГЭС» // Юность. – 1965. – № 4. – С. 37, 63.
О Достоевском.

150. **Евтушенко Е.** Ты – Россия: отрывок из поэмы // Интимная лирика / Е. А. Евтушенко. – Москва, 1973. – С. 22.
Упоминается Достоевский.

151. **Елфимова А.** «Спать вроде рано. Выпить что-то не с кем...»: стихи // Литературная газета. – 2017. – 11–17 окт. (№ 40). – С. 5.

Упоминается «истрёпанный от чтения Достоевский».

152. **Емелин В.** Новогоднее депрессивное: стихи // Gotterdammerung: стихи и баллады / В. Емелин. – Москва, 2010. – С. 303.*

Реминисценции из романа Достоевского «Преступление и наказание».

153. **Ерошин И.** К Пушкину: стихи // Пушкинский альманах: сборник. – Омск, 1998. – Вып. 1. – С. 150.

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского.

154. **Жаворонков Б.** На плацу: стихи // Два крыла: кн. лирики / Б. И. Жаворонков. – Москва, 1973. – С. 41–42.

О Достоевском на Семёновском плацу.

155. **Жагун П.** Carte blanche: стихи / П. Жагун. – Москва: Арго-РИСК; Книжное обозрение, 2010. – 240 с.*

На с. 19 упоминается «достоевский».

156. **Жакоте Ф.** Непосвящённый: стихи / Ф. Жакоте; пер. с фр. // Достоевский и XX век: в 2 т. – Москва, 2007. – Т. 2. – С. 294.

Реминисценции из романа Достоевского «Идиот».

157. **Загайнов А.** Песня про Свидригайлова (исполняет Раскольников): стихи // Наш современник. – 2009. – № 7. – С. 189.

158. **Загорянский В.** Фёдору Достоевскому: акrostих // Достоевский и мировая культура: альманах. – Москва, 1995. – № 4. – С. 124. – Подлин. имя авт.: Г. С. Седельников.

На открытие памятника Достоевскому в Зарайске, в с. Даровое.

159. **Зарицкий А.** Встреча у Достоева: стихи / пер. с белорус. автора // У вечернего костра: стихи / А. А. Зарицкий. – Москва, 1981. – С. 30–32.

160. **Заславский Р.** «Пустомели, начитавшиеся Достоевского...»: стихи // Время: стихи / Р. З. Заславский. – Киев, 1978. – С. 58.

161. **Захаров В. Е.** Русским поэтам: стихи // Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 97.

Упоминается Достоевский.

162. **Зензин В.** Записки из Мёртвого дома. Ф. М. Достоевскому: стихи // Омск юбилейный: к 280-летию города: альманах / В. В. Зензин. – Омск, 1996. – С. 6.

163. **Зензин В.** «С высоким челом, в белой смертной рубаше...»: стихи // Время и честь: стихи и поэмы / В. В. Зензин. – Омск, 1993. – С. 214–215.

О Достоевском.

164. **Зиновьев Н.** «Во мне и Чацкий, и Онегин...»: стихи // Литературная газета. – 2017. – 20–26 сент. (№ 30). – С. 7.

Упоминаются Карамазовы.

165. **Зубарева В.** Трактат об обезьяне: поэма // Новый мир. – 2013. – № 10. – С. 87–97.

На с. 93 упоминается Достоевский.

166. **И. С.** На кончину Ф. М. Достоевского («Поэта уж нет, а давно ли...»): стихи // Московские церковные ведомости. – 1881. – № 7 (15 февр.). – С. 106.*

167. **Иванов Вяч.** Персть: стихи // Стихотворения и поэмы / Вяч. И. Иванов. – Москва, 2001. – С. 36–37. – (Поэзия XX века).

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского.

168. **Иванов Г.** «Всё представляю в блаженном тумане я...»: стихи // Опыты. – 1953. – № 1*; Собр. соч.: в 3 т. / Г. В. Иванов. – Москва, 1994. – Т. 1. – С. 431.

Упоминается роман Достоевского «Бедные люди».

169. **Иванов Г.** «Несколько поэтов, Достоевский...»: стихи // Континент. – Париж, 1976. – № 3.*

170. **Иванов Г.** «Теперь тебя не уничтожат...»: стихи // Возрождение. – Париж, 1949. – № 5. – С. 84.

Упоминается Достоевский.

171. **Иванова А.** Анне Григорьевне Достоевской: стихи // МАУ ДО «ДШИ им. С. В. Рахманинова»: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://russa-art.narod.ru/FEDOROV/Ivanova/Index.htm> (дата обращения: 22.01.2018).

172. **Иванова А.** Памяти Ф. М. Достоевского; Дом Грушеньки...: стихи // Пишу о том, что на душу ложится: стихотворения / А. Иванова. – Старая Русса, 1996. – С. 12, 22*; МАУ ДО «ДШИ им. С. В. Рахманинова»: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://russa-art.narod.ru/FEDOROV/Ivanova/Index.htm> (дата обращения: 22.01.2018).

Стихотворение «Дом Грушеньки» – о персонаже романа Достоевского «Братья Карамазовы».

173. **Иванова С.** Дом Раскольников: стихи // Тень на камне: стихи / С. Иванова. – Ленинград, 1990. – С. 39.*

174. **Иваск Ю.** Золушка: стихи / Ю. П. Иваск. – Нью-Йорк: Изд. журн. «Мосты», 1970. – 64 с.*

Упоминается Достоевский.

175. **Иваск Ю.** Играющий человек: поэма // Возрождение. – Париж, 1973. – № 240. – С. 8–36; № 241. – С. 7–14; № 242. – С. 7–19.

Неоднократно упоминаются Достоевский и персонажи его романов Версилов («Подросток»), Лебядкин («Бесы»), И. Карамазов («Братья Карамазовы»), Раскольников («Преступление и наказание»), а также слово «достоевский» как имя нарицательное.

176. **Ивашкевич Я.** «Бывает, брожу в лесу...»: стихи / пер. с пол. А. Эппеля // Собр. соч.: в 8 т. / Я. Ивашкевич. – Москва, 1975. – Т. 1. – С. 235.

Упоминается персонаж романа Достоевского «Братья Карамазовы» А. Карамазов.

177. **Ивашкевич Я.** Россия: стихи / пер. с пол. Д. Самойлова // Собр. соч.: в 8 т. / Я. Ивашкевич. – Москва, 1975. – Т. 1. – С. 117.

Упоминается Достоевский.

178. **Ивашкевич Я.** «Травы Толстого...»: стихи из цикла «Азиаты» / пер. с пол. А. Базилевского // Наш современник. – 2002. – № 5. – С. 135.

Упоминается Достоевский.

179. **Ивеншев Н.** «Здравствуй, Аннушка Каренина!...»: стихи // Арион. – 2000. – № 2. – С. 37–38.

Стихотворение посвящено Неточке Незвановой и Анне Карениной.

180. **Ивнев Р.** «Я летний день давно не целовал...»; Смольный; Берёзы: стихи // Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века: поэт. антол. – Ленинград, 1988. – С. 316–317.

В стихотворениях упоминается Достоевский.

181. **Изварина Е.** Актёру: стихи // Знамя. – 2003. – № 4. – С. 68.

Упоминается персонаж романа Достоевского «Идиот» Настасья Филипповна.

182. **Иличевский А.** Прибытие: стихи // Новый мир. – 2014. – № 12. – С. 83–84.

Упоминается Достоевский.

183. **Ионов А.** Дом Достоевского: стихи // Старорусская правда. – 1987. – 29 авг. – С. 4.*

184. **Иртеньев И.** «Не надо нам чужого бренда...»: стихи // Октябрь. – 2004. – № 8. – С. 121–122.

Упоминается Достоевский.

185. **К. С-г.** Памяти Ф. М. Достоевского («Он сам страдал – и понимал страдание...»): стихи // Родная школа [Резекне], 1931. – № 4*; Достоевский: материалы и исслед. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 18. – С. 378–379. – В ст.: Глушаков П. С. Стихотворные посвящения Достоевскому в латвийских эмигрантских изданиях. – С. 375–379.

186. **Кабанов А.** Достоевский: стихи // Дружба народов. – 2013. – № 4. – С. 95.

187. **Кабыш И.** Дочки-матери: повесть в стихах // Литературная газета. – 2004. – 11–17 февр. (№ 6). – С. 8.

Упоминаются Достоевский и его роман «Бесы».

188. **Кабыш И.** «Мы с моим четырнадцатилетним сыном пришли на Троицу в храм...»: стихи // Новый мир. – 2008. – № 3. – С. 37.

Упоминается выражение «клейкие листочки» из романа «Братья Карамазовы».

189. **Кабыш И.** «Я переделать мир хочу...»: стихи // Дружба народов. – 2004. – № 10. – С. 206.

Упоминается Достоевский.

190. **Казакова С.** Омск Достоевского: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 27.

191. **Казарин Ю.** О русской поэзии: стихи // Против стрелки часовой: стихотворения / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург, 2005.*

Упомянуты «достоевские кусты».

192. **Казарин Ю.** «Прикасаюсь к рябине, спящей, как смерть, в ноябре...»: стихи // Сибирские огни. – 2013. – № 7. – С. 38.

Приводится выражение «я бы сузил, – сказал Достоевский...».

193. **Калецкий А.** В гостях у Настасьи Филипповны: стихи // Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2016/12/18/8356> (дата обращения: 7.03.2018).

194. **Калинин М.** Достоевский: стихи // Арион. – 2018. – № 3. – С. 116–118.

195. **Кантов Д.** «Езда за культурой сегодня реликт...»: стихи // Литературная газета. – 2013. – 24–30 июля (№ 30). – С. 6.
Упомянут Достоевский.

196. **Каплун В.** Музейный снимок: стихи // Васюганский вахтовик: [стихи] / В. В. Каплун. – Омск, 1991. – С. 17; Хочу хоть минуты покоя. Всё было – бои и пиры...: (воспоминания об Александре Лейффере). – Омск, 2018. – С. 255–256.

Упомянут Достоевский и «Записки из Мёртвого дома».

197. **Капранов Г.** Достоевский: стихи // Поэзия: альманах. – Москва, 1980. – Вып. 28. – С. 56.

198. **Карасёв Е.** Соблазн: стихи // Арион. – 2007. – № 3. – С. 114–115.

Строки из романа Достоевского «Преступление и наказание» взяты эпиграфом к стихотворению, а также включены в его текст.

199. **Карпова Н.** Стою у старого квартала: стихи // Владимир Высоцкий. Произведения: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://wysotsky.com/0009/554.htm#75> (дата обращения: 23.01.2018).

200. **Карпова Н.** Экскурсия; У дома Достоевского; Банковский мост: стихи // Трамвайный перекресток: стихотворения / Н. Карпова. – Ленинград, 1987. – С. 24–25.*

О Петербурге Достоевского.

201. **Кедров К.** «Достоевский – русский спор...»: стихи // Литературная Россия. – 2007. – 21 сент. (№ 38). – С. 6.

О Достоевском.

202. **Кедров К.** Формула любви: стихи // Дети Ра. – 2010. – № 2*; Лучшие стихи 2010 года: антология. – Москва, 2012. – С. 91.

Упоминается Достоевский.

203. **Кекова С.** «Завершается март. За окошком ликует капель...»: стихи // Сибирские огни. – 2021. – № 9. – С. 47–48.

Упоминается Раскольников.

204. **Кекова С.** «Когда я растерянно шла по дороге...»: стихи // Литературная газета. – 2008. – 1–7 окт. (№ 40). – С. 7.

Упоминается персонаж романа «Преступление и наказание» Раскольников.

205. **Кекова С.** «Мне сказал один таинственный человек...»: стихи // Новый мир. – 2014. – № 11. – С. 108–109.

Упоминается персонаж романа «Бесы» Ставрогин.

206. **Кенжеев Б.** Баллада; «Засыпая в гостинице, где вечерет рано...»; Бесы; «Я позабыл черновик, который читал

Паше Крючкову...»: стихи // Невидимые: стихи / Б. Кенжеев. – Москва: ОГИ, 2004. – С. 14–15, 60, 170–173, 196.

«Баллада» – реминисценции из романа «Братья Карамазовы». Во втором стихотворении – реминисценции из романа «Идиот», в последнем – упоминается Достоевский и «клейкие листья».

207. **Кенжеев Б.** «Заела проза...»: стихи // Стихи. ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2013/08/22/4421> (дата обращения: 25.01.2018).

Упоминается Достоевский.

208. **Кенжеев Б.** «Как парашютные натянутые стропы...»: стихи // Октябрь. – 2002. – № 3. – С. 82–83.

Упоминается Достоевский.

209. **Кенжеев Б.** «Коренастый вяз под окном, сдав октябрю все пароли и явки...»: стихи // Знамя. – 2013. – № 8. – С. 130.

Упоминается роман «Униженные и оскорблённые».

210. **Кенжеев Б.** «...не скажу, сколько талой воды утекло с тех пор...»: стихи // Невидимые: стихи / Б. Кенжеев. – Москва: ОГИ, 2004. – С. 47.

Реминисценции из романов «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание».

211. **Кенжеев Б.** Послания: избр. стихотворения / Б. Кенжеев. – Алматы, 2004.*

На с. 212 упоминается Достоевский.

212. **Кенжеев Б.** «Прислушайся – немотствуют в могиле...»: стихи // Сочинитель звёзд: кн. новых стихотворений / Б. Кенжеев. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 13; Невидимые: стихи / Б. Кенжеев. – Москва, 2004. – С. 99.

Упоминается «со звездою-полынью Достоевский».

213. **Кибиров Т.** Возвращение из Шилькова в Коньково: стихи // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 98; Livejournal URL: живой журнал. – Текст электронный. – URL: <https://alogritmy.livejournal.com/205618.html> (дата обращения: 25.01.2018).

Упомянуты «достоевские старушки».

214. **Кибиров Т. Л. С.** Рубинштейну: отрывки из поэмы // Постникова Т. В. «Если носишь начало времён в ушах...»: (авангардная поэзия 80-х – 90-х гг.): библиогр. очерк / Т. В. Постникова. – Москва, 1995. – С. 116–126; Знамя. – 2009. – № 10. – С. 209. – В ст.: Ардов М. Русская поэзия обрела «религиозную почву». – С. 209–212. – Под загл.: Послание Л. С. Рубинштейну.

На с. 121 – реминисценции из романа «Преступление и наказание».

215. **Кибиров Т.** «Только вымолвишь слово «Россия»...»: стихи // Знамя. – 2000. – № 10. – С. 3–4.

Упомянут персонаж повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» Опискин.

216. **Ким Ю.** Памяти Достоевского: стихи // Знамя. – 1989. – № 8. – С. 48–50.

Упомянуты романы «Братья Карамазовы» и «Бесы».

217. **Кирсанов С.** За чтением Достоевского: стихи // День поэзии: альманах. – Москва, 1973. – С. 242.

218. **К[иселёв] В.** Достоевский жив: стихи // Тексты песенок: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-vasilij-k/tekst-pesni-dostoevskij-s-nami/1762090/> (дата обращения: 12.04.2021).

219. **Киссин С. (Муни).** «Как аромат полыни горькой...»: стихи // Лёгкое бремя: стихи и проза; Переписка с В. Ф. Хо-

дасевичем / С. Киссин (Муни); сост., подгот. текста, прим. и послесловие И. Андреевой. – Москва, 1999. – С. 55, 172.

Реминисценции из романа «Братья Карамазовы».

220. **Климов-Южин А.** Художник: стихи // Новый мир. – 2010. – № 11. – С. 113–114.

Упомянуты Достоевский и персонаж романа «Преступление и наказание» Раскольников.

221. **Клишин О.** К портрету Достоевского: стихи // Достоевский и Омск: диалог через века: [альбом]. – Омск, 2011. – С. 156.

222. **Клишин О.** Омск, 1850 г. («Сенатская площадь. Декабрьский снежок...»): стихи // Сибирские огни. – 2001. – № 6. – С. 126; Мир увлечений [Омск]. – 2001. – № 8/9. – С. 4.

О Достоевском-писателе и Достоевском-каторжнике.

223. **Клюев Н.** «Блузник, сапожным ножом...»: стихи // Стихотворения. Поэмы / Н. Клюев. – Москва, 1991. – С. 208–209.

Упомянуты Достоевский. Реминисценции из «Дневника писателя».

224. **Ключников Ю.** Солдат империи: стихи // Наш современник. – 2013. – № 5. – С. 6.

Упомянуты Дмитрий Карамазов.

225. **Козлов П.** В музее Достоевского: стихи // Наш современник. – 2012. – № 4. – С. 133–134.

Об Омском литературном музее. Упомянуты каторга Достоевского.

226. **Козырев А.** Город: стихи // Запретный город: стихотворения / А. Козырев. – Омск, 2018. – С. 94–95.

Упомянуты Мёртвый дом и «город достоевский».

227. **Козырев А.** Город детства; Русская ночь; Пушкинский тракт: стихи // Осень в Византии: кн. стихов / А. Козырев. – Омск, 2016. – С. 42–43, 69–70, 72.

В стихотворениях упоминаются: «Русская ночь» – Раскольников, «Пушкинский тракт» – «вьюга чёрная, Достоевская», «Город детства» – Мёртвый дом и Д. Карамазов.

228. **Козырев А.** Достоевский на Семёновском плацу: стихи // Дневник одного путешествия: кн. стихов / А. Козырев. – Омск, 2014. – С. 144–145.

229. **Колчев А.** Я памятник себе: стихи // Чёрным по белому: альманах. – Москва, 2002. – С. 75.

Упоминается Достоевский.

230. **Кондратов А.** Мои «троицы»: стихи // Лосев Л. Меандр / Л. Лосев. – Москва, 2010. – С. 298–299.

Упоминается Достоевский.

231. **Коневской И.** «Есть не только тайна заката...»: стихи // Собр. соч. / И. И. Коневской. – Санкт-Петербург, 1895.*

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского.

232. **Коневской И.** По дням: стихи // Мечты и думы: кн. стихов / И. И. Коневской. – Санкт-Петербург, 1900. – С. 27–28*; Мечты и думы: стихотворения и проза / И. И. Коневской. – Томск, 2000. – С. 40–41.

Упоминается Достоевский.

233. **Коновалов А.** О потерях; Читая Достоевского: стихи // Вникая в суть: стихи / А. И. Коновалов. – Москва, 1991. – С. 16–17, 65.

В стихотворении «О потерях» эпиграфом взяты слова Достоевского.

234. **Коншина О. В.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Очередной сборник 1 литературно-художественного кружка московской молодёжи. – Москва, 1912.*

235. **Коркия В.** «Бабочке» Алексея Дидурова: стихи // Свободное время: стихи и поэмы / В. П. Коркия. – Москва, 1988. – С. 36–39.

Упоминается роман Достоевского «Идиот».

236. **Корнилов В.** Жена Достоевского: стихи // Возраст: кн. стихов / В. Н. Корнилов. – Москва, 1967. – С. 66–67.

Стихотворение посвящено А. Г. Достоевской.

237. **Корнилов В.** Происхождение: стихи // Дружба народов. – 2002. – № 2. – С. 6.

Упоминается персонаж романа Достоевского «Братья Карамазовы» Федька Каторжный.

238. **Котляревский Н.** Тихая ночь: стихи // Начала. – 1921. – № 1. – С. 15–33.*

Памяти Достоевского.

239. **Котюков Л.** Памяти Пушкина: стихи // Юность. – 2005. – № 1. – С. 10.

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского.

240. **Краско В. Л.** Сосед: стихи // Дружба народов. – 2007. – № 9. – С. 94.

Упоминается Достоевский.

241. **Крестовский Г.** Эпиграф к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского: стихи // Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 3. – С. 88.

Стихотворение 1876 г. прислано в письме Достоевскому.

242. **Кроткий Э.** Кривое кинозеркало («N Достоевский: Нет я не Пырьев, я другой...»): стихи // Литературная газета. – 1960. – 16 апр.*

243. **Кротов Ю.** У музея Ф. М. Достоевского: стихи // Политехник [Красноярск], 1985. – 19 июня.*

244. **Круглов С.** Газета («Чорт есть русский интеллигент...»); стихи // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 4 (62). – С. 195–196. – В ст.: Вишневецкий И. Изобретение традиции. – С. 174–200; Новая карта русской литературы: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.litkarta.ru/projects/nestolitsa/texts/content/kruglov/> (дата обращения: 28.01.2018).

Мотивы Достоевского в стихотворении 1996 г.

245. **Кручёных А.** «ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ...»: стихи // Взрваль: [стихи] / А. Кручёных. – Санкт-Петербург, [1913]*; Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера / А. Кручёных. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 58. – (Новая библиотека поэта) (Малая серия).

Аллюзии с романом «Преступление и наказание», смертный диалог Свидригайлова.

246. **Кручёных А.** «Игрок М(аяковском)у»: поэма; Стихи Борису Пастернаку: цикл стихов // Из литературного наследия Кручёных. – Berkley University, 1999*; Голоса Сибири: лит. альм. – Кемерово, 2009. – Вып. 9. – С. 503–504. – Фрагменты поэмы и стихов в ст.: Которча Л. Достоевский в культурной памяти авангарда. – С. 497–504.

В поэме упоминаются Достоевский и его роман «Игрок»; в цикле «Стихи Борису Пастернаку» – Достоевский и его женские образы, например из романа «Идиот».

247. **Кублановский Ю.** «В достоевском Павловске когда-то...»: стихи // Возвращение: стихи / Ю. М. Кублановский. – Москва, 1990. – С. 27–28.

248. **Кублановский Ю.** «Дожди размочили дороги...»: стихи // Октябрь. – 2002. – № 3. – С. 147.

Упоминается персонаж романа Достоевского «Бесы» Н. Ставрогин.

249. **Кублановский Ю.** «Мы спасались в тонущей Атлантиде...»: стихи // Новый мир. – 2004. – № 5. – С. 133.

Упоминается «Дневник писателя».

250. **Кублановский Ю.** «Слабая лента с Моникой Белуччи...»: стихи // Новый мир. – 2013. – № 6. – С. 48.

Упоминается «карамазовский пестик в ступе».

251. **Кугультинов Д.** Гениям прошлого: стихи // Собр. соч.: в 3 т. / Д. Н. Кугультинов; пер. с калм. – Москва, 1988. – Т. 3. – С. 199–200.

Упоминается Достоевский-каторжник.

252. **Кудрявцев В.** «Хрясь! Хрясь!...»: стихи // Новый мир. – 2013. – № 7. – С. 6–7.

Реминисценции из романа Достоевского «Преступление и наказание».

253. **Кузнецов Н.** Весенние прогулки: стихи // В полях воспоминаний: стихи / Н. Кузнецов. – Москва, 1989. – С. 12–14.

Упоминается Достоевский.

254. **Кузнецов Н.** «Как мне эта картина знакома...»: стихи // Старожил захолустья: стихи / Н. Кузнецов. – Омск, 2012. – С. 90–91.

О сюжете из романа Достоевского «Преступление и наказание» о загнанной кляче.

255. **Кузнецов Ю.** «Для того, кто по-прежнему молод...»: стихи // Избранное: стихотворения, поэмы / Ю. П. Кузнецов. – Москва, 1990. – С. 31; Наш современник. – 2009. – № 6. – С. 178–179. – В ст.: Куняев С. Умом Россию не понять. – С. 177–190.

Реминисценции из романа Достоевского «Подросток».

256. **Кузнецова Е.** «...Открыт ненастьям берег...»: стихи // Достоевский и Омск: диалог через века: [альманах]. – Омск, 2011. – С. 156.

Стихотворение посвящено памяти Ф. М. Достоевского-каторжника. В другом случае оно названо как роман «Памяти Достоевского».

257. **Куклин Л.** Киллер: стихи // Нева. – 2001. – № 8. – С. 88.
Упоминается роман «Преступление и наказание».

258. **Куняев С.** Из позднего Достоевского: стихи // Наш современник. – 1987. – № 12. – С. 42–43; Русские сны: стихотворения / С. Ю. Куняев. – Москва, 1990. – С. 73.*

259. **Курач С.** «Во первых строках своего письма...»: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 30.

Упоминается Достоевский.

260. **Курепин А. Д.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Воспитание и обучение. – 1881. – № 2 (февр.). – С. 81. – Подпись: А. К.*; Донской голос [Новочеркасск]. – 1881. – 8 февр.*

261. **Куручкин В.** Два скандала (сцена из комедии «Горе от ума», разыгранная в 1862 году): стихи // Искра. – 1862. – № 44. – Без подписи*; Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 1. – С. 128–138.

Упоминаются Достоевский и «Записки из Мёртвого дома».

262. **Куручкин В.** Предвещения на 1865 год: стихи // Искра. – 1864. – № 50. – Под загл.: «Предвещения на Новый год». – Подпись: Пр. Знаменский*; Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 1. – С. 169–171.

О журнале братьев Достоевских «Эпоха».

263. **Кусков П.** Ф. М. Достоевскому: стихи / публ. Т. И. Орнатской // Достоевский: материалы и исслед. – Ленинград, 1988. – Т. 8. – С. 255; Душа Омска: сб. ст. – Омск, 2001. – С. 210.

Стихотворение написано 21 апреля 1861 г. по прочтении «Записок из Мёртвого дома».

264. **Кутилов А.** «Всем идолам души моей – амнистия!..»; Обыватель-72; Зарифмуем моменты про долги и проценты: стихи // Лейфер А. Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки / А. Э. Лейфер. – Омск, 1996. – С. 196–199.

В стихотворениях упоминаются Достоевский и его произведения: «Нечочка Незванова», «Преступление и наказание».

265. **Кутилов А.** Сыну Олегу: стихи // Вымпел [Колосовка р. п. Ом. обл.]. – 1995. – 18 авг.

Упоминается Достоевский.

266. **Кучерявый В.** Осень и немного Достоевский: стихи // Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/avtor/10mart> (дата обращения: 21.01.2018).

267. **Кучкина О.** «Мелкая буржуазность Запада...»: стихи // Арион. – 2005. – № 3. – С. 103.

Упоминается Достоевский.

268. **Кушнер А.** «На петербургских старинных гравюрах...»: стихи // Дружба народов. – 1978. – № 2. – С. 110-111; Таврический сад: избранное / А. С. Кушнер. – Москва, 2008. – С. 179–180; Дружба народов. – 2014. – № 6. – С. 161.

Упоминается Достоевский.

269. **Кушнер А.** «Отец настоял, чтобы сын-гимназист...»: стихи // Звезда. – 2001. – № 1. – С. 7.

О Достоевском.

270. **Кушнер А.** «Представляешь, каким бы поэтом...»: стихи // Литературная газета. – 2005. – 19–25 янв. (№ 1). – С. 8; Таврический сад: избранное / А. С. Кушнер. – Москва, 2008. – С. 457–458.

О Достоевском.

271. **Кушнер А. С.** «Прусту Джойс не понравился: пьяный...»: стихи // Тысячелистник: кн. стихов / А. С. Кушнер. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 43.

Упоминается Достоевский.

272. **Кушнер А.** Сад: стихи // Новый мир. – 2003. – № 10. – С. 26–27.

Упоминается Достоевский.

273. **Кушнер А.** «Среди знакомых ни одна...»: стихи // Канва: из шести книг / А. С. Кушнер. – Ленинград, 1981. – С. 55; Таврический сад: избранное / А. С. Кушнер. – Москва, 2008. – С. 41.

На сюжет из романа «Идиот» (Настасья Филипповна и пачка денег).

274. **Кушнер А.** «Эти дамы на пляже без лифчиков, голые...»: стихи // Звезда. – 2005. – № 1. – С. 6.

Упоминается фраза Достоевского «узкий следок».

275. **Лебедева Н.** Дом Достоевского: стихи // Открытое письмо: лирика / Н. Лебедева. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 8.*

276. **Лебедева Н. Ф. М.** Достоевский в Старой Руссе; О Ф. М. Достоевском; В доме Достоевского; Ф. М. и А. Г. Достоевские; А. Г. Достоевской; У памятника Достоевскому; Библиотеке им. Ф. М. Достоевского: стихи // От крика до шёпота!: стихи / Н. Лебедева. – Старая Русса, 2006.*

277. **Легеза Д.** Злой мальчик Родионыч: стихи // Сибирские огни. – 2017. – № 5. – С. 126–127.

Реминисценция из романа «Преступление и наказание».

278. **Легеза Д.** Нож: стихи // Бельские просторы. – Уфа, 2010. – № 3*; Лучшие стихи 2010 года: антология. – Москва, 2012. – С. 130.

Реминисценция из романа «Идиот».

279. **Леонов Л.** Тебе, нашему: к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского: стихи // Красный воин. – 1921. – 12 нояб. – Подпись: Лаптев*; Ковалёв В. А. Творчество Леонида Леонова: к характеристике творческой индивидуальности писателя / В. А. Ковалёв. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 36–37. – Отрывок.

280. **Леонович В.** Патриотическое: стихи // Знамя. – 2004. – № 6. – С. 119.

Эпиграфом к стихотворению взяты строки И. С. Тургенева «Достоевский, милый пыщ...».

281. **Летов Е.** Сто лет одиночества: стихи // Lyricshare: коллекция текстов песен. – Режим доступа: <http://www.lyricshare.net/ru/egor-letov/sto-let-odinochestva.html>. – 29.01.2015.

Упоминается «развесёлый анекдотец, про то как / Свидригайлов собирался в Америку».

282. **Ливанский И. (священник).** На смерть Достоевского; Памяти Достоевского: стихи // Поминки: стихотворения / И. В. Ливанский. – Орел, 1883. – С. 59–70.*

283. **Лившиц Б.** Фонтанка: стихи // Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века: поэт. антология. – Ленинград, 1988. – С. 307–308.

Упоминается Достоевский.

284. **Лившиц В.** Спутница: стихи // Стихотворения / В. А. Лившиц. – Москва, 1977. – С. 165–166.*

О жене Достоевского Анне Григорьевне.

285. **Лившиц С.** Смерть Достоевского: стихи // Праздник осени: стихи / С. Е. Лившиц. – Магадан, 1969. – С. 9–10.

286. **Лидов А.** Памяти Достоевского: стихи // Русское богатство. – 1883. – № 5/6. – С. 389–390.*

287. **Линдерман В.** Старый чекист: стихи // Независимая газета. – 2004. – 22 янв. (№ 2). – С. 5. – (Ex libris).

Реминисценции из «Записок из Мёртвого дома».

288. **Лиснянская И.** На четыре стороны света: стихи // Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 30–34.

Упоминается Достоевский.

289. **Лихтенфельд Б.** Архитектурные мечтания: стихи // Арион. – 2007. – № 4. – С. 110.

Реминисценции из произведений Достоевского «Записки из Мёртвого дома», «Идиот».

290. **Лозина-Лозинский А.** Санкт-Петербург: поэма // Петербург в русской поэзии, XVIII – начало XX века: поэт. антол. – Ленинград, 1988. – С. 302–305.

Эпиграфом к поэме взяты слова Достоевского о Петербурге.

291. **Лосев Л.** Открытка из Новой Англии; Фигуры Петербурга; «Искать адреса не по плану, а по роману Достоевского...»; «Замывание крови. Утопление топора...»: стихи // Стихи / Л. В. Лосев. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 99, 252, 433, 484.

Реминисценции из романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы». Упоминается имя Достоевского.

292. **Лосев Л.** Поправка к истории; Париж, 1941: стихи // Как я сказал. Шестая книга стихотворений / Л. В. Лосев. – Санкт-Петербург, 2005.*

В первом стихотворении – реминисценции из романа «Преступление и наказание», во втором – высказывание «Дойстойевский ищет Бога вместе с графом Толстуха...».

293. **Лосев Л.** Почерк Достоевского: стихи // Знамя. – 2000. – № 6. – С. 5; Стихи / Л. В. Лосев. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 452.

294. **Лосев Л.** Стихи о романе; Изба; «Коринфских колонн Петербурга...»: стихи // Чудесный десант / Л. В. Лосев. – [Б. м.]: Эрмитаж, 1985*; Стихотворения из четырёх книг / Л. В. Лосев. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 50–52, 100, 161.

Упомянуты Достоевский и, как имена нарицательные, «братья карамазовы» и «выхлопной смердяков».

295. **Луговской В.** Эфемера: поэма // Собр соч.: в 3 т. / В. А. Луговской. – Москва, 1989. – Т. 3. – С. 97–112.

На с. 106 упоминается Достоевский.

296. **Львов В.** «Мчались такты печального вальса...»: стихи // Вопросы литературы. – 2001. – № 2. – С. 308. – Первая посмерт. публ. – В ст.: Корнилов В. «Достоевский стоял на углу». – С. 305–309.

Упомянут Достоевский.

297. **Люциев А.** Тухлостарение. Горе осени: стихи // Литературная учеба. – 2003. – № 6. – С. 117.

Упомянут Достоевский.

298. **Макаров Ю.** Копеечка Достоевскому: стихи // Омская старина: ист.-краев. альм. – Омск, 1993 (1994). – Вып. 2. – С. 164–167.

На сюжет из «Записок из Мёртвого дома».

299. **Мальцева Н.** Фокстрот на разрыв аорты (Садовая-Каретная, 8): стихи // Дружба народов. – 2006. – № 1. – С. 7.

Реминисценции из романа «Преступление и наказание».

300. **Маняхин П. Ф. М.:** стихи // Сибирские огни. – 2016. – № 1. – С. 135.

Реминисценции из романа «Преступление и наказание».

301. **Марков А.** В Новокузнецке: стихи // Тёплый ветер / А. Марков. – Москва, 1979. – С. 37–38.*

О Достоевском.

302. **Марков С.** Омский узник: стихи // Стихотворения / С. Н. Марков. – Новосибирск, 1965. – С. 151–152.

О Достоевском-каторжнике.

303. **Мартынов Л.** Баллада о Фёдоре Достоевском: стихи // Кодры. – 1972. – № 6. – С. 16–17; Собр. соч.: в 3 т. / Л. Н. Мартынов. – Москва, 1977. – Т. 2. – С. 303–304.

304. **Мартынов Л.** Внешнее сходство: стихи // У дверей вечности: стихотворения / Л. Н. Мартынов. – Москва, 2000. – Т. 2. – С. 276. – Первая публ.

О своём портретном сходстве с Достоевским.

305. **Мартынов Л.** Книги: стихи // Избранные произведения: в 2 т. / Л. Н. Мартынов. – Москва, 1990. – Т. 2. – С. 106.

Упоминается Достоевский.

306. **Мартынов Л.** Мокринский форштадт: стихи // День поэзии, 1972: [сб. стихов]. – Москва, 1972. – С. 41.

О г. Омске и Достоевском-каторжнике.

307. **Маршак С.** «Всё то, чего коснётся человек...»: стихи // Советская Латвия. – Рига, 1946. – 12 мая*; Стихотворения и поэмы / С. Я. Маршак. – Ленинград, 1973. – С. 47. – (Библиотека поэта).

Упоминается Достоевский.

308. **Матвеева М.** «Стою, отдыхаю под липами...»: стихи // Литературная газета. – 2017. – 2–8 авг. (№ 30/31). – С. 6.

Реминисценция из романа «Идиот».

309. **Маяковский В.** Говорят...: стихи // Чудак. – 1929. – № 4 (январь)*; Собр. соч.: в 12 т. / В. В. Маяковский. – Москва, 1978. – Т. 6. – С. 12.

Упоминается Достоевский.

310. **Маяковский В.** Про это: поэма // Леф. – 1923. – № 1*; Собр. соч.: в 13 т. / В. В. Маяковский. – Москва, 1957. – Т. 4. – С. 135–182.

На с. 166–167 упоминается персонаж романа «Преступление и наказание» Раскольников.

311. **Маяковский В.** Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского: стихи // Леф. – 1923. – № 4*; Собр. соч.: в 12 т. / В. В. Маяковский. – Москва, 1978. – Т. 2. – С. 314–315.

Упоминается Достоевский.

312. **Медведев А.** Достоевский: стихи // Знаю и скажу: стихотворения / А. Д. Медведев. – Москва, 1991. – С. 73.

313. **Мережковский Д.** Смерть: поэма // Полн. собр. соч.: в 12 т. / Д. С. Мережковский. – Москва, 1914. – Т. 23. – С. 7–53.

На с. 8 упоминается Достоевский.

314. **Мещерский А.** На смерть Достоевского: [пасквил. стихи] / публ. С. Любимова // Звенья: [сборник]. – Москва; Ленинград, 1963. – Т. 6. – С. 790–792.*

315. **Мизгулин Д.** «Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский...»: фрагмент стихотворения // Наш современник. – 2008. – № 8. – С. 263. – В ст.: Козлов С. Параллельные метели. – С. 258–265; Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2010/01/20/2966> (дата обращения: 24.02.2018).

Упоминается Достоевский.

316. **Микушевич В.** Письмо Ставрогина Людмиле: стихи // Новая юность. – 1995. – № 1/2. – С. 91.

Стихотворение посвящено достоевсковеду Л. Сараскиной.

317. **Милош Ч.** Если нет: стихи // Другое пространство / Ч. Милош. – Краков, 2002.*; Восприятие России и русской литературы польскими писателями / В. Хорев. – Москва, 2012. – С. 90. – Отрывок.

Польский поэт оспаривает мысль Ивана Карамазова «Если Бога нет, то всё позволено».

318. **Минаев Д.** Ад: сцены в трёх песнях: (Подражание Данте): сатир. поэма // Искра. – 1862. – № 4. – С. 685. – Подпись: Обличительный поэт*.

О встрече главного героя поэмы в преисподней с критиками, редакторами, писателями, в том числе с Достоевским.

319. **Минаев Д.** «Вот ваш «Дневник»... Чего в нём нет?...»: стихи // Петербургская газета. – 1876. – 3 февр.*; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 3. – С. 65–66.

Эпиграмма-рецензия на «Дневник писателя».

320. **Минаев Д.** Две смерти: баллада // Молва. – 1881. – № 43. *; Поэты «Искры»: в 2 т. – Ленинград, 1955. – Т. 2. – С. 287–292.

О похоронах Достоевского. Упоминается «Мёртвый дом».

321. **Минаев Д.** Кому на Руси жить хорошо: стихи // Искра. – 1873. – № 12 (14 марта). – Подпись: Литературное домино*; Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. – Петрозаводск, 2012. – Вып. 7. – С. 152. – В ст.: Захарова О. В. Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике. – С. 143–162. – Отрывок.

Пародийное стихотворение о некоем сумасшедшем доме, в обитателях которого угадываются В. П. Мещерский и Ф. М. Достоевский. Упоминаются «бобок» и «Бесы».

322. **Минаев Д.** На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским: стихи // Иллюстрация. – 1873. – № 2. – В цикле: М. Фотографические карточки*; Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 2. – С. 138.

Пародия на Достоевского и его роман «Бесы».

323. **Минаев Д.** «О, из судей столицы Невской...»: стихи // Петроградский мировой суд за пятьдесят лет, 1866–1916. – Москва, 1916. – Т. 2. – В ст.: Шевляков М. Мировой судья А. И. Трофимов – С. 1461–1462*; Белов С. В. Достоевский и его окружение: энцикл. слов.: в 2 т. / С. В. Белов. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 2. – С. 320.

Упоминается Достоевский.

324. **Минаев Д.** Трусливая поговорка: эпиграмма // Петербургская газета. – 1876. – 5 февр. – Подпись: О[бщий] Д[руг].*

На главку «Одна турецкая пословица из «Дневника писателя» (январь 1876 г.).

325. **Минаев Д.** «У тебя, бедняк, в кармане...»: стихи // Иллюстрация. – 1868. – № 23. – В ст.: Литературное домино. Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)*; Поэты «Искры»: в 2 т. – 3-е изд. – Ленинград, 1987. – Т. 2. – С. 138.

Упоминается Достоевский.

326. **Минаев Д.** Ужасный пассаж, или Истинное повествование о том, как один господин важного сана обратился в водолаза, и что от этого произошло: (подражание Ф. Достоевскому): стихи // Искра. – 1865. – № 14 (14 марта). – С. 203–204. – Подпись: Литературное домино*; Поэты «Искры»: в 2 т. – Ленинград, 1955. – Т. 2. – С. 169–171.

Пародия на повесть «Крокодил».

327. **Минаев Д.** Униженные и оскорблённые: [сатир. стихи] // Эпиграмма и сатира: из истории лит. борьбы XIX века / сост. А. Островский. – Москва; Ленинград, 1932. – Т. 2. – С. 287–292.

О Достоевском и журнале «Эпоха».

328. **Минералов Ю.** Постмодернизм: стихи // Литературная Россия. – 2004. – 27 авг. (№ 35). – С. 7.

Упоминается Достоевский.

329. **Минин Е.** Озабоченное: стихи // Литературная газета. – 2012. – 8–14 авг. (№ 32/33). – С. 6.

Пародия на стихотворение А. Рудта «Я с Митей Карамазовым напился...».

330. **Миронова Е.** Воскресение: стихи // «А может быть счастье...»: избр. лирика / Е. Н. Миронова. – Омск, 1999. – С. 98–100.

Упоминается Достоевский.

331. **Митин П.** Городу на Неве: стихи // Знамя. – 2010. – № 5. – С. 99.

Упоминается «доставучедостоевский особый способ жить».

332. **Митрохина Л.** Дом Достоевского: стихи // Галатея: стихи / Л. Митрохина. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 39*.

333. **Михайлов В.** Русь: поэма // Литературная Россия. – 2006. – 21 апр. (№ 16). – С. 7.

Упоминаются персонажи романа Достоевского «Братья Карамазовы» А. Карамазов и Смердяков.

334. **Монахов В.** «Прекрасна беззлобность России!...»: стихи // Юность. – 2006. – № 2. – С. 87.

Реминисценции из романа «Идиот».

335. **Мориц Ю.** Книга: стихи // Литературная газета. – 2009. – 30 сент. – 6 окт. (№ 39/40). – С. 5.

О романе «Идиот».

336. **Моршен Н.** Перед телевизором: стихи // «Мы жили тогда на планете другой...»: антол. поэзии рус. зарубежья, 1920–1990: в 4 кн. – Москва, 1997. – Кн. 4. – С. 198.

Упоминается «самоубийство раскольниковское».

337. **Муро Сайсэй.** Портрет Достоевского: стихи / пер. с яп. А. Долина // ВКонтакте: Наташа Зорина. – Текст элек-

тронный. – URL: https://vk.com/wall334265793_1501 (дата обращения: 13.04.2021).

338. **Мызников А.** На полях: стихи // Наш современник. – 2001. – № 11. – С. 137.

О Достоевском.

339. **Н. Т-в.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Варшавский дневник. – 1881. – 7 февр.*

340. **Набоков В.** Достоевский («Тоскуя в мире, как в аду...»): стихи // Собр. соч.: в 5 т. / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 1. – С. 511.

Стихотворение 1923 г.

341. **Набоков В.** На годовщину смерти Достоевского: стихи // Гвоздь: сб. стихов / В. В. Набоков. – Берлин, 1922. – Рус. яз.*; Стихотворения и поэмы / В. В. Набоков. – Москва, 1991. – С. 180. – В др. источниках дано заглавие «Сказание: из апокрифа».

342. **Надсон С.** Памяти Ф. М. Достоевского («Как он, измученный, влачился по дороге...»); Памяти Ф. М. Достоевского («Когда в час оргии, за праздничным столом...»): стихи // Стихотворения / С. Я. Надсон. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 150*; Полн. собр. стихотворений / С. Я. Надсон. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 141–142.

343. **Науменко М.** Уездный город N: стихи // Альтернатива: опыт антологии рок-поэзии. – Москва, 1991. – С. 102–107.

Упоминается Раскольников («Преступление и наказание») как «наш молодёжный герой», прослеживаются другие мотивы Достоевского.

344. **Неизвестный автор.** «Вчера, в канун на годовщину...»: стихи // Новое время. – 1881. – 30 янв.*; Петербургский листок. – 1881. – 31 янв.*

345. **Неизвестный автор.** Над гробом Ф. М. Достоевского («Ещё прибавилось одной безвременной могилой...»): стихи // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – Санкт-Петербург, 1883. – С. 96 (паг. 3-я).

346. **Неизвестный автор.** Эпиграмма на В. Катаева: стихи // Шаргунов С. Погоня за вечной весной / С. Шаргунов. – Москва, 2017. – С. 594–595.

347. **Нейман Ю.** «Город друзей»: отрывок из поэмы («Курс перевода был вручен тогда...») // Причуды памяти: стихи / Ю. М. Нейман. – Москва, 1988. – С. 175–176.

Упоминается Достоевский.

348. **Некрасов Вс.** «Город ровный / Город водный...»; «Это / Демонов что ли...»; «Неть / ни эллин ни иудей...»; «Ну / мировая гармония...»: стихи // Стихи из журнала / Вс. Некрасов. – Москва, 1989. – С. 8–9, 34–35.

В 1-м и 3-м стихотворениях упоминается Достоевский. Во 2-м - реминисценции из романа «Бесы», в 4-м – из романа «Братья Карамазовы» (о «слезинке ребёнка»).

349. **Некрасов Н.** Вступительное слово «Свистка» к читателям: стихи // Современник. – 1863. – № 4. – С. 8–12. – («Свисток № 9»)*; Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / Н. А. Некрасов. – Ленинград, 1981. – Т. 2. – С. 156–159.

Упоминаются братья Достоевские.

350. **Некрасов Н.** Гимн «Времени», новому журналу, издаваемому М. Достоевским: стихи // Современник. – 1861. – № 1. – С. 9–10. – («Свисток № 7»)*; Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / Н. А. Некрасов. – Ленинград, 1981. – Т. 2. – С. 109–110.

Журнал издавался братьями Достоевскими.

351. **Некрасов Н.** Несчастные: отрывок из поэмы // Современник. – 1856. – № 5. – С. 139–141*); Полн. собр. соч. и

писем: в 15 т. / Н. А. Некрасов. – Ленинград, 1981. – Т. 4. – С. 39–41. – Первая публ.:

Прототип Крота, одного из персонажей поэмы, – Достоевский-каторжник.

352. **Некрасов Н.** Послание Белинского Достоевскому: стихи / Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев // Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / Н. А. Некрасов. – Женева, 1892. – С. 207–208*; Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / Н. А. Некрасов. – Ленинград, 1981. – Т. 1. – С. 423–424.

353. **Непомнящий А.** Песня про Свидригайлова: стихи // Непомнящий Александр: официальный сайт. – Текст электронный. – URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=224 (дата обращения: 22.01.2018).

354. **Несмелов А.** Достоевский: стихи // Сунгарийские вечера [Харбин], 1923. – № 1 (март). – Рус. яз.*

355. **Нигмати Р.** Достоевский в Семипалатинске; Записки из старого дневника: стихи // Разноликая жизнь / Р. Н. Нигмати. – Алматы, 1999*; Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Семипалатинск, 2004. – С. 213–214.

356. **Никонова Л.** Волна блаженства и волна страдания: цикл стихов по мотивам Ф. М. Достоевского // Кузнецкая крепость: лит.-худож. альм. – 2002/2003. – № 5/6. – С. 92–95.
Стихи конца 1980-х – начала 2000-х гг.

357. **Никонова Л.** Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год: стихи // Кузнецк в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского / авт.-сост. Т. С. Ашеулова. – Новокузнецк, 1996. – С. 22.

358. **Никонова Л.** Кузнецкий венец: стихи // Кузнецкий рабочий [Новокузнецк], 1986. – 1 февр.*; Огни Кузбасса [Кемерово], 1988. – № 3. – С. 73–79.*

О Достоевском и М. Исаевой.

359. **Никонова Л.** «Сколько скрытый огонь ни таи...»: стихи // Сибирские огни. – 2001. – № 2. – С. 74.

Эпиграф из Достоевского.

360. **Нитченко А.** «Яблоко надкушено холодом ...»: стихи // Октябрь. – 2005. – № 12. – С. 37.

Упоминается Достоевский.

361. **Новиков В.** У Тобольских ворот: стихи // Свет-сентябрь: стихи / В. П. Новиков. – Омск, 1986. – С. 45.

О г. Омске и Достоевском-каторжнике.

362. **Новожилова Е.** «Когда-нибудь дадут мне Нобеля...»: стихи // Школа искусств: стихотворения / Е. Новожилова. – Москва, 2007*; Новый мир. – 2008. – № 3. – С. 188.

Упоминаются Достоевский и его персонажи Нелли («Униженные и оскорблённые»), князь Мышкин («Идиот»).

363. **Нохрин С.** «Писатель Фёдор Достоевский...»: ирон. стихи // Комок. – Омск, 2000. – 12 июля (№ 27). – С. 30.

364. **Объедков А.** «Достоевский писал «Идиота»...»: стихи // Наш современник. – 2010. – № 11. – С. 77.

365. **Окунь М.** Баден-Баден: стихи // Звезда. – 2006. – № 12. – С. 3.

Упоминается «достоевский» как имя нарицательное.

366. **Окунь М.** Два классика: стихи // Звезда. – 2014. – № 10. – С. 81.

О Ф. М. Достоевском и И. С. Тургеневе.

367. **Олди Г.** «Только подняли мы тост...»: юморист. стихи // Орден святого Бестселлера: роман / Г. Л. Олди. – Москва, 2002. – С. 90.

Упоминаются «двое местных Достоевских».

368. **Олейников Н.** Таракан: стихи // Стихотворения и

поэмы / Н. М. Олейников. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 142–144.

Развивается пародийный посыл Достоевского в романе «Бесы», цитата из которого взята эпиграфом.

369. **Олексяк С.** «Идёт омич по Невскому проспекту...» // Омск театральный. – 2018. – № 43 (окт.). – С. 78–79.

370. **Ольхон А.** Достоевский: стихи // Байкал: стихотворения и поэмы за двадцать лет, 1926–1946 / А. С. Ольхон. – Иркутск, 1946. – С. 164–165.

371. **Ордин-Арцева О.** «Пустынно. Фонари. Сурово Достоевский...»: стихи // Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.stihi.ru/2012/10/18/10254. – 26.11.2014.

372. **Орешник А.** Погружаясь в Достоевского: стихи // Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2013/05/09/2946> (дата обращения: 6.03.2018).

373. **Останина В.** В литературном музее имени Ф. М. Достоевского в городе Омск: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 33.

374. **Останина В.** Дом Достоевского: стихи // Таврические новости. [Таврическое р. п. Ом. обл.], – 2012. – 7 марта. – С. 8.

375. **Останина В.** Достоевский в Омске: стихи // Омская муза. – 2012. – № 2 (сент.). – С. 50.

376. **Офросимов В.** На смерть Достоевского («Опять утрата. Смерть уносит...»): стихи // Новое время. – 1881. – 1 февр. (№ 1771).*

377. **Оцуп Н.** Буря мглою: стихи // Поэзия русского зарубежья. – Москва, 2001. – С. 207–208.

Упомянуты персонажи романа «Бесы».

378. **Ошмётка Т.** Достоевский: стихи // Бельские просторы. – Уфа, 2010. – № 3*; Лучшие стихи 2010 года: антология. – Москва, 2012. – С. 130.

Реминисценция из романа «Идиот».

379. **П-рев А.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Ваза. – 1881. – № 4 (февр.). – С. 11.*

380. **Павловская А.** «Будто Рогожин, в морозном угаре...»: стихи // Москва. – 2003. – № 12. – С. 99.

Упоминается персонаж из романа «Идиот».

381. **Пальмин Л.** «Еще затмилась прекрасная звезда...»: стихи // Русская мысль. – 1881. – № 3. – С. 14*; Ф. М. Достоевский и душа Омска: межвуз. сб. ст. – Омск, 2001. – С. 282–283.

На смерть Достоевского.

382. **Панкин Б.** Новый Раскольников: стихи / Б. Панкин. – Киев, 2012*; «Снимал квартиру на дыбенко...»: отрывок из кн. «Новый Раскольников» (Киев, 2012) // Литературная газета. – 2012. – 28 марта – 3 апр. (№ 12/13). – С. 7.

383. **Паприц К.** На Волге: (посвящ. памяти Ф. М. Достоевского): стихи // Русская мысль. – 1881. – № 9. – С. 133.*

384. **Паприц К.** [Стихотворение, посвящённое Ф. М. Достоевскому]: стихи // Московский курьер. – 1881. – № 34.*

385. **Парнок С.** Об одной лошадёнке чалой: стихи // Собрание стихотворений / С. Я. Парнок. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 350.*

Реминисценции из романа «Преступление и наказание» и «Дневника писателя».

386. **Парпара А. А.** «Так резко очерчены горы...»: стихи // Собр. соч.: в 4 т. / А. А. Парпара. – Москва, 2002. – Т. 1. – С. 136–138.

Цитируется стихотворение Н. Рубцова «В гостях» о Достоевском.

387. **Пастернак Б.** Девятьсот пятый год: поэма // Девятьсот пятый год / Б. Л. Пастернак. – Москва; Ленинград, 1927. – С. 9–50*; Собр. соч.: в 5 т. / Б. Л. Пастернак. – Москва, 1989. – Т. 1. – С. 281–305.

На с. 283 упоминается Достоевский.

388. **Пелевин В.** Чапаев и Пустота: роман // Чапаев и Пустота: роман; Жёлтая стрела: повесть / В. О. Пелевин. – Москва, 1999. – С. 7–360.

На с. 28–32 дано описание постановки «Преступления и наказания», в которой персонажи Раскольников и Мармеладов говорят стихами.

389. **Пельгорская Е.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Неделя. – 1881. – 8 февр. (№ 6). – С. 207–208; Ф. М. Достоевский и душа Омска: сб. ст. – Омск, 2001. – С. 235–236.

390. **Пензин В.** Дом-музей в Старой Руссе: стихи // Новгородская правда. – 1981. – 10 нояб.*

О музее Достоевского.

391. **Пензин В.** Достоевский в Старой Руссе: стихи // Старорусская правда. – 1969. – 12 июля. – С. 4.*

392. **Пензин В.** На службе у Достоевского: стихи // Старая Русса. – 1996. – 26 дек. – С. 3.*

О музее Достоевского.

393. **Перминов Ю.** «Виды» Омска: стихи // Как всякий смертный: [стихи] / Ю. П. Перминов. – Бийск, 2007. – С. 39.

Упоминается памятник Ф. М. Достоевскому, стоящий в конце ул. Партизанской в г. Омске.

394. **Перминов Ю.** Дорожная история; «Сердечная смута и мне, безусловно, знакома...»: стихи // Омское пространство Достоевского: альбом / М-во культуры Ом. обл. – Омск, 2020. – С. 300; ил.

В первом стихотворении упоминается роман Достоевского «Бесы», во втором – «Записки из Мёртвого дома».

395. **Першин В.** Достоевский: стихи // Вторжение: стихи / В. И. Першин. – Магадан, 1968. – С. 47–48.

Упоминаются также персонажи его произведений (Раскольников, Мечтатель).

396. **Петровский Д.** Легенда о Великом Инквизиторе (из «Братьев Карамазовых» Достоевского): стихи // Пустынная осень: стихи / Д. В. Петровский. – [Б. м.: б. и.], 1920.*

397. **Петухов Г.** «Сам я не видел, но есть, говорят, равнины...»: стихи // Октябрь. – 2013. – № 7. – С. 74.

Упоминается «призыв Достоевского заголится».

398. **Пивоварова Ю.** Ночное дежурство: стихи // Знамя. – 2004. – № 3. – С. 151.

Упоминается чтение романа «Идиот» по радио.

399. **Поздняков М.** «Снова взрывы гремят...»: стихи // Молодая гвардия. – 2004. – № 5/6. – С. 64.

Реминисценции из романа «Идиот».

400. **Полонский Я.** Фёдору Михайловичу Достоевскому: стихи // Из архива Достоевского: письма рус. писателей. – Москва; Петроград, 1923. – С. 81.

401. **Поляков А.** «Уже за прочерком не видно, кто из нас...»: стихи // Вавилон: вестн. молодой лит. – Москва, 1999. – Вып. 6 (22). – С. 106; Орфографический минимум / А. Поляков. – Санкт-Петербург, 2001.*

402. **Полякова Н.** Невский проспект: стихи // Нева. – 2001. – № 12. – С. 3.

Упоминается Достоевский.

403. **Пономарёва О.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Русь. – 1881. – 7 февр. (№ 13).*

404. **Поплавский Б.** Жизнеописание писаря: стихи // Дирижабль неизвестного направления: стихи / Б. Ю. Поплавский. – Париж, 1965*; Сочинения / Б. Ю. Поплавский. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 236–237. – (Волшебный хор).

Реминисценции из повести Достоевского «Бедные люди».

405. **Попов М.** «Было ветхим и сырым то здание...»: стихи // Москва. – 2013. – № 1. – С. 50–51.

Упоминается «банька Свидригайлова».

406. **Поскрёбышев О. Ф. М. Д.:** стихи // Страда: стихи. Поэма / О. А. Поскрёбышев. – Ижевск, 1973. – С. 74–75*; Вдали от больших городов: стихи / О. А. Поскрёбышев. – Москва, 1977. – С. 47–48.

О Достоевском, едущем по дороге на каторгу.

407. **Пригов Д.** «Вот Достоевский Пушкина признал...»: стихи // Слезы геральдической души: стихи / Д. А. Пригов. – Москва, 1990. – С. 22.

408. **Пригов Д. А.** Второе бальное рассуждение на тему: быть знаменитым некрасиво: стихи // Советские тексты: стихи / Д. А. Пригов. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 215.

Реминисценция из романа «Идиот».

409. **Пригов Д.** Купающиеся: стихи // Знамя. – 2001. – № 5. – С. 71–72.

Упоминается Достоевский.

410. **Пригов Д.** «Что тчк делать тчк вопросительный знак тчк...»: стихи // Арион. – 2008. – № 4. – С. 77.

Упоминается Достоевский.

411. **Пуджа Миттал.** Революция: стихи / пер. с англ. Д. Кузьмина // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 6 (64). – С. 80.

Упоминается Достоевский.

412. **Пшеничный В.** «Чёрт Ивана Карамазова...»: стихи // Октябрь. – 2003. – № 12. – С. 100.

413. **Радашкевич А.** Риторический триптих: стихи // Сибирские огни. – 2005. – № 6. – С. 98–99.

Упоминается « Достоевский – мерзко православный».

414. **Радимов П.** В усадьбе Достоевского: стихи // Новая жизнь [Зарайск], 1956. – 8 февр.*; Край родной: стихи и рис. о Подмосковье / П. А. Радимов. – Москва, 1958. – С. 35.

415. **Разин П.** Омской государственной медицинской академии 75 лет!: стихи / П. С. Разин, В. Н. Дроздов // Инфекционисты Омской области 75-летию ОГМА: [сб. ст.]. – Омск, 1996. – С. 3–12.

На с. 3–4 упоминается о лечении Достоевского-каторжника в Омском военном госпитале.

416. **Реброва Т.** Дитё: стихи // Литературная газета. – 2008. – 23–29 янв. (№ 2). – С. 7.

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского.

417. **Редькин Н.** «о, бедное проверочное слово!...»: стихи // Арион. – 2011. – № 2. – С. 43.

Упоминается персонаж романа «Бесы» Лебядкин.

418. **Резник В.** Игорю Волгину («Ничем особенно не связанный.»): стихи // Литературная газета. – 2013. – 17–23 июля (№ 29). – С. 15.

О чтении романа «Братья Карамазовы».

419. **Резник И.** Достоевский в Омске: стихи // Случайность встреч: стихи / И. Резник. – Омск, 2019. – С. 92.

420. **Рецптер В.** «Легенда или человек...»: стихи // Звезда. – 2015. – № 5. – С. 58.

Стихотворение об актёре И. Смоктуновском. Упоминается его роль князя Мышкина («Идиот»).

421. **Рицков Б.** Достоевский: поэма // Предрассветье: стихотворения и поэмы / Б. В. Рицков. – Ярославль, 1990. – С. 64–77.

Одна из глав называется «Каторга».

422. **Родионов А.** «Андалузские волки, пьяные вепри...»: стихи // Портрет с натуры / А. Родионов. – Екатеринбург, 2005. – С. 132*; Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://stihi.ru/diary/writerautov/2020-06-18>. (дата обращения: 10.03.2018).

Упоминается Достоевский.

423. **Родионов А.** «Девочки пели в масках в церковном хоре...»: стихи // Новая карта русской литературы: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2012-1-2/rodionov/> (дата обращения: 16.12.2015).

Упоминается Достоевский.

424. **Романов Б.** Монументы: стихи // Дружба народов. – 2008. – № 12. – С. 92.

Упоминается Достоевский.

425. **Ростовцева И.** Достоевский: стихи // Литературная Россия. – 2007. – 12 янв. (№ 1). – С. 7.

Эпиграф – из повести «Бедные люди».

426. **Рубанович В.** Это было, было, было... (Александр Кушнер): пародия // Вопросы литературы. – 1999. – № 3. – С. 359.

Упоминается Достоевский.

427. **Рубинштейн Л.** То одно, то другое: стихи // Поэты-концептуалисты: избранное. – Москва, 2002. – С. 86–90.

Реминисценция из романа «Братья Карамазовы».

428. **Рубцов Н.** В гостях: стихи // Русский огонёк: стихи, переводы, воспоминания, проза, письма / Н. М. Рубцов. – Вологда, 1994. – С. 66–67.

О Достоевском.

429. Рудт А. «Я с Митей Карамазовым напился...»: стихи // Литературная газета. – 2012. – 20–26 июня (№ 25). – С. 6.

430. Румянцев Д. Из Мёртвого дома (Омский острог): стихи // Омская муза. – 2006. – № 1 (авг.). – С. 30.

О Достоевском-каторжнике.

431. Румянцев Д. Иртыш. Набережная: стихи // Сибирские огни. – 2013. – № 1. – С. 58.

Упоминается персонаж романа «Преступление и наказание» Раскольников, а также страдание «по воле Достоевской».

432. Румянцев Д. Омск. Вокруг первой линии: стихи // Звезда. – 2012. – № 7. – С. 85.

Упоминается Достоевский.

433. Румянцев Д. Разрыв: стихи // Дружба народов. – 2014. – № 3. – С. 7.

Реминисценции из романа «Идиот».

434. Рупасов К. «Помяни Достоевского – тут же появятся бесы...»: стихи // Знамя. – 2006. – № 8. – С. 121.

435. Рыженко С. Идиот. Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачёв, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 324–326.

436. Рыленков Н. Читая Достоевского: стихи // Рабочий путь. – 1967. – 24 июня*; Собр. соч.: в 3 т. / Н. И. Рыленков – Москва, 1985. – Т. 2. – С. 43.*

437. Рыльский М. Тени белой ночи: стихи // Звезда. – 1945. – № 10/11. – С. 13.

Упоминается Достоевский.

438. Рябинин К. Достоевский в Омске: стихи // Таврические новости. [Таврическое р. п. Ом. обл.]. – 1996. – 12 нояб.

439. **Ряшенцев Ю.** Возвращение в Питер: стихи // Прощание с империей: кн. стихов / Е. Ю. Ряшенцев. – Москва, 2000. – С. 45.

Реминисценции из романа «Преступление и наказание».

440. **Ряшенцев Ю.** «Мрак вечера питал желание...»: стихи // Новый мир. – 1988. – № 1. – С. 132–133.

Реминисценция из романа «Братья Карамазовы».

441. С. На погребение Достоевского («Скорбел!.. Душа его изныла...»): стихи // Петербургская газета. – 1881. – 1 февр. (№ 27).*

442. С-т К. Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Родная школа [Резекне]. – 1931. – № 4*; Достоевский: исслед. и материалы. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 18. – С. 378–379.

443. **Сабанова Т.** Россия. XIX век: стихи // Библиотека. – 2010. – № 9. – С. 74.

Упоминается Достоевский.

444. **Сабитова А.** «Чувствуешь? Это зима собирает нас в пыль...»: стихи // Литературная газета. – 2013. – 26 июня – 2 июля (№ 25/26). – С. 6.

Упоминается «зачитанный «Идиот».

445. **Савельев С.** Всемирная литература: ирон. стихи // Новая Сибирь [Новосибирск]. – 2004. – 30 июня (№ 31). – С. 12.

Среди миниатюр – «Преступление и наказание», «Идиот».

446. **Садовой Б.** «Комарович»: стихи // Комарович В. Л. «Весь устремленье»: ст., и исслед. о Ф. М. Достоевском / В. Л. Комарович; сост., отв. ред. и автор вступ. ст. О. А. Богданова. – Москва, 2018. – С. 729.

447. **Сакутаро Хагивара.** Одинокая личность; Незнакомая

собачонка; Флейта: стихи // Вою на Луну / Сакутаро Хагивара. – [Б. м.: б. и.], 1917. – Яп. яз.*

В первых двух стихотворениях поэт признаёт влияние на него Достоевского. Стихотворение «Флейта» посвящено Достоевскому.

448. **Салимон В.** «Дождь стучит по крыше день-деньской...»; «Жук-носорог с жуком-оленом... стихи // Октябрь. – 2013. – № 3. – С. 58–59.

В первом стихотворении упоминается Раскольников, во втором – Достоевский.

449. **Салтыков-Щедрин М.** Стихотворная элегия на кончину «Времени» («Здесь Достоевских прах, и, вместо мавзолея...»); Самонадеянный Федя («Федя богу не молился...»): детская сказка в стихах // Современник. – 1863. – № 4*; Собр. соч.: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва, 1968. – Т. 5. – С. 303.

450. **Сарабьянов Д.** «Как много в гении страданья...»: стихи // Новая газета. – 2007. – 11–14 окт. (№ 78). – С. 21: ил. – В ст.: Кублановский Ю. М. «Рубль раскалывает камень».

В стихотворении высмеивается памятник Достоевскому скульптора А. Рукавишникова.

451. **Сатин С. Ф.** Достоевский «Преступление и наказание»: ирон. стихи // Литературная газета. – 2003. – 15–21 окт. (№ 42). – С. 16.

452. **Светлов М.** Живые герои: стихи // Книга стихов / М. А. Светлов. – Москва; Ленинград, 1929. – С. 14–17; Собр. соч.: в 3 т. / М. А. Светлов. – Москва, 1974. – Т. 1. – С. 205–207.

Упоминаются Достоевский и персонаж его романа «Преступление и наказание» Раскольников.

453. **Северянин И.** Достоевский: стихи // Медальоны: сонет и вариации о поэтах, писателях и композиторах /

И. В. Северянин. – Белград, 1934*; Классические розы. Медальоны: стихи И. В. Северянин. – Москва, 1991. – С. 153–154.

454. **Северянин И.** На закате; Молитва: стихи // Классические розы: стихи 1922–1930 гг. И. В. Северянин. – Белград, 1931*; Классические розы. Медальоны: стихи И. В. Северянин. – Москва, 1991. – С. 54, 62.

В первом стихотворении упоминается Достоевский, второе ему посвящено.

455. **Сейферт Я.** «Гора старых книг...»: отрывок стихотворения / пер. с чеш. // Вестн. МГУ. Сер. филология. – 2004. – № 5. – С. 208. – В ст.: Айзпурвит Е. Возрождение общества Достоевского в Праге. – С. 206–212.

Упоминается «отчаяние Достоевского».

456. **Семёновский Д.** Встреча: стихи // Стихи / Д. Семёновский. – Москва, 1947. – С. 108–112.

Упоминаются «Бесы».

457. **Сенин И.** Омские зарисовки: стихи // ВИКТОРИЯ: журн. о духов. здоровье [Омск]. – 2005. – № 8. – С. 34–35: портр.

Упоминается Достоевский.

458. **Серпухов Н.** Достоевскому («Открой глаза хоть на минуту...»): стихи // Петербургский листок. – 1881. – 1 февр. (№ 23)*; Фёдор Михайлович Достоевский. Биография. Его последние сочинения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881.*

459. **Симонович О.** На смерть Достоевского («Прощай, печальник бед народных...»): стихи // Улей. – 1881. – 1 февр. (№ 23).*

460. **Синельников М.** Деревня Глухово: стихи // Сон шел-

копряда: избр. стихотворения, 1968–1989 / М. И. Синельников. – Москва, 1990. – С. 61.

Эпиграф – из Достоевского.

461. **Синельников М.** Старинные кладбища: стихи // Холодный ключ: стихи / М. И. Синельников. – Москва, 1986. – С. 36.

Упоминается могила Достоевского.

462. **Синельников М.** Углич: стихи // Знамя. – 2002. – № 12. – С. 76.

Упоминается Достоевский.

463. **Скворцов К.** Дар божий: драма любви Ф. М. Достоевского: пьеса в стихах // Избр. произведения: [в 3 т.] / К. В. Скворцов. – Москва, 1999. – Т. 3.*

464. **Скорбный А.** Ночные гости: стихи // Осень: стихи, 1921–1926 гг. / А. Скорбный. – Ленинград, 1927. – С. 12–14.* – Подлин. имя авт.: В. В. Смиренский. Установлено по изд.: Ф. М. Достоевский: библиогр. произведений Ф. М. Достоевского и лит. о нём, 1917–1965. – Москва: Книга, 1968. – С. 271.

Упоминается Достоевский.

465. **Скульская Е.** «Грянет лицо и покатится, охая...»: стихи // Неизвестному художнику: вторая кн. стихов / Е. Скульская. – Таллин, 1980. – С. 12–13.

По мотивам Достоевского.

466. **Слепухин С.** «Был бы рогожин хоть чуточку мышкин...»: стихи // Звезда. – 2004. – № 12. – С. 73–74.

467. **Слуцкий Б.** Памятник Достоевскому; «Господи, Фёдор Михалыч...»: стихи // Собр. соч.: в 3 т. / Б. А. Слуцкий. – Москва, 1991. – Т. 1. – С. 281, 463.

468. **Случевский К.** Воплощение зла: стихи // Стихотворе-

ния и поэмы / К. К. Случевский. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 54–56. – (Новая библиотека поэта).

Упоминается «как Достоевский страждет».

469. **Случевский К.** «Да, трудно избежать для множества людей...»: стихи // Сочинения: в 6 т. / К. К. Случевский. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. 1. – С. 47*; Стихотворения и поэмы / К. К. Случевский. – Москва; Ленинград, 1962. – С. 66–67.

Упоминается персонаж романа «Преступление и наказание» Раскольников.

470. **Случевский К.** Нас двое: стихи // Русская речь. – 2005. – № 1. – С. 30. – В ст.: Гапоненко П. А. Образы А. Толстого, А. Майкова, Я. Полонского, Ин. Анненского и поэзия К. Случевского. – С. 23–51.

Реминисценции из Достоевского.

471. **Случевский К.** Поверженный Пушкин: стихи // Пушкинский сборник. – Санкт-Петербург, 1899. – С. 244–262*; Тахо-Годи Е. Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне / Е. Тахо-Годи. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 286. – Отрывок.

О речи Достоевского на юбилее А. С. Пушкина.

472. **Случевский К.** После похорон Ф. М. Достоевского («И видели мы все явление эпопеи...»): стихи // Новое время. – 1881. – 1 февр. – Под загл.: Памяти Достоевского*; Полярная звезда. – 1881. – № 2. – С. 147*; Стихотворения. Поэмы. Проза / К. К. Случевский. – Москва, 1988. – С. 229–331; Ф. М. Достоевский и душа Омска: межвуз. сб. ст. – Омск, 2001. – С. 293–242.

473. **Слушательница женских курсов.** Над гробом Достоевского: стихи // Новое время. – 1881. – 2 февр.*; Фёдор Михайлович Достоевский. Биография. Его последние сочи-

нения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881.*

474. **Соймонов М.** Памяти Ф. М. Достоевского («Нежданно ты умер, великий учитель!..»): стихи // Неделя. – 1881. – 8 февр. (№ 6). – Стб. 207.

475. **Соколов А.** На могиле Достоевского («Из мира скорби и печали...»): стихи // Петербургский листок. – 1881. – 1 февр. (№ 23)*; Фёдор Михайлович Достоевский. Биография. Его последние сочинения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881.*

476. **Соколов А.** «Ничего нет достоверней вымысла в царстве пожирателей молвы...»): стихи // Сибирские огни. – 2007. – № 1. – С. 110–111.

Упоминается персонаж романа «Преступление и наказание» Соня Мармеладова.

477. **Соколов Н.** Памяти Ф. М. Достоевского («Волков ли то воет голодная стая?..»): стихи // Русская мысль. – 1882. – № 3. – С. 329–330.

478. **Соколов П.** «Светильник ярко в нём пылал...»: стихи // Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 3. – С. 562.

Сведения о стихотворении. Текста нет.

479. **Соколова К.** «Нож с тобой – и мой срок подытожен...»: стихи // Звезда. – 2014. – № 6. – С. 76; Нева. – 2014. – № 7. – С. 89–90.

Стихотворение написано от лица Настасьи Филипповны («Идиот»).

480. **Солженицын А.** Дороженька: поэма // Протеревши глаза: сборник / А. И. Солженицын. – Москва, 1999*; Досто-

евский и XX век: в 2 т. – Москва, 2007. – Т. 1. – С. 472. – Отрывок.

Упоминается Достоевский.

481. **Сологуб Ф.** «Печальная судьба рабов свободы ждёт...»: стихи // Полн. собр. стихотворений и поэм: в 3 т. / Ф. Сологуб. – Санкт-Петербург, 2012. – Т. 1: Стихотворения и поэмы 1877–1892. – С. 151, 1060. – (Литературные памятники).

Стихотворение написано 23 января 1883 г. накануне второй годовщины смерти Ф. М. Достоевского, содержит факты биографии писателя, в том числе о каторжном периоде его жизни.

482. **Сологуб Ф.** Черновые фрагменты к поэме «Одиночество» // Полн. собр. стихотворений и поэм: в 3 т. / Ф. Сологуб. – Санкт-Петербург, 2012. – Т. 1: Стихотворения и поэмы 1877–1892. – С. 708–755. – (Литературные памятники).

На с. 737 упоминается «чтение: ... Достоевский».

483. **Сорокин В.** Казнь: стихи // Хочу быть ветром: стихи / В. В. Сорокин. – Москва, 1989. – С. 64.

О гражданской казни Достоевского.

484. **Спирина Н.** «Нам Достоевский строил дом...»: стихи // Снег судьбы: стихи / Н. А. Спирина. – Омск, 2007. – С. 31–32.

О пребывании Достоевского на омской каторге.

485. **Спирина Н.** Омская крепость: стихи // Грань тысячелетий: стихи / Н. А. Спирина. – Омск, 2001. – С. 142–143. – В предисл. указано подлин. имя авт.: Н. А. Баранец.

О Достоевском-каторжнике.

486. **Средина О.** Кто автор?: стихи // Смена. – 2013. – № 9. – С. 3.

Упоминается Достоевский.

487. **Сроковский С.** Момент: стихи / пер. с пол. // Астафьева Н. Польские поэты XX века: антология: в 2 т. / Н. Астафьева, В. Британишский. – Санкт-Петербург, 2000. – Т. 2. – С. 326–327.

О Достоевском.

488. **Степанов Е.** Идиот: стихи // Литературная газета. – 2008. – 25–29 окт. (№ 43). – С. 7.

По мотивам романа Достоевского.

489. **Стратановский С.** Возражение Достоевскому: стихи // Новый мир. – 2014. – № 6. – С. 3–4.

490. **Стратановский С.** Князь Мышкин: стихи // Звезда. – 2003. – № 9. – С. 222. – В ст.: Рогинский Б. Нечто об еже. – С. 219–228.

491. **Стратановский С.** Стихи, написанные в Италии: стихи // Звезда. – 2001. – № 6. – С. 3–4.

Упоминается Достоевский.

492. **Супрунова С.** «Сквозят века, и в древних ветрах...»: стихи // Стихи.ру: сайт. – Текст: электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2017/10/15/8331> (дата обращения: 29.03.2018).

Пародия на стихи Н. Зинovieва с упоминаниями героев Достоевского.

493. **Сурненко В.** «Мы – отчаянный народ...»: стихи // Литературная газета. – 2015. – 22–28 апр. (№ 12). – С. 6.

Упоминается Достоевский.

494. **Сурненко В.** «Отрусской литературы...»: стихи // Пролог: интернет-журнал. – Текст: электронный. – URL: <http://www.ijr.ru/razd/pr.php?failp=08801201082> (дата обращения: 1.06.2016).

Упоминается «Ловец наших душ Достоевский».

495. **Сурненко В.** «Русский пейзаж располагает к стро-

гости формы...»: стихи // Знамя. – 2005. – № 12. – С. 224.
Упоминается «Достоевский со своим «Идиотом».

496. **Сушко Л.** Достоевский в Омске: стихи // Стихи. ру: сайт. – Текст: электронный. – URL: <http://www.stihi.ru/2012/05/24/3020> (дата обращения: 29.03.2018).

497. **Сычёва Е.** Родион Раскольников: стихи // На первом дыхании: стихи и проза молодых авторов. – Омск, 1996. – С. 50.

498. **Т-в Н.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Варшавский дневник. – 1881. – № 29.*

499. **Такубоку Исикава.** «Русское имя Соня...»: стихи // Лирика / Такубоку Исикава. – Москва, 1967. – С. 171; 100 лет русской культуры в Японии: сборник. – Москва, 1989. – С. 203.

Стихотворение – единственный отклик поэта на прочитанный им роман Достоевского «Преступление и наказание».

500. **Тарасов Г.** Первый роман; Перед казнью; Похороны; Неточке Незвановой; Выбор сердца («Белые ночи»): стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 36–41.

О Достоевском.

501. **Таскаев И.** Страсти 6-го корпуса: стихи // Литературный альманах / Ом. гос. мед. акад. – Омск, 2002. – Вып. 8: Память сердца. – С. 55.

Упоминается Достоевский-каторжник.

502. **Теплякова М.** «Раз, два, три, четыре, пять...»: стихи // Сибирские огни. – 2018. – № 2. – С. 41.

Упоминается Достоевский.

503. **Тепляшин А.** Достоевский: стихи // Поэзия, 1986: альманах. – Москва, 1986. – Вып. 44. – С. 156–157; Вьюжный Урал: стихи / А. А. Тепляшин. – Челябинск, 1989. – С. 45.

504. **Тёмкина М.** О пользе свободного передвижения: стихи // *Santo immigrant* / М. Тёмкина. – Москва, 2005. – С. 92*; Новое литературное обозрение. – 2014. – № 3 (127). – С. 140. – В ст.: Сандлер С. Поэты и поэзия о «маргинальном еврействе» / авториз. пер. с англ. Е. Канищевой. – С. 130–147.

Упоминается князь Мышкин («Идиот»).

505. **Тимкин Т.** Преступление и: стихи // Сибирские огни. – 2014. – № 1. – С. 108–109.

Переосмысление романа «Преступление и наказание».

506. **Титов Н.** В неудержимом рвении...: стихи // Избранное / Н. И. Титов. – Алма-Ата, 1956. – С. 160.

Упоминается Достоевский.

507. **Тихонов А.** «Родион Раскольников, ушлый блогер...»: стихи На вечном наречье: кн. стихов / А. Тихонов. – Омск, 2020. – С. 46.

508. **Тихонович А.** На смерть Ф. М. Достоевского: стихи // Южный край. – Харьков, 1881. – 3 февр. (№ 38).*

509. **Торопыгин В.** Домик Достоевского: стихи // День поэзии, 1971: [сб. стихов]. – Ленинград, 1971. – С. 340–341; Избранное / В. В. Торопыгин. – Ленинград, 1981. – С. 138.

510. **Торопыгин В.** Наталья Фонвизина: отрывок из поэмы (На Омском тракте): стихи // Берега: новые стихи и поэмы / В. В. Торопыгин. – Ленинград, 1980. – С. 60–61.*

О Достоевском.

511. **Третьяков В.** Пророческий лик (памяти Достоевского): стихи // Сегодня. – Рига, 1921. – № 258*; Достоевский:

материалы и исслед. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 18. – С. 376–377. – В ст.: Глушаков П. С. Стихотворные посвящения Достоевскому в латвийских эмигрантских изданиях. – С. 375–379.

512. **Трофимов Ю.** Раскольников и сын: стихи // Пилигрим. – Омск, 2001. – № 2. – С. 66.

513. **Тупицына Е.** «Я как брошенный пёс среди осколков разрушенных зданий...»; «Словно Ваня Карамазов...»: стихи // Сибирские огни. – 2012. – № 5. – С. 100–101.

В стихотворениях – реминисценции из романа «Братья Карамазовы».

514. **Тхоржевский И.** Памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Фаланга. – 1881. – № 6.*

515. **Тюрина М.** Поздравление Дому-музею Ф. М. Достоевского в связи с его юбилеем: стихи // В мире героев Достоевского: сб. исслед. и творч. работ учащихся. – Старая Русса, 2002. – С. 75.*

516. **Улзытуев А.** Ретиранте (Renirantes): стихи // Новый мир. – 2015. – № 5. – С. 81.

Приводится цитата из В. Хлебникова «о достоевскиймо».

517. **Уфлянд В.** Народ: поэма // Континент. – 1988. – № 55. – С. 7–12; 1989. – № 60. – С. 73–78; Новое литературное обозрение. – 2007. – № 4 (86). – С. 338–339. – Отрывки из поэмы.

Упоминается Достоевский.

518. **Ушакова Е.** Два стихотворения в свободном размере; Визит в Америке: стихи // Новый мир. – 2003. – № 11. – С. 28–29.

В стихотворениях упоминается Достоевский и персонаж его романа «Идиот» князь Мышкин.

519. **Ушакова Е.** Не умею водить машину: стихи // Знамя. – 2002. – № 1. – С. 30.

Приводится высказывание «не верю Достоевскому».

520. **Фанайлова Е.** «Важнее всего бывала любовь...»; Стихи о русской поэзии: стихи // Знамя. – 2004. – № 11. – С. 6, 9–10.

В первом стихотворении упоминается Достоевский, во втором – персонаж романа «Идиот» Настасья Филипповна.

521. **Фанайлова Е.** Испанская баллада: стихи // Знамя. – 2007. – № 5. – С. 12–16.

На с. 14 упоминается Достоевский.

522. **Фанайлова Е.** Проект «Б. Акунин»: стихи // Знамя. – 2002. – № 1. – С. 89.

Упоминается персонаж романа «Братья Карамазовы» Д. Карамазов.

523. **Фанайлова Е.** Стихи о русской поэзии: стихи // Знамя. – 2004. – № 11. – С. 9–10.

Упоминается персонаж романа «Идиот» Настасья Филипповна.

524. **Фатющенко В.** «Горит лучина над ведром...»: стихи // Вестник МГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 3. – С. 21.

О чтении книг Достоевского.

525. **Фейнберг С.** Достоевский: стихи // Ступени: стихи / С. Я. Фейнберг. – Москва, 1990. – С. 59.*

526. **Фёдорова Л.** «Соединенье рук – как продолженье мук...»: стихи // Кушникова М. М. Искры живой памяти / М. М. Кушникова. – Кемерово, 1987. – С. 195.

Стихотворение посвящено портрету Достоевского и М. Исаевой из Новокузнецкого музея Ф. М. Достоевского.

527. **Филиппов Н.** Речь на могиле Ф. М. Достоевского, 24 января 1896 г.: стихи / Н. Филиппов. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1896. – 5 с.*

528. **Флаум Л.** Молитва Ф. М. Достоевского: стихи // Город [Омск]. – 2001. – № 2 (февр. – март). – С. 10.

529. **Фомина Р.** Эх, тройка!: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 42.

Эпиграф из романа «Братья Карамазовы».

530. **Францев А.** «Грязным дождём продолжается век...»: стихи // Сибирские огни. – 2020. – № 2. – С. 122–123.

Упоминается Достоевский.

531. **Фрост Р.** «Но как же нам писать...»: стихи // Frost R. Selected poems. – New York, 1966. – P. 104*; Орлова Р. Мы жили в Москве, 1956–1980 / Р. Орлова, Л. Копелев. – Москва, 1990. – С. 277. – Отрывок; Достоевский: материалы и исслед. – Санкт-Петербург, 2005. – Т. 17. – С. 315.

Упоминается Достоевский.

532. **Фудель С.** «Я вспоминаю двор угрюмый...»: стихи // Собр. соч.: в 3 т. / С. И. Фудель. – Москва, 2001. – Т. 1. – С. 54.

Упоминается персонаж романа «Бесы» Н. Ставрогин.

533. **Фурманов Д.** Достоевскому («Какую тяжесть оставляешь...»): стихи // Куприяновский П. В. Доверие к жизни: (литературовед. и лит.-крит. ст.) / П. В. Куприяновский. – Ярославль, 1981. – С. 106.

534. **Х.** На кончину Достоевского («Умолкнуло слово на вещих устах...»): стихи // Московские церковные ведомости. – 1881. – № 7 (15 февр.). – С. 105–106.*

535. **Херсонский Б.** «С утра привозили англиканское духовенство...»: стихи из цикла «В духе и истине» // Новый мир. – 2010. – № 4. – С. 126–127.

Упоминается персонаж романа «Братья Карамазовы» старец Зосима.

536. **Херсонский Б.** FM-Радио: стихи // Арион. – 2009. – № 1. – С. 71–75.

Упоминаются Достоевский и его произведения.

537. **Хитрово М.** Памяти Достоевского («Какой богач, какой вельможа знатный...»): стихи // Новое время. – 1881. – 1 февр.*; Полярная звезда. – 1881. – № 2. – С. 147–148.*; Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – Санкт-Петербург, 1883. – С. 69–70 (паг. 3-я).

538. **Хлебников В.** «О достоевскиймо идущей тучи...»: стихи // Собр. соч.: в 3 т. / В. В. Хлебников. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 1. – С. 70.

539. **Ходасевич В.** В Петровском парке: стихи // Ветвь: сб. клуба москов. писателей. – Москва, 1917*; Собр. соч.: в 4 т. / В. Ходасевич. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 155.

Ассоциации с романом «Бесы».

540. **Ходасевич В.** Золото: стихи // Ветвь: сб. клуба москов. писателей. – Москва, 1917*; Собр. соч.: в 4 т. / В. Ходасевич. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 163.

Реминисценции из романа «Братья Карамазовы».

541. **Ходасевич В.** По бульварам: стихи // Ветвь: сб. клуба москов. писателей. – Москва, 1917*; Собр. соч.: в 4 т. / В. Ходасевич. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 157.

Реминисценции из романа Достоевского «Бесы».

542. **Ходасевич В.** Слезы Рахили: стихи // Ветвь: сб. клуба москов. писателей. – Москва, 1917*; Собр. соч.: в 4 т. / В. Ходасевич. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 138.

Реминисценции из романа «Братья Карамазовы».

543. **Ходасевич В.** Смоленский рынок: стихи // Ветвь: сб.

клуба москов. писателей. – Москва, 1917*; Собр. соч.: в 4 т. / В. Ходасевич. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 156.

Реминисценции из романа «Братья Карамазовы».

544. **Хомяков О.** Надежда: стихи // День и ночь [Красноярск]. – 2002. – № 7/8. – С. 48.

Эпиграфом к стихотворению взяты слова Достоевского.

545. **Хоффманн К.** Федя Михайлович: отрывок стихотворения / пер. с нем. А. Б. Криницына // Достоевский и XX век: [сб. ст.]: в 2 т. – Москва, 2007. – Т. 2. – С. 189. – В ст.: Криницын А. Б. Достоевский в Германии. – С. 178–249.

О воображаемой встрече с Достоевским в Праге.

546. **Храмов Е.** Достоевский: стихи // Городская жизнь: стихи / Е. Л. Храмов. – Москва, 1983. – С. 26.*

547. **Хрущев-Сокольников Г.** Памяти Достоевского («Раскрывайся, гробница, опять...»): стихи // Осколки. – 1881. – 31 янв. (№ 5)*; Петербургский листок. – 1 февр. (№ 23)*; Фёдор Михайлович Достоевский. Биография. Его последние сочинения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881.*

548. **Царёва В.** Монолог провинциалки: стихи // Литературная газета. – 2011. – 18–24 мая (№ 20). – С. 12.

Упоминается Достоевский.

549. **Цвейг С.** Смертный миг: (Достоевский. Петербург, Семёновский плац. 22 декабря 1849 года): стихи // Собр. соч.: в 10 т. / С. Цвейг. – Москва, 1992. – Т. 2. – С. 394–400.

550. **Цветаева М.** «О слёзы на глазах!..»: стихи // Собр. соч.: в 7 т. / М. И. Цветаева. – Москва, 1997. – Т. 2. – С. 360, 528.

Реминисценции из романа «Братья Карамазовы».

551. **Цветкова А.** «Оказалось, всерьёз всё это – домики

серые, безобразные...»: стихи // Новый мир. – 2006. – № 2. – С. 66–67.

Упоминается Достоевский.

552. **Целищева Г.** Достоевский: стихи // Омская муза. – 2014. – № 2 (окт.). – С. 46.

О Достоевском в Омске.

553. **Ч.** На публичной лекции: стихи // Петербургский листок. – 1874. – 17 марта.*

Отрицательный отзыв на лекции О. Ф. Миллера «О русской литературе после Гоголя», посвящённые Достоевскому.

554. **Чёрный С.** Кому в эмиграции жить хорошо: поэма // Последние новости. – Париж, 1931. – 22, 25, 30 окт., 3, 8, 17, 22, 27, 29 нояб., 1, 11, 13, 20, 25, 29 дек.; 1932. – 2, 7, 10, 16, 22, 26, 30 янв., 6, 13, 16 февр.*; Собр. соч.: в 5 т. / С. Чёрный. – Москва, 1996. – Т. 2. – С. 393–442.

На с. 432–433 упоминается Достоевский и его книги.

555. **Чёрный С.** Красная бабушка: (С натуры): стихи // Русская газета. – Париж, 1925. – 21 дек.*; Собр. соч.: в 5 т. / С. Чёрный. – Москва, 1996. – Т. 2. – С. 208–209.

Упоминается Достоевский.

556. **Чёрный С.** «Неделя доброты...»: стихи // Последние новости [Париж]/ 1932. – 24 мая*; Собр. соч.: в 5 т. / С. Чёрный. – Москва, 1996. – Т. 2. – С. 229–230.

Упоминается персонаж романа «Преступление и наказание» Свидригайлов.

557. **Чигрин Е. М.** Дурак. Улица Достоевского: стихи // Новый мир. – 2006. – № 2. – С. 104.

558. **Чиж.** «Песня о торчке»: пародия // Молодой сибиряк [Омск]. – 1994. – 2 апр. – С. 9.

Упоминается «Достоевская сторона».

559. **Чиладзе Т.** Могила Достоевского: стихи // Стихи / Т. И. Чиладзе. – Тбилиси, 1967. – С. 25–26.

560. **Чиннов И.** «Голубая Офелия, Дама-камелия...»: стихи // Поэзия русского зарубежья. – Москва, 2001. – С. 607.

Упоминается персонаж романа «Братья Карамазовы» Лизавета Смердящая.

561. **Чиннов И.** Памяти Владимира Вейдле: стихи // «Мы жили тогда на планете другой...»: антол. поэзии рус. зарубежья, 1920–1990: в 4 кн. – Москва, 1997. – Кн. 4. – С. 29.

Упоминается Достоевский.

562. **Чичибабин Б.** «Пребываю безымянным...»: стихи // Знамя. – 2011. – № 7. – С. 158–159.

Упоминается Достоевский.

563. **Чичибабин Б.** Фёдор Достоевский: стихи // Радуга. – 1965. – № 8. – С. 4–5; Книга лирики / Б. А. Чичибабин. – Харьков, 1965. – С. 58–59; Сибирские огни. – 2013. – № 2. – С. 119.

564. **Чосич Б.** Масса: стихи / пер. с серб. А. Дельфинова // Новая юность. – 2007. – № (Избранное). – С. 108–109.

Упоминается персонаж романа «Идиот» Рогожин.

565. **Чубинский М.** Незабвенной памяти Ф. М. Достоевского: стихи // Киевское слово. – 1896. – 26 янв.*; Волянь. – № 23.*

566. **Чуклин М.** Достоевский: стихи // Стихи.ру: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://www.stihi.ru/2007/10/11/1148> (дата обращения: 6.11.2018).

567. **Шагин А. А.** Сеятель: стихи // Её: стихи / А. А. Шагин. – Москва, 2014.*

Реминисценции из романа «Братья Карамазовы».

568. **Шаов Т.** И на Солнце бывают пятна; Сказки наше-

го времени: стихи // Чёртовы куличики: инф.-развлекат. портал. – Текст электронный. – URL: <http://www.shaov.kulichki.net/texts/solnce.htm/>(дата обращения: 2.03.2008).

В первом стихотворении упоминается Достоевский, во втором – Раскольников («Преступление и наказание»).

569. **Шаров П.** «Есть ли Бог или нет, ну какой же я штабс-капитан?!..»: стихи // Звезда. – 2012. – № 7. – С. 57.

Стихотворение посвящено Достоевскому.

570. **Шаршун С. И.** Долголиков: поэма / С. И. Шаршун. – Париж: Числа, 1934*; Париж, 1961.*

В поэме прослеживаются мотивы из Достоевского.

571. **Шварц Е.** Хьюмби: отрывок из поэмы (Достоевский и Плещеев в Павловском парке) // Вестник новой литературы. – 1990. – Вып. 2. – С. 65*; Лоция ночи: кн. поэм / Е. Шварц. – Санкт-Петербург, 1993*; Вавилон: современная русская литература: сайт. – Текст электронный. – URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-2.html> (дата обращения: 9.12.2015).

572. **Шевчук Ю.** В ресторане («С душой Достоевского, с комплексами Блока...»): стихи // Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачёв, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 168.

573. **Шевчук Ю.** После праздника: стихи // Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачёв, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 169–170.

Упоминаются «молодые Раскольниковы».

574. **Шевчук Ю.** Чёрный пёс Петербурга: стихи // Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачёв, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 79–80.
Реминисценции с романом «Преступление и наказание».

575. **Шелленберг В.** Встреча в литературном музее име-

ни Ф. М. Достоевского. Омск; Тобольские ворота: стихи // Календарю вопреки: кн. стихотворений / В. Шелленберг. – Омск, 2015. – С. 46–48, 50–51.

Оба стихотворения посвящены Достоевскому.

576. **Шенгели Г.** Встреча; «Я горестно люблю Сороковые годы...»: стихи // Собрание стихов. Повар Базилевса: визант. повесть. Литературные статьи. Воспоминания / Г. А. Шенгели. – Москва, 1997. – С. 250, 252.

В стихотворениях упоминается Достоевский.

577. **Шенгели Г.** Поэма о двухголовом человеке: поэма / публ. М. Шаповалова // Литературная учёба. – 2005. – № 1. – С. 182–191. – Первая публ.

На с. 186–187 упоминаются персонажи Достоевского Раскольников («Преступление и наказание») и Мышкин («Идиот»).

578. **Шенталинский В.** Москва Достоевского: стихи // Москва. – 1975. – № 8. – С. 44.

579. **Шефнер В.** Исход Свидригайлова: стихи // Кузнецов О. Н. Достоевский над бездной безумия / О. Н. Кузнецов, В. И. Лебедев. – Москва, 2003. – С. 114; Bookmix: клуб любителей книг: сайт. – Текст электронный. – URL: <https://bookmix.ru/groups/viewtopic.phtml?id=1195> (дата обращения: 27.03.2018).

580. **Шиле А. Г.** На смерть Достоевского: стихи // Минута. – 1881. – 31 янв. (№ 50). – Подпись: А. Ш.*; Фёдор Михайлович Достоевский: биография. Его последние сочинения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны и овации русского общества. – Москва, 1881.*

581. **Шифрин Б.** Чернильница непонятного: стихи // Собрание сочинений: [антология совр. поэзии Санкт-Петер-

бурга]. – Санкт-Петербург, 2010. – Т. 2: Поэзия Петербурга 2010 года. – С. 70–71.

Неоднократно упоминается Достоевский.

582. **Шкляренко Б.** Достоевский: стихи // Барьер: стихотворения / Б. П. Шкляренко. – Ярославль, 1989. – С. 22.

583. **Шмаков Г.** «Мне нет от классиков отбою...»: стихи // Стихи. Пародии. Сатира / Г. Шмаков. – Омск, 2001. – С. 164.

Пародия на стихотворение омского поэта Н. Кузнецова «Весенние прогулки» с упоминанием Достоевского.

584. **Шуваев В.** Звезда над распятым: стихи // Молодая гвардия. – 2002. – № 5/6. – С. 6–7.

Упоминается Достоевский.

585. **Шувалова И.** «Приговор вынесен...»: стихи // И кротость, и крепость души моей русской: сб. стихов. – Омск, 2021. – С. 46.

О Достоевском.

586. **Шумаков Н.** Достоевский в Сибири: стихи // Эшелон: стихи и песни / Н. Ф. Шумаков. – Москва, 1984. – С. 89.

О Достоевском-каторжнике.

587. **Шумаков Ю.** «Перечёл Достоевского, Толстого...»: стихи из «Архангельских тетрадей» 1944–1952 гг. // Таллин. – 1989. – № 4. – С. 48.

588. **Щёголев Н.** Достоевский: стихи // Остров: сб. стихов. – Шанхай, 1946. – С. 201–202*; Кузнецова О. Ф. Архив Валерия Перелешина в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Литераторы русской диаспоры Китая 1930–1940-х годов / О. Ф. Кузнецова. – Москва, 2020. – С. 400.

589. **Эльснер А.** Торквемада: поэма в стихах / А. Эльснер. – Москва: Тип. В. Просина, 1888. – 30 с.*

Сюжет заимствован из романа «Братья Карамазовы» (глава «Великий инквизитор»).

590. **Энтелис Н.** Кретины по ходу картины: сатир. стихи // Вопросы литературы. – 2005. – № 2. – С. 380.

Упоминается фильм «Идиот» по роману Достоевского.

591. **Эрастов Е.** День рождения: стихи // Москва. – 2011. – № 5. – С. 27.

Упоминается Достоевский.

592. **Юдалевич М.** Достоевский в гостях у барнаульского купца: стихи // Алтай. – 1973. – № 1. – С. 67–68; Поэты Сибири: сборник. – Новосибирск, 1982. – С. 149; Лебеди зимуют на Алтае / М. И. Юдалевич. – Барнаул, 1984. – С. 70–72.

593. **Юрков О. В.** В поселковой библиотеке: стихи // Нева. – 2012. – № 12. – С. 112–113.

Упоминается «неразрезанный здесь Достоевский».

594. **Юшков Н.** Памяти Фёдора Михайловича Достоевского: стихи // Волжский вестник [Казань]. – 1896. – 24 янв. (6 февр.).*

595. **Якимчук Н.** «Здесь до утра не спят, не спят...»: стихи // Юность. – 2006. – № 12. – С. 30.

Упоминается Достоевский.

596. **Яковлева О.** Путём Раскольниковова: стихи // Литературная газета. – 2014. – 5–11 марта (№ 9). – С. 16.

Пародия на Игоря Волгина.

597. **Якубович П.** Сон колодника: стихи // Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. – Москва; Ленинград, 1959. – Т. 5. – С. 84. – В ст.: Обзор автографов Ф. М. Достоевского и других относящихся к нему рукописных материалов. – С. 81–84.

Стихотворение посвящено памяти Достоевского (текст не опубликован).

598. **Янев Н.** Про Мытищи: стихи // Арион. – 2001. – № 4. – С. 94–95.

Упоминается Достоевский.

599. **Яремич С.** «Месяц в деревне» прожил я...»: стихи // Добужинский М. В. Письма / М. В. Добужинский. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 355.

Упоминается роман «Бесы».

600. **Спиридонова Л. А.** Художественный мир И. С. Шмелёва: [монография] / Л. А. Спиридонова; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва: ИМЛИ РАН, 2014. – 237 с.: ил.

На с. 16 – о редакторе журнала «Русское обозрение» А. А. Александрове, приват-доценте Московского университета (1891–1898 гг.), который писал стихи, посвящённые русским прозаикам и поэтам, в том числе Ф. М. Достоевскому.

601. **Benn G.** St. Peterburg – Mitte des Jahrhunderts // Neue deutsche Erzählgedichte / Н. Piontek. – Munchen, 1968. – S. 30–32.*

В стихотворении упоминаются имена героев романа «Преступление и наказание» Раскольников и Соня.

602. **Rozevicz T.** Recycling: [поэма] // Vtwory zedrane: poezja / Т. Rozevicz. – Wrocław, 2006. – Т. 4*; Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями / В. А. Хорев. – Москва, 2012. – С. 95–96. – Отрывок.

В поэме упоминается «слеза ребёнка» и Достоевский.

Содержание

Предисловие	3
От составителя.....	8
Стихи современников Ф. М. Достоевского (1846–1881 гг.)	10
Стихи поэтов конца XIX – первой четверти XX в.	91
Стихи поэтов 1930-х – 2021 гг.	
Стихи омских авторов	147
Неявные реминисценции на творчество Ф. М. Достоевского.....	785
Именной указатель авторов	881
Библиография публикаций	888

Поэты о Ф. М. Достоевском
(к 200-летию со дня рождения писателя)

АНТОЛОГИЯ

Технический редактор
Волкова Н. Б.

Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Minion Pro.
Заказ 12.